

Юрий Линник

В поисках Шамбалы

Линник Ю. В.

В поисках Шамбалы. Петрозаводск: Карелия, 1992.—576 с.

Новая книга Ю. В. Линника посвящена раскрытию малоизвестных сторон жизни и деятельности выдающегося русского художника и мыслителя Н. К. Рериха. Книга необычна по структуре: в нее входят две документальные повести — «Н. К. Рерих в Карелии» и «Урусвати», а также научно-фантастические произведения, вдохновленные картинами и идеями Н. К. Рериха: роман «В поисках Шамбалы», повесть «Мысль», рассказы «Терафим» и «Бессмертие». Проза в книге чередуется с циклами стихов, посвященных Н. К. Рериху. Мысль о действительности красоты, преобразующей мир, является лейтмотивом всех этих произведений.

ОТ АВТОРА

Многогранно явление Николая Рериха, Среди этих граней мы вы делим одну: поэтическое и романтическое начало в личности Рериха.

Поэзия Рериха философична — философия Рериха поэтична.

Живет в Гималаях предание о стране Шамбале. Она — посольство космоса на Земле; она — воплощение идеалов гуманизма.

Для нас Шамбала — миф, сказка, легенда.

А Николай Рерих поверил в нее как в реальность.

Ведь был он сказочником, мечтателем.

Рерих направился на поиск своей мечты.

Великий художник и мыслитель искал контакт с Учителями таинственной Шамбалы.

Вот глубинная цель его знаменитых экспедиций.

Путь Николая Рериха к Гималаям начинается среди ладожских скал.

Книга наша расскажет о начале этого пути.

И о его знаменательной вехе — гималайском институте «Урусвати».

В духе романтических традиций Н. Рериха мы продолжим этот путь в космос,— на страницах книги найдет место фантастика, вдохновленная рериховской философией.

Актуальность идей Н. К. Рериха возрастает с каждым днем.

Они побуждают к поиску.

Они эвристичны.

Да, многое в Рерихе — спорно и неоднозначно. Но разве бесспорность и однозначность когда-нибудь помогали создавать новое?

Нет, никогда.

А вот рериховские идеи — как бродильный фермент. Они не дают нам успокоиться на достигнутом. Они бесконечно расширяют сознание.

Это их свойство мы и хотим донести до читателя книги.

Героическая сюита

ГЕРОИЧЕСКАЯ СЮИТА

ТРИПТИХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КЛАДА

П. Ф. Беликову

И вспыхнула земля!
И вздрогнул небосклон!
Сквозь камни и асфальт
 бьет
 магма золотая!
Твои колокола гудят, Армагеддон!
В игре слепых стихий
Так внятна воля злая.

Ужели древний мир
Сгорит в огне дотла?
О, искус гибели,
Соблазн самосожженья!
Найдется ли герой,
Который пламя зла
Сумеет претворить
В огонь преображенья?

Найдется и спасет!
Вот четверо на зов
Уходят
 в коловертъ
 вселенского циклона.
Художник — впереди.
Глядят с его холстоз
Учителя Земли —
Посланцы Ориона.

Любовь среди вражды;
Среди распада — связь;
Порядок в хаосе,

СКВОЗЬ СТЕНАНЬЯ,

2. Спасение

края, мысль о звездной красоте человечеству внушая. Мир оглянем: сколько зол! Ты, художник, будь отныне наш посредник, наш посол в этой гибельной пустыне. Забывая о добре, стала мысль инертней праха. Но однажды на заре вспыхнут накопленья страха! И тогда, чтоб мир спасти, всем заблудшим сострадая, к вам по Млечному Пути красота сойдет святая.

Спасенное сокровище...

Узнают лишь далекие потомки,
Когда из рук махатмы благодарно
Воспримут этот кованный ларец,
В себе тающий камень с Ориона —
Свидетельство устойчивых контактов
Между Землей и Космосом...

В руках землян бывал заветный камень,—
Он помогал в исканиях добра
И правды;
Он умел магнитной силой
Седьмое чувство в людях пробуждать —
И видели они всю перспективу
Грядущих лет...

Был Рериху доверен этот знак
 Иной цивилизации высокой,—
 И камень гениальные холсты
 Наполнил излученьями своими:

Мне аура видна вокруг картин,
Струящих свет целебный...
Вещий Рерих!

Связал он с Орионом нашу Русь
Незримой нитью, —
В русское сознание
Зиждительные токи искони
Текли со звезд,
Но Рерих сделал явным
Наш несказанный звездный диалог!

Я в купола Софийского собора
Гляжу как в линзы, —
вижу Матерь Мира
На фоне Ориона и Тельца.
Она всё ближе к сердцу.

Всё детальней
Я различаю в оптике духовной
Черты иных вселенских ноосфер,
Зовущих нас к свободному общению,
К общинным связям! —

только сообща
Мы утвердим соборное согласие, —
И этим энтропию победим.

...Карелия...
Пространство декабря...
Над зимним лесом — пояс Орионов
С тремя большими звездами.

Из них
Я складываю мысленно сейчас
Знак Троицы — Тримурти — Троиинства:
Эмблему Рериха! Пускай она
Сияет над обширной Ойкуменой
Как символ единения и любви.

Сверкает Ригель.
Блещет Бетельгейзе.
Горит Беллатрикс в темной синеве.

Открыв калитку,
В недра Ориона
Желанным гостем я сейчас войду,
Одoleвая тысячи парсеков
За толику мгновенья.
Дивный мир!

Вот я вхожу в инопланетный храм,
Читая сердцем на его фронте
Знакомые прекрасные слова:
«Сознание красоты спасет».
Впервые
Всем существом я понял этой ночью
Космическую сущность красоты.

Свети, Арктур!
Блистай, живая Спика!
Сияй в ночи, граненый Рас-Альхаг!
О, лучевое струнное пространство,
О, тонкие серебряные нити,
Протянутые к нам со всех миров
Сквозь неевклидов Космос...

Эти нити
Вплетал в основу каждого холста
Великий Рерих, —

ночью на полотнах
Отчетливо проступит звездный код —
И я опять прочту оловещенье,
Вникая в смысл расширенный:
«Сознание

И созиданье красоты спасет
Все эти сонмы блещущих миров,
Которым несть числа». —
О Беспредельность! Тебя лишь
сердцем я могу понять
И полюбить за творческую силу,
За дух свободы,
За любовь и свет.

ТРИПТИХ ЗАХОРОНЕННОГО КЛАДА

П. Ф. Беликову

1. Сроки

Еще не время, еще не время! Отдать до срока
нельзя никак. И клад уходит — как в землю семя! —
на дно фиорда, где тишь и мрак.

Покуда рано! Не все земляне принять способны
завет добра. Из Ориона пришло посланье. Сказать
об этом? Нет, не пора!

Повсюду — распри. Забыта — лира. Вся ноосфе-
ра лежит во зле. Ключи от высших энергий мира
пока не время вручить Земле.

Залив и скалы. Укромней, тише не знаю места.
Такой покой! И вот наитье нисходит свыше: в ти-
шайших водах ларец сокрой.

Пушай таится до новой эры, когда исчезнут
раскол и ложь! Вблизи Тулона такие шхеры, что
с лабиринтом узор их схож.

Здесь не отыщут! Пусть без урона заветный
свиток лежит на дне. Ушел в глубины дар Ориона,—
координаты известны мне.

Прожду полвека. Прожду три века. Тысяче-
летье еще прожду! — пушай извилист путь челове-
ка, но он поверил в свою звезду.

О, этот поиск! О, сил избыток! Наш брат заблудший, ты дорог нам. Наступят сроки,— и звездный свиток тебе с доверьем я передам.

2. Прощальная элегия

Я прощаюсь с тобой, сортавальский гранит! Возвращусь ли? Не знаю, не знаю. Оставляю на Ладогe тайный магнит,— и к ночному пространству взываю. Беспредельность, услышь. Беспредельность, прости. Принимая огромность Вселенной, я о малом тоскую на Млечном Пути, о кусочке земли сокровенной. Я по льдам голубого Сатурна шагал, восходил на вулканы Венеры,— всюду снилась мне гладь предрассветных зеркал, валаамские тихие шхеры. Там оставил я некий невидимый клад,— биоволны свои излучая, он меня окликает и в гуще Плеяд, и на синих планетах Альрая. Светлой памятью буду везде озарен, но идти мне по млечным туманам, ибо древнюю тайну свою Орион передать обещает землянам. Полпути к Бетельгейзе уже миновав, снова вспомню на звездном привале удивительный запах приладожских трав и готический дом в Сортавале. Там прошло мое детство. Там в ранние сны вдруг вошли широко Гималаи,— а над пиками их из ночной глубины плыли дисков серебряных стаи. Разве можно забыть эти зовы миров, эти образы Рериха-гуру? — отчужденье и мрак навсегда оборов, он вселенски возвысил Культуру. Глядя в зеркало ладожской звездной воды, мастер славил космизм человека! ...Бетельгейзе близка — до заветной звезды остается лишь четверть парсека.

3. Якорь

Художник уходил на тайный зов
Своих Учителей.
Прощайте, скалы!
Прощайте, ладожские зеркала!
Прощай, курчавый вереск!

...Ностальгия
Уже предошущалась в эти дни
Последних сборов,—
Но полночный голос
Звал неотложно в дальнюю дорогу,
Которой для потомков суждено
Стать легендарной...

Вещий Орион
Над тихим Сердоболем словно медлил,
Не заходя до самого утра,—
И Рерих внятно чувствовал:

оттуда —

Из недр созвездья —
Льется благодать!
А на заре художник понял:

остров

Соединен прозрачной перемычкой
С материковым берегом...
Предзимье.

Молчанье.

Запустенье.

Ледостав.

Легко ломая веслами ледок,
Художник выгреб на простор залива —
И бросил якорь.
Вынув свой альбом,

Он быстро набросал два-три этюда:
Фиорды — скалы — сосны — острова.

Пронзительная сила тех набросков
Свидетельствует:
В горький час разлуки
Внимание возрастает до предела —
Запомнит сердце каждую деталь.

Пора кончать сеанс этюдов.

Мастер
Не поднимает якорь,—
Он ножом
Веревку обрезает.

Это значит,
Что мастер остается здесь душой —
Среди свинцовых волн и древних скал,
Заросших можжевельником...

Все дальше
Уносит Рериха волна судьбы,—
Но якоря его всегда в России:
Вросли в граниты эти якоря.

ТРИПТИХ ОЖИДАНИЯ

(на тему картины Н. К. Рериха «Ждущая»)

1. Вечное ожиданье

В полной тишине озаренья жду. Может, небо
мне ниспошлет звезду?

Ожиданье — здесь. Ожиданье — там. Этот мир!
Он весь как огромный храм.

Хочешь заглянуть за глухую дверь? Здесь, в
преддверьи, суть. Стой. И жди. И верь.

2. Среди озерных зеркал

Я жду:
Среди ночных зеркал
И этих отраженных скал
Я откровенья жду от мира.

Я жду.
Пусть через много лет,
Но все ж исполнится завет,—
О том пророчествует лира.

Мы ждем,—
И смутно сознаем,
Что в ожидании своем
Находим смысл существования.

Иначе как?
Нельзя не ждать

О, вечеряющая гладь,
О, вечные очарованья!

Ведь так печально, когда не вместе:
Тоска на сердце, в душе разлад

Ты ждешь...
Отчаялся, но ждешь...
Совсем не блажь, совсем не ложь Душой надолго
овладела.

Все ждут —
И звезды, и сердца.
Но ожиданью нет конца,
Как у Вселенной нет предела.

3. Рост души

И стало тесно в лесу знакомом.
И стало утло в избе простой.
Чего-то ищем — за окомом.
О ком-то грезим — за той чертой.

Таится нечто — всегда за гранью!
Не потому ли простор такой
Неутоляемому исканью,
В котором радость и непокой?

В горах ночуйте! Бродите в чащах!
Внимайте зову мечты и сна!
На остающихся и уходящих
Вся Ойкумена разделена.

Кого-то грезы о райских кущах,
Кого-то поиск уводит в путь.
Пусть нелегко им! Но крест — на ждущих:
О них в молитве не позабудь.
Кому труднее — тому, кто дома,
Или забывшим родной уют?
Нет, больше первым печаль знакома,—
Они ушедших так долго ждут.

Где пропадают? В каком безвестьи?
Не понапрасну ль их ждем назад?

Н. К. РЕРИХ В КАРЕЛИИ

П о в е е т ь-п р е д ч у в с т в и е

Посвящается С. Н. Рериху

И накрытые снегом скалы
Финляндии вставали перед на-
ми, как первые вестники буду-
щих гималайских высот.

Н. К. Рерих (из книги
«Шамбала»)

И. Открытие Севера

Тема Карелии вошла в творчество Николая Рериха на рубеже столетий. Сколь значительным оказалось обращение двадцатисемилетнего мастера к северным образам! Казалось бы, это был поначалу вполне обычный выезд на этюды,— но исподволь он превратился в своеобразное духовное паломничество.

В скалах Карелии пробрезжили художнику забытые циклопические храмы,— здесь дух обретал высшую сосредоточенность и ясность.

Эхо рунических преданий наполнило северные леса: прислушаешься к сосняку,— и явственно уловишь поучения древней мудрости.

В зеркало бесчисленных озер гляделась белая ночь,— и от этого мировая прозрачность как бы удваивалась, высветляя перспективу судьбы.

Природа казалась погруженной в медитацию: она размышляла о чем-то сущностном,— и пребывала в этом состоянии уже миллионы лет. Ничто не могло ее вывести из углубленного погружения в тайное тайных.

Что ей твой оклик? — она не услышит его: так

неколебим этот самогипноз лесов и скал. Заколдованные сами, они и тебя заколдуют! Остановишься среди валунов как вкопанный,— и вдруг ощутишь их скрытую жизнь. Или почувствуешь такую магическую власть во взгляде маленькой ламбушки, что поймешь непреложно: это око самой вечности!

Природа Севера философична. Это и привлекло к ней молодого Рериха. Он захотел понять духовные начала северного пейзажа. Благоговение и почтительность: вот что испытывал мастер, поднимаясь по замшелым ступеням скал. Словно это было постижение иерархических уровней бытия! — с каждой новой крутизной взгляд становился шире. Это касалось не только внешнего обзора,— раздвигались и горизонты духовной Вселенной. Природа расширяла сознание, природа концентрировала мысль.

Да, печать особого избранничества лежит на северной природе. Есть гении не только среди людей,— ландшафты тоже могут быть гениальными. Пусть это метафора, но она правомерна: ландшафты так же неоднородны, как и души людские. Им может быть свойственна разная глубина и разное содержание. В этом сравнительном плане ландшафты Карелии предстают как явление значительное и выдающееся. Эта молчаливая гармония, эта склонность к раздумьям! Скалы-мыслители, озера-философы, леса-созерцатели. Где еще сама природа столь явно потворствует философскому постижению? Разве лишь в горах.

Сохранился этюд к картине Н. К. Рериха «Рассказ о божестве», — по всей вероятности, это его первая попытка запечатлеть природу Севера. Характерная линия озерного окоема; таинственные в своей замкнутости валуны; чуткая гладь спо-

койного водного зеркала. Да, это Карелия, Скорее всего, перед нами образы Прионежья,— художник в 1901 году посетил эти места.

Не здесь ли впервые зазвучала для него великая тема учительства? Потом — уже в Гималаях — она станет определяющей: пока же *мы* видим ее начало, ее зарождение.

На картине изображен вдохновенный старец. В чем он хочет убедить нас? Картина дышит пантеистическим пафосом. Учитель говорит: великая творческая сила разлита по всей Вселенной. Она — в каждом камне, она — в любой былинке, она — в мириадах сердец. Неужели ты не чувствуешь этого единства? Так сними же барьеры, отделяющие тебя от природы. И тогда обретешь радость слияния со всем сущим! Ты поймешь изнутри жизнь дерева; ты ощутишь легкость птичьих крыл; тебе станет понятной раскраска бабочки.

В 1901 году Рерих написал блестящее эссе «К природе». Кажется, что учитель на картине «Рассказ о бже» говорит словами этого эссе: полотно и статья звучат в контрапункте, дышат одной страстью и убежденностью. Высказанные художником мысли имеют внутреннее родство с учениями великих пантеистов — Спинозы и Гете. Впоследствии сам Рерих неоднократно укажет на эту связь,— здесь же она скорее предощущается, чем четко формулируется.

О чем говорили великие учителя пантеизма?

О вечности материальной природы: несотворимая и неуничтожимая, она является причиной самой себя.

О всеобщей одушевленности материи,— каждая ее частица пронизана токами единой вселенской жизни.

О чудесных метаморфозах природы, постоянно

рождающей новое: в ее изменчивости — основа творчества.

Для пантеизма очень существен эстетический интерес к природе. Через прекрасное постигается истина! — поэтому в скромной незабудке философ видит образ мироздания, а в звуках коростеля угадывает отголосок четкого космического ритма. Природа — едина. И в малом, и в великом — один строй, одна гармония.

Для мировосприятия Рериха весьма характерно пантеистическое одушевление природы. Все — живое: и воды, и скалы, и облака. У этих камней есть характер; у этой воды есть настроение; у этих облаков есть пластический дар. Пусть ученые делят природу на живую и мертвую,— в сознании художника эта дихотомия одолена. Нет мертвой природы! Вон скала, из которой проступают неведомые лики: перед нами не косный камень, а особая форма жизни. Или взгляните на тот вечеряющий залив! — за разнообразием тончайших оттенков тебе вдруг почудится богатство духовной жизни озера.

Рядом с картиной «Рассказ о бже» хочется поставить другое полотно этого же периода: «Крестьянин, сидящий на берегу». Исследователь творчества художника В. В. Соколовский высказал предположение, что оба холста являются частями одного композиционного замысла, который остался неосуществленным. В самом деле, картины образуют естественный диптих. У них не только общий природный фон,— проповедующий учитель и слушающий крестьянин как бы обращаются друг к другу: от одной картины к другой тянется незримая коммуникационная нить.

Глашатай истины — и новый благодарный адепт.

Пастырь — и паства.

Учитель — и ученик.

Вот они встретились среди северной природы: валуны входят в круг их беседы,— будто тоже хотят понять новое откровение. Сможет ли учитель донести до других свое учение? Быть может, кому-то оно покажется слишком сложным и отвлеченным. Но нельзя упрощать великое! Надо довериться человеку. Когда к нему подходишь без высокомерной снисходительности, то и в самом простом сердце истина находит созвучный отклик. В деле учительства важна доверительная серьезность. Тогда успех обеспечен: сознание ученика непременно расширится навстречу явленному свету.

Случайно ли это раннее обращение Рериха к теме учительства? В ретроспективе оно кажется значительным и закономерным: глядя на картины-предчувствия, мы угадываем в них будущий путь художника.

Картины-предчувствия...

Ученые сейчас говорят о возможности опережающего отражения действительности,— искусству издревле знакома живая реальность этого феномена. Оно и впрямь способно опережать ход событий!—сигнал сердца уходит на многие годы вперед, возвращаясь назад в виде безотчетного импульса. В этом импульсе закодированы образы будущего. Чаще всего они принимают форму символа, который не удастся истолковать однозначно. Благодаря этой многозначности знание о будущем не нарушает причинно-следственной логики событий. Ведь наш мир устроен так, что будущее в нем как бы нейтрально,— не оно, а прошлое предопределяет настоящее. Человек сам творит свое будущее. Этот принцип стал краеугольным камнем для земной науки. Но вправе ли мы абсолютизировать его?

Прошрое, Настоящее и Будущее. Впоследствии Рерих свяжет их в своем знаменитом знаке,— три соединенных круга символизируют высшее единство времен. Разве при взлете души нам не открывается их таинственная синхронность? Это прорыв в вечность. Информация из будущего может исподволь просачиваться в настоящее. Ученый оспаривает такую возможность,— но для художника она несомненна. И здесь нет противоречия: ведь наука и искусство имеют дело с разными уровнями реальности.

Мы еще очень мало знаем о природе предчувствия. Вероятно, это особая форма интуиции. Каким-то образом художнику удастся бросить мгновенный свет на будущее. Эта вспышка столь кратковременна, что удастся запомнить лишь главное. Поэтому будущее запечатлевается мастером в предельно обобщенной форме. Пройдет время,— и кто-то упрекнет мастера в неточности: не совпадает та, другая деталь. Но ведь перед нами не образ настоящего, а картина-предчувствие, написанная в прошлом. С настоящим она совпадает неполно: ибо информация из будущего обязательно проходит через фильтры символики,— это закон связи между разными временами.

Проблема предчувствия приобретает особое значение в контексте творчества Н. К. Рериха. Художника можно назвать мастером предвосхищений! Многие его картины воспринимаются с позиций настоящего как сбывшиеся прогнозы-предвиденья.

Обладание даром предвиденья накладывает необычный отпечаток на биографию человека. Его судьба обретает особую целостность,— начальное здесь отзывается в завершающем, юность и зрелость резонансом откликаются друг в друге.

Такую судьбу нельзя представить в виде прямой линии,— скорее всего она моделируется с помощью расширяющейся спирали. Сквозь малый начальный виток уже как бы просвечивает будущий широкий охват! Луч интуиции здесь движется вдоль нарастающих оборотов: еще не развернутая во времени, спираль тем не менее дана для предчувствия как целостность.

Знакомясь с творческой биографией Н. К. Рериха, все время чувствуешь эту незримую спираль. Строительные элементы жизни — дни и годы — складываются в удивительно прекрасное здание. Необычна архитектура этого сооружения, смело взмывающего в космическую высь. Топология здесь такова, что все этажи взаимосвязаны: из самого нижнего можно мгновенно перейти на *самый* верхний. Никаких стен, никаких перегородок! — один период органично переходит в другой; этапы духовной эволюции полногласно рифмуются друг с другом; сеть связей обеспечивает мгновенный контакт между самыми взаимоудаленными участками жизни.

Дабы понять внутреннюю гармонию этой судьбы, очень важно обратиться к ее истокам. Ведь в них просвечивает пружинно сжатое будущее! Наведешь хроноскоп на эти уплотненные витки,— и вдруг прозреешь грандиозную перспективу. Данное в зародышевой форме развернется перед тобой панорамой свершившегося.

Впечатления от природы Карелии многое определили в творческом пути Рериха, Север навсегда сделался для него магнитным. Картина «Заповедное место», написанная в 1902 году, имеет символический смысл; в ней мастерски передана именно та колдовская сила Севера, которая обаяла художника своими чарами. Заповедным местом для

Рериха стала вся Карелия,— и особенно Приладожье, где наметились узловые повороты его пути-спирали.

Мы видим скальное возвышение, сплошь заросшее мхами и травами. Но гранитная основа все равно угадывается в решительном контуре всхолми я. Хвойные деревца поднимаются из расщелин; среди них лежат выразительные валуны. Много таких мест в Карелии. Но это — особое: ведь на него взглянул великий художник. И открыл в нем такое, что неявно для нас.

Почему не отпускает тебя эта картина? На нее ты можешь смотреть бесконечно. Какие-то гипнотические волны исходят от запечатленного места. Они пронизывают тебя насквозь, высвечивая глубины подсознания. И ты вспоминаешь глубинами своего «я», что когда-то давным-давно уже стоял здесь. Наверное, это было многие тысячи лет тому назад. Развеялся прах твоего тела,— но сущностная память нетленна. Она — ядро твоей личности, она — инвариант всех воплощений. Неужели это и впрямь таинственное «дежавю»? — ощущение, что ты видел эти места в незапамятном прошлом: да, да, видел! — свидетельства внутреннего опыта так убедительны.

Хотя и недоказуемы! Потому столь субъективен факт этого странного припоминания. Но сколь ценно подобное переживание для художника! — ведь оно небывало расширяет сознание: в миге ему дано познать бессмертие,— ощутить себя тысячелетним, миллионолетним. Тут возникает совершенно иная шкала отсчета,— и человек, и природа предстают в свете вечности. Взгляд становится углубленным, а сердце мудрым и всевещающим. Осознаются подлинные ценности. Поэтому мир видишь крупно и цельно: ничего мельтешащего,

ничего эфемерного,— ведь сейчас проявились корневые основы.

На многих северных холстах Рериха лежит это впечатление вечного. Будто художник испокон веков жил среди этих скал и сосен. Бездна времен открывается тебе в каждой картине. Ты очарованно замираешь над этими зияньями, многое постигая и в себе, и в космосе. Да, тайна этих картин — в тайне времени: здесь передана его незримая глубина, впервые открывшаяся мастеру среди скал Севера.

Род Рерихов имеет глубокие северные корни. Быть может, природа Карелии оказалась камертоном, пробудившим в художнике его наследственную память? В Севере он уловил нечто ему родное, бесконечно близкое. Эта мощная лепка скал! — знакомый стиль, созвучное мастерство; эти ясные озерные зеркала! — они наводили на резкость размытые образы памяти; эти задебренные ели! — устремление их стволов так точно передает высшие порывы духа. Вот почему обращение художника к северной тематике не было случайным и эпизодическим. В ландшафтах Карелии он увидел как бы свое аНег едо — оно было перекодировано на пластический язык природы: камень, вода, небо,— все оказалось соответственным внутреннему миру Рериха. Загадочны подобные созвучья,— Бодлер писал о них в своем гениальном стихотворении «Соответствия»:

Природа — некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он.

Очень похожие чувства Рерих испытал в северном лесу. Этот родственный взгляд скал и озер! Он высвечивал неисповедимые глубины души. При-

рода казалась двуплановой: за явным сквозило скрытое, за вещным — символическое. Рерих умел живописать оба плана одновременно,— работа над пейзажем превращалась в напряженное самопознание. Сканируя память, художник изумленно замирал! — в ней вставали образы, удивительно похожие на те, что окружали художника.

— Я уже видел вас, камни-вещуны!

— Я уже слышал твои пророчества, черный дятел-желна!

— Я уже глядел в тебя, тихое северное озеро!

Все — узнано, все — названо, все — припомнено. Блок — прав:

Все это было, было, было!

Свершился дней круговорот...

Были — скалы, были — сосны, были — мхи. Вечное возвращение, о котором учила античность, открывалось Рериху. Художник чувствовал властный зов памяти. Это лишь усиливало новизну северных мест,— восприятие небывалого и припоминание известного сливались вместе: они не гасили друг друга, а порождали удивительную гармонию. Такой эффект возможен лишь тогда, когда художник узнает в природе самого себя. Отсюда — благодатное для творчества переживание «дежавю»: ландшафт кажется художнику столь созвучным, что порождает ощущение чего-то знакомого. Счастлив художник, находящий такой ландшафт! Он глядит в него как в волшебное зеркало.

«Заповедное место» — картина о власти природы над душой человека. Есть такие избранные места в лесу, где эта власть как бы стократно усилена. Причудливая скала или забытый ключ,— они словно берут в плен твою душу. С трудом отрываясь от них и уходя домой, ты отныне

будешь всегда слышать их зов. И не заглушить его ничем! — ты снова и снова будешь приходить к заповедному месту, преображаясь его красотой. Такова сила его тайных магнитных излучений. Владимир Соловьев писал о Севере:

Эти мшистые громады
Сердце тянут как магнит.
Что от смертного им надо,
Что за тайна здесь лежит?

Образ магнита...

Он очень существен для философской эстетики Рериха. Можно смело сказать: это целая категория в системе мировоззрения художника.

О магнитах иносказательно говорится в книгах Живой этики, — они были записаны от индийского махатмы-учителя в далеком Кулу. Магнитное начало сообщает Космосу гармонию и стройность. Если размагнитить мир, то он обратится в хаос! — каркас незримых силовых линий обеспечивает сохранность Вселенной. Магниты — в силе любви и сочувствия; магниты — в ритме творческого труда; магниты — в призыве к братству и сотрудничеству.

В книгах Живой этики есть прекрасное выражение: «заложить магниты». Согласно поэтическому преданию, такие магниты были заложены. Учителями человечества в разных точках планеты. Придет время, — и магнитные радиации соберут людей вместе. И они построят город, видя в нем оплот против сил хаоса и разъединения. И утвердится в этом городе культ прекрасного, помогающий человеку высвободить и проявить свои духовные силы.

Многие заповедные магниты уже найдены человеческой интуицией. Жить в поле их излуче-

ния легче, нежели в других местах, — энтропия здесь будто сходит на нет: люди не знают раздоров; живут они долго, почти не болея; желание творить не иссякает в поколениях. Так утверждает легенда. Стоят ли за нею реальные явления? Тут начинается область гипотез, — и мы не будем входить в нее. Бесспорно одно: среди ландшафтов есть такие, где человеку легче дышать и думать. Издревле он основывал здесь свои поселения; закладывал святилища и храмы; обносил срубами родники с целебной водой.

Сколько таких магнитов еще не открыто! Согласно легенде, многие из них даже не включены, — для этого пока не пришел исторический час. Богата ими Сибирь; богат и наш Север. Не раз повторено будет: с Севера свет! Смещаются не только физические, но и духовные полюса планеты. Художник верил: в огромности северных пространств зажгутся новые маяки ноосферы. Свет белых ночей будет заполнять залы прекрасных музеев. Сколько новых сокровищ сосредоточат они в себе! Ведь Север духоносен, — на его широтах творится легко и радостно.

Рерих чувствовал магниты Севера. Они помогли раскрыться его сердцу. И не их ли энергетическими полями он сумел напитать свои холсты? Силовые линии этих полей не ограничены рамками картины, — они простираются дальше: к зрителю, к миру. Картины Рериха излучают гармонию! Возле них увеличивается упорядоченность ноосферы: очищаются людские сердца; космический ритм становится внятно слышимым; в помыслы человека уже не проникает ничего злого и темного.

Служить красоте и гармонии! — ибо через красоту мир обретет спасение. Так сформулировал Рерих цель своей жизни, — и осознанию этой

миссии несомненно помогла природа Севера. Тут мастер нашел свои заповедные места, отмеченные неиссякаемым духовным магнетизмом.

2. Семиотика природы

Семиотика — наука о знаковых системах. Разнообразен мир знаков, издревле создаваемый человеком. Мы живем внутри этого мира,— он стал частью нашей экологической среды. Ученые считают: знаки принадлежат ноосфере,— природа не создает символов. Но поэты оспоряют это положение. Для них природа испокон полна особых значений! Эта молния — не просто молния, а еще и огненная весть. Это облако несет с собой светлое пророчество. А в этих дивных скалах — в их объемах и абрисах — закодирована чья-то память: быть может, они выразили дух древних цивилизаций?

Умение видеть в природе знаковую систему является важной чертой поэтического мышления. Баратынский писал:

Пока человек естества не пытал
Весами, горнилом и мерой,
А детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала...

Рериху были близки эти строчки,— и не только своим смыслом, но и деталями: Баратынский знал и чувствовал природу Севера. О, эти знаменья облаков и вещания птиц! Да не разучится человек понимать язык Вселенной.

Вот картина мастера, глубоко созвучная стихам Баратынского: она называется «Знаменье». Запро-

кинув голову, юноша глядит в книгу неба! Какими смыслами сегодня сияет высь? Сейчас в ее лазоревых глубинах возникает облако-храм. Кажется, что можно войти в него,— и уловить сердцем сокровенную суть Вселенной.

На Севере раскрылся в Рерихе поэтический дар. Первые его стихи — о «священных знаках». Где искал их поэт-художник?

Вернее всего,
они — на столбах
у дороги. Или в цветах
Или в волнах реки.
Думаем, что их можно
искать на облачных сводах.

Семиотика облачных сводов! Рериха называли мастером гор,— но он еще был и непревзойденным мастером облаков. Искони люди делили мир на два уровня: *з д е с ь* — на земле и *т а м* — на небе. Один уровень отзывался в другом! — события неба истолковывались как предзнаменования для земли. Вот почему фольклор так чуток ко всем небесным явлениям. Формы облаков, цвет зари, мерцания звезд: за всем этим стояли знаки,— природа говорила с посвященными на своем тайном языке.

Пейзаж для эстетики натурализма — это формы и цвета в их самодовлеющем бытии. За ними нет ничего: мир прост и однопланов. Но в фольклорном сознании — а равно и в творчестве Рериха — мир устроен иначе. За каждым явлением тут просвечивает его символическое значение. Трава, звезды, камни, птицы — это знаки вселенского языка. Они могут восприниматься как мир чистых форм. Но это обедненное восприятие,— важно дополнить его пониманием природы как

33;

текста. Для того и отпущен поэтам дар проникновенной интуиции.

Мир как текст...

Мир как семиотическая система...

Мир как поэма или симфония, написанная, по словам Вивекананды, в состоянии бесконечного блаженства...

Таков мир Николая Рериха! Он видел в природе не только текст, но еще и подтекст: скрытое, неявное, затаенное. Это тоже один из уровней реальности. Мы его постигаем через намек. Попытки выразить скрытое в прямой форме не имеют успеха. Тут нужна особая тонкость, особый такт,— и тогда пауза выразит смысл точнее, чем слово. Живописный язык Рериха знает явление паузы. В его холстах есть гениальная недоговоренность. Они передают умолчания самой природы! — ведь не все в ней открыто для весов и горнила: главное постигается лишь сердцем,— в молчаливом и благоговейном сосредоточении.

В стихотворении «Священные знаки» Н. К. Рерих пишет:

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки.

На камнях и деревьях записана некая информация. Это уже второй семиотический слой: если первый — язык природы, то теперь Рерих говорит о языке праистории. Поверх одних письмен ложатся другие! Часто они сочетаются в один многозначный текст.

Волны исторической памяти движутся над скалами Севера. Они — незримы, они — бесшумны. Но чуткое сердце способно уловить их ритмы. О,

эти накаты мировой памяти! Художник входил в них вместе с этюдником,— и вглядывался в иссиня-сиреневую глубину времени. Ему открывались удивительные картины:

Везде
герои прошли. «Знать» —
сладкое слово. «Помнить» —
страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь.
Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
Каменные глыбы...

О чем эти стихи? О доисторической ноосфере. Парадоксальное сочетание слов! Мы уверены: ноосфера Земли возникла вместе с нами. Но предание говорит: на планете нашей были иные расы и культуры. Когда? Миллионы лет назад. Ведь у поэзии своя хронологическая шкала,— и она может не совпадать с данными точной науки. Как это поэтическое виденье преображает мир!

Вот мастер поднимается по ступеням приладожских скал,— и словно чувствует чье-то затаенное присутствие. Нет никакого хаоса в глыбах древнего камня. Скорее наоборот: черты мощного замысла вдруг прорезались в скалах. Какая упорядоченность, какая гармония! Торжественная лепота древнего зодчества открывается мастеру. Кто был гениальным архитектором скал? Быть может, забытая цивилизация, владевшая скрытыми энергиями духа. Магма была для нее строительным материалом! И вот она отливалась в дивные формы, выражающие сложную концепцию мира.

Пусть это фантазия. Но в ее свете природа играет новыми смыслами. А вдруг эта скала пе-

редает образ мироздания? А вот эта является автопортретом своего создателя?

Выветрился каменный лик. Но все же еще угадываются его черты. Мастер вглядывается в них, переносит на свое полотно. Этот приладожский опыт пригодится ему в Гималаях,— тогда откроются Рериху лица Учителей: при звездном свете они проступят из древнего горного камня.

Рерих учит нас понимать скалы. В их архитектуре сочетаются два разных начала: закономерность и фантастичность. Да, в скалах есть своя мера, свой канон пропорций. Но в то же время они похожи на вольное каприччио! Приглядитесь к этим громадам,— равновесие и симметрия организуют их объемы, и вместе с тем сколь произвольна игра бесчисленных выступов и ниш! Не выразить числом эту игру форм,— она ускользает от всякого определения.

Строгость и сказочность! В скалах дан синтез этих противоположных качеств. Потому скалы — урок гармонии. Потому так любил их писать великий мастер.

Рерих всегда чувствовал тягу к памятникам глубокой древности. Его зачаровывали гигантские каменные кольца Стоунхеджа; тайной веяли в душу художника северные сейды; менгиры и кромлехи казались ему вехами на забытых героических путях.

Скалы Приладожья вызывали у Рериха схожие чувства. Если угодно, тут есть некая стилевая общность: и гранитные громады, и мегалитические постройки выполнены как бы в одном ключе. И не столь существенно, что одни — детища природы, а другие—порождения разума. Главное — стиль. Главное — дух.

Возле скал Севера неизбежно возникает ощу-

щение, будто стоишь перед останками архитектурных сооружений. Скалы-храмы, скалы-обсерватории, скалы-лестницы! Они древнее всех цивилизаций мира. Пирамиды рядом с ними кажутся новостройками. И города майя, и лабиринты Севера! Веянье глубокой древности здесь наиболее ощутимо. Вот почему Рериха так притягивали карельские скалы: они помогали ему высветить самые глубинные слои памяти.

Древние знали власть знаков. Они верили: воздействуя на знаки вещей, можно что-то изменить в самих вещах. В этом корни магии. Изобразив сцену охоты, маг произносил заклинания. И они должны были повлиять на ход охоты! Магия была своеобразным моделированием: знаки замещали действительность,— и помогали ее познать. Ведь не были же ритуальные действия одним заблуждением! В разных формах кристаллизуется опыт человечества.

Часто в свои пейзажи Рерих вводит таинственные знаки. Как философичен этот контраст: среди дикой природы — разумный символ. Мастер словно хочет подчеркнуть: у ноосферы гораздо более глубокие исторические корни, нежели это кажется ученым. Ноосфера всюду! Даже среди недоступных гималайских вершин.

Это очень важный момент,— в пейзажах Рериха нет дикой природы как таковой: всюду и всегда он живописует ноосферу. На первый взгляд такой вывод можно принять за парадокс. Ведь натурой для художника часто бывали безлюдные острова Ладоги или надмирные пики вершин! Но в том и особенность Рериха-пейзажиста, что природа у него как бы насыщена духовными токами: аура памяти светится над северными валунами; ореолы озарений сияют над горными вершинами.

Мастер умеет передать тончайшие впечатления духа. В этом важнейшая особенность его пейзажа: скалы, облака, озера — весь мир оказывается духовным. Океан памяти и мысли окружает нас, — на его дне зыблются ночные леса и травы. Художник был не только мастером пленэра, — он улавливал и прозрачную субстанцию мысли. Она куда как тоньше чем воздух! — и тем не менее Рерих воплощал ее. Все явления мира мастер видел сквозь эту сверхпрозрачную среду. Порожденная человеческим духом, она равномерно обтекает весь земной шар. Волны памяти, излучения мысли! Иногда их реальность чувствуется с особой силой. Так бывает в заповедных местах ноосферы.

Одно из них мы видим на картине «Святое озеро». Благодатью отмечена изображенная здесь валаамская природа. Не случайно ее так любил Александр Свирский. Это ему однажды явились те же образы, что запечатлены Рублевым в его «Троице». В истории русской духовной культуры это единственный опыт непосредственного виденья великого символа. Благоприятствовала ли наитьям Александра Свирского северная природа? Рерих тоже ощутил здесь веянье космических сил. Ведь не случайно именно в Приладожье он услышал зов гималайских махатм. Очевидно, тут облегчены контакты с тонкими сферами мира: голоса Вселенной отзываются и усиливаются в чистом кристальном воздухе.

Знаки Космоса! Рерих тоже умел читать их. Созданные мастером образы северной природы отмечены особым космизмом. Этим они близки «Гималайской серии», где вселенский порыв Рериха достиг апогея. Мастера интересовали такие грани природы, в которых отражается динамика Космоса. Не случайно его влекли облака, озера, скалы, — в них

он видел посредников между земным и космическим.

Облака Рериха... Кажется, что они приплыли из космического пространства! Облака-странники, облака-корабли. Глядишь на них — и думаешь: вот связные между галактиками. От цивилизации к цивилизации переносят они неведомые вести. Мы просто не догадываемся о подлинной роли облаков. Но Рерих-поэт разгадал их тайну. Подолгу глядел он в ладожское небо. Вон издалека — быть может, с планет Беги? — плывет облако. Пройдет над незыблемыми зеркалами — и снова исчезнет в зоревой беспредельности. Быть может, уйдет к маякам Ориона?

Озера Рериха... Это зеркала планеты, отражающие лик Вселенной! Сколь внимательна тихая гладь, сколь чутка к небесным явлениям. Пытливо вглядывается Ладога в дальний Космос. На полотнах Рериха ее зеркало кажется чуть вогнутым, — будто фокусирует оно свет несказанный. И направляет в наши сердца. Озеро трактовано мастером как космическое зрение планеты. О, этот широкий и чистый взгляд Ладоги! Рерих его чувствовал всегда, — даже в далеких Гималаях. Когда он вдохновенно писал «Генисаретское озеро», то в его береговой линии угадывалась Ладога. Эта контаминация закономерна, — ведь Карелия всегда жила в душе художника.

Скалы Рериха... Они стали первыми ступенями, поднявшими его дух к звездам. В ретроспективе хорошо видишь: вот скалы Приладожья постепенно переходят в отроги Гималаев. Сколь естествен этот переход! Пространственный разрыв тут ничего не значит. Важна духовная непрерывность. А она — несомненна: Приладожье и Гималаи навсегда зарифмовались в сердце мастера.

Много тысячелетий назад над Приладожьем прошел последний ледник. После него всюду остались россыпи валунов. Будто по мановению колдовского слова замерли в пути неисчислимые вестники! И каждый застыл со своей думой на челе.

Рерих умел читать эти думы. Часто ему позировали ледниковые валуны. Местность благодаря им преображалась,— становилась значительной и таинственной. Знаки вековых перемен несли с собой замшелые камни,— они повествовали о космических событиях на нашей планете. Благодаря валунам ландшафт обретал загадочную двуплановость: поверх коренных пород — пришлые камни. Как бы два слоя времени взаимопросвечивают здесь!

Откуда вы, валуны? С арктических широт; с равнин Скандинавии; с беломорских островов. Получается удивительное композиционное смещение: широты словно накладываются друг на друга,— в одной местности представлены разные ареалы.

Смелый прием! Верный ученик природы, Рерих тоже использовал его: на одной картине он мог сочетать черты несхожих областей Земли. Мы еще скажем об этом, когда увидим: сквозь ладожский ландшафт духовное зрение Рериха уже различало вершины Гималаев! — и это наложение планов определило содержание ряда его картин. Такие смещения кажутся дерзновенными. Но подчеркнем: природа тоже знает их.

Вот картина «Камни»,— она написана в 1907 году, когда Рерих совершил путешествие по Карелии. На заднем плане — зеркала озер и скалы; на переднем — среди стволов — валуны. Что ни камень, то целый характер! Издалека собрались они на свое вече. О чем ведут вековой разговор? Какими воспоминаниями делятся?

Валуны стали для Рериха еще и замечательной колористической школой. Заметьте: каждый камень несет на себе группу разноцветных лишайников. Гениальная биоживопись! Рерих самым тщательным образом изучал ее. Вот розетки серебристо-зеленоватых пармелий,— как тонко они взаимодействуют с коричневой цетрарией. А эта жемчужная фисция прекрасно сочетается с лимонным ризокарпоном.

Очень близка манере Рериха эта удивительная биоживопись. Цветовые пятна ложатся на камень крупно и сочно. Обычно используются локальные тона,— этим достигается звучность колорита. Краски часто неяркие,— но всегда глубокие, насыщенные. Серьезные замыслы воплощает природа-художница! Эта серьезность тоже импонировала Рериху.

Душа лесов и скал была открыта мастеру. Подход Рериха к природе можно назвать психологическим: в состояниях ландшафта он видел точные соответствия с чувствами человека. Это был антропоморфизм особого рода,— его можно определить так: космический антропоморфизм! Понимая человека космически, Рерих это понимание переносит и на природу. Он придает ей совершенно особую масштабность: валун или дерево обретают у него воистину вселенскую значимость. Они суть элементы единого Космоса. Эта связь с космическим целым очень убедительно передается художником.

Карма может низвести человека к исходным ступеням эволюционной лестницы. И тогда он обратится в камень. И должен будет вновь начать свое восхождение. Это близко к идее мифического метаморфоза,— только ей придан более глубокий эволюционный смысл. Но и в своем древнем пони-

мании — вне эволюционного контекста — метаморфоз волновал Рериха. Фантастические превращения широко используются в поэтике мастера. Вот метаморфоз облаков: они превращаются в легких всадников.

Вот метаморфоз валунов: они обернулись вещами, магами.

Вот метаморфоз созвездий: сквозь них проступили таинственные силуэты.

Возможность метаморфоза заложена во всем, — в скалах, лесах, озерах. Поэтому природа Рериха полна скрытыми значениями. Деревья здесь — не просто деревья, валуны здесь — не просто валуны. Они могут нести память удивительных превращений! Обращаясь к загадочному камню, ты говоришь с древним ведунгом. Высокое волнение охватывает тебя в миг этого раскрытия тайны. В 1906 году Рерих написал сказку о Девассари-Абунту: женщина превращается в камень — вот сущность ее сюжета. Эту же тему Рерих развил и как живописец. Антропоморфные камни! Замираешь, вглядываясь в их лики: кто вы, валуны? Вот две картины Н. К. Рериха, навеянные природой Приладожья: «Путь великанов» (1910) и «Могила великанов» (1915). Герои картин — вещие валуны. Быть может, свершения иных рас отмечены ими? Отвернешь валун — а под ним книга. Неведомый шрифт, загадочные символы! Невольно подумаешь: а вдруг рериховские великаны пришли со звезд? Дождавшись появления человека, они затаились до времени. Скоро ль созреет дух человеческий? — придет этот час, и расколдуются камни. И выйдут к нам навстречу богатыри Ориона.

Пусть это фантастика. Но Рерих воспитывает в нас готовность к реальному чуду. Природа на его картинах — как некий тайник. Найдем ли

ключ к нему? Да, найдем. Но не в сухих аналитических формулах, а в даре духоносного озарения. Дабы понять живое сердце природы, мы должны вернуться к целостному восприятию. Наше знание стало дробным, иссушающим, — оно омертвляет и схематизирует Вселенную. Не поможет ли нам опыт рунической древности? На высшем витке спирали мы вправе воспроизвести некоторые его черты. Это не будет регрессом, — это станет преемственностью.

Вещуны древности, старцы-лечители, рудознатоцы и прорицатели! Н. К. Рериха глубоко волновал этот загадочный мир. Теперь и наука испытывает к нему все более возрастающий интерес, — ведь нет сомнений: в древности люди умели высвободить скрытую психическую энергию. Необходимо вернуться к забытым знаниям. И творчество Рериха помогает нам в этом необычном устремлении.

Вот еще одна картина, вдохновленная Приладожьем: «У Дивьего камня неведомый старик поселился» (1910). О, этот уют замшелых скал! Лишь внешне они кажутся суровыми и неприступными, — а на самом деле им присущ дух гостеприимства. Сколько раз человек находил здесь естественное укрытие? Каменное крыльцо; каменные ступени; каменная кровля.

Уйти сюда, отрезав все суетное.

Общаться с тишиной, с чайками, с тростниками.

Постигать гармонию мира и совершенствовать свой дух.

Здесь освобождаешься от власти вещей, вникая в суть подлинных ценностей. Здесь прекрасная безытность дарует тебе истинную свободу. Здесь по-новому понимаешь изумительное признание Хлебникова:

Мне много ль надо?

Нет, помошь хлеба

И кружку молока.

А солью будет небо

И эти облака.

Кто же он, этот неведомый старик, поселившийся среди заколдованных камней? Быть может, волшебник. Быть может, философ. Ему явлена тайная суть камней. Он с ними на равных,— ведь его душа их сверстница. Когда лунный свет заливает валуны, то из них проступают загадочные фигуры. Старик приветствует гостей из праистории. Начинается ночная беседа. О чем идет разговор? О сокровищах Ориона, которые скоро будут открыты землянам. О начале духа, заложенном уже в кристаллах и минералах. О путях эволюции, неизбежно приводящей планету к космическому братству.

Пройдут годы,— и однажды на гималайских тропах замрет очарованный художник. Вот из недр камня проступает легендарный Ригден-Джапо! За камнем виднеется высокогорное озеро,— очертаниями берегов оно похоже на Ладогу. В смелом наложении планов художник выражает мысль о высшем единстве духа. Ведь приказ Ригден-Джапо обращен ко всему миру! — его услышат и на берегах Ганга, и на берегах Ладоги.

Сколько раз гималайские камни открывали Рериху заповедное! Однажды он понял сердцем: вон окаменевшие стражи Шамбалы. Они не пустят в священную страну того, кто еще духовно не готов для этого. Надежны эти заставы. Но незаметны для путников: они видят лишь причудливые камни, не больше.

Приладожье научило Рериха распознавать лики

камней,— и этот опыт очень пригодился ему в Гималаях. Мастер проецировал в природу образы своего сознания,— а природа ответно извлекала из души художника забытые архетипы. Рерих везде и всюду видел дополнительную информацию, ускользавшую от невнимательного взгляда. Вот лишайники на скале: да это же целое панно с историческим сюжетом! Вот пламя костра: да ведь в нем возникают и уносятся в ночь сонмы фигур! Вот прибойная пена: да тут настоящая кружевная сказка о русалочьем царстве!

Способность видеть осмысленное в хаотическом психологи обозначают через понятие парейдолии. Несомненно, что парейдолия играет существенную роль в поэзии и искусстве: благодаря ей игра фантазии разворачивается на основе реальных образов,— в грациозной березке Голубкина прозревает фигуру девушки, а Леонардо видит на заплесневелой стене впечатляющий пейзаж. Сознанию художника присуща организующая сила. Воистину, она творит миры! Это проявляется и в феномене парейдолии.

Рериху был хорошо знаком этот феномен. Свидетельство тому — серия «Вечные всадники», созданная в Сердоболе в 1918 году. Она посвящена облакам. Это необычные облака,— антропоморфные всадники проносятся перед нами в небесах. С какими поручениями они спешат? К каким неведомым целям?

Небо становится гигантской мастерской воображения,— а Рерих превращается во вдохновенного скульптора. Это он лепит облака! — позируют ему и лебеди, и апсиды новгородской Софии, и окаты белоснежных сугробов. В небе разыгрывается великое действо. Оно поставлено Рерихом. Гениальная режиссура! Мы видим, как решаются судьбы

времен; мы видим светлых воителей Шамбалы; мы видим пластический образ грядущего.

Очеловечивание скал — тоже парейдолия. Вот картина «Дом духа», — датируется она 1915 годом. Смысл ее ясен и без названия. Чувствуешь сразу: это одухотворенные камни! Они воспринимаются сердцем как неведомая форма жизни. Скала — мыслит, скала — грезит, скала — ждет. Для рассудка она — лишь косная твердь; а для интуиции — живое существо. Лик его пока незрим для глаз. Но в Гималаях он проявится полностью! — и тогда поднимутся каменные веки, и нас пронзит взгляд грядущих героев.

Приладожье помогло художнику осознать главное и в себе, и в мире.

Ладога...

Древнее русское слово «лад» звучит в названии великого озера.

Лад — это мера.

Лад — это строй.

Лад — это гармония.

Было в словаре наших пращуров еще одно созвучное слово: Лагода. Оно имеет тот же смысл, что и древнегреческое «космос».

Лагода — это упорядоченный мир: ритм и мера здесь возобладали над силами хаоса.

Лагода — это целокупный небосвод: в симметрии шаровидного мира выразилось высшее совершенство.

Лагода — это общинная гармония: в устройении своей жизни люди следуют законам единого Космоса.

Лагода отражена в Ладоге — Ладога отражена в Лагоде. Мир — един. Микрокосм и макрокосм взаимоподобны. На разных уровнях бытия действуют всеобщие законы прекрасного.

В неизданных записях Н. К. Рериха мы нашли такую мысль: «Слово «ладно» — от лада, от ритма. Каждое построение нуждается в общем ритме».

Ладно! — это дух согласия в ноосфере.

Ладно! — это выражение терпимости и взаимопонимания.

Ладно! — это призыв к сотрудничеству, к творческому созвучью сердец.

В слове «ладно» два смысла: этический и эстетический. Для Рериха оба смысла совпадают. Нормы прекрасного и доброго едины для всех сфер бытия. Ими поверяется и рост травы, и сияние звезд, и построение дома. Раскрывает ли былинка цветок или пишет картину мастер, — они в глазах Рериха сотрудники, ибо вносят лепту в общую сокровищницу Космоса. Рерих пишет гимны в честь космически понятого сотрудничества. Общинным началом у него связаны бесчисленные планеты. О, рукотворный Космос, движимый стремлением к ладу и ритму! Большое и малое, — все соединяется в одном творческом порыве.

Да будет лес нашим сотрудником, — ладен облик этих деревьев, творят они сень и прозрачность.

Да станет нашей сотрудницей эта бабочка, — на ее крыльях удивленное дитя найдет первые скрижали красоты.

Да войдут в сотрудничество с нами далекие миры, — в чувстве ритма и лада видим основу для взаимопонимания.

Лад...

Вот о чем размышлял Рерих на берегах Ладоги. Это понятие стало центральным для его этики и эстетики.

...Ладом полна приладожская природа. Где еще так музыкальна линия прибрежных всхолмий? Серд-

це легко переводит ее в звучание. И тогда кажется: это пение пифагоровых сфер отобразилось в пластике ландшафта.

А это кулисное построение пространства! — даль за далью, план за планом. Вот взгляд ушел на последние острова. И сердце вздрогнуло: оно ощутило себя на границе с Космосом! Где еще столь естественно и плавно земное переходит во вселенское? Разве лишь в Гималаях.

Вода и скалы. Их сочетание философично, — это открыли китайские мудрецы. «Ян» и «Инь»: вот биополярная основа Вселенной. Вода — это «инь»: образ текучести, непостоянства, изменчивости. Скалы — это «ян»: они символизируют устойчивость, твердость, незыблемость. Ладога оба начала привела в изумительное равновесие. И Рерих воспел эту гармонию на своих полотнах.

Вот картина «Ладога» (1918). Это не просто пейзаж, — это образ мира, лагоды. Слово природа воплотила здесь свои высшие представления о гармонии. Глядишь на полотно, — и наполняешься благодатью. И убеждаешься сердцем: в понятии добра выразились глубинные свойства Вселенной.

Лад...

Лад человека и мира...

Лад, утверждаемый в труде и творчестве...

Вот о чем говорила Рериху береговая линия Ладоги, — он читал ее извивы как осмысленную запись. Ведь мир для художника был огромной знаковой системой, несущей в себе бессмертную мысль о гармонии и красоте.

3. Приладожье и Гималаи

Великие ученые-гуманитарии XX века много размышляли о единстве культур Земли. Они проводили удивительно смелые параллели! Так, академик Н. Конрад показал, что своя эпоха Ренессанса — а это явление считалось сугубо европейским! — имела место и в азиатских культурах. Конечно, аналогии и соответствия здесь самые тонкие: для выявления столь нетривиальных подобий ученый должен обладать и тактом, и интуицией. При наличии этих качеств он может сделать неожиданные, но, однако, поразительно точные выводы.

Так, недавно появилась работа Г. Померанца, где проводится сравнительный анализ поэзии Басе и О. Мандельштама. Казалось бы, что общего может быть у этих поэтов? — ведь столь различны их языки, их поэтика. Но при внимательном взгляде мы обнаруживаем, что ассоциативное пространство у этих поэтов имеет одинаковую структуру. Во внешнем аспекте — ничего схожего, при взгляде изнутри — глубинное родство. Так роднятся разные культуры, так высвечиваются общие корни.

Рерих был мастером подобных сближений. Он умел находить переклички форм и ритмов у народов, территориально разделенных многими тысячами верст. Но не только культуры сближал Рерих, — он говорил и о тончайшем параллелизме между ландшафтами. Иногда его сравнения кажутся дерзкими! Но тем не менее им присуща внутренняя точность.

Рерих не раз в своем творчестве возвращался к мысли о близости тех эмоциональных состояний, которые он переживал в Приладожье и Гималаях. С поразительной настойчивостью он сближал дух этих мест. Приладожье исподволь переходило у

него в Гималаи, а сквозь Гималаи снова просвечивало Приладожье. В сознании художника два эти ландшафта с топологической непрерывностью преобразовывались друг в друга. На многих картинах запечатлено это небывалое преобразование. Насколько оно фантастично? Ведь легко сказать: все дело тут в субъективных ассоциациях. А они недоказуемы! Потому и рериховские параллели между Приладожьем и Гималаями настолько интимны, что не могут стать предметом для объективного сопоставительного анализа. Но не будем поспешно выдвигать этот аргумент. Доверимся интуиции художника, — она всегда была у него на редкость проникновенной.

И приладожские, и гималайские циклы художника несут в себе одно общее качество: это — глубочайшая сосредоточенность духа. Философская основа у них единая, возвышенная настроенность одинаковая. Скалы Ладоги и пики Гималаев вызывают в художнике близкие по тональности чувства: это восхищение величием мира, вызывающее расширение сознания.

Художник задолго до поездки в Индию начал пристально изучать Гималаи по литературе. Камни Приладожья стали для него своеобразной моделью грандиозных гор. Различие масштабов тут не существенно: ведь возвышенное с равной мощью может выразиться и в малом, и в великом.

Да, это так: в рамках эстетической категории возвышенного оказываются равноправными и скромный валун, и гигантский пик. Главное — дух, в них заключенный. А дух есть явление безразмерное. Можно сказать без преувеличения: в аспекте категории возвышенного Приладожье и Гималаи обладают одинаковой духоподъемной силой. Это две гениальные поэмы из камня!

И между ними есть безусловная переводимость, хотя и зиждется она на тайных созвучьях. Пусть Приладожье и Гималаи морфологически весьма различны, — но иногда они порождают весьма схожие образования. Так что можно говорить не только о субъективных параллелях между ними, — порой удастся пронаблюдать и замечательные физические аналогии.

Ученые сейчас пишут о так называемом спонтанном моделировании: часто одно природное явление, будучи небольшим по масштабу, оказывается структурно схожим с другим, несравненно более крупным образованием. Но малое изоморфно великому! — это является основой моделирования. Так, в разливе весенних ручьев спонтанно моделируется процесс рекообразования. А наблюдение за ростом апрельских сосулек помогает объяснить происхождение сталактитов.

С интереснейшим случаем спонтанного моделирования можно встретиться в Приладожье. На его скалах иногда возникают так называемые «каменные ванны», — это крохотные, от силы три квадратных метра, озерки в скальной породе. Перед нами изумительные модели больших озер! Они производят впечатление возвышенного. Если долго на них смотреть, то забываешь о малости масштаба. И тебе начинает казаться: ты находишься у высокогорного озера! Великолепны его крутые каменные берега. Над ними тянутся мощные хребты. Эти пики, эти разломы, — они поражают своим величием. Не в Гималаи ли ты перенесен на крыльях воображения? Ведь подобный пейзаж ты уже видел у Рериха.

Созерцание мировой красоты погружает тебя в состояние глубокой медитации. Ты забываешь о том, где находишься сейчас. Да разве это не безразлич-

но? Среди тишины тебе открывается высшее единство Вселенной. Ты начинаешь понимать устремленность материи к духовным высям. Разве ее взлет не запечатлелся вот в этих пиках? Вместе с ними душа твоя ныне восходит к звездам.

Но вот вечереет. И ты покидаешь духовные высоты мира. Перед тобой маленькое зеркало воды, зажатое приладожскими скалами. В нем уже отражается голубая Вега. На фоне зари прорисовываются силуэты карельских сосен. Но мыслью ты еще там, в Гималаях. И образы рериховских картин окружают тебя со всех сторон...

Некоторым полотнам Рериха свойственна своеобразная двойственность: они в равной мере ассоциируются и с Приладожьем, и с Гималаями. Вот прекрасный холст «Звездные руны». Если бы не его авторская датировка — 1912 год — он мог бы быть отнесен к гималайским вещам. Ведь на Гималаях встречаются схожие геоморфологические образования. Но перед нами скалы Приладожья. Они погружены в глубокую ночь. Станный источник света — он словно расположен где-то в других измерениях! — освещает фигуру звездочета. Звездные письма широко развернулись над ним:

Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят и туманность созвездий
ясна и прозрачна.

Звездные руны... Рерих любил семиотику ночного неба. В прозрачности при ладожских ночей ему открывались глубины космоса. Он чувствовал внутренние связи человечества с Вселенной. Чтобы глубже понять их, нужна была горная высь. Это один из мотивов переезда в Гималаи.

Вот гималайская картина «Звезда героя». И композиционно, и сюжетно она связана со «Звездными рунами». Мы снова видим человека-созерцателя, оставшегося наедине со Вселенной. Над ним в лазоревом ночном пространстве стоит комета. Не является ли она благодатным знаком того, что у человечества должно раскрыться космическое сознание?

В какой стране разворачивается действие картины «Бесконечные пути» (1917)? Далеко уходят перспективы каменистых отрогов, — а среди них проносятся на лыжах добрый вестник. По ряду реалий, это образы скандинавского севера. Но в то же время полотно кажется примыкающим к гималайскому циклу.

Иногда Рерих сознательно подчеркивает эту двусмысленность. Вот эскиз, написанный в сердобольский период: здесь варьируется известный мотив горного короля, — Рерих не раз разрабатывал этот сюжет и как живописец, и как декоратор. Перед нами типично при ладожская природа, — она узнается сразу: и по характеру скал, и по ритму рельефа. Но почему среди северных валунов изображен гималайский менданг? Воистину загадочное смещение! Но оно понятно в контексте духовной биографии Рериха: отразившись от ладожских зеркал, его мысль уже уходила к предгорьям Гималаев.

Рерих был философом Синтеза. Устремленность к единству определила все содержание его жизни. Рерих разрабатывал идеи синтеза не только в теории, — они нашли своеобразное преломление и на холстах мастера. Композиция некоторых его полотен синтетична по своей структуре. Так, художник иногда объединял в одно целое элементы разных архитектурных ансамблей. Синтезируя пространственно разрозненное, мастер создавал потрясающие

образы. Вот пример такой контаминации форм: полотно изображает Печорский монастырь,— а на переднем плане виднеется знаменитое крыльцо Смоленского монастыря. Или еще аналогичный случай: с изумительной ризницей Печорского монастыря органически соседствует храмовый комплекс из села Сенно. Сколь гармонические ансамбли возникают в таком синтезе! Словно художник хочет сказать: для духовного единства несущественны разрывы в пространстве.

Этот необычный прием художника глубоко философичен. Рерих был поэтом ноосферы. Он чувствовал целокупное единство мира,— перед лицом Космоса его неделимость так явственна. И так относительно все пространственно-временные границы!

На некоторых полотнах Рериха синтезированы образы Приладожья и Гималаев. Он сблизил их и пространственно, и сущностно. Как бы два плана накладываются здесь друг на друга! — и смелость этого совмещения ошеломляет: очарованно глядишь в бездонное пространство полотна, где одновременно — и в гармоничнейшем контрапункте! — звучат приладожские и гималайские темы.

Такова картина «Властитель ночи» (1918). Она завораживает своей таинственностью! Мы видим желтый шатер, словно парящий над бездной. Быть может, он поставлен на крутом гималайском уступе? Или действительно невесомо висит в пространстве? Тогда это скорее некий подвижный корабль, управляемый неисчерпаемой энергией духа. Быть может, он приплыл из далекой Шамбалы?

Шатер-корабль освещен изнутри. Это необычный свет! Источник его — глубины духа. Мастерски передан Рерихом свет несказанный.

В шатре сделан широкий проем,— за ним виднеется синее пространство. Приглядевшись, мы узнаем ладожские острова,— они лежат на самом дне ночи. В узнавании этом замирает изумленное сердце: да, да! — корабль Шамбалы парит над ночными зеркалами Ладоги.

Опустившись на колени, вглядывается в ночь ждущая Учителя. Вон духовный маяк забрезжил на далеком острове! Быть может, это Тулон?

В тихом доме спят сыновья Рерихов — Юрий и Святослав. Но Николай Константинович и Елена Ивановна бодрствуют. На горизонте они видят странное желтое свечение. Рерихи чувствуют: от него исходят добрые эманации. Что это: случайная зарница? Или весть махатм? Весь день Рерихи думали о них. О, как важно встретиться с ними! Это необходимо и для России, и для всего мира: ведь Индия прекрасна своим зовом к Единству. Ее духовные накопления непочаты, ее понимание эволюции своеобразно. Вот почему так нужен сейчас великий синтез культур! — Индия и Россия должны вступить в глубокий духовный контакт.

Под знаком мечты об этом контакте прошли годы в Сердоболе. «Властитель ночи» — прелюдия к Индии: да, диалог с нею начался здесь, в Приладожье,— чтобы потом развернуться со всей полнотой на гималайских склонах. Возвратимся в необычное пространство картины. Оно воистину неевклидово. Словно его искривленность превратилась в мощную линзу,— и из приладожских шхер стали видны гималайские отроги. Загадочнейшая картина мира! Будто в Гималаях и впрямь услышали Рерихов,— услышав, ответили: первые тайные сигналы дошли до их подсознания.

Так можно объяснить содержание картины «Властитель ночи». Пусть это фантастика! Но сим-

волизм полотна допускает различные толкования. Потому и наша поэтическая гипотеза правомерна. Ведь одно несомненно: внутренний диалог с индийскими Махатмами у Рерихов начался в Приладожье. Чудесный холст обретает новые оттенки, когда воспринимается в единстве со стихами Рериха, посвященными той же теме. Приведем эти стихи полностью:

ВЛАСТИТЕЛЬ НОЧИ

Должен Он прийти — властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встает Дакша и встают девушки. И засвечивают огонь, Ах, томительно ждать. Мы его призовем. Вызовем, Огонь желтый, и юрта золотая, и блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчаливы тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть выйдет та злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут, Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь. Откройтесь, И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы, и багровее пламя. Ах, приди и останься. И потянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. А вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло волхование. И тогда пришел Он, властитель. Отступила Дакши замирая. И опустилась. Он уже здесь. Все стало

просто. Ах, так проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял. Все просто.

1918 г.

Спираль судьбы! Вот она сужается в ретроспективе, возвращаясь к истокам: к деревушке Извара, к городку Сердоболь. И вот ее последние обороты — самые широкие, самые объемлющие. Это — последние картины мастера: лебединая песня его духа.

Сравнивая между собой витки, мы находим аналогии между ними. Такова структура спирали: расширяясь, она воспроизводит свою исходную структуру. В этом диалектическая суть спиральной формы. Вот почему повторности в судьбе Рериха имеют глубокий философский смысл. Случайно ли в сороковые годы мастер вернулся к сердобольским темам? Думается, что перед нами типично диалектическая реприза: именно о такой повторяемости говорится в гегелевском законе отрицания отрицания.

В 1916—1918 годах луч интуиции ушел из Сердоболя в Гималаи. И вот началось обратное сканирование: убежденный сединой мастер возвращается мыслью к Ладого.

В духовном пространстве тоже есть своя симметрия. Ее законы можно выявить, сравнивая односюжетные картины Рериха, написанные в Приладожье и Гималаях. Поучительное сравнение! Через него открывается симметричность и целостность большой человеческой судьбы. Разные периоды жизни как бы приходят в равновесие, — они порождают гармоническое созвучье, над которым не властны разрывы во времени.

Дважды Рерих обращался к сюжету «Клада захо-

роненного». Первый раз — в 1917—1918 годах: тогда картина с этим названием вошла в цикл «Героика». Прошло 22 года,— и мастер создал новый вариант «Клада захороненного». Незримая ниточка протянулась в 1940 году из Кулу в далекую Сортавалу! — потекли по ней в сторону севера токи благодарной памяти.

Тема захороненного клада имеет для Рериха символическое значение. Здесь художник выразил свои представления о реальности. Явное и неявное, зримое и скрытое! У реальности как бы два плана, два уровня. В «Бхагавадгите» говорится о диалектике этих уровней:

При наступлении дня из Непроявленного все проявленное возникает;

При наступлении ночи оно исчезает а том, что Непроявленным именуют.

Непроявленное...

Это великое лоно возможностей...

Из него возникают вещи и вновь возвращаются в него...

Живоносные пласты возможностей воистину подобны кладу. Мы сами закладываем эти возможности! Вот о чем хочет сказать Рерих. На его полотне изображен скалистый ладожский остров. Справа мы видим утлую лодчонку,— перегнувшись за ее борт, старец опускает клад в глубину Ладоги. Да сохранит озеро доверенное! Сразу понимаешь: не золото здесь захоронено, а духовное сокровище. Быть может, послание космических братьев; или гениальный проект общественного устройства; или ключ к раскрытию неведомых ресурсов нашей психики.

Драгоценные возможности заложены вещим старцем! Придет час,— и человек созреет для принятия сокровищ. Тогда взойдут семена звездной мудрости, И расширится наше сознание; и прибли-

зятся дальние миры; и откроются тайны древности. Сколько духовных сокровищ запрятано до поры? Учителя выбирают самые заповедные места для их сохранения. Есть такой тайник и на Ладоге. В картине можно увидеть тонкую параллель к биографии Рериха. Здесь запечатлены предчувствия, полнившие художника в 1918 г. Духовный поиск скоро уведет его далеко от России. Но он оставит на Родине свои идеи. Не сразу они будут приняты,— и не всеми поняты. Но художник верил: зов красоты услышат в русских пространствах. И тогда все затаенные сокровища поднимутся к поверхности! — и новое поколение благодарно примет путеводительные знаки.

Гималайское повторение «Клада захороненного» имеет интересные особенности. Место ладожского острова здесь заняли горные пики! Манера стала более локальной, в красках появилась особая сила. Сравнение двух полотен помогает понять стилевую эволюцию мастера,— его движение ко все более цельному и звучному письму. В то же время картины говорят о духовном постоянстве художника: повторяя сюжет, Рерих подчеркивает свою верность заложенной в нем идее.

Когда одновременно рассматриваешь оба варианта, то они как бы совмещаются в сознании. О, это таинственное взаимопросвечивание! Будто не на холсте написаны картины, а на прозрачных слюдяных пластинах: Индия проступает сквозь Карелию — и Карелия светится в образах Индии. Мир — един. И едины его духовные устремления.

В Приладожье и Гималаях Рерих написал немало картин, имеющих общее название,— они образуют своеобразные диптихи: Карелия и Индия как бы переговариваются друг с другом на расстоянии.

Вот два варианта «Зова»,—один написан в 1919,

а другой в 1944 году. На первой картине мы видим крутизну приладожских скал,— с каменистого обрыва отправляет свою стрелу вдохновенный лучник. Рерих знает: стрела-мысль уйдет в Гималаи! Туда все сильнее тянулось сердце художника. И зов Учителя становился все более настоятельным. Сила этого зова запечатлена в картине «Приказ», созданной в 1922 году на основе карельских эскизов. Мы видим перспективу ладожских шхер. Все пространство стремительно стягивается к фигуре Учителя: его водительный жест направлен, несомненно, к Гималаям! Хотя формально гор нет на полотне, но незримое их присутствие ощутимо. В картине Рерих говорит об окончательном осознании своей миссии. Смутные зовы, впервые услышанные среди заливов Ладоги,— теперь они оформились в неотменимый внутренний приказ. Жизненный путь уводит Рериха к гималайским вершинам. Проходят годы, и все четче означает великая симметрия жизни! — теперь обратные зовы начинают звучать в сердце художника.

О чем трубит в рог этот человек, стоящий над горным озером? Перед нами поздний вариант «Зова». Герой с луком — на ладожских скалах; герой с рогом — среди гималайских гор. Они зовут друг друга! — зовут через время и расстояния. Индия окликает Россию — Россия зовет к Индии. Два времени — два пейзажа — два зова. Рерих жил в прекрасном плену этого двухголосия. Сердце его усиливало оба зова, откликаясь на них одновременно.

8 приладожских картинах впервые означились темы, которые более полное развитие получили уже в Гималаях. Такова философичная тема «Экстаза»,— в Сердоболе Рерих обращался к ней дважды: в 1917 и 1918 годах. Среди северных скал мы видим

старца с длинной белой бородой. Он находится в состоянии транса,— сейчас его сознание сливается с космосом. О, этот высший подъем души! Психологи точно назвали его «вселенским чувством». Подобные переживания хорошо знакомы: людям искусства. Этот экстаз испытывали и Тютчев, и Уитмен, и Хлебников — поэты с расширенным космическим сознанием. Тончайшие нюансы вселенского чувства передает живопись Чюрлениса. Слияние с миром прославляет скрябинская «Поэма экстаза». Куда в миг экстаза воспаряет душа? Мир ощущается тогда как живая целокупность; грань между внешним и внутренним исчезает. Ты можешь войти в иные сознания,— человеческие и не-человеческие. Глаза стрекозы становятся твоими глазами. Слух лося становится твоим слухом. Интуиция птицы становится твоей интуицией. И рост травы, и тайна гнезд: все внятно твоему сердцу. Но сознание уходит далеко за пределы земной биосферы. И ты чувствуешь: твой расширившийся дух объемлет иные миры.

Рериха волновали эстетические аспекты космического сознания. Красота Космоса! — постигая ее, человек преображается духовно. В чувстве возвышенного очищается сердце. Вот почему так важно развивать эмоциональный потенциал личности. Чем выше воспаряет душа, тем действенней ее отдача. Не отрыв от Земли, а преображение ее по законам прекрасного: такова целевая установка рериховской философии, ориентирующая нас на воспитание вселенского чувства. Высокие мысли, высокие образы! Лишь на вершинах творчества обретает человек подлинное счастье. Экстаз вдохновения поднимает нас на эту духовную высоту.

В сердобольский период Рерих активно изучает индийскую философию,— в частности, он система-

тически перечитывает «Провозвестие Рамакришны». Труды этого мыслителя высоко ценились в России,— его идеи вызвали глубокий интерес у Льва Толстого. Не повлияло ли чтение «Провозвестия» на сюжеты некоторых картин мастера?

В «Провозвестии Рамакришны» неоднократно встречаются описания экстаза. Приведем одно из них: «Шри Рамакришна погрузился в глубокое «самадхи», как только он услышал слова «бессмертное блаженство подобно воплощенному нектару». Он сидел, сложив руки и обратив свое лицо к востоку. Его душа была глубоко погружена в океан красоты Всеблаженного Единого. У него не было ни малейших признаков внешнего сознания. Он даже не дышал, и все его тело было абсолютно неподвижно как статуя. Он ушел куда-то в другое место из этого мира чувств. Придя в себя после состояния самадхи, Бхагаван прошептал неясным шепотом: «Ты — это я, я — это ты»*.

Не могло ли это впечатляющее описание повлиять на некоторые детали «Экстаза»? Возможно, что перед нами стилизованное изображение самого Рамакришны,— по крайней мере, духовным прототипом героя он мог быть наверняка. Парадоксален сюжет картины! — индийский йог изображен среди скал Севера. Здесь мы опять встречаемся с приемом композиционного совмещения разных реальностей,— и снова это наложение планов несет в себе большой философский смысл.

В 1941 году Н. К. Рерих написал «Ждущую». Это одно из его самых лиричных полотен. По памяти восстанавливает он образы карельской природы. Снова мы видим причудливый лабиринт приладожских скал. Однако в них явно привнесены какие-то

* Провозвестие Рамакришны. Рига, 1931. С. 122.

черты Гималаев. Эта экспрессия масс, эта заостренность очертаний. Среди скал — избушка: немного похожая на ту, которая изображена в декорации к ибсеновскому «Пер-Гюнту». На одном из камней сидит девушка. Быть может, это образ Сольвейг?

Мастер изображает вечное ожидание. Ждут— люди. Ждут—птицы. Ждут —звезды. В мире много несбывшегося. Сбудется ли оно? Будем ждать. В ожидании человек обретает великую нравственную силу,— а разуверившийся неизбежно приходит к опустошению. Ожидание благодатно для сердца. В предчувствии новизны свершаются подвиги духа.

Картина 1941 года является своеобразным воспоминанием. В ней повторены образы другого холста,— это «Вечное ожидание. Карелия» (1917). Полотно целостно передает красоту Приладожья. С проникновенной силой здесь выражен строгий лиризм северного пейзажа. Философским спокойствием дышит озаренная даль. В озерных зеркалах отражена сама вечность. Молчание несет в себе глубочайшие смыслы.

Ладога...

Отсвет ее зеркал ложился на склоны гималайских гор. В этом двойном свете — индийском и русском — Рерих создавал шедевры. Никогда не забывал мастер Карелию, Там родились самые высокие замыслы его жизни. Там — начало, там — пролог, там — завязь.

Часто Рерих возвращался мыслью в Карелию,— и снова скрипично звучала в его душе береговая линия Ладоги.

О, прихотливые извивы приладожских фиордов! Рерих любил часами грести вдоль них, постигая сложную геометрию берега. Он вдохновенно передавал причудливую границу воды и суши на своих

картинах. Вот полотно «Залив» (1917): Ладога здесь увидена как бы сверху, с высоты лебединого полета,— сложный узор береговой линии предстает перед нами во всей своей красоте. И во всей своей загадочности! Словно в рисунке береговой линии закодированы некие высшие смыслы. Как подобрать ключ к этим необычным диаграммам природы?

Во всем разнообразии прекрасного четко сквозят две основных формы: это красота закономерного — она исчислима, и красота произвольного — она несказуема. Первую форму красоты хорошо представляют кристаллы: симметрия и упорядоченность — вот основа их строгой четкой гармонии. Иной тип красоты представляют образования, возникающие как бы по прихоти случая: это— и фантазии облаков, и узоры яшмы, и кружево пены. Эстетика береговых линий тяготеет именно ко второй форме прекрасного. Подчеркнем однако: произвольность не означает хаотичности. Тут тоже есть упорядоченность,— однако более тонкая и сложная, чем в первом случае.

Однажды английский метеоролог Л. Ричардсон задумал измерить длину береговой линии Англии. Вскоре он столкнулся с парадоксом: при уменьшении масштаба карты исчисляемый периметр менял свои значения! — выступали наружу детали, сглаженные на крупномасштабных картах. Береговая линия как бы дробилась: выступали все новые, ранее незаметные заливы и мысы. Можно ли вообще измерить периметр берега? Ричардсона заинтересовала математика береговой линии. Вскоре он получил удивительные результаты.

Оказалось, что береговая линия — это типичная фракталь. Так называется кривая, обладающая редкостными в своей парадоксальности свойствами:

во-первых, каждая ее часть подобна целому; во-вторых, она обладает дробной размерностью, равной 1,2618,— отсюда и понятие фрактальности, что означает дробность.

Дробное измерение! Нам, жителям трехмерного мира, кажется фантастикой мысль о четырехмерном мире. Но разве менее фантастично представление о дробной размерности? Воистину, береговая линия выводит нас в неевклидовскую Вселенную!

Вскоре было показано: горы тоже являются гигантскими фракталами. Вместе с тем они вовсе не хаотичны: их неправильность — регулярная, их неупорядоченность — ритмичная. Противоположные эстетические начала странным образом сочетаются и сопрягаются в морфологии гор,

Не объясняется ли влечение Н. К. Рериха к горам их фрактальными свойствами? Это серьезный вопрос для ученых, занимающихся психологией творчества. Фрактальная среда развивает ассоциативное мышление,— она помогает нам выйти за рамки жестко упорядоченных структур. И это расковывает игру воображения!

Оказалось, что музыка великих композиторов — Баха и Моцарта — тоже несет в себе элементы фрактальности. Процитируем специалиста, занимающегося фракталами:

«Переводя линии заливов и выступов береговой линии в звучащие тона, мы услышим подлинную музыку окружающего нас мира».

«Кто знает, может быть, скоро нам доведется послушать природную музыку — хоралы Памира и Гималаев, симфонию побережья Северного Ледовитого океана».

«Неискушенный человек, слушая, например, Баха, наверняка смутно представит сверкающие

горные хребты, о которых — кто знает — не помышлял ли композитор, сочиняя музыку. Фрактальная суть, заключенная в ней, вызывает такие ассоциации»*.

Поставлен серьезный вопрос: не обладает ли Космос как целое фрактальными свойствами? По всей вероятности, наука положительно ответит на этот вопрос. Тогда наши представления о гармонии мира существенно обогатятся. Мы глубоко поймем диалектику Вселенной, сочетающей в себе свободу и меру. Явление фрактальности придает новый смысл пифагорейским идеям о музыке космоса. Придет час,— и мы услышим симфонии далеких галактик!

Н. К. Рерих первым из художников открыл гармонию фрактального мира.

Линия жизни — тоже фракталь. Вначале ее подобие мастер увидел в очертании ладожских берегов. Потом эта линия естественно перешла в контуры гималайских гор!

Гималаи и Приладожье. Понятие фрактальности помогает нам понять их «нетривиальное сходство» (это удачное выражение принадлежит С. В. Мейену). Сколь ни различна природа этих регионов, но между ними есть внутреннее созвучье. Ландшафты исподволь влияют на нас. Мы воспитанники своих родных ландшафтов. Природа если не определяет, то направляет течение наших мыслей. Человек инстинктивно ищет благодатную среду, изоморфную его внутреннему миру. Приладожье и Гималаи оказались такой средой для Рериха. Они помогли ему раскрыться как художнику и философу.

* А. Майсюк. Фрактали — странности реального мира. // Техника — молодежи. 1979. № 2.

4. Н. К. Рерих и «Бхагавадгита»

5 декабря 1917 года Рерих писал из Сортавала Александру Бенуа: «Удалось прочесть и несколько очень нужных книг. Когда будешь в тишине — советую тебе их прочесть. Особенно нужно «Прозовестие Рамакришны». Очень серьезное, а главное близкое человечеству учение».

Почему Рамакришна оказался столь созвучным Рериху в эти годы? Прежде всего художника глубоко тронули идеи единства, лежащие в основе учения великого индийского мудреца. Как и Рамакришна, Рерих тяжело переживал рознь в ноосфере. Можно ли примирить враждующих? Рерих размышлял об этом на берегах Ладоги. Художнический опыт подсказывал ему: путь к единению лежит через Красоту. Возможно, Рерих абсолютизировал этот путь. И все же чувство прекрасно — основа для взаимопонимания.

В Сортавала Рерих напряженно думал о единстве культур. Выявление параллелей между искусством разных народов имело для него этический смысл,— оно свидетельствовало о глубокой духовной общности всех людей планеты. Рамакришна вдохновлял Рериха. Индийский мыслитель первым поставил вопрос о единстве в разнообразии духовных идеалов человечества. Одна и та же великая истина может раскрываться людям разными гранями. Важно не упускать из виду многогранность истины! — иначе абсолютизация одной грани может привести к нетерпимости, к спору, к распре.

Рамакришна увидел духовную жизнь планеты как целостный и связный многогранник: прекрасным кристаллом он рос из одной точки,— она была как бы единым фокусом для всех граней. Рамакришна много размышлял о природе этой точки,—

он хотел высветить единые корни всех культур. И ему удалось их найти! За различием формулировок ему открылась одна универсальная сущность. Рамакришна писал: «Тот, кого называют в Ведах Абсолютным Бытием, Разумом и Блаженством или Брахманом, в Тантрах называется Шивой, в Пуранах Кришной»*. Единая духовная: ось проходит через все разнообразие имен и понятий! Рамакришна поставил великую задачу: выявить эти созвучья и параллелизмы в ноосфере,— выявить ради гармонизации людских отношений.

Великие рериховские экспедиции — а они задумывались еще в Сортавала — прошли под знаком идей Рамакришны. Художник нашел много новых конкретных доводов, свидетельствующих о том, что в основе различных культур лежат единые архетипы. Большое влияние на мировоззрение художника оказала и этика Рамакришны.

Индийский мыслитель писал: «Сочувствие есть результат Саттвы»**. Для ключевого понятия Саттвы современный филолог и философ Б. Л. Смирнов подбирает такие синонимы из русского языка: «ясность», «уравновешенность», «гармония». Саттва может быть понята как гармония Космоса. Именно с ней Рамакришна связывает свои этические постулаты! Они не являются чем-то условным, произвольным. Этика своими корнями уходит в космологию,— находит опору в глубинных основах бытия.

Н. К. Рерих был философом планетарного сотрудничества. Поэтому этика сочувствия имела для него особое значение. Художник понял: лишь

на основе со-понимания и со-доверия можно построить гармоническое общество. В его сердце находили отклик простые и мудрые поучения Рамакришны: «Когда вы бываете в обществе других людей, вы должны любить их всех, абсолютно слиться с ними воедино. Не питайте ненависти к людям. Не разбирайте касты или веры. Не говорите, что этот человек верует в личного Бога, а тот в безличного; этот человек поклоняется Богу, имеющему форму, а тот исповедует Бога, не имеющего формы; этот человек индус, а тот христианин или магометанин»*.

С высоким нравственным мужеством выступил Рамакришна против религиозной розни. Его призыв к единству не потерял своего значения. Все чаще за круглый стол садятся люди разных убеждений. И нередко над этим столом виден флажок с тремя сомкнувшимися окружностями! — это символ рериховского движения: оно обрело особую актуальность в наши дни.

У Рамакришны было сердце поэта. Его восприятию Вселенной присущ подлинный лиризм. Как и другие поэты человечества, он воспевал Вечную Женственность. Рамакришна говорил: «Я чувствовал Мать Вселенной в каждой женской фигуре»**. Прекрасные слова! За красотой реальной женщины Рамакришна видит ее космический первообраз. Это — Афина греков, это — Лада славян, это — Кали индусов.

Начало женственности первично. Не потому ли мир в своей основе так добр и гармоничен? Ведь свет материнства пронизывает всю Вселенную.

Матерь Мира...

* Провозвестие Рамакришны. С. 21.

** Там же. С. 161.

* Провозвестие Рамакришны. С. 216.

** Там же. С. 135.

Рерих посвятил ей свои лучшие полотна. К ним можно взять эпиграф из Рамакришны: «Дав рождение миру, она живет в нем»*. Быть может, замыслы этих полотен родились еще в Сортавала, когда Рерих читал и перечитывал Рамакришну?

Еще одна индийская книга была с Рерихом в Сортавала. Это—гениальная «Бхагавадгита»: здесь, среди ладожских шхер, она навсегда вошла в сердце мастера, оказав мощное влияние и на его жизнь, и на его творчество.

В 1918 году Н. К. Рерих написал на Тулоне символическую повесть «Пламя». Она многопланова по своему смысловому содержанию. Но эти планы как бы взаимопросвечивают, ибо образуют единую идейную перспективу. Что сохраняется, проходя через пламень? Вот основная проблематика повести. Она посвящена выявлению нравственных инвариантов, которые остаются неизменными при любых сдвигах времени. Неуничтожима—Совість, сохранна — Красота, бессмертно — Со-чувствие.

Вот фрагмент из финала повести: «Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать: «Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, неизблемое»**.

Какая значительная цитата! Она укрепляет Н. К. Рериха в его утверждении несокрушимых инвариантов. Цитата говорит о космологических законах сохранения. Но Рерих находит для них этическую параллель. Мастер верит, — в коловертях

* Провозвестие Рамакришны. С. 100.

** Н. К. Рерих. Пути благословения. Рига: Алатас, 1924. С. 55

эпохи погибнет лишь все косное и темное: «Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна»*. Но высшие нравственные ценности сохранятся среди всех бурь. Закон неуничтожимости совести! — вот что открыл Рерих на ладожских берегах. В своем творческом уединении он не был изолирован от социальных потрясений века. Время выражало себя через Рериха,— через его картины, стихи, прозу.

«Белая книга» — это «Бхагавадгита». В своеобразном посткриптуме к повести-письму она цитируется еще раз: «Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу. Продолжу из нее: «Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим — плоды деятельности»**.

Это сокровенная мысль «Бхагавадгиты»! Приведем цитированные строки в более полном и точном переводе Б. Л. Смирнова:

К плодам действий покинув влечение, всегда довольный,
Самоопорный, он, хоть и занят делами, но ничего не свершает.

И дальше:

Без надежд, мысли свои укротив, всякую собственность бросив.
Выполняя действия только телом, он в грех не впадает.

Удовлетворенный нежданно полученным, двойственность
преодолевший,
Незлобивый в неуспехе, в удаче разный — не связан, даже
дела свершая***.

Эти шлоки являются узловыми в четвертой главе «Бхагавадгиты». Вот как их комментирует Б. Л. Смир-

* Н. К. Рерих. Пути благословения. С. 54.

** Там же. С. 56.

*** Бхагавадгита. Ашхабад: изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 107.

нов: «Основная мысль главы — определение действия как жертвы, научение действовать жертвенно, то есть не ради достижения своих целей, но бескорыстно, ради общего блага» *.

Бескорыстье! Это главная этическая категория «Бхагавадгиты». Красота — в самом действии: в творческом порыве, в созидании. Деятельность, а не ее плоды,— так формулируется цель жизни. При поверхностном взгляде может удивить этот отрыв действия от результата. Но вдумчивый анализ убеждает в мудрой правоте «Бхагавадгиты». Когда результат становится самоцелью, то человек нередко перестает быть альтруистом: своекорыстье становится для него главным мотивом деятельности. И тогда в стремлении скорее достичь результата он становится неразборчивым в выборе средств! Деятельность утрачивает свою эстетическую самоценность,— перед внутренним взглядом человека маячит лишь результат в его утилитарной го-лизне.

Идея «Бхагавадгиты» о примате действия над результатом имеет еще и другой тонкий аспект. Часто человеку не дано увидеть плодов его деятельности,— особенно это касается гениальных людей: захороненные ими клады могут быть извлечены через десятки, даже сотни лет после их смерти. Но людей не останавливает эта удаленность результата! Более того: они сознают, что их усилия вообще могут оказаться безрезультатными. Сколь это ни трагично, но деятельность — даже при самой безнадежной перспективе! — все равно не утрачивает своего пафоса.

Понятие жертвенности имеет в «Бхагавадгите»

* Бхагавадгита.С. 63.

огромный космический смысл. Это зиждительное начало, творящее новые миры. Весь мировой процесс осмысливается в «Бхагавадгите» под этическим углом зрения. Человек органично включен в этот процесс! — поэтому нравственный кодекс Вселенной обязателен для него. Созидая добро и красоту, человек укрепляет космос.

Такое космическое понимание ответственности человека глубоко импонировало Н. К. Рериху. Чем масштабней этическая шкала личности, тем созидательней самое малое действие! Это убеждение, идущее от «Бхагавадгиты», прошло через всю жизнь Рериха. Он не боялся космических обобщений, ибо открыл замечательную зависимость: широта сознания человека согласуется с яркостью его деятельности,— пусть даже она протекает на самом скромном участке работы. Чем шире сознание, тем ярче человек. Космизация этики преображает вполне земные дела.

Деятельность Рериха глубоко соответствует этике «Бхагавадгиты». Ее нравственным постулатам, художник придавал своеобразную эстетическую окраску,— в обобщенном понятии Красоты соединились представления о добре и долге, о гармонии и сочувствии. Эстетика бескорыстного сотрудничества! Вот смысл рериховского движения.

Прав был Кант в своем учении о связи прекрасного и бескорыстного. Это кантовское положение Рерих планетарно расширил. В бескорыстии творческого созидания он увидел высшую ценность ноосферы.

В жизни художника было немало потерь и разочарований. Но в этике «Бхагавадгиты» он всегда находил нравственную опору. С философией бескорыстья, столь глубоко изложенной в древней

книге, перекликается стихотворение Н. К. Рериха «Оставил»,— оно датируется 1918 годом:

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмите, друзья.
Сейчас я в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи и осматрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобожденным,
я обращусь...

Вот замечательная параллель к этому стихотворению из «Бхагавадгиты»,— о человеке с продвинутым сознанием здесь говорится так:

Он не привязан, свободен; в мудрости мысли упрочив,
Дела совершает, как жертву, они для него исчезают бесследно.

В радости созидания видел Рерих смысл жизни. Понятие жертвенности для него — а равно и для «Бхагавадгиты» — лишено страдательного оттенка. Воистину, оно звучит в мажоре! Жертва — это не потеря, а дар: в таком творческом дарении прошли дни и годы Николая Рериха.

Перелистаем страницы древней «Бхагавадгиты», отыскивая созвучья с мыслями мастера. На каких местах особенно часто останавливалось его внимание? Попробуем представить себе тихий дом на Тулоне. Рерих — в раздумьях. Проблемы времени и вечности сплелись для него в один узел. Он ищет путь к гармоническому всеединству,— он предчувствует наступление хаотических сил. Что противопоставить хаосу? Труд и творчество!

Вот мастер отходит от подрамника и открывает любимую «белую книгу». Кришна говорит Арджуне:

Не совершай я дел — эти миры исчезли б,
Став причиной смешенья...

Дело и Космос! Эти понятия смело поставлены рядом. И какое мощное созвучье они породили!

Невольно вспоминаются слова Фауста, венчающие его мучительные искания: «В начале было Дело». Первичность действия я,— вот что привлекло Рериха в космической праксеологии «Бхагавадгиты». Действие здесь трактуется как условие существования мира. Если есть действие, то Вселенная жизнеспособна,— при бездействии просыпаются силы Хаоса: начинается гибельное смешение миров.

«Бхагавадгита» призывает:

Знающий пусть совершает дела для целокупности мира.

Прекрасно сказано: для целокупности мира! Индийская мудрость здесь сближается с античной мыслью. Ведь целокупный мир и есть греческий Космос. Он — гармоничен, он — целостен, он — прекрасен. В нем побеждена черная энтропия — роковая тенденция к распаду, к распылу. Единый мир! В единстве и через единство он становится целокупным Космосом. Долг ноосферы — укреплять космос. Каждый человек должен внести свой вклад в гармонию мира. Это категорический императив современного антропокосмизма. Но разве не о том же самом говорит «Бхагавадгита»?

В «Бхагавадгите» мы находим высокие слова о вечности человека. Это необычная форма бессмертия: телесная оболочка тленна,— но духов-

ная сущность неуничтожима. Она включена в непрерывную цепь превращений. Человек воплощается снова и снова. Его духовные накопления постоянно возрастают. Правда, они долго остаются неосознанными,— и все же исподволь направляют человека: опыт подсознательного часто приходит к нему на выручку. Но вот личность достигает высокой степени совершенства,— и тогда человек осознает «единение с мудростью, обретенное в прежних рождениях». Поэтичная концепция! Личность—это не просто индивидуум; это синтез многих личностей, существовавших прежде. Так в своеобразной поэтической форме утверждается мысль о преемственности поколений. Рериху были близки эти идеи. На его картинах мы видим образы Человека, о котором можно сказать словами «Бхагавадгиты»:

Он никогда не рождается, не умирает; не возникая, Он никогда
не возникнет;
Нерожденный, постоянный, вечный. Он, древний, не умирает,
когда убито тело.
Кто неуничтожимо, нерожденного, непреходящего, вечного
знает,
Как может такой человек убивать или заставить убить кого-либо,
Партха?

Рериха вдохновляло это учение о вечности Человека,— «Бхагавадгита» укрепляла космический гуманизм мастера.

Уже в сортавальский период Н. К. Рерих глубоко задумался о природе человеческого знания. Методология гималайского института «Урусвати» — а это было самое необычное в мире научное учреждение!— начинала ограняться на берегах Ладоги. Большую эвристическую роль в становлении рериховской теории познания сыграла «Бхагавадгита». Художника-ученого не удовлетворяла рассудоч-

ность механицизма. Знание должно не умертвлять, а одухотворять действительность! Лишь тогда человеку раскроются наиболее глубокие аспекты реальности. Индийская мудрость учит о бхакти-знании. Оно противоположно анализу. Оно идет от сердца, оно ведет к синтезу. Бхакти означает любовь. Понятия истины и любви здесь оказываются соотносенными друг с другом.

«Бхагавадгита» утверждает преимущество бхакти-знания,— и это оказалось весьма созвучным исканиям Рериха. Со временем мастер разовьет стройную концепцию чувствознания,— в ней будет преодолен разрыв между разумом и сердцем, столь характерный для европейской науки, Рерих станет предтечей великого процесса, который сейчас получил такое название: гуманитаризация знания. Без «бхакти» этот процесс просто немыслим!

В «Бхагавадгите» содержится замечательная классификация форм знания, соотносенная с учением о гунах — трех основных качествах природы. Вот характеристика этих гун:

Саттва — гармония, ясность.
Раджас — страсть, стремление.
Тамас — темнота, инерция.

Соответственно этому разделению строится и учение о познании:

То знание, что видит во всех существах единую Сущность;
Непреходящую, нераздельную в разделенном, ведай, это
знание саттвично.

То-знание, что, разделяя, во всех существах различает
Многообразные, отдельные сущности, знай, оно страстно. То
знание, что неосновательно привязано к единичной цели, Как
бы к всеобщей, ничтожное, к истине не стремится — оно
называется темным.

Как актуальна для наших дней эта классификация! Предпочтение в «Бхагавадгите» явно отдается саттва-знанию, — оно обеспечивает полный охват бытия, ибо зиждется на принципах целостности и синтеза. А вот для раджас-знания характерна дробная картина мира, — бытие здесь аналитически расщеплено: отдельные сущности никак не связаны друг с другом. Не напоминает ли это механистический взгляд на Вселенную? Еще менее совершенно тамас-знание: для него закрыта многогранность неисчерпаемого мира, — это предельно специализированное, а потому и неизбежно одностороннее знание.

Рериха с полным основанием можно назвать творцом саттвичного знания. Вся его разносторонняя деятельность удивительно соответствует идеалу саттвы. Он умел находить единство в разнообразии, — и выявлять эстетическую значимость этого единства. Институт «Урусвати» всецело был ориентирован на принципы саттвичного знания. Вот почему гималайский опыт так актуален для современной науки, еще не преодолевшей ограниченность аналитического и специализированного знания.

«Бхагавадгита» построена в форме диалога между Кришной и Арджуной, Это необычный диалог. Как и в ветхозаветной «Книге Иова», здесь моделируется контакт разных уровней: если Арджуна представляет уровень обычной реальности, то Кришна говорит с позиции некоего высшего метауровня.

Не нужно мистифицировать этот метауровень: его можно представить как некий образ грядущего — Человек настоящего ведет беседу с Человеком будущего. Такое понимание метауровня всецело соответствует традициям индийской мысли:

человек может подняться на все ступени космической Иерархии! — в этом подъеме и заключается смысл его эволюции.

В «Бхагавадгите» мы получаем возможность увидеть земное с позиций надземного! О важности метауровневого описания настоятельно говорят современные ученые. Так, В. В. Налимов вводит замечательное понятие «метанаблюдателя»: делается попытка посмотреть на себя как бы со стороны, — например, с точки зрения инопланетянина. Причем инопланетянину могут быть приписаны сколь угодно парадоксальные свойства: так, он может представлять неантропоморфную форму разумной жизни, — и уровень его развития может быть на несколько порядков выше нашего. Разве диалог с подобным метанаблюдателем не будет содействовать нашему самопознанию?

«Бхагавадгита» предвидела плодотворность подобного контакта. Причем не столь важно, является ли этот контакт реальным или модельным, — главное заключается в подготовке человека к общению с существом, представляющим метауровень. Опять-таки не имеет значения, если это существо придумано человеком, представителем нижележащего уровня. Ведь в подобном творчестве расширяется сознание человека! — и этим подготавливается его реальный переход на метауровень. Однако с подъемом на новую ступень человек опять почувствует, что над ним уходят в беспредельность иные иерархические уровни. Человек начнет дерзко моделировать их! И так — бесконечно: ибо лишь в творческом самопреодолении обретается совершенство.

Кришна в «Бхагавадгите» выполняет роль, во многом аналогичную той, которую в современной философской фантастике играют внеземные

цивилизации, оставившие далеко позади нашу планету: таков лемовский Солярис — планетарный мозг-океан, чье всеведение поражает наше воображение; таковы таинственные посетители Земли, о которых ничего не могут сказать герои повести Стругацких «Пикник на обочине», Кришна выступает как космический педагог: он стремится расширить сознание Арджуны и приобщить его к вселенскому опыту.

Кришна — Учитель, Арджуна — Ученик. Только обучение здесь необычное: информация передается с метауровня, — Земля слушает Космос. Возможность такого общения бесконечно волновала Н. К. Рериха. Готово ли человечество к космическому диалогу? Впервые этот глубочайший вопрос — во всем своем величии и масштабности — встал перед Рерихом в Приладожье. Вся его дальнейшая судьба разворачивалась под знаком идеи общения с космическим метауровнем. Для этого он поехал в Индию.

Но подчеркнем еще раз: образ космического Учителя впервые встал перед Рерихом на берегах Ладоги. Тем значительней для нас его пребывание в Карелии! Здесь началась великая работа Рериха по космизации сознания, — значение рериховских трудов на эту тему вполне сравнимо с космической философией К. Э. Циолковского.

Между прочим, издание «Бхагавадгиты», которым Рерих пользовался в Сортавала, вышло в Калуге: дата выпуска — 1914 год. Очень вероятно, что калужанин К. Э. Циолковский был знаком с этим изданием. В ряде его философских трудов — среди них назовем прежде всего «Нирвану», «Монизм Вселенной», «Научную этику» — чувствуется веяние Индии. Этика Циолковского имеет интересные параллели с этикой «Бхагавадгиты».

В своей оригинальной статье «Неизвестные разумные силы Вселенной» ученый тоже моделирует общение с космическим метауровнем.

Особенно активно свою космическую философию К. Э. Циолковский развивал в двадцатые годы. В это же время Е. И. и Н. К. Рерихи начинают издавать серию книг Живой этики. Они посвящены великой проблеме метауровня. На этой ступени находится Учитель. Его миссия трудна и благородна: с предельным тактом — и с полным соблюдением свободы воли землян! — раскрыть перед ними величие Космоса.

Ученик благоговейно слушает Учителя. Он узнает о космическом ритме, соединяющем Вселенную в одно целое; ему явлено содружество дальних миров, создавших прекрасный этический кодекс; для него включается музыка сфер, творимая великими художниками Космоса.

Картина обитаемой Вселенной, нарисованная Н. К. Рерихом, обладает большой эвристичностью. Как будет осуществляться наш диалог с посланцами более развитых цивилизаций? Они могут существенно отличаться от нас. Ведь Космос неисчерпаем! Почему не предположить, что гости Земли будут построены из более тонких видов материи? И эта гипотеза должна быть рассмотрена учеными планеты.

Пытаясь воссоздать образ космического Учителя, Рерих пишет в замечательном стихотворении «Свет»:

Как увидим Твой лик?
Всепроникающий лик,
глубже чувств и ума,
Неощутимый, неслышный, незримый.
Призываю: сердце, мудрость и труд!

Да, лишь это замечательное триединство открывает человеку путь к дальним мирам! Там он встретится с необычными формами жизни,— о их парадоксальных свойствах Рерих говорит в своем стихотворении. Наитью мастера открывались ноосферы, построенные из тончайших световых субстанций. Лишь для догматического мышления такая возможность представляется чистой фантастикой. А Рерих был подлинным диалектиком. Он знал: материя сверкает неисчерпаемыми возможностями! Ее эволюция беспредельна.

Стихотворение «Свет» было написано в Сортавала: под ним стоит дата, очень существенная для Рериха,— 1918 год. Именно в этом году ладожские зеркала сфокусировали для мастера свет дальних миров. Рерих ощутил свою близость к звездам. Как их тайные сиянья донести до землян? Мастерская художника стала обсерваторией духа. Космос приблизился к Земле. В преддверии великих контактов творилась новая Красота. Рерих понял: чувство прекрасного соединит миры.

5. Н. К. Рерих как поэт

...Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней сдавлились в
давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утесов ничто не
виднелось. Темнело, ступенями
великанов храма спустимся ниже...

Это стихи Николая Рериха, В Приладожье раскрылось поэтическое дарование мастера,— здесь он написал свою единственную книгу стихов.

Впоследствии его обращения к поэтической форме были исключительно редкими. Тем значительней для нас это обстоятельство! — ведь именно природа Карелии всколыхнула в художнике лирическую струну.

Книга стихов Н. К. Рериха «Цветы Мории» имеет исключительное значение для понимания духовной эволюции мастера.

Необычно звучат стихи Н. К. Рериха:

Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они
знают приказ: найти
священные знаки. Становится
темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть —
священные знаки? Сегодня
мы их, пожалуй, уже не
найдем. Но завтра будет
светло. Я знаю — мы их
увидим.

Удивляет ритмический рисунок стихов! Каждая строка пружинно сжата,— ее интонационная энергия огромна. Синтаксис — прерывист. Будто стих повторяет ритм крутого подъема! Или следует неожиданным извивам ладожского берега.

Очень характерны для стихов Рериха анжабаменты: это внезапные разломы строки,— с переломом ее части в следующую строку или строфу. На месте такого разрыва возникает нечто подобное силам инерции. Стих становится прерывистым, напряженным. Он похож то ли на сбившуюся речь вестника, то ли на код древних заклятий. В напряженности стиля — экспрессия мысли.

Техникой анжабамента блистательно владела Марина Цветаева,— стиливая параллель с Рерихом тут вполне возможна. Правомерны и другие сбли-

жения: с Тагором, Уитменом, Хлебниковым, Однако условность подобных сближений бесспорна. Рерих самобытен. Мастер создал собственную поэтическую форму. Она уникальна, она — неповторима. Ценен вклад Рериха в сокровищницу русской поэтики.

При чтении стихов Рериха иногда возникает странное ощущение: есть в некоторых из них как бы некая надиктованность,— словно это запись услышанного извне. Даже чуткость вслушивания чувствуется в напряжении стиха! Будто далеко-далеко звучит чей-то голос. Говорящий знает: его трудно услышать, И трудно записать со слуха. Поэтому фразы он строит с предельной краткостью.

Не моделируются ли в самой структуре стиха особенности диалога с Учителем? Космическая стенография! Поначалу запись ведется как бы впотьмах,— дух еще не просветлен для такого общения. Отсюда ритмические остановки и замиранья. Ничего не должно быть упущено! Сдерживая внутреннее волнение, Рерих вслушивается в беспредельность.

Стихи Рериха имеют связь с поэтикой сказки. Николай Константинович был талантливым сказочником! — он работал в этом жанре и как поэт, и как прозаик, и как художник. Для философии сказки характерно представление о двух уровнях реальности. Есть бытие,— и есть инобытие. Если первое является областью строгих законов, то во втором безраздельно царствует стихия волшебства. Сказка эвристична. Указуя на скрытое и неведомое, она исподволь углубляет наше сознание. Готовы ли мы принять новое? Сказка адаптирует нас к этой зреющей новизне.

Лейтмотив стихов мастера можно определить одним словом: это — п р е д ч у в с т в и е ! Книга

полна тайных предвосхищений; она написана как бы в преддверьи чудесного; ее предвиденья поражают своей смелостью.

Предчувствие — предвосхищение — преддверье — предвиденье. Приставка «пред» здесь несет большую смысловую нагрузку. Ибо книга Рериха написана на порубежье бытия и инобытия,— мастер очарованно замирает перед вратами, которые вот-вот распахнутся в неведомое.

За одними вратами — другие врата. Рерих рисует сквозную перспективу врат! — воистину, она беспредельна. Ибо перед нами прекрасный образ неисчерпаемой истины.

Допустите нас, стражи!
«Нельзя»,— нам сказали
И затворили врата.
Но все же много врат
Мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.

Тема открывающихся врат звучит и в живописи Н. К. Рериха. Вот раздвигаются тяжелые створы,— и нам открывается удивительная даль. Так пройдем через лазурный проем! И оставим за плечами тьму заблуждений. И откроем свое сердце свету. И проникнемся бесконечностью пути.

Одно из стихотворений мастера называется «На последних вратах». Когда приблизится к ним ноосфера? Приблизившись, не захочет ли пойти дальше? Условно понятие последнего.

Постоим в молчании возле врат Рериха. Пусть они пока не открылись перед нами,— но в ясности предчувствий уже означилось будущее.

«Привратник, скажи, почему эту
дверь затворяешь? Что
неотступно хранишь?» — «Храню

тайну покоя». — «Но пуст ведь покой. Достоверные люди сказали: там нет ничего». — «Тайну покоя я знаю. Ее охранять я поставлен». — «Но пуст твой покой». — «Для тебя он пуст», — ответил

привратник.

Давно ли мы отождествляли вакуум с пустотой? Теперь он явлен взору ученого как бездонный резервуар виртуальных частиц. Так откажемся от категоричности! Будем помнить: над нами возносятся неведомые ярусы реальности. Взойдя на новую ступень, увидим: наш прежний горизонт превратился в малое кольцо. А мы отождествляли его с границами Вселенной.

С темой врат органично связана тема ключей. Как найти ключ к метауровню? Ведь здесь нельзя работать отмычкой. Отмыкаются врата лишь на созвучный ритм сердца. Этот ритм и есть ключ! В тишине и медитации подбираются верные тональности. Среди сонма мировых вибраций отыскиваются нужные, соответственные. И вот сердце зазвучало в унисон невидимой сфере. Врата — разошлись: путник очарованно замер перед гармонией неевклидовой Вселенной.

Стихи Рериха все время как бы колеблются между разными уровнями бытия. Подобно vibrating струне, строка натянута вдоль границы, разделяющей явное и скрытое. Существенной частью рериховского Космоса является промежуточная полоса между этими областями. Художник располагает свою мастерскую именно на этой полосе. Ответственна роль посредника между земным и космическим.

Мир художника полон тайн. Он совсем не похож на расчисленный механический космос! — эта

мертвая модель оказалась несостоятельной отчасти и потому, что в ней не были учтены скрытые уровни бытия. Наше интуитивное предвосхищение скрытого, неявного вносит в мир поэзию таинственности. Как был бы сух и скучен мир без этой поэзии! Рерих помогает нам глубже ощутить непреходящую таинственность Космоса. Благодаря этому наше эстетическое восприятие мира обретает новые обертоны: нас впечатляет не только Гармония мира, — эстетически мы переживаем и его Таинственность.

Уровни бытия не отделены друг от друга жесткими границами. Разве на уровне физических процессов нет некоторых признаков, свидетельствующих о возможности биологической организации материи? Уровни будущие как бы имеют свое представительство в уровнях настоящих. Вот почему тревожный крик ласточки откликается в нашем сознании всплеском баховского хорала! В природе уже есть задатки человеческой музыки. Равно и в музыке Баха предугадана гармония космических сфер.

Рерих творил в предвосхищении новых уровней бытия. Он чувствовал: какие-то свойства этих уровней можно угадать в чертах сегодняшней реальности. Тайные меты будущего! Рерих учился находить их, — а потом подвергать расшифровке. Ведь эти меты имеют вид символов: чтобы понять их значение, нужна проникновенная интуиция.

Так с темой предчувствий соединяется тема знака. Предчувствие находит свою опору в тайных знаках! Нужно уметь увидеть их, дабы точно выверить путь. Это необычные знаки, — они намекают на иные уровни. Говоря иначе, это знаки будущего: в настоящее просачивается свет из завтра. Пусть он проходит через предельно узкую

щелочку, но сердце способно ощутить даже единственный квант. Вот эти редкостные кванты, излучаемые будущим, и умел улавливать Рерих.

Врата между уровнями находятся скорее не в пространстве, а во времени — граница между «сегодня» и «завтра» совпадает с границей между обыденным и чудесным. Интуиция Рериха — это своеобразная, проскопия: попытка заглянуть в завтрашний день ноосферы.

В стихотворении «Завтра?» Рерих пишет:

И, озаренный новым солнцем,
Забыл я и лишился того,
Что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
Знания все растворились.

Такие солнца зажигают великие люди. О, яркий свет нови! Его излучают и терцины Данте, и романы Достоевского, и формулы Эйнштейна. Новое объемлет старое. И накопления прошлого растворяются в океане сияющей новизны. Такова диалектика процесса познания. Рерих говорит о ней на языке прекрасных метафор.

Нелегка стезя знакоискателя. Ведь неуловимо тонок сигнал будущего,— как поймать его среди шумовых помех цивилизации? Приходится проходить по сложным лабиринтам времени. И встречать непонимание на своем пути. И одолевать непроницаемую косность. Как важно в этих борениях сохранить чуткость сердца! Лишь для избранных посилен такой удел.

Так в полифонию книги вплетается тема избранничества. Здесь не идет речь о какой-то элите,— подвижнический путь доступен каждому. Но для этого необходимо особое усилие духа, поднимающее избранника над уровнем толпы. Пушкинская

тема «поэта и черни» по-новому звучит у Рериха. Хотя в стихах художника чувствуется горечь непонимания, но общая тональность все же является более мажорной. Люди пойдут за лучшими! — за теми, кому ведомы знаки будущего. Вот стихи о духовном поиске:

Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они знают
приказ: найти священные знаки.
Становится темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть —
священные знаки? Сегодня мы
их, пожалуй, уже не найдем. Но
завтра будет светло. Я знаю —
мы их увидим.

Тончайшие напечатления будущего! Рерих-поэт находит их всюду: и в душах людей, и в красках заката, и в шуме травы. Мир полон намеками. Вестники завтрашнего дня идут рядом с нами. Если вы поздно догадались об этом, то ищите след загадочных посланников:

Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным.

Рерих создает фантастический образ вестника из будущего. Велики его знания! Дабы не нарушилась логика времен, он передает нам скорее намеки на эти знания. Вестник — Учитель. Через сны и озарения получают люди уроки из космоса. Учитель знает: достаточно малого толчка, чтобы заработала творческая мысль. Подсказки из будущего запрещены!—пусть каждое время проявит свою самобытность. Но тонкая помощь возможна.

Настройка на ритм предпочтительней, чем прямая передача сведений: вот почему Будущее транслирует свою музыку в сторону Настоящего. В руках Учителя — эти тайные связи. Он помогает людям найти нужный ритм. Для этого и послан из Будущего,

Образ Учителя-вестника проходит через многие страницы книги. Поэт обращается к посланнику:

Подойди, подойди ко мне, светлый,
не испугаю тебя я ничем.
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидеть я
не мог...

Это стихи о неуловимом присутствии Будущего рядом с нами. В суете мы не замечаем его черты. Но сосредоточимся!—и вот проступают зыбкие образы. Поймем ли их смыслы? Если поймем, то преобразимся. Легче нам будет по явленным знакам торить свой путь в Завтра.

Атмосфера стихов Рериха, посвященных образу Учителя, полна торжественности. Читаешь эти стихи,— и в сознании возникает одна из карельских картин мастера: это «Лунный свет (Карелия)». Очень важен этот подзаголовок! Он еще раз подтверждает, что именно 1918 год — такова дата написания картины — принес мастеру большие духовные обретения.

На полотне мы видим ночную Ладогу. Среди скальных островов поднимается луна. Справа — таинственная лестница, пробитая в камне. Быть может, это символ космической Иерархии? Возле лестницы — люди. Куда уведут их явленные ступени? К звездам, к звездам.

В левой части полотна мы видим таинствен-

ную фигуру, закутанную в белое: будто по лунному следу только что вышел на берег светящийся Вестник! Заметили ли его люди? Заметили: пусть не глазами, а сердцем.

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя,
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глупых
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчаньи.
Глаза Твои могут сверкать,
Голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.
Но ты не сверкаешь,
Ты не гремишь,
и не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

Это стихотворение «Уводящий» написано в 1916 году. Сколь ни фантастично его звучание, но ставится здесь большая проблема. Какую форму примет контакт с представителями более развитых цивилизаций? Именно такой контакт по сути дела моделируется в стихотворении Рериха.

В «Уводящем» художник эскизно наметил основные положения космической этики. Высшие существа будут проявлять предельный такт при взаимодействии с младшими братьями. Возможно, они вообще не захотят себя обнаруживать до определенного срока,— тут все будет зависеть от

духовной продвинутой землян, от их готовности к контакту. Не исключена и такая печальная возможность, когда мы просто не заметим пришельцев. Ведь они могут состоять из незнакомых нам форм материи. И потому будут ненаблюдаемыми для нас! Даже такая фантастическая возможность должна быть принята во внимание.

Представим, что с нами хочет наладить связь цивилизация, находящаяся внутри фридмона*. Но в нашей системе отсчета этот фридмон является элементарной частицей! И поэтому зов пока не будет услышан.

А что, если другие цивилизации уже пытались обратить на себя внимание? Они давали нам знаки, но мы их не поняли. Увидев странное явление, мы называли его игрой природы. А это была попытка завязать диалог с нами! Да будем внимательней к сверкающей своим разнообразием Вселенной.

Рерих предвидит: выход на метауровень приведет к открытию странного мира, насыщенного парадоксами. Обыденное сознание заведомо не справится с ними,— поэтому для приятия небывалого нужно создать новую логику. Вот великое задание человеческому интеллекту!

Стихам Рериха присущ парадоксализм. Это не случайно: парадоксы всегда сигнализируют о приближении к области неизвестного. И не только в науке, но и в искусстве! Так, дзэн-буддистские поэты издревле ввели парадоксы в свою поэтику,— с помощью коанов они расширяют сознание слушателя, внезапно и резко выводя его из привычной системы координат.

* Согласно представлениям академика М. А. Маркова, элементарная частица в силу дефекта масс может содержать в себе Вселенную. Такая частица получила название фридмона.

Некоторые стихи и притчи Н. К. Рериха очень близки поэтике коана. Интересно отметить, что в «Уводящем» содержится настоящий коан, широко популярный в Японии: «тишина громче грома». Заимствование здесь исключается,— совпадение обусловлено сходством образно-смысловых задач, стоявших перед Рерихом и дзэн-буддистскими поэтами. Тут преследовалась общая цель: освоение метауровня.

В книге есть еще несколько стихотворений, очень интересных в аспекте проблемы контакта. Они написаны как философские притчи. Их мысль ясна: будущее сулит человеку новые горизонты,— поэтому уже сейчас нужно думать о возможности иных, более широких систем отсчета. Мы не должны абсолютизировать свою меру, свой канон. Для расширения сознания пусть работает наша фантазия! Ведь в игре воображения своеобразно моделируется разнообразие Вселенной.

В стихотворении «Любовь?» Рерих описывает фантастическую ситуацию,— он оказывается в группе разноязыких существ:

...Говор одних походил на клекот горных
орлов. Другие шипели как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом.
Слова становились грозны.
В них грохотали горные камни.
В них град проливался,
В них шумел водопад.

Это похоже на спор в клубе инопланетных цивилизаций! Но Рерих — гуманист: он верит сердцем, что в космосе нет розни. Хор непонятных голосов перестает ему казаться зловещим,— освободившись от плена чисто земных ассоциаций, художник заключает:

А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь!

Впоследствии понятие любви станет центральным в космофиле Н. К. Рериха. А здесь — интуитивное предзнание: космос построен на добрых началах.

Стихотворение «Замечаю» — о соседстве с неизвестным. Это тоже притча. Она рассказывает о незнакомце, поселившемся возле сада художника. Из дня в день исполняет он на гуслях новые песни. Так проходят годы, — взрослеет художник; его сестра готовится выйти замуж.

Мы пошли попросить его
спеть на свадьбе сестры.
При этом мы спросили:
откуда берет он новые
слова и как столько времени
всегда нова его песнь?
Он очень удивился как будто и,
расправив белую бороду, сказал:
«Мне кажется, я только вчера
поселился около вас. Я еще
не успел рассказать даже
о том, что вокруг себя
замечаю.

Загадочные стихи! Создается ощущение, что незнакомец живет в иной — не земной — системе отсчета времени. Наша шкала не является абсолютной. В природе возможны различные состояния пространства-времени. Так считает В. И. Вернадский. Одно время течет в одном темпе, — а рядом другое время несет в себе иной ритм.

Поэзия многозначна. Вероятно, в стихотворении «Замечаю» Рерих хотел сказать о силе искусства,

побеждающей время. Ведь седобородый гуслир находится уже как бы в области вечного! Но граница времени и вечности — это все та же черта между известным и неизвестным, уровнем и метак уровнем, сегодня и завтра. Художник ставил свой этюдник возле этой черты:

...К черте подойдем
и заглянем. В тишине и молчаньи.
И нам молчаливый ответит.

Рериховские стихи-притчи поражают своей многоплановостью. Недавно С. С. Аверинцев обратил внимание на большую роль притчевого мышления в становлении культуры*. В условиях цивилизации эта изумительная форма почти сходит на нет. Но Рерих ее воскрешает! И наполняет новыми небывалыми смыслами.

В притчевом ключе написан исключительно глубокий цикл «Мальчику». В нем раскрывается педагогический талант Рериха. Как приобщить человека к новым уровням бытия? Доверие и осторожность; такт и смелость; доброта и требовательность, — эти разнородные качества должны быть диалектически сопряжены в подходе к ученику.

Структура цикла близка диалоговому построению «Бхагавадгиты», — перед нами своеобразные стихи-беседы. Говорит Учитель, — но благоговейное молчание ученика тоже содержательно. Между ними возникает сложная обратная связь. Учитель упреждает возможные вопросы и возражения ученика, — поэтому его монологи по сути диалогичны: стих строится на столкновении тез и антитез.

* Смотрите его статью «Притча» в Краткой Литературной Энциклопедии.

Торжественность и вместе с тем теплота чувствуется в словах учителя. Сворачивается великий акт передачи Знания. Ученик получает уникальную информацию. Вот первая заповедь:

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет...
Есть лишь несовершенство.

Это великая мысль о всеобщей и абсолютной силе Добра. Оно вечно. Тогда как Зло преходяще! Будучи порождением извращенной эволюции, зло преодолевается на путях совершенствования. Нет ненависти в природе мира. Корни бытия — добро и благо. Указывая ученику на упущения и заблуждения, Учитель помогает ему развеять опасный мираж: ложное убеждение в том, что зло неодолимо.

Вот еще одна заповедь космоса:

Мальчик, вещей берегися.

Эта мысль о приоритете духовных ценностей созвучна нравственному идеалу «Бхагавадгиты»: простота и безбытность содействуют эволюции духа — тогда как утилитаризм останавливает восхождение.

Этическое совершенствование находится в единстве с освобождением от иллюзий познания. О них говорится в стихотворении «Не закрой». Мир отражений мальчик принимает за первичную реальность. Учитель говорит ему: не смотри на зеркало водоема,— подними глаза в небо! Там подлинная реальность, там первообразы сущего.

Невольно вспоминается жест Платона в «Афинской школе» Рафаэля: философ указывает перстом в высь,— тогда как рука его оппонента Аристотеля обращена к земле.

Рерих на стороне Платона. В стихотворении «Под землю» говорится о черепах, рассеченных топором и пронзенных стрелами:

И лики их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землю.

Альтернативный путь уводит в небо! — к космосу, к дальним мирам. Жест Платона оказывается путеводительным.

Космизация сознания предполагает одоление аналитических схем мышления. Вообще умерщвляющее знание чуждо космосу. Поэтому Учителем в форме притчи дается такая заповедь:

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
только для знания.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знания
убить человека?
Если ты умертвил жука,
птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

Учитель не скрывает своего горького сарказма. Он ставит ученика перед выбором, исподволь направляя его к истине. Логическая цепь, построенная Учителем, безупречно точна. Нравственная шкала должна быть абсолютной. Иначе за малым отступлением последуют лавины зла! Эту жуткую картину Учитель разворачивает перед учеником. Он учит его «благоговению перед жизнью»,—

это выражение Альберта Швейцера здесь очень уместно. Принципы гуманизма непреложны. Знание тоже должно быть гуманным! Бездушный анализ — пусть пока лишь в перспективе своих возможностей и тенденций — чреват убийством. Сколь ни радикален такой вывод, но логически он просто неизбежен. Вот почему заповедь «Не убий» имеет в космосе не только правовой или нравственный, но еще и глубокий гносеологический смысл.

Расширяется духовный мир мальчика. Он ощутил радость в творении добра. Ему открылась красота цельного знания. В нем пробудился великий дар сочувствия. Теперь — новые ступени, теперь — новые горизонты.

Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь — поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зренье бедно.
Грубо твое осязание.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал...

В мальчике раскроются новые качества. Его восприятие мира станет многомерным. О, космическая сенсорика! Инозвук — инокраски — иноформы. Необычный мир предстанет седьмому чувству. Оглядываясь назад, мальчик скажет: — Я раньше видел так мало!

И вот мальчик становится мужем! Он готов выйти в Беспредельность. Он может понять Вечность. Он сумел обрести Бессмертие.

Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной.

Сколько торжества в этих словах! Еще одна ноосфера вошла в космическое братство. И теперь ее черед пестовать юную поросль духа. Ученики становятся Учителями. Да благословит их Беспредельность на этой стезе!

В борении утверждается гармония мира. Если ты на стороне света, то духовно раскрепощай себя.

Мальчик, водительство духа
Чаще ты призывай,
Оно тебе в жизни
поможет.

6. Единство*

Н. К. Рерих провел в Сортавала годы, которые стали переломными для истории.

В письмах друзьям художник писал о тихой гамсуновской обстановке при ладожского городка. Казалось бы, уютный Сердоболь был изолирован от всех потрясений эпохи. Но это впечатление иллюзорно! Внутренняя связь Рериха с Россией не ослабевала ни на миг. Сердце мастера откли-

* В главе использованы материалы Н. К. Рериха, заимствованные из архива известного рериховеда П. Ф. Беликова. Цитируемые записи и письма Н. К. Рериха относятся к сортавальскому периоду {1916—1918 гг.).

калось на все содрогания страны,— тревога и надежда сливались в одно чувство.

К 1916 году Рерих уже вполне сложился как мыслитель. Но с полным основанием можно сказать, что его философия культуры оформилась в Сердоболе. Маленькому городу суждено было стать родиной идей, вскоре вылившихся во всепланетное рериховское движение.

Понятие культуры в учении Рериха обрело глубокий космический смысл. Как никто другой, художник понимал опасность со стороны сил хаоса, сил распада и распри. Ведь ноосфера так молода! Отсюда ее неустойчивость, ее метания. Культурные слои пока слишком тонки, чтобы сдерживать прорыв темных стихий. Хаос использует любое слабое звено,— лишь бы нанести сокрушительный удар по ноосфере. Выдержат ли стены светлого града? Ночной мрак толпится вокруг них; подступают волны злобы и ненависти; завывают, стенают безумные ветры.

Культура повышает организованность космоса. А бескультурие и варварство являются проводниками хаоса. Извечно боренье противоположных сил! Удастся ли космосу навсегда обороть хаотические начала? Для Рериха это не только теоретический вопрос. Мастер твердо произносит: «Наступает время действия». Это действие — подвиг. В подвиге народном укрепляется оплот Красоты. Смело глядя в будущее, художник пишет: «Новые пути, новые подвиги! Лишь подвигом движима русская жизнь. Из подвигов самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовласти, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания. А со знанием истинным придет и познание великого единства».

Единство! Вот главная категория космической

философии. Гармония мира определяется единством противоположностей. Вещество и поле. Чувство и разум. Человек и природа. Это вполне согласуемые между собой начала, принципы.

Но невозможно согласие между добром и злом, между бескорыстием и завистью. Гармония и согласие доступны лишь тогда, когда оба противоположных момента — и теза, и антитеза — имеют положительный смысл для мира. Досажен конфликт между ними. Как гармонизировать такие положительные противоположности в человеке и обществе? Рерих дает на этот вопрос однозначный ответ: путь к гармонии — это путь знания. Вот почему в его глазах просветительская деятельность приобретает космический смысл.

В основе космоса лежит световое начало. Свет — это информация и организация; свет — это оплот против энтропии; свет — это первый закон красоты.

Миры вырабатывают свет. Излучают в ночь биосферы. Сияет свет несказанный — незримый свет сердца. Мы живем в светоносном космосе. И наша задача — быть светом.

Только на свету рождается гармония. Светом скрепляются тезы и антитезы, вступая в отношение дополнительности. Взаимность! Вот основа вселенского лада.

Хаос стремится внести дезорганизацию в мир. Он сеет рознь и распрю. Гармония ненавистна ему. Поэтому хаос разделяет единые начала, провоцируя между ними изнуряющую борьбу. Смешение! — вот чего добивается хаос. Он хочет низвергнуть мир в безразличное энтропийное состояние. Все разнородности будут нивелированы. Все связи — разлажены. Все формы — распылены.

Идет борьба Космоса и Хаоса! Рерих называл

ее Армагеддоном. Мастер понимал бескомпромиссность этой борьбы. Вот альтернатива: или Свет — или Тьма. Ноосфера стоит перед выбором. Она может даже не сознавать этого. Тем опасней ситуация: нельзя доверять бессознательному! Ведь в сфере бессознательного еще сильны зовы хаоса. К тому же стратегия хаоса часто строится на заманчивой лжи: он мимикрирует под лучшие идеалы человечества.

Хаос играет на темных влечениях человека. Он поощряет утилитарную корысть и эгоистическую самость. Он разжигает страсть властолюбия; подрывает устои нравственности; потворствует обману.

Армагеддон идет на всем земном шаре. Особую роль в этой борьбе Рерих отводит России, — она является носителем светлых космических сил. Как и в любой другой стране, в России есть строители и разрушители. Рерих со строителями. Ему глубоко чуждо неоварварство. Как сдерживать натиск темных стихий? Только светом, только знанием. Нелепы призывы к отрицанию культурных накоплений прошлого. Это голоса хаоса! Ведь каждый новый подъем предполагает опору на прежние достижения. Иначе рухнут ступени эволюции, иначе неизбежен возврат в пещеры.

В Сортавала размышляет Н. К. Рерих о великом принципе диалектической преемственности. Он верит в новый, взлет России. Тем важнее сейчас подняться в защиту культурных ценностей! Ими держится космос; ими утверждается Красота.

Рерих пишет из Сортавала Александру Бенуа: «Помни, что я живу на Ühin_Lahti, а в переводе — на Заливе Единения. Само местожительство напоминает о том, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа. Неужели опять вернуться к культурному безразличию. Неужели можно думать о

свободной жизни без знания, без радости искусства. Спуститься ли искусству до толпы, или же властно поднять толпу до найденных пределов искусства?»

Рерих ставит задачу-максимум. Благородно устремление мастера! Его эстетический максимализм утверждает необходимость всеобщего культурного роста. Нельзя потакать низким вкусам, — это уступка серому Хаосу. Высокое чувство прекрасного можно воспитать в каждом человеке.

Часто в сортавальских записках Рериха встречается слово «новое». Оно звучит в разных сочетаниях: «новое поколение», «новые люди», «новая ступень». Мастер понимал всю историческую новизну сложившейся в России ситуации. С нею он связывал свою надежду на новый духовный подъем человечества.

Вот ступени культуры, уводящие в космос! Да не пресечется их поступательный подъем ввысь.

Не в Сортавала ли впервые пробрезжил Рериху образ мировой Иерархии? Действительность имеет ступенчатое строение. Чем выше ступень, тем тоньше организация. И нет предела у этой незримой эволюционной лестницы! Так будем наращивать ее. Так построим новую ступень.

Понятие «ступени» приобретает у Рериха значение философской категории. Оно эквивалентно современному понятию «уровня организации». Мастер знает: вместе с развитием культуры растет организованность ноосферы. Чем выше уровень, тем дальше хаос. Строя ступени, ограждаемся от энтропии.

Рерих пишет: «Новую ступень искусства приветствовать будем», И в другом месте: «Создается еще одна ступень к мировому единству».

Повышение уровней, наращивание ступеней! Вот стратегия для борьбы с хаосом.

Единство обретается в эволюционном строительстве. С каждым подъемом все легче устанавливается связь противоположностей. Наконец, условия их сочетаемости становятся оптимальными. И тогда рождается подлинная гармония!

Наоборот: при низком уровне мира (а равно и сознания) верх берут силы розни.

Строительство ступеней — это созидание космоса. Хаос хочет сделать мир бесступенным. Разрушая иерархию уровней, он как бы уплощает бытие. Однотонная мертвая плоскость! Воистину, это образ пустыни. Рериху дорог иной ландшафт: мастер гор, в крутых отрогах и пиках он увидел иерархическую модель мира.

В Сортавала Рерих делает много заметок для статьи «Единство». К сожалению, она не была закончена. Но сделанные наброски стали для Рериха своеобразными тезисами,— он разворачивал и развивал их в течение всей своей жизни. Книгами и статьями обернулись эти кратко зафиксированные мысли. Тем интересней обратиться к ним сейчас,— ведь в них по существу содержится программа всего рериховского движения.

Вот фрагмент, в чем-то очень созвучный блоковским «Скифам», их устремлению к единству: «Теперь опять гребень мировой волны. Опять слова о единстве. Слова еще грубые. Непохожие на великие провозвестия древности. Может быть, и теперь это только предчувствие. Еще сильна основа лжи и враждебности. Еще живо все, что единству противоположно».

Антиподом единства является рассогласованность. Она принимает самые разные формы: от самозамыкания целых наций до эгоистической

обособленности индивидуумов. Рассогласованность— союзница хаоса: разделяя и расчлняя, темные стихии лишают мир его живой целостности. Вот почему Рерих призывает всю Ойкумену к согласью.

Красота согласья...

Идеям единства Рерих придает своеобразный эстетический оттенок. Поэтому они становятся еще более привлекательными. Сотрудничество, терпимость, всевмещение, взаимопонимание: эти понятия связаны у мастера с центральной для него категорией красоты.

Рерих был не одинок в своем поиске формул единства. Поучительно рассмотреть его идеи в контексте духовных исканий времени. При всем своем разнообразии, эти поиски имеют некоторую внутреннюю общность,— они связаны с разными аспектами Единства.

В. И. Вернадский в эти годы приходит к мысли о всецелостном единстве природы Земли,— рождается великая теория биосферы.

П. А. Кропоткин обдумывает «Этику», завершающий труд своей жизни: понятию взаимопомощи автор придает универсальное значение. Б. М. Козо-Полянский развивает концепцию симбиогенезиса: в соединяющих началах синтеза ученый увидел основной фактор эволюции.

Л. С. Берг пишет книгу «Номогенез», показывая не только созвучья в эволюционных рядах, но и выявляя параллелизм мировых культур.

П. А. Флоренский вынашивает грандиозный труд «У водораздела мысли», осуществляющий синтез научного и художественного постижения действительности.

Н. К. Рерих не был утопистом. Ведь не зря он говорит лишь о предчувствии единства.

Гармония открывалась его прозорливой интуиции. Но в окружающей действительности мастер видел резкие противоречия. Ему была ясна обветшалость изживших себя форм жизни. Однако анархический культ разрушения старого вызывал у художника безусловный протест, Рерих пишет: «Мы должны сознаться, что за последние годы европейская культура потрясена. В погоне за тем, что еще не суждено человечеству, разрушены ступени восхождения». А ведь эти ступени культуры возводились тысячелетиями! Во время первой мировой войны погибли ценнейшие исторические памятники. Но наибольшую опасность войны Рерих видел в духе одичания: ведь кровопролитие пробуждает в человеке самые темные инстинкты! С варварством и дикостью Рерих будет бороться всю свою жизнь. Эту задачу он осознает уже в Сортавала: «Каким трудом и самоотверженностью придется опять исправить потрясения и бреши культуры. Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по инерции — особенные слова. Но смысл этих слов, часто великих и трогательных и объединяющих—уже затемнен. Пропадает руководящее знание. Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства».

Это инвектива в адрес Европы. Протестовал художник и против неоварварских тенденций, которые открылись его прозорливому взору в Америке. Борьбу за культурные ценности Рерих считал планетарной задачей. Вот почему его деятельность приобрела столь широкий размах. Началась эта подвижническая работа в маленьком городке Сортавала.

Тихий Залив Единения...

Среди его вечеряющих зеркал художник думал о великом мировом синтезе. Рериху были близки мысли Г. Спенсера о двух механизмах эволюции — дифференциации и интеграции. Дифференциация — неизбежна. Она связана с накоплением разнообразия в биосфере и ноосфере. Ветвится широкошумное древо жизни! Прекрасен этот процесс. Но он не должен стать односторонним. Иначе картина мира окажется лоскутной, бессвязной. Дифференциацию необходимо уравновесить гармоническим синтезом.

Н. К. Рерих пишет: «Сейчас на очереди вопрос знаний, вопрос искусства — этих объединительных факторов культуры». Искусство и наука должны объединиться в своем противостоянии силам хаоса и раздора. Важно осознать единство культуры! И разве не враждебна этой задаче мысль об антагонизме искусства и науки? Красота и Истина едины. Мастер это доказал всем подвигом своей жизни.

Прекрасные слова сказаны Рерихом о науке. «Пределы ее безмерны», — утверждает художник. Но вместе с тем ему чужд сциентизм, — голый культ науки чреват дисгармонией. Рерих осудил технократические увлечения нашего времени. Он писал: «Забываем, что при нашей технической культуре опущено многое, уже открывавшееся не однажды. Завеса между видимым и невидимым не становится прозрачнее». Под невидимым художник подразумевает мир психических явлений. Его упрек вполне справедлив: в освоении внешнего мира мы преуспели больше, чем в самопознании. Тонкие уровни бытия очень мало исследованы наукой. Ведь здесь нужны совершенно новые методы! При их разработке наука непременно обратится к искусству, — его опыт в постижении человека

огромен. Правомерно звучат слова Рериха: «Вспомним, что ни наука, ни техника не отразят вполне душу народа. Ее прочтем лишь отраженную в памятниках искусства».

Рерих говорит: «Верим в единство, зовущее человека». Это единство в сознании художника связывается с понятием духовности. Эволюция подняла человека на ступень сознания,— да закрепимся на этой прекрасной высоте! Внизу — область темных инстинктов; внизу — разрушительные смерчи хаоса; внизу — силы воинствующей пошлости. Лишь при максимуме духовных усилий можно удержать совсем недавно взятую высоту. Мало только сохранить ее,— надо продолжить восхождение. Посмотрим вверх! Там — сонмы сверкающих миров; там — всеобъемлющий охват бытия; там — новые формы прекрасного.

В космосе Рериха понятия «верха» и «низа» имеют абсолютный смысл. Они четко означены на шкале ценностей. Движение вверх созидательно,— оно созвучно космическим устремлениям. Движение вниз энтропийно,— оно ведет к разобщенности и бездуховности.

Вот почему Рерих предсказывает: «Духотворчество должно прийти. Иными путями не пройти».

Преодоление утилитаризма, нетерпимости, самости,— вот исходные и первичные условия духовного возрождения. Мастер направляет идущих: «Но чем вы вызовете на помощь силу вашего духа? Чем вы вскроете то, что у многих засыпано обломками серого обихода? Твержу: знанием и красотой искусства. В них, единственно в них непобедимые заветы духа. В знании — во всем его необорном могуществе. В искусстве, во всех его неисчислимых проявлениях. И очищаемый дух ваш

подскажет, которое знание подлинно, которое искусство — истинно. Именно дух ваш, вызванный из недр ваших, уберекет вас от подлой, замазывающей пошлости». И в конце этого обращения: «Вы сумеете вызвать к себе на помощь дух ваш. Он, ваш водитель, подскажет вам ближайший путь. Он поведет вас к радости, к победе. Но и к победе он поведет вас высоким путем, ступени которого скованы только знанием и искусством». Прекрасны эти слова о силе духа! Высокий слог. Высокие чувства. Высокие мысли.

Н. К. Рерих пытался конкретно представить образ мирового всеединства. Он понимал, сколь это трудно,— и однако считал необходимым вдумчивое моделирование будущего: «Мечта о единстве. Она так же далека, как всемирная мечта о «золотом веке». Но она так же жизнеспособна, ибо она повторяет лучшую мечту человечества». Вот почему отдаленность цели не должна смущать человека,— в служении ясному и чистому идеалу он обретет счастье.

Условием человеческого всеединства Рерих считал преодоление самости. Эгоизм — один из самых прочных оплотов темных сил: расшатать его можно лишь путем длительного воспитания. Сколько бедствий вызвало стремление к эгоистическому обособлению! И тирания, и предательство, и меркантильность: это все уродливые детища эгоизма.

Рерих искал способы освободить ноосферу от порока самости. Это был смелый поиск. Вероятно, поэтому Рерих не избежал здесь некоторых ошибок,— точнее сказать, передержек: но даже эти крайности представляют глубочайший интерес. Так, в своих сортавальских набросках мастер провозглашает необходимость анонимности твор-

чества. Он неоднократно возвращается к этой мысли,— и наконец она принимает у него вид императивного требования: «Анонимность творчества как неотъемлемое условие уравниения радости духа. Одна ступень в возвышении творчества и в ускорении прогресса человечества. Если радость совершенствования не нужна, то невозможна и радость духа. Условия творчества: внутреннее одухотворение и внешняя анонимность».

Рерих высказывает сомнение в необходимости личностного начала. С этим хочется спорить. Но важно не утратить в споре понимания рериховских мотивов. Художник высказывает уверенность: «Ведь время все равно удалит личность». Очевидно, в автономности нашего «я» Рерих видит истоки самости. Личностное для него — это нечто обособленное. Но если эволюция неуклонно преодолевает все обособления, то не произойдет ли в будущем своеобразный синтез всех «я»?

Возможность наиндивидуального сознания волновала Н. К. Рериха. Надо сказать, что эта мысль в целом чужда европейской культуре,— утверждение самоценности личного начала вело западных мыслителей к персонализму. Однако восточной философии идеи Рериха созвучны,— достаточно вспомнить учение буддизма об иллюзорности личности.

Вероятно, призыв Рериха к анонимности творчества не найдет понимания. Сам Рерих был ярчайшей личностью. Не отказываться надо от личности, а высветлять ее красотой и знанием. Рерих очень много сделал для этого. Поэтому не упустим из виду: стремление к надличностному мастер связывал с гуманными мотивами. И в одном он несомненно прав: перерастая

себя, человек освобождается от самости. И тогда он становится строителем Ноосферы!

В Сортавала окрепла мысль Рериха о необходимости духовного контакта между Россией и Индией. Все чаще его мысленный взор обращается к Гималаям. Неисповедимыми путями доходит до мастера весть о том, что гималайские учителя-махатмы проявляют большой интерес к новой России. С берегов Ладоги Рерих отвечает на тайный зов: «Братья! Не знаю, как мыслите вы там в горах. Может быть, слова мои неуместны. Но мне сказали, что они нужны. Когда звонко, призывной трубой кукование ликует. Когда четки горлицы вздохи. Когда непонятно мягко и удаленно звенят колокольчики стада,— в хвойном бору рождается звон. Хранят звон камни и скалы. В озера звон погружается. Звенит все нечеловеческое. Другого не слышно. Тогда думайте о людях».

Это настоящие стихи в прозе. Глубока их мысль: ответить на зовы космоса — значит, утвердиться в любви к людям. Обращение к горнему — не уход от человека. Лишь высоким и через высокое спасаются души. Да обретем высоту!

Рериха привлекает Индия как страна высокой духовности. Не поможет ли ее опыт решить большие проблемы европейской культуры? В раздумьях над этим вопросом художник формулирует цели своей будущей деятельности: «Знания, затворенные в хранилищах и у Маха-учителей опять мало проникают в жизнь. В жизнь, которая наполнилась скотскими велениями брюха. Здесь грань страшного заколдованного круга. Вырваться из него можно только талисманом истинной веры, знания и красоты. И приходит время необходимости этого похода. Без ложного стыда признаемся в этом. Сознание уже есть ступень преуспевания. Только на

почве истинного осведомления, на почве подлинного знания установятся отношения между народами, настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства. Эти проводники могут установить добрый глаз, так необходимый для созидания. Ибо путем грубости, вражды, поношения все равно никуда не прийти и ничего не создать. А в природе человека осталась же душа, осталась же совесть, которая стремится к справедливому познанию. Долой все темное, все злобное. Человечество уже достаточно почувствовало на себе темную руку зла».

В Сортавала наметился новый жизненный путь художника. Его направленность определяется одним словом: Единство.

В Единстве — красота и гармония. В Единстве — будущее Земли. В Единстве — радость бытия.

Человек универсального мышления, Рерих размышлял едва ли не о всех аспектах Единства. Перечислим лишь некоторые из них,— те, которые наиболее полно разработаны в философских трудах художника.

Это — единство людей и единство народов;
единство человека и природы;
единство Земли и Космоса;
единство — пусть лишь гипотетическое, с точки зрения землян,— высших цивилизаций Вселенной;
единство сердца и разума;
единство искусства и науки;
единство всех времен и всех поколений;
единство материи и мысли;
единство целокупного Космоса.

Б. Л. Смирнов писал в своих прекрасных комментариях к «Бхагавадгите»: «Согласно Гите, всякая деятельность, не ставящая себе целью Единое, является сомнительной или даже прямым

заблуждением»*. Рерих следовал мудрому идеалу «Бхагавадгиты»,— Единство было целью и смыслом его жизни.

На каменистом Тулоне — среди ладожских зеркал и холмов — Рерих думал о будущем. Во имя будущего необходимо сохранить достижения прошлого. Художник пишет в повести «Пламя»: «Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились, На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохранятся достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего такое хранилище было бы величественно. Тайные знания. Знания для знания. Великое творчество».

Красивая мечта!

Будем верить — она осуществится. Когда-нибудь на древнем Тулоне человечество воздвигнет памятник Рериху. Это будет и Музей, и Библиотека, и Школа. Дух синтеза определит саму архитектуру прекрасного сооружения. А на его фронте будет начертано великое слово:

«Единство».

* Бхагавадгита. С. 57.

Урусвати

ПИСЬМА В ШАМБАЛУ

1. Шамбале Даик

Вот мой лук;
Мне вручил его звездный Стрелец;
Эти мысли Земли —
Как точеные стрелы.
Их в пространство пошлет
Вдохновенье сердец,—
Только так мы раздвинем
Земные пределы.

Зазвучи, тишина!
Зазвени, тетива!
Мыслью высветим всё —
Даже черные дыры.
И созвучно ответит —
Пусть слышно едва —
Резонансная дека
В созвездии Лиры.

Этот звук!
Отзывается за полночь он
И в соборе пустом,
И в коробочке мака.
Всей планете так явственно
Слышится звон
И Полярной звезды,
И всего Зодиака.

Кто ответит еще?
Где я отклик найду?

Чей маяк мне забрезжит
Сквозь звездную пену?
Вот Корона взошла,—
И на Гемму-звезду
Я былинку нацелю сейчас
Как антенну.

Биоритмы Земли!
Вам звучать в унисон
Колебаниям
Наихрустальнейшей сферы,—
Этой музыкой
Был Пифагор потрясен,
Утверждая начала
Космической веры.

Вся планета да будет
Как звездный алтарь!
Вот Луна с отраженьем —
Литавры ночные.
Ты сегодня по ним
Серебристо ударь,
Чтоб услышала Мирра
Твои позывные.

Есть открытая речь.
Есть общение без слов.
Я согласен душой
На любые каналы!
Пусть послушает Вега
Лесных соловьев,—
Разберешься, звезда? —
Это наши сигналы.
Весь оркестр
Я под звезды не зря выводил:

Это пенье дрозда!
Это шум бересклета!
Мы несем красоту.
И огнями светил
Намерцала нам ночь: —
Ожидайте ответа.

2. Звезда героя

Выводит
 Узенькая лестница
 На мой космический чердак!

Взгляну в бинокль: ночная вестница
Опять высвечивает мрак.

Что значишь ты, звезда хвостатая,
Откуда выслана в дозор? —
Неведомого соглядатая
Я ощущаю тайный взор.

Робеют ивы, как лунатики, —
И ты над этой немотой
Висишь как знак — какой грамматики
И чьей гигантской запятой?

В лес ухожу — на ламбу малую.
От изумления светла,
Под эту гостью небывалую
Она подносит зеркала.

Блесну забрасывая с плотика,
Пытаюсь все-таки понять,
Что значит эта семиотика,
Нам просверкавшая опять.

Среди рассветной первозданности
Растаешь в зябкой тишине,
Как облачко из той туманности.
Что в Андромеде светит мне.

Вот исчезаешь в звездном лоне ты!
И я подумаю с тоской,
Что смыслы вещи не поняты
Среди сумятицы людской.

Ослабла ль чуткость узнавания?
Гася блескучий ореол,
Прекрасный вестник мироздания
От нас непринятым ушел.

3. Помни!

Так помни! —
 сказал мне Учитель.—
 Не знаю я зова огромней.
Есть память у этих созвездий,
У этого чудо-цветка.

Учитель помедлил со взлетом.
 И вновь обернулся:
 — Так помни!

Лишь памятью смерть одолеем.
Без памяти — мрак и тоска.

Учитель
 вошел в эллипсоид.
 Корабль серебристого цвета!
Ты снова уходишь в пространство,
Меня облучая добром.

Огни Вселенной
со светом окон
сейчас слились.

5. На вершинах

О горы,
Закатный форпост мироздания!
Мои пик — затенен,
а соседний —
сверкуч

Я сосредоточусь,—
Чтоб в линзу сознания
Поймать на закате
Космический луч.

Туманы ползут
Из гигантских расщелин,
Но в ясных высотах
Созвездья горят.

Сегодня из Девы
На Землю нацелен
Иной ноосферы
Внимательный взгляд.

О, добрая строгость
Далекого взора!
Вот я обернулся,
Его ощутив,—
И сердцем услышал
Звучанья простора,
Зазывы и звоны
Ночных перспектив.

Услышу ли
Сверхсветовые сигналы

Из недр Ориона,
Из древних Весов? —
Нужны для приема
Тончайшие шкалы,
Чтоб чутко поймать
Ускользящий зов.

Его я ловлю
В золотом озареньи,
Но как утвердить мне
Мое торжество?

Я знаю:
Рождается новое зренье,—
Прозрачна
вселенская глубь
для него.

6. Огни победы

Огни победы! Огни победы! Одолевая постылый
мрак, сноп искр метнулся из Андромеды, костра-
ми вспыхнул весь Зодиак, Сторожевые огни Цефея
и пост дозорный — огни Гиад! Повсюду — светлы.
Свободой вея, восходит космос как стройный град.
Я прозреваю его начало, когда разглядываю
зерно. Низринут хаос! — уже кресало в мирах
несчетных обретено. Отхлынет сумрак. Отступят
беды. Ваш дух исчезнет, рознь и вражда! —
и вспыхнут в сердце огни победы, чтоб не погас-
нуть в нем никогда.

7. Небесный бой

Читаю небеса.
О тайные значенья!
Пророчествуют нам зарницы и затмения.

О города из туч,
Они огнем объаты! —
Идет небесный бой. Так велики утраты.

Пусть приглядится мир
К небесному сраженью! —
Воюют свет и тьма. Нет места сожаленью.

Надмирная война.
Высокие походы.
Немыслимо отнять у облаков свободы!

Идет небесный бой.
Я голову закину:
Смогу ль истолковать прекрасную картину?

Вновь небо и земля —
Как два единых плана.—
Один сквозит в другом. И связь их осиянна!

О, пламя в небесах!
Земле ты как предвестье.
Идет небесный бой во имя высшей чести.

8. Путь на Кайлас

Мы стражи.
Заветные знанья Земли
До срока храним! — не пророним ни слова.

Вот странники мимо
Цепочкой прошли,—
Но наших постов
Не заметили снова.

Мы камни для них.
Лишь кому-то на миг
В наитии откроется
Наше служенье.
Он вздрогнет тогда:
— Что за каменный лик?
Иль это всего лишь
Мое наважденье?

— Пройди и забудь! —
Мы внушаем ему.
— Ты рано пришел,—
До великого срока...

Задумавшись,
Странник уходит во тьму,
Приняв
молчаливый указ
без упрека.

9. Гималаи

Здесь музыка сфер достигает до слуха и внятно
Плеяды звенят в тишине. О горы! бросками ве-
ликого духа на этих картинах вы кажетесь мне.
Над вами ночные созвездья провисли, касаясь
вершин в ледяном забытии. Ты мыслишь, планета.
И взлетами мысли предстали мне дивные горы
твои. Пойму ль глубину золотых озарений, где
вечная истина отражена? Мне эта вершина — как
истинный гений: созрела высокую сущность она.

10. Замок Магараджи

Надстроим горы! —
еще добавим,
еще немного,
но нарастим.

Высокой тягой,
А не тщеславьем
Влекумо сердце
К мирам ночным.

О перспектива
крутых ступеней!
Еще лишь ярус,
еще чуть-чуть,—

И вот во имя
Больших свершений
Земляне вышли на
Млечный Путь.

11. Знаки Чинтамани

Прорезав лиловую глубь небосклона, упал ослепительный метеорит! — он послан на Землю с планет Ориона: об этом преданье веков говорит. Когда-то насыщенный силой магнитной, в какие поля этот камень включен? — всего лишь обломком породы гранитной неопытным людям покажется он. Но знающий видит живое свечение! — достаточно в ауру камня войти, чтоб нас излечило его излучение,— и подняло дух, и открыло пути.

А где-то за Ригелем голубоватым три йога включили ментальный экран,— на дальней Земле расщепляется атом, но распри мешают единству землян. Ужель

не достигнут возвышенной цели, направив свою эволюцию вспять? — три йога из бездны на Землю глядели, желая заблудших собратьев понять. Кто примет сегодня сияющий камень, чтоб осветить для человечества путь? О, звездного братства возвышенный пламень! — стихиям вовеки его не задуть.

12. Гора Мории

Горы — как тексты. Где ключ подобрать? Знаки в горах мне пробрезжут опять. О, иероглифы этих вершин! — в них объяснение вселенских причин, хроника мира и ритмы поэм. Будет ваш смысл декодирован кем? Может, зубчатый ночной силуэт сердцем прочтет гениальный поэт? Или ученый, взошедший на пик, вздрогнет в наитии: рельеф как язык! Но не разгадана ты до сих пор, о вековая семантика гор!

13. Твердыня духа

Здесь дух кристаллизуется в тиши,
Рождаются алмазы мысли,
— годы
Нужны для их огранки безупречной
И достижения ясности.
Тогда
В прозрачных гранях проступают явно
Неведомые планы бытия
И звездные глубины...
Из Тибета
Земля с Центавром тихо говорит,
Не предавая диалог огласке:
Его прервут и суета, и шум.

Моя Земля беседует с Весами
И слушает сонаты Водолея,
Но эти связи скрыты до поры,
Пока мы все не вырастем духовно,
Не станем лучше...

Целых семь столетий
В Тибет приходят вести из Тельца,—
Недавно связь налажена и с Овном,
На очереди Лев...

Твердыня духа!
Пусть в тишине полночных медитаций
Здесь раздаются голоса миров.

14. Исса и голова великанова

О раса гигантов,
Ужели не вымысел ты?
Ужели в докембрии
тоже была
ноосфера?

Подняв в Гималаях
Невиданной толщи пласты,
Мы череп найдем:
О, пропорций разумная мера!

Но что за масштабы? —
Сознание они потрясут:
Три метра в обхвате —
не череп,
а замысел свода.

О, древнего разума
Невероятный сосуд!

128

Последний останок
Царившего прежде народа.

Как мысли и образы
Из пустоты нам извлечь?
Их тайное эхо

коробка хранит

черепная! —

И словно вот-вот
Загремит незнакомая речь,
Забытые смыслы
Ушедших времен разъясняя.

15. Тень Учителя

Духовно вырастит Земля,— и станем мы
Учителя. Как эти сроки далеки! — пока мы
лишь ученики. Но в самолюбии своем
учительства не признаем. Дух отрица-нья
верх берет,— и вечный рушится оплот. Но чья
мелькнула тень в ночи? — как будто тайные
лучи пронзили мысль мою насквозь,— и мне
увидеть удалось, как суть Вселенной глубока.
Встаю на путь ученика.

16. Зарево

О красота!
Который век подряд
Возводят град прекрасного земляне?

Но хаос грозен!
Зарева горят,—
И силы тьмы
Видны на дальнем плане.

Со всех сторон
Мрак окружает нас,—
Однако ширим
Крепостные стены.
Вставай, строитель!
Пусть нелегок час,—
Все наши побуждения
Священны.

Мы строим космос.
Тысячи миров
Соединились
В звездную общину.
Но грозен хаос!
Он опять готов
Прорвать в ночи
Высокую плотину.

Давайте в Овне
Выставим дозор
И укрепим границу
В Геркулесе.
Мы победим!
И мощный наш отпор
Нам всем вернет
И лад, и равновесье.

О дух единства!
Выше силы нет.
Зря древний хаос
Наступает с края,—
С ним бой ведет
Содружество планет,
Границы в беспредельность
Простирая.

УРУСВАТИ

П о в е с т ь-э в р и с т и к а

Посвящается П. Ф. Беликову

После окончания экспедиции Рерихами был основан в 1928 году в Кулу Гималайский институт научных исследований «Урусвати». Институт вел очень интересную и важную работу: организовывал комплексные научные экспедиции и археологические раскопки, изучал языки и культуру народов Центральной Азии. Работала биохимическая лаборатория с отделом изучения рака. Был составлен первый в мире атлас тибетских лекарственных трав. Проводилось исследование космических лучей в высокогорных районах. Институт обменивался научной информацией с различными научными учреждениями Европы, Азии и Америки. Из советских ученых с институтом сотрудничал выдающийся советский ботаник и генетик Николай Иванович Вавилов, получавший семена для своей уникальной ботанической коллекции.

Вторая мировая война прервала деятельность института. И сейчас в Кулу хранятся драгоценные коллекции и архивы.

Хочется пожелать возобновления работы замечательного научного института «Урусвати», намного опередившего свое время и работавшего для будущего.

Академик И. Л. Кнунянц

1. Дыхание космоса

Синтез, самый вмещающий, самый доброжелательный, может создавать то благотворное сот-

рудничество, в котором все человечество тан
нуждается сейчас.

Н. К. Рерих. «Твердыня пламенная»

Эволюция наша неизбежно приближается к
благословенному синтезу.

Н. К. Рерих. «Даржава света».

Все космические законы отражаются и вос-
производятся в человеческой жизни.

Из писем Е. И. Рерих.

Лучшие умы обращаются к факторам взаимо-
действия космических сил с судьбами земных
народов.

Н. К. Рерих. «Держава спета».

Почему-то ученый ограничивает свое мышление,
желая подчинять другие планеты условиям Земли,
может быть, их наименьшей сестры.

Н. К. Рерих. «Нерушимое».

Космос и всё человечество представляют одно
целое.

Из писем Е. И. Рерих.

Когда-нибудь сознание человечества дорастет
до понимания, что оно находится в гигантской
Лаборатории Вселенной и само есть отражение ее.
Именно, единство нужно понять в космическом
размахе.

Из писем Е. И. Рерих.

Космичность жизни утверждаем как принцип
бесперывный.

«Беспредельность».

Нет в космосе рычага сильнее мысли, насыщен-
ной психической энергией.

Из писем Е. И. Рерих.

Почему космос ограничивать одной землею и
думать, что космос дал одно убежище человеку?
Пойдем по восходящей дуге, сотрудничая с даль-
ними мирами.

«Беспредельность ».

Как космос неделим в своих функциях, так и
ученые всего мира должны быть неделимы в своих
достижениях, иначе говоря, объединены в тесней-
шем сотрудничестве.

Из писем Е. И. Рерих.

Всё от одного источника Праны, явленной силою
космоса.

«Беспредельность»

Каждая легенда содержит нечто необычное.
Не ведет ли эта необычность дух человеческий
поверх сумерек механического стандарта? Этим
машинным стандартом эволюция не строится. Ле-
генда, которая освобождает нас от подавляющих
условий каждодневной рутины, обновляет наше
мышление.

Н. К. Рерих. «Держава света».

Гималайские вершины долго не гаснут в лучах
заката. Эти узкие трехгранные пики, самородно
насыщенные аметистовым сиянием! Они сейчас так
похожи на обелиски, воздвигнутые неведомой
цивилизацией. Да, да,— будто мощный архитек-
турный замысел осуществлен в Гималаях. Но чер-

ты этого замысла проступают лишь на переходе от дня к ночи, от земного к надземному,

Николай Рерих отошел от мольберта. В его расширенном сознании сверкал образ Гималаев, увиденный из ближнего Космоса; посадочными знаками казались яркие горные вершины. Сколь целесообразно их расположение! Словно и впрямь они должны выводить на глиссаду космические корабли.

Где-то в России—такой далекой и такой близкой — Владимир Вернадский писал в это время о «ликке Земли», обращенном к Космосу: ученый искал космическую точку зрения,— без нее нельзя понять эволюцию нашей планеты, Быть может, мысли Рериха и Вернадского пересеклись в звездном пространстве? Хочется представить зримо эту тайную встречу: два луча — два великих прозрения — соединяются высоко-высоко над Землей.

Знали ли друг о друге два этих великих человека — художник и ученый? Их интуиция работала в удивительном созвучье. Когда одновременно читаешь тексты Рериха и Вернадского, то постоянно ловишь себя и на смысловых параллелях, и на общности интонаций. Словно эти тексты настроены по одному камертону!

И это ощущение не случайно: ведь таким камертоном для обоих мыслителей был единый космос. Вот он, сверкающий и таинственный, целостный и беспредельный! Земля повернулась к нему, слушая гулкую ночную бездну. Не хаосом она звучит, не диссонансами, а дивной гармонией. Первым ее распознал мудрый грек Пифагор: и Рерих, и Вернадский учились у него слушать «музыку сфер».

Не всегда эта музыка была внятной для человека. Часто ее заглушал то шум базарного торго,

то резкие звуки побоища. И все-таки пение сфер пробивалось для слуха избранных.

Правда, это звучание становилось все слабее,— Земля словно экранировала себя от космоса. Для механического мышления мир стал немым и мертвым.

Это мышление незаметно сделалось преобладающим. Казалось бы, распространение механицизма не должно волновать человека искусства. Но Николая Рериха всегда отличала широта мышления. Разве механицизм затрагивал только философию? Художник видел, как он проникал во все сферы жизни: что-то машинное появилось даже в тех сферах человеческих отношений, которые издревле отличались теплотой и сердечностью.

Механицизм — бессердечен.

Бессердечно наступает машинная цивилизация на живую природу, исподволь и прямо потворствуя силам смерти, хаоса.

Бессердечна попытка мыслить человека как работа, отнимая у него право на тайное и не-сказанное.

Бессердечны — разрушители: от умерщвляющих бабочку для коллекции до вандалов, взрывающих древний собор.

Конечно, связь между механицизмом и разрушением не всегда выступает в открытой форме. Но Н. К. Рерих приходил к непреложному выводу: механицизм всецело опирается на анализ,— а эта форма познания не может обойтись без разъятия и расщепления. В своем предельном выражении такое разъятие становится смертоносным.

Можно ли отказаться от анализа? Нет, это было бы утопией. Но опасно давать ему одностороннее развитие. А ведь наша цивилизация является аналитической в самом своем существе. Мощь

анализа открыла нам путь к овладению тайнами вещества: и радий Кюри, и электроны Томсона, и атомная модель Резерфорда,— это все достижения аналитически ориентированного мышления. Но только ли этим путем достижима истина?

Нет, анализ явно недостаточен для познания целостных систем,— и не только таких, как организмы или художественные тексты: даже малейший атом не может быть познан лишь методом разложения. Ведь он тоже целостность! А это значит, что анализ пасует перед его сложностью,— хотя и претендует в наивном самоупоении на полноту понимания.

Страшна любая односторонность.

Безраздельно властвуя на всем поле мысли, анализ не оставляет места для интуитивных озарений,— рассудочная схематика подавляет всякое творчество. Тут нет места для созидания! Мир дробится на части, становится всё более лоскутным и мозаичным,— анализ умерщвляет его, пытаясь добраться до сути. Но суть ускользает, не дается в руки. И это приводит к мучительному конфликту,— ученый-аналитик подчас разочаровывается в идеалах познания, становится скептиком. Отрицания и ограничения,— вот что теперь определяет его деятельность.

А Н. К. Рерих был человеком иного склада. Не отрицание, но утверждение; не ограничение, а полный простор! — такова природа подлинного творчества.

Мастер пропустил через сердце древнюю мысль: мир надо мыслить как гармонию противоположностей. В своем мироощущении Рерих близок Нильсу Бору: принцип дополнительности глубоко созвучен мышлению художника.

Дополнительность — это расширение сознания:

умение понять высшее единство противоположностей.

Дополнительность — это гармония: есть особая красота в глубинном созвучье тез и антитез.

Дополнительность — это контрапункт мысли: лишь через диалог открывается многогранная истина.

Снова факт поразительной одновременности: в пору, когда Бор закладывал основы принципа дополнительности, Рерих разрабатывал свою философию синтеза.

Синтез! Вот что противопоставил мастер разрушительным тенденциям своей эпохи. Не нужно думать, что здесь работал простой альтернативный механизм: если в тезе дан Анализ, то антитезисом будет Синтез. Тут все правильно с точки зрения диалектической логики,— однако обращение Рериха к идеям синтеза имеет более глубокую природу: оно шло от сердца, от жидельных побуждений души.

Николай Рерих словно был создан для синтеза. В м е щ е н и е — одно из самых существенных слов в его словаре. Вмещение — различного, вмещение — противоположного. Не эклектическое смешение, а диалектическое вмещение! То есть, синтез. Синтез на основе законов гармонии и дополнительности.

Рерих — пророк э п о х и с и н т е з а . Философия космического творчества, рожденная сердцем великого мастера, зовет землян к сотрудничеству в борьбе с энтропией, к объединению всех светлых усилий. Энтропия — это физический закон хаоса и деструкции; лишь мощный спай синтеза может удержать мир от губельного распада. Вот почему понятие синтеза приобретает у Рериха космическое звучание.

В своем устремлении к синтезу мастер мечтал о широких обобщениях. Интуиция подсказала ему, что первым таким обобщением — ключевым и исходным — будет понятие Космоса.

Космос — это связь.

Космос — это гармония.

Космос — это целокупность.

Носитель космического сознания ощущает свою связь с людьми; он находится в гармонии с природой; ему открыто целокупное единство космоса и человека.

Раздельность, отделенность, отчуждение: вот где начало хаоса и распада. Нельзя — отдельно от других; нельзя — отдельно от природы; нельзя — отдельно от Космоса. Разнообразны связи человека, — и ослабление лишь одного звена чревато прорывом хаоса. Рерих гениально провидел эту системную взаимосвязь всех уровней. Он звал людей к сотрудничеству, — как и для П. А. Кропоткина, понятие взаимопомощи существенно для него; мастер звал людей к природе, — уже в десятые годы XX века он научился мыслить экологически, опередив в этом отношении многих ученых. Но вот самое удивительное: Рерих говорил и о космических связях человечества! Это было настолько смело, что фактически осталось непонятым. Впрочем, как и призывы к единению людей и к единству с природой. Вероятно, силы дезинтеграции взяли верх в первой половине столетия. И тем контрастнее звучит на этом фоне мудрый голос Рериха.

Если — единство, то — на веек уровнях. И прежде всего на космическом уровне! Этот императив может показаться странным для землян, — ведь они привыкли мыслить себя обособленно, в полной изоляции от космоса. Пусть опосредо-

ванно, но такой изоляционизм связан с односторонним преобладанием рассудочно-аналитического мышления, — ведь в рамках этого мышления мир мыслится как совокупность отдельных сущностей. Все существует само по себе: человек — отдельно от других людей, человечество — в отрыве от природы, биосфера — независимо от космического окружения. О, как опасна эта всеобщая разделенность! Рост энтропии начинается именно с разделения. Рерих ощущал это как физическую боль: все разрывы и межи отзывались в нем глубоким внутренним страданием. Поэтому призыв к единству не был для него абстрактным, — Рерих видел живое спасение в этом благословенном единстве.

Свое понимание вселенских аспектов единства Рерих воплотил в зримых образах. Могучим космизмом дышат на нас картины мастера! Здесь в непосредственной форме раскрывается вся благодотность контактов с космосом. Это ли не потрясающие свидетельства? Но люди не сразу смогли понять их.

Мастера всегда притягивали горы. Они были для него ступенями, ведущими в космос. Поэтому Рерих свил свое гнездо в Кулу — перед отрогами Гималаев: духоподъемная сила передавалась ему от гор, устремленность к дальним мирам. Горы-собеседники, горы-сподвижники! Воистину, они стали сотрудниками великого мастера.

Глядя на закатные пики, художник чувствовал сердцем: вершины эти — как перископы Земли, поднятые ею в космос. Мастер припадал к ним, — и тогда его космическому зрению открывалось небывалое.

О, великолепие живоносного Космоса! Мириады биосфер пронизывают пространство своими излучениями, — и потому ночное небо дышит вовсе не

холодом, а тайным теплом жизни. Рерих умел улавливать это тепло. Вот почему Космос на его полотнах полон какой-то особой жизненности. Это качество трудно передать адекватно,— в нашем языке нет соответственных понятий. Поэтому мы позаимствуем санскритский термин: п р а н а.

Да, космос Рериха полон п р а н о й,— этой таинственной животворной силой, ускользающей от аналитических методов исследования. Но она достоверна для интуитивного опыта. Правда, это недоказательно для ученых-аналитиков. И все же...

И все же кто не ощущал особой благодати, оставшись наедине со звездным небом? Пусть это чисто поэтическое переживание. Но разве оно не самоценно? Будто не только свет, но и потоки живой энергии изливаются со звезд. Чувствуешь себя погруженным в какую-то добрую субстанцию,— она прозрачна и неуловима, но вместе с тем безусловно реальна.

Весь мир погружен в эту благодатную среду. Нет, это не эфир классической физики! Это нечто другое: то, что поэт назовет Душой мира, а философ первичным полем,— из него исходит и в него возвращается все разнообразие Вселенной.

Конечно, это область гипотез. Точнее, поэтических догадок, предвосхищений. Наука еще далека от понимания космоса как целого. Но уже сейчас ясно: за эту целостность могут быть ответственные факторы, еще неизвестные нам. Искусство предугадывает их! — и так было испокон веков: древний символ или миф оказываются впереди наиточнейшей формулы.

В просвете между вершинами вставал Орион. Рерих испытывал особое тяготение к этому созвездию. Словно в нем был заложен некий магнит, неисповедимо сопряженный с сердцем худож-

ника. О, эта незримая сеть силовых линий, связующая души людей и созвездий! В ночи она явственно открывалась для духовного зрения Рериха. Как бы нервный каркас Космоса просвечивал ему в высокогорном воздухе. И он подключался к жизненным токам, бегущим по этой непрерывной мировой сети.

Здесь, в отрешенной тишине гор, рождалась рериховская космософия. Она обращена к будущему,— и мы наметим лишь ее контуры. Какими гранями открылся Рериху неисчерпаемый Космос?

Мир есть целостность! Вот что прозревал мастер в своих наитиях. Вспомним, что само понятие «космоса» родилось в лоне эстетики, — у греков оно обозначало красоту и упорядоченность бытия. Мир целостен для эстетического восприятия,— но рассудку он предстает как сумма мертвых частей.

Рерих писал о «живой воде», одушевляющей мир,— это метафора целостного синтеза. Космос погружен если не в живую воду, то в океан пространственного огня*. Мысленно изъяв мир из этой среды, мы увидим: он распадается на элементы. Прана осуществляет синтез частей в целое! Да, это мифопоэтическое понятие. Но Рерих был твердо убежден, что со временем прама будет изучаться в научных лабораториях,— будет понята материалистически.

Не забудем: Рерих прежде всего художник. Прекрасно владея методами науки, он как никто другой ощущал их недостаточность,— художни-

* Агни-Йога учит о вездесущем и всепроникающем "пространственном огне",— это первичная световая субстанция, из которой путем трансмутации происходят все виды энергии.

ческая интуиция шла впереди конкретного опыта. Сколь далеким было это опережение? Трудно сказать. Быть может, наука через несколько лет подойдет к решению проблем, поставленных Рерихом. Но для этого могут потребоваться и столетия,— даже тысячелетия...

Тексты Рериха синтетичны: мифопоэтическое и естественно-научное мышление переплетаются в них. Поэтому они нуждаются в особом ключе для понимания. К ним нельзя относиться лишь как к поэзии,— но это и не формула точного знания, с его требованиями однозначности и проверяемости. Тексты Рериха как бы осциллируют между поэзией и наукой! Лишь в этой внутренней пульсации раскрывается их стилевое своеобразие. Отсюда особое обаяние этих текстов,— и их несомненная эвристичность: они обладают бесценным даром пробуждать в нас стремление к новому.

Это в полной мере относится к космологическим идеям Рериха. Их не удастся сфокусировать настолько, чтобы получить точную формулу. Космологическая модель Рериха как бы окутана таинственной дымкой. Сквозь нее угадывается главное. Однако явленная суть выражается лишь на языке наитий. Многое хочется уточнить, навести на резкость,— но это ведь и есть эвристический стимул: Рерих зовет к научному осознанию тех уровней бытия, которые пробрезжили ему в художественских наитиях.

Наука уже сейчас исподволь приближается к системному пониманию Вселенной. Пусть это объяснение в его будущей форме лишь отчасти совпадет с прозрениями художника,— но важно другое: Николай Рерих раскрепощал наше сознание, подвигая к более широкому и тонкому пониманию мира.

Прекрасен рериховский Космос. Он весь — в творческом порыве, он весь — в созидательном поиске. Это Космос-процесс, это Космос-движение. Поразительный динамизм! И он тем более впечатляет, что в двадцатые годы, когда Рерих строил свою модель, наука только-только переходила к нестационарным представлениям о Вселенной. Этот переход не обошелся без драматизма,— когда Александр Фридман теоретически вывел возможность расширения Вселенной, то даже прозорливый Эйнштейн усомнился в его результатах: так привыкла наука к недвижному, раз навсегда данному, стационарному миру.

О, как контрастирует с этим застывшим миром импульсивный Космос Рериха! В нем нет пустоты,— и это тоже его отличие от космоса классической науки: Вселенная насыщена незримыми токами и энергиями, ее пронизают неисчислимые вибрации. Пустота мировых пространств — это иллюзия нашего восприятия. Нам недоступны наитончайшие виды материи. А не они ли играют определяющую роль во Вселенной?

В современной картине мира существенное место занимают физические поля. Это особый вид материи: несравненно более тонкий, чем вещество. Раньше ученые строили Космос только из вещественной субстанции,— теперь это стало принципиально невозможным: именно невидимые поля определяют собой архитектуру мира.

Учение древних о единстве противоположностей созвучно новейшим взглядам на мир. Вещество и поле ныне видятся нам как две ипостаси единой материи. Сколь несхожи они друг с другом! И вместе с тем их дополнительность обуславливает гармонию мира. Поразителен метаморфоз, открытый физиками: вещество может переходить

а поле и наоборот. Разве этот переход менее фантастичен, чем сказочные превращения, о которых повествуют мифы!?

Наука еще очень мало знает о природе физических полей. А для обыденного сознания они вообще остаются фикцией,— наше мышление слишком привыкло к миру вещных форм к наглядности. Но Рерих расшатывает этот консерватизм восприятия! Он готовит нас к освоению скрытых уровней реальности. В этом заключается одна из его миссий.

Ученые всё смелее говорят о полях особого рода, связанных с явлением жизни,— гипотеза биологических полей привлекает своей красотой и логичностью. Если дуализм вещества-поля присущ неживой материи, то почему он не должен наблюдаться на уровне организма? И наблюдаться в каком-то новом качестве, в новой форме.

Есть немало надежных свидетельств, говорящих о том, что биополям присущ эффект самосвечения. Невольно вспоминается древнее учение об ауре. Йоги утверждают: аура засвечена над каждым существом,— будь то былинка, человек или птица. Эта концепция всегда приходит на память возле картин Рериха.

Ведь кажется, что они фосфоресцируют биополями! — это современное понятие хорошо передает самое неуловимое в полотнах Рериха: игру их тайных энергий, световое насыщение. И не здесь ли объяснение его фантастического колорита? Допустим, что прав мечтатель Платон,— он трактовал Космос как некий живой сверхорганизм. Тогда у мира должна быть своя аура. Не ее ли радужные спектры открылись расширенному сознанию Рериха-поэта?

Космос, пронизанный вибрациями; космос,

организованный ритмами; Космос, насыщенный биополями. Таков удивительный мир Рериха! Впечатляет его гармония, увлекает его красота.

В космосе Рериха одновременно действуют два закона, кажущихся противоположными по своей сущности,— закон разнообразия и закон подобия. С одной стороны, это неисчерпаемый мир,— его творческие ресурсы не знают ограничений. Поэтому в космосе мы можем встретиться с формами жизни и мысли, которых сейчас не может представить самое смелое воображение. Рерих раздвигает привычные каноны,— и делает это решительней, чем любой другой мыслитель.

Но, с другой стороны, великое разнообразие мира организуется законами единства! Да, планы бытия разнокачественны, несводимы друг к другу. Но все же они связаны тонкими соответствиями,— происходящее на одном плане как-то откликается на другом: законы сквозного подобия высвечивают всю иерархию мира.

Итак, разнообразие и подобие! — два принципа связаны дополнительностью, соединены в синтезе. Поэтому космос Рериха достигает высшей гармоничности,— эстетические начала определяют всю его структуру и динамику.

Сквозное подобие...

Если физические поля могут существовать в свободном виде, то нельзя ли по аналогии предположить такую возможность для биополей? Тексты Рериха исподволь наводят на эту мысль. О, как она поэтична и увлекательна! И сколько новизны заключается в ней.

Итак, сделаем дерзкое предположение; существует полевая форма жизни. Как и вещественная жизнь, она способна к эволюции. Между обеими формами жизни много аналогий: изменчивость.

наследственность, негэнтропийный характер*, — всеми этими свойствами наделены и полевые организмы. Но сколь существенны здесь различия! Ведь вещество — это прерывная, дискретная, а поле — непрерывная, континуальная форма материи. И это фундаментальное различие должно сохранять все свое значение на биологическом уровне.

Совершенно немыслимо, чтобы несколько вещественных тел занимало одно место в пространстве, — но для полей такое возможно. Отсюда следует, что поля-организмы могут свободно пронизать друг друга! И пронизать нашу планету, эти здания, этих людей. Но их вездесущее бытие остается совершенно незаметным для нас.

Поля в состоянии простираться по всему космосу, — отсюда следует, что для полевой жизни не существует ограничений в пространстве. Слияние с бесконечностью естественно для нее.

Полевые организмы могут существовать в межзвездном пространстве. Для нас — пустота и вакуум, для них — среда обитания.

Конечно, это игра воображения. Но почему проблему контакта мы обязательно связываем с жизнью в ее вещественной форме? Ведь Космос неисчерпаем. Тут даже гипотеза о полях-организмах может оказаться недостаточно радикальной, — в конечном итоге она строится по аналогии с известными представлениями о материи. А в Космосе столько неизведанного, столько таинственного!

Но будем пока держаться аналогии с известным.

А что, если единая космическая биосфера —

* Способность противостоять силам энтропии.

это симбиоз двух форм жизни: вещественной и полевой? Они как бы взаимополагают друг друга. Но только пока не догадываются об этом! И поэтому в великом феномене жизни многое остается необъясненным. Но уже с двух сторон ученые идут к разгадке тайны. Быть может, неведомые коллеги тоже вводят свои х-факторы? И там они кажутся столь же фантастичными, как немыслимым было поначалу для нас представление о биополе.

Сосуществование двух форм жизни можно представить как циклическую систему. Не об этой ли метаморфозе пророчили древние мифы? — вещественная жизнь переходит в полевую и наоборот. Только тайная межа, разделяющая эти две фазы существования, пока сокрыта от нас. Поэтому в слепом незнании мы говорим о смерти. А смерти нет! Есть циклический круговорот живой материи, существующей в двух своих дополнительных ипостасях. Смерть лишь иллюзия. Это переключение на другой соположенный уровень. Умирая здесь, мы рождаемся там. Умирая там, мы рождаемся здесь. Не этот ли удивительный цикл угадан в древнеиндийском учении о карме? «Там» и «здесь» — лишь условные меты: расширенному сознанию открывается единый мир, ошеломляющий своей диалектической красотой.

Конечно, это лишь фантазия на одну из тем Рериха. Но мечта о бессмертии никогда не оставит человека. И кто посмеет назвать эту мечту несбыточной? Рерих верил в безграничные возможности человека: смертный сейчас, завтра он выведет золотую формулу бессмертия. Нет пределов у держащей мысли! И кто отважнее Рериха шел в бой против запретителей мечты? От фантастики — к эвристике, от эвристики — к теории. Да будет

этот путь всегда открыт для человеческого познания.

Космос Рериха бесконечен. Но это бесконечность особого рода,— здесь нет однородности и монотонности, здесь невозможно унылое повторение одних и тех же свойств. Бесконечность у Рериха структурирована. Это — уходящая в беспредельное лестница форм. Это — нигде не обрывающийся каскад уровней.

В кругах философов большой интерес вызвала концепция «многоуровневой реальности». Разрабатывал ее А. А. Любищев. Свободомыслящий биолог и мыслитель помогает нам расширять сознание. Мы привыкли отождествлять мир лишь с тем его аспектом, который нам дан непосредственно,— поэтому мир для нас является как бы одноуровневым, развернутым на плоскости. Николай Рерих делает его многомерным, раздвигая одновременно по всем координатам,— модель иерархической Вселенной сродни представлению о многоуровневой реальности.

Человеку легче признать нижележащие уровни, чем принять гипотезу о возможности метауровня. Вероятно, эта гипотеза задевает тщеславие человека, претендующего на главенствующее место во Вселенной. Трудно преодолеть инерцию этой гордыни! Никого нет над нами: с этой формулой легче жить. Она развязывает руки; она освобождает от ответственности.

Понятие о иерархической организации мира стало одним из главных в системных исследованиях. Если представить вертикальное сечение бытия, то мы увидим систему ступеней, уровней,— эта последовательность отражает эволюционные преобразования материи, рост ее организованности.

Иерархичность мира имеет эволюционный смысл. Николай Рерих принял эту идею сердцем. Причем понятие эволюции окрасилось у него в эстетические тона. Эволюционируя, мир наращивает красоту и гармонию! — совершенство обрывается лишь через противоречивое диалектическое становление.

Кристаллы — растения — животные — человек: вот ряд форм, где мы наглядно видим эволюционное повышение организации. Обрывается ли этот ряд на человеке? Это вопрос коренной, вопрос глубочайший. Уйдем ли от него под глухую броню ложного антропоцентризма или достойно примем беспредельность мировой эволюции?

Николай Рерих выбрал последнее. Конечно, с этим выбором можно спорить: многие философы хотят считать человека своеобразной константой Вселенной, венцом ее эволюционных устремлений. Что ж, в этой точке зрения есть своя красота,— и она может импонировать человеческому сознанию. Тем более, что сторонники этих взглядов вовсе не исключают дальнейшей эволюции человека, но только переключают ее на чисто духовную плоскость: человек будет развиваться,— однако уже без каких-либо качественных преобразований его морфологии, сенсорики, психики.

Но нет ли в этой точке зрения на эволюцию человека определенной ограниченности? Ведь тут могло сказаться бессознательное желание сохранить существующее положение вещей. Это своего рода инстинкт стабилизации достигнутого! — и он имеет очень глубокие психологические корни.

Но Рерих одолевает узость антропоцентрической позиции. Лестница должна продолжаться вверх. Ступень, которую мы занимаем,— не вечный наш рубеж. Предчувствия, предвосхищения! — в их

луче уже высвечиваются следующие уровни: такие неисповедимые, такие заманчивые.

Рериху открылись эти выси. Он предвидел космическую фазу эволюции человечества,— и поэтому по праву занимает достойное место среди таких мыслителей-космистов, как Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский. Эволюционный оптимизм Рериха беспределен. Нет запретов на путях творческих восхождений! Поэтому человечество в духовном росте своем может обрести новые возможности,— поднявшись на вышележащий уровень организации, оно овладеет небывалыми энергиями и освоит мировое пространство.

Человечество не одиноко в этих космических чаяниях,— по ступеням единой иерархии восходят сонмы цивилизаций. Само устройство Космоса исключает их встречу в том случае, если они находятся на нижних ступенях,— разобщенность миров является эволюционно преходящей, временной. Чем выше уровень, тем вероятней контакт,— на высших ступенях может образоваться единая космическая ноосфера!

В космосе Рериха одновременно сосуществуют миры, находящиеся на разных ступенях иерархии. Поэтому космос должен быть насыщен разнородной информацией. Эти накопления могли достичь уже такой меры, что приобрели значение космологического фактора. Информация, производимая космическими цивилизациями, стала мощным оплотом против Энтропии. Мысль превратилась в действенное орудие космогенеза!

Но не играет ли она эту роль от века?. Ведь космос вечен. И вечно само становление его иерархических уровней! Почему В. И. Вернадский так настойчиво говорил о вечности жизни? Понятия

конца и начала, альфы и омеги размываются, когда мы переходим к шкале вечности. И переход этот приводит к неизбежным парадоксам: получается, что все уровни организации совечны друг другу,— и лишь во временном аспекте они образуют последовательность. Этот парадокс снимается для расширенного сознания. Но для нас он остается неодолимым,— мы дети времени и живем во времени. Совечность уровней не дана нам в опыте: мы творим историю, наращивая свою высоту. В космосе нет суфлеров! Поэтому знания высшего уровня нельзя получить задаром,— их надо добыть в трудах и зарядить новым светом.

Бесценна самобытность цивилизаций. Изоляция в пространстве на каком-то отрезке времени имеет положительное значение, ибо помогает юным ноосферам сформировать свой неповторимый облик. Но рано или поздно к мыслящим существам приходит прекрасная догадка: — Мы не одни!

И наши космические братья могут превосходить нас по уровню развития.

Тут нет ничего обидного, уничижительного,— ведь и у нас есть шанс подняться на новую ступень иерархии.

Так в сознании землянина —и среди сонма планет космической Ойкумены — рождается идея беспредельного. Нелегко ее принять и усвоить,— ведь бесконечность полна парадоксов для обыденного мышления. Например, мы упрямо хотим найти начальную точку отсчета, а ее нет. Поэтому такой странной кажется идея Вернадского о «вечности жизни». И столь же парадоксальна для нас идея Рериха о «вечности мысли»!

Приняв тезис о вечности материи, мы должны неизбежно признать, что на просторах бесконечности жизнь зарождалась энное число раз. И многие

биосферы в своей эволюции неуклонно восходили к мысли, к ноосфере. Это повышало организованность Космоса. Ошибались ли древние, говоря о том, что мир несет на себе впечатление разума? Но только это не сверхъестественный разум, а порождение природной и социальной эволюции. Если мы допустим: деятельность мысли обрела космический размах,— то будет трудно сказать, когда это произошло. Ведь мир существует вечно.

Космос как артефакт! Такое предположение ошеломляет. Но нельзя исключить, что в космоге-незе участвуют разумные существа,— они могут направлять эволюцию планетных систем, даже целых галактик; они следят за равновесием космоса, поддерживая оптимальный режим; их попечению вверены ключевые моменты эволюции,— зарождение общества, ноосферы. Нет, они не вмешиваются в естественный ход событий! Но исподволь потворствуют реализации наиболее ценных возможностей.

Это фантастика? Но в ней нет никакого противоречия с логикой. Разве мы не вправе мечтать о такой космической роли для себя? Звезды своими мерцаниями говорили Рериху.

— Вы не одни, вы не одни!

И художник верил ночному Космосу.

Акустика Гималаев усиливала голоса Вселенной. Особо чуткой к ним была Елена Ивановна, верная спутница Рериха. Услышанное за полночь она передавала художнику,— и он запечатлевал на полотнах дивные космические образы.

Наверно, нигде звездное небо так близко не опускалось к Земле, как в далеком Кулу! Рерихи жили среди звезд. Их высокий собеседник — таинственный Орион — сиял среди деодаров: мастер писал его с натуры — в полный рост и во всем величии. А над

Орионом сверкали Плеяды,— художник любил это блескучее содружество звезд. Быть может, ему виделась в них космическая община?

Осознав беспредельность мировой иерархии, Рерих должен был неизбежно встать перед волнующей проблемой: это вопрос о космическом Учительстве. Если во Вселенной есть братья по разуму, чья духовная зрелость превосходит наш уровень,— то могут ли они взять человека под свое покровительство? Этот вопрос у многих землян вызовет улыбку.

— Чистая поэзия!— скажут они.

И еще добавят:

— Это сказывается психологическая потребность в наставничестве, не более. Когда ощущается дефицит в авторитетах, то люди сами их создают,— такова природа многих мифов.

Не оставим без внимания эти трезвые возражения. Но попробуем к вопросу о космическом Учительстве подойти с другой стороны. Представим, что мы вышли в космос,— и нас быстро постигает удача: возле одной из окрестных звезд мы обнаруживаем планету с молодой цивилизацией. Без всякого высокомерия мы приглядываемся к ней,— ведь и в нашем развитии была подобная фаза. О, как этот юный мир еще далек от мудрой гармонии! Распри и розни раздирают его, унося в могилу миллионы жизней. И как нелепо развивается его энергетика! — бездумно пускаются в распыл невозстановимые сокровища природы.

Ноосфера этой планеты находится в психологическом неравновесии,— ее аураграмма ужасает своими диссонансами: столько мук, столько скорбей... И вместе с тем несомненно тяготение мно-

гих обитателей планеты к добру. Они щедро наделены чувством прекрасного. Разве не потрясает эта уловленная нами мелодия? — столько в ней чистого лиризма и глубокой грусти. А как хороши некоторые архитектурные сооружения! Правда, они попадаются очень редко среди шаблонных застроек, — зато каждое из них поражает самобытностью форм и совершенством пропорций.

Воистину, портрет этого мира надо писать в рембрандтовской манере, — свет и тень переплелись здесь в наисложнейшем контрапункте. И как предсказать, какое начало возьмет верх? — всеведенья нам не дано, а так хочется вывести мир на светлые пути.

Это гуманное желание — такое естественное и такое искреннее — порождает сонм антиномий. Как помочь? Навязать свою волю чужой цивилизации мы не вправе. Прямое вмешательство наверняка снизило бы творческие потенциалы планеты. А это считается в космосе худшим из преступлений! — драгоценна всякая самобытность, ибо свободой и разнообразием прекрасна жизнь.

Но помочь планете надо, И вот выносятся на обсуждение тысячи проектов.

Как нашу помощь сделать предельно тактичной и гибкой? Это главный вопрос. Ведь мы должны остаться в тени, — обнаруживать себя еще рано. Быть может, открытого контакта придется ждать тысячелетия! Да не забудем: поспешный шаг приведет к непоправимым возмущениям в карме планеты.

Стратегия космической помощи...

Вот проблема, перед которой мы встали впервые. Лучшие умы бились над ее решением. И наконец в счастливом наитии найден простой и мудрый путь! — нашим избранникам надо принять карму

планеты: полностью, с беззаветной решительностью отождествиться с ее обитателями. И в то же время в недрах духа нести память нашей эволюции.

Психотехникой такого воплощения мы уже овладели. Глазное тут — этическая готовность: ведь наши посланцы должны отказаться от себя. Это куда как сложнее, чем просто выгратсья в роль. Легко мимикрировать под инопланетян, — но нужно стать ими: ассимилируя в себя иную природу и иную культуру, наши посланцы совершают настоящий подвиг. Так начинается Космическая педагогика. Да победят силы добра и света!

Пусть пока это фантастика. Но в неисповедимо далеком будущем она может стать реальностью. Справятся ли земляне с миссией космических Учителей? Об этом полезно задуматься уже сейчас, — максимализм в требованиях к себе всегда оправдан. Примеряясь к космическим задачам, человек четче сознает свои слабости. И тем успешнее одолевает их! В противоположном случае — при уменьшении этического масштаба — человеку грозит застой.

Рерихам принадлежит великая заслуга: они — Елена Ивановна и Николай Константинович — глубже всех осмыслили проблему космического Учителства. Орион был их мудрым советчиком! Вот он, среди деодаров. Высокий и ясный, стоит над Землей, как над кафедрой. Пересверки его — как тайный урок. О чем говорит Орион?

О красоте целостного космоса, пронизанного токами жизни.

О содружестве цивилизаций, бросивших вызов хаосу и энтропии.

О творческом поиске землян, расширяющих свое сознание, — Орион говорит с Рерихами!

И лучшим внятен смысл этой ночной беседы.

24 июля 1928 года было положено основание Гималайскому Институту Научных Исследований. Обернемся на это трехлетие и посмотрим, где стоим мы?

Институт уже имеет свое помещение в Нагаре, в лучшей долине Пенджаба... Трехлетие застает нас над сооружением стен биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Когда мы читаем в недавней прессе статистику доктора Гофмана, показавшего, что в одной Америке за один год погибает сто двадцать тысяч человек от рака, то можно представить себе, насколько своевременно и это начинание института... Когда же мы читаем отзывы выдающихся ученых о необходимости исследования целебных веществ на местах, а не по претворенным спиртом тинктурам, то и в этом мы видим насколько место института среди наиболее богатой для исследований Гималайской области уместно и нужно...

Как в историческом, археологическом, филологическом, так и в ботаническом, геологическом и физическом отношениях Институту предстоит, как уже и теперь видно, плодотворнейшая работа.

Н. К. Рерих. «Твердыня пламенная»

Внимание научного мира сейчас обращено на эти высоты. Изучение космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все самое тонкое, самое ценное лежит в более чистых слоях атмосферы.

Из писем Е. И. Рерих

Теперь время настаивает на синтезе действия. Чувствование дает этот синтез земного существования.

«Знаки Агни Йоги»

Нереченное можно наблюдать во всевозможных явлениях. При этом именно в таком, неуловимом для формулировки обстоятельстве будет заключаться нечто особо существенное.

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Основание города великого синтетического знания есть великое мировое дело.

Из писем Е. И. Рерих

В русском, так называемом интеллигентном сознании, которое лежит в области мышления дискурсивного, разорванного, атомизирующего — образ считается чем-то чуждым.

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Правильно, что беда в том, что нет синтеза достижений и теряется много энергии и множество ценных наблюдений. Потому организация истинного сотрудничества на Земле необходима.

Из писем В. И. Рерих

Робот-машина не заменит человеческий орга-

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей.

Н. К. Рерих. «Держава света»

Кто же может чувствовать красоту космоса? Кто хоть один раз слышал созвучие сфер, тот понимает несовершенство земное, вызванное состоянием человечества.

«Знаки Агни Йоги»

Современная наука быстрыми шагами идет навстречу всем великим Истинам, изложенным в восточной философии.

Из писем Е. И. Рерих

В 1928 году Н. К. Рерих основал в Гималаях институт «Урусвати». Много воды утекло с тех пор. Но идеи, заложенные в основу «Урусвати», не устаревают. Даже наоборот: и структура института, и его программа вызывают все больший интерес. И этот интерес — не оглядка в историческое прошлое, а скорее сканирование будущего: методология «Урусвати» на много лет опередила свое время.

Томас Кун ввел в обиход науки важное понятие: **парадигма**. Оно не поддается строгому определению, — однако интуитивно его смысл схватить очень легко. Парадигма — это своего рода канон в науке: те дисциплинирующие рамки, в пределах которых развивается естествознание той или иной эпохи. Выход за рамки карается с предельной строгостью! — клеймо антиученого заслуженно (а изредка и незаслуженно) носили многие смельчаки.

Парадигма правильно оценивается как защитный механизм науки, — снятие рамок и ограничений может привести к хаосу: в науку хлынут ниспровергатели основ, требовательность к проверке гипотез будет неизбежно занижена. Нельзя

без парадигмы! Ею определяется стиль научного мышления, она производит отбор идей.

Но всему свой срок, — парадигма тоже устаревает. И тогда она становится в тягость искателям! Раньше они просто не замечали ее, — значит, парадигма работала: ее внутренние ресурсы еще не были исчерпаны. Но теперь одряхлевшая парадигма стала тесной, — и вот встает неизбежная задача: расширить сознание, выйти на новый простор. Все чаще раздаются голоса, выражающие неудовлетворенность современной парадигмой. Конечно, в ее рамках продолжает работать подавляющее большинство ученых. И работают они отнюдь не вхолостую, — многие исследования проводятся с подлинным блеском. Но одна опасная тенденция становится все более отчетливой, — это измельчание получаемых результатов. Современная наука явно теряет ту масштабность, которая была свойственна ей в пору молодости парадигмы: все острее ощущается дефицит в синтетических обобщениях, в крупных теориях. Каким дробным стало знание! Мозаичность, лоскутность, фрагментарность, — вот печальное следствие такого дробления. Блуждая в огромном информационном лабиринте, попадаешь во все более мелкие ответвления и рукава, — и тем острее ощущаешь тоску по целостному охвату бытия. Но этот цельный взгляд невозможен при чудовищной дифференциации знания! Уже люди одной специальности перестают понимать друг друга. Что же будет дальше? Экспансия аналитического дробления кончится тем, что гигантские накопления информации потеряют внутреннюю связность: наука утратит системную цельность и превратится в аморфную груду деталей.

Специализация! Вот название болезни, которой

хронически больна современная парадигма. Специализация предполагает движение лишь по одной координате. В результате этого знание становится как бы одномерным: парадигмальные шоры сдвигаются настолько, что образуется узкая щель,— через нее и смотрит ученый всю жизнь, не замечая других измерений.

В системных исследованиях все чаще проводятся аналогии между биологической эволюцией и развитием науки. Действительно, здесь могут быть отмечены интереснейшие параллелизмы! Иногда они звучат предостерегающе. И прежде всего это касается явления специализации,— ведь развитие по этому пути признано тупиковым в эволюционном отношении. Излишне специализированные виды предельно сужают свои возможности,— путь для подъема на новый уровень остается для них навсегда закрытым.

Нет ли здесь системного сходства с той ситуацией, в которой может оказаться современная наука? Преуспевая в частном, она теряет общую перспективу. Поэтому все сильнее ощущается ностальгия по универсализму,— в эпоху узких специалистов он кажется навсегда утраченным.

И вот институт «Урусвати» дает модель такого универсализма! Создатель института, художник и ученый Николай Рерих, глубоко ощутил опасность специализации. Поэтому программным для «Урусвати» стало стремление к гармоничному знанию. Необычная установка для двадцатых годов нашего века! Она даже кажется непонятной в контексте того времени. Почему столь часто и в столь острой форме Рерих ставит вопрос об опасности специализации? Нам кажется, что симптомы этой болезни мы ощутили совсем недавно,— и поэтому суровые предупреждения Рериха-диагностика

выглядят преждевременными. Но это ложное ощущение. Рерих обладал даром предвидения: по малым признакам он мог предсказать грозные последствия. Вероятно, мы еще не раз убедимся в правильности его прогнозов. Но подчеркнем: эти прогнозы у Рериха никогда не носили эсхатологического характера. Выявляя тот или иной порок цивилизации, художник-мыслитель одновременно предлагает средства для его лечения.

Узости специализации Рерих противопоставил широту синтеза. «Урусвати» — это институт синтетического знания: принципы целостности и гармонии играют здесь ведущую роль.

Говоря об излишней дифференциации современного знания, мы должны в первую очередь отметить самый фундаментальный раскол в его структуре: это резкое противостояние точного и гуманитарного знания. Вот начало многих дисгармоний нашего столетия! Но положение здесь отнюдь не безнадежное,— в последнее время наметилось взаимодействие между двумя сферами знания. Сколько плодотворных дискуссий вызвало это сближение, сколько новых идей пробудило...

И тем интересней сейчас обратиться к бессмертному опыту «Урусвати»,— ведь в самой структуре этого института осуществлено снятие антагонизма между точным и гуманитарным знанием. Какой смелый опыт! И опять хочется сказать: какой ранний.

Под одной крышей в «Урусвати» велись филологические, лингвистические, искусствоведческие, этнографические, фармацевтические, геологические, ботанические, биохимические, космофизические, канцерологические исследования. И это далеко не полный перечень! Следует еще отметить и экологическое изучение монгольских пус-

тынь; и самое пристальное внимание к парапсихологическим феноменам, которыми так богата Индия; и углубленное социологическое моделирование, намечавшее пути для наилучшей организации общества.

Какое разнообразие интересов! И при этом — никакой разбросанности: все связано в цельной системе. Вот почему институт хочется сравнить с прекрасным многогранником, — его симметрия задается глубинными законами целостности.

Эта удивительная гармоничность в деятельности «Урусвати» имеет несколько причин. Во-первых, институт стал зеркалом, отразившим личность своего создателя. А Николай Рерих был человеком ренессансного склада, — универсализм его мышления имеет параллель только в великом Леонардо да Винчи.

Во-вторых, интегральность всех интересов «Урусвати» объясняется выбором уникального места для института. Ведь Гималаи хочется назвать посредниками между планетой и космосом. Поэтому отсвет космизма лег на многие исследования «Урусвати», придав им неожиданную общность.

Космос! — вот где конвергируют совершенно разные по своей природе направления научной мысли.

...Каждое лето уходит в среднеазиатские горы член института «Урусвати», рижский врач Гаральд Феликсович Лукин. Его система лечения сложилась под влиянием космической философии Рерихов. Лукин пристально изучает высокогорные травы. Он убежден: их лечебное воздействие в ряде случаев коррелирует с высотой произрастания. Там, у границы ледников, растения открыты всем эманациям космоса! Они насыщены его животворными излу-

чениями. Не с этим ли связан их особый терапевтический эффект?

Космическая фитотерапия! Есть в этом способе врачевания эстетическая привлекательность. Растения оказываются промежуточным звеном между космосом и человеком, — вместе с настойкой полыни сакральной в меня входят частицы, родившиеся в недрах Крабовидной туманности. Зодиак здесь выступает в роли мудрого фармацевта. Вносят свою целебную лепту и вспышки сверхновых, и далекие квазары.

Рерихи отметили: в высокогорных условиях отсутствуют раковые заболевания. Поэтому в «Урусвати» был создан канцерологический отдел. Благородное начинание! Это свидетельство того, что обращенность Рерихов к Космосу имеет глубочайший гуманистический смысл. Не принесет ли Космос избавление от самого жуткого вида энтропии — ракового перерождения клеток? Вот подлинная панацея: жизнотворные токи и ритмы Вселенной.

Тридцатые годы отмечены бурным развитием физики космических лучей. Горы являются идеальным местом для их изучения, — ведь сама природа здесь тянется к Космосу, ищет с ним прямого контакта. Трехгранные пики — как устойчивые треножники: будто они специально и созданы для того, чтобы поднять к высям чуткие приборы землян.

Николай Рерих обладал даром поэтизации науки. Явление космических лучей он переживал эмоционально. В незримом потоке элементарных частиц художник видел вестников дальних миров! Эта альфа-частица — из глубин Ориона. А этот протон совершил свое путешествие из далекой туманности Андромеды.

Конечно, это чисто поэтическая реконструкция неведомых траекторий. Художническая интуиция позволяла Рериху как бы проявлять незримое: ночное пространство было для него расчерчено радужными треками. Словно мириады нитей тянулись из Космоса к Земле. Мастер чувствовал их дрожащие, их блестящие переливы. Сознание освежалось под этим космическим ливнем,— росло чувство связи со всей неисчерпаемой Вселенной.

Космические лучи дают возможность непосредственно изучать химический состав Вселенной. Воистину, это уникальный канал информации! — он соединяет нашу планету с далекими космическими объектами. Естественно, что институт «Урусвати» включился в этот канал,— маленькое Кулу стало космическим форпостом нашей Земли.

Исследования космических лучей, проводимые в «Урусвати», курировались выдающимся физиком Р. Э. Миллиkenом. Приборы для регистрации частиц вывозились высоко в горы,— там, среди вековой тишины, Земля ловила звездные вести. Сколько поэзии в этих опытах! И сколько философской глубины.

Аналогичные исследования велись во многих частях земного шара. Но в рамках деятельности «Урусвати» они приобрели особый возвышенный смысл. Ученые часто хотят отстраниться от философии, от эмоций,— им важен голый результат, сформулированный в сухой и точной форме. В «Урусвати» тоже ценили точность,— но там еще придавали значение и гуманитарным, чисто человеческим аспектам получаемого знания. Это знание как бы одухотворялось! Но при этом оно не теряло своей строгости и определенности. Изучение космических лучей выходило за пределы узко-

физического исследования,— оно становилось экспериментальной частью рериховской философии космоса. Человек перед лицом Вселенной! Вот что волновало создателей «Урусвати».

В текстах Н. К. Рериха иногда встречается удачный термин, почему-то не привившийся в современной науке: «астрохимия». В ее предмет входит не только изучение вещественного состава звезд,— астрохимия призвана исследовать взаимодействие Земли и Космоса. Сколько реакций происходит в атмосфере при участии космических лучей! Несомненно, что метеорные тела тоже влияют на химический баланс нашей планеты. Землю нельзя оторвать от космоса,— она образует одно целое вместе со своей космической средой.

Николая Рериха глубоко волновали проблемы астрохимии. Ведь в этой науке осуществлен синтез земного и космического! А Рериха радовала интеграция знания в любой форме. Но особенно близким его сердцу было выявление земных и вселенских созвучий. Вот почему в «Урусвати» проявлялся большой интерес к астрохимии. Астрохимические гипотезы выдвигались там с редкой смелостью. Проверка многих из них — дело науки будущего. И это отнюдь не снижает ценности гипотез! Ведь часто сама постановка вопроса имеет большее значение, чем достоверный эмпирический результат.

Вот одна из астрохимических гипотез,— ее лучше сформулировать в виде вопроса: влияют ли космические излучения на жизненные процессы Земли? В чашечку ночного цветка втекает фотонный луч, испущенный двадцать семь лет назад голубой Вегой. Взаимодействует ли он как-то с биохимией цветка? Мы поставили вопрос в поэти-

ческой форме. И сделали это сознательно: ведь наука пока не может исследовать столь тонких взаимодействий. А они могут оказывать весьма существенное влияние на биологические процессы.

В институте «Урусвати» был поставлен вопрос о тонких влияниях космоса на Землю. Кибернетика показала, что для включения пускового механизма иногда достаточен очень слабый, еле улавливаемый сигнал. Не могут ли роль такого сигнала выполнять космические поля и коркускулы? Тогда эволюция жизни на нашей Земле будет увидена в новом свете.

Слабость подобных сигналов может быть соотнесена с малостью гомеопатических доз, оказывающих тем не менее чрезвычайно сильный эффект. Очевидно, здесь имеют место не энергетические, а информационные взаимодействия. Наука только-только приступает к их изучению. Тем значительней представляется роль «Урусвати» в постановке этой проблемы. Теперь ее можно сформулировать так: информационное воздействие космоса на биологические процессы Земли.

Все в космосе подчинено законам ритма. Вероятно, в информационных влияниях Вселенной тоже есть своя периодичность, цикличность. В первую очередь ее хочется связать с движением Земли по зодиакальному кругу. Солнце попеременно экранирует то одно, то другое созвездие,— оно выступает как регулятор информационных потоков. Не обладают ли различные участки Зодиака астрохимической специфичностью? Тогда их воздействие на Землю будет варьировать в зависимости от времени года. Быть может, в этом и заключается рациональное зерно астрологии?

В астрологии преобладает мифопоэтическое содержание. Но ее общая установка безусловно

верна в методологическом отношении,— Земля не изолирована от космических влияний. Все связано со всем! Этот великий диалектический принцип астрологи облекли в символическую форму. Не было ли это способом зашифровки древних знаний? Такой вопрос вполне правомерен.

Николай Рерих был чуток к проблемам зреющего будущего,— его волновали и тайны глубокого прошлого. Рерих понял: в идеях древних мыслителей есть прогностическая сила,— часто здесь предугаданы выводы новейшего знания. О, это топологическое замыкание времени! Оглядка назад порой неотличима от смелого пророчества. Вот почему и в построениях древних астрологов может быть выявлена вполне реальная основа.

...Ночью над Гималаями просыпался звездный дождь. Это Земля пересекла метеорный поток Леониды! — середина ноября ежегодно отмечена встречей с ним. Николай Константинович всю ночь провел у мольберта. Ему хотелось передать зовы ночного неба,— в росчерках метеоров мастеру чудились письма.

Рассвет был необычным,— снежные горы искрились совершенно особым розовым светом. Будто отсверки нездешних зорь заиграли на ледниках!

— Это метеорная пыль,— подумал про себя мастер. Как и В. И. Вернадского, его волновало присутствие космического вещества на Земле. Но этот интерес окрасился у Рериха в художнические тона,— за крохотной метеорной пылинкой брезжила ему палитра дальних миров.

Каково значение космической пыли для геохимии Земли? Этот вопрос тоже обсуждался в аудиториях «Урусвати». Склоны Гималаев кажутся огромными естественными экранами для уловления звездной пыли. Вместе с талой водой ледни-

ков ее частицы спускаются в равнины. Начинается великая циркуляция! — космическое вещество совершает свое земное странствие. Как оно влияет на генотипы живых существ? Как в его присутствии протекают химические реакции? Это большие вопросы. Но все они находятся в компетенции науки завтрашнего дня.

Метеорная пыль на ледниках Гималаев! Кажется, что Рерих подмешивал ее в свои краски,— оттого они такие сверкучие, космически яркие. Художник предвидел: познание космоса сулит человеку небывалую новизну. Свои великие предчувствия он выразил на образном языке искусства.

Какие формы принимает материя в далеком космосе? Конечно, закон подобия помогает нам делать прогнозы на этот счет. Но вместе с законом подобия — в единстве и параллельно с ним — в космосе действует другое великое начало: это закон творчества, закон новизны. Из него непременно вытекает: в космосе могут быть встречены явления, не имеющие никаких аналогий с известным и познанным.

Негаданное, непредсказуемое! В «Урусвати» хорошо понимали: Вселенная может преподнести сюрпризы науке. Поэтому принципы научной прогнозности, принятые в «Урусвати», кажутся парадоксальными; маловероятному здесь отдавалось большее предпочтение по сравнению с тем, что для хода развития науки казалось едва ли не неизбежным.

Известны трудности с предсказанием будущих открытий: в силу своей новизны они не вытекают из логики уже известных фактов. Новое приходит в форме скачка,— и эта дискретность сводит на нет обычные прогнозы. Готовность к небывалому! — вот какое качество воспитывалось в «Урус-

вати». Интересно подчеркнуть: эта готовность только сейчас принимается современной наукой. Принципы научного прогноза претерпевают резкое изменение: научные революции будущего связываются с маловероятными — и, значит, практически не предсказуемыми! — открытиями.

Образно выражаясь, в «Урусвати» делалась ставка на чудо,— если под чудом понимать нечто абсолютно новое, выламывающееся из привычных логических схем. Отрицание принципиальной новизны грозит науке рутинным застоем. В «Урусвати» хорошо понимали это. И поэтому строили работу института на принципах последовательного антидогматизма. Отсюда внимание «Урусвати» к древним легендам,— ведь в основе их поэтики лежит представление о чуде. Конечно, это чудо может быть вымышленным. Но только ли игра воображения запечатлена в бесчисленных легендах о бессмертии, о левитации, о телепатии? По крайней мере, эти легенды ценны как формулировка смелых задач. Неужели человек никогда не сможет приблизиться к их решению? В «Урусвати» на этот вопрос отвечали оптимистически.

Через всю жизнь Рериха прошла прекрасная легенда о Чинтамани. Этот лучистый камень прислан на Землю из недр Ориона. Земная минералогия ничего не может сказать о его составе. Да и для физиков он был бы сплошной загадкой! Ведь Чинтамани состоит из необычного вещества. Камень был разделен на две части: большая осталась в Гималаях, а меньшая доверена лучшим людям планеты. Но меньшая часть сохраняет магнитную связь с большей! При этом расстояние между частями не имеет никакого значения. Более того: через неведомое поле Чинтамани имеет постоянный контакт с Орионом. Для него

не существует релятивистских запретов,— связь с базой в туманности Ориона осуществляется мгновенно. Быть может, это камень из тахионной материи? Составляющие ее частицы могут двигаться со сколь угодно большими скоростями.

Это пересказ легенды о Чинтамани на современном языке. Ее вечный смысл ясен,— мечта о небе родилась вместе с человеком. Во всех культурах Земли существует оппозиция «земное — небесное». Невозможное на земле становится реальным в небе. То есть, в космосе! Оттуда приходит чудо, там свершается небывалое.

Удивительными свойствами обладает небесный камень Чинтамани. Вокруг него явно уменьшается энтропия,— прекращаются процессы распада, излечиваются болезни. С его помощью можно совершать действия, которые кажутся противоречащими законам физики. Например, благодаря Чинтамани возможна левитация! Можно предположить, что в окрестностях камня меняется геометрия пространства,— поэтому делается реальным выход в параллельную Вселенную. Не из нее ли камень черпает энергию? В таком случае здесь вовсе не нарушаются физические законы сохранения. Но чтобы увидеть это, надо принять новую модель мира, превосходящую по своей сложности те представления, которые узаконены современной наукой.

Легенда о Чинтамани обладает большой эвристической силой. Может ли наука завтра столкнуться с подобным явлением? Космос велик и неисчерпаем. Ученые уже предприняли попытку обнаружить во Вселенной объекты, построенные из антивещества,— сама идея такого поиска была бы воспринята полвека назад в ореоле легенды. Однако представление об антивеществе сейчас уже не

кажется таким смелым,— в конце концов это обычное вещество, но только с противоположной зарядовой асимметрией.

Поэтическая легенда обычно идет дальше научной гипотезы.

Ляжет ли на лабораторный стол ученого-землянина камень Чинтамани? Будущее ответит на этот вопрос.

Космизация знания содействует расширению современной научной парадигмы. Этот благотворный процесс стал замечен после первых практических шагов по освоению космоса. Но в «Урусвати» он начался гораздо раньше! Этот институт хочется назвать первой космической станцией, построенной на нашей планете,— Рерихи вывели ее в ближний космос и с блеском осуществили на ней комплексные исследования. Подчеркнем; стремление к синтезу у Рерихов было связано с космизацией мышления. Два эти момента взаимозависимы,— и Рерихи первыми осознали их корреляцию.

Методология института «Урусвати» во многом опережала современную научную парадигму. Это опережение может быть отмечено по крайней мере в трех принципиальных моментах:

1) гармонизация знания,— в «Урусвати» были возрождены идеалы целостной науки. В соответствии с этими идеалами развивалась замечательная философия синтеза,— противопоставляя ее дробной позитивистской картине мира, основатели «Урусвати» показали всю опасность специализации, несовместимой с идеалом гармонически развитой личности;

2) космизация знания,— методология «Урусвати» предполагает возможность радикальных изменений в основах науки, которые могут

быть вызваны исследованиями космоса и неизвестных уровней реальности. С этим связан подчеркнутый антидогматизм «Урусвати»,— обращенность к мировой беспредельности предполагает широту взглядов;

3) гуманизация знания,— в «Урусвати» всегда учитывалась роль «наблюдателя»: то есть человека, со всем спектром его эмоций и интересов. Здесь возможны параллели с квантовой физикой, где принципиально нельзя изолироваться от субъекта. Идеология «Урусвати» близка концепции антропокосмизма,— человек понимается как существенный элемент космоса. Вспомним, что в классической картине мира субъект не играет никакой роли,— поэтому мир можно мыслить без всякого наблюдателя. Вот почему и квантовая физика, и теории антропокосмизма — это предтечи гуманизации знания: человек здесь трактуется как неотъемлемое звено Вселенной. Конечно, это только начатки гуманизации,— точнее, ее необходимые условия. Главное в этом процессе связано с проникновением этики в структуру науки,— попытки освободиться от нравственных критериев в поиске истины приводят к трагедии. Гуманизация науки есть этизация науки! Вот вывод, который в «Урусвати» сделали очень рано: задолго до нравственной драмы Эйнштейна,— а ведь именно с нею связывается начало моральной революции в науке.

В «Урусвати» эта революция началась с момента его основания. Служит ли наука добру или является проводником злых сил? Этот вопрос был поставлен в прямой альтернативной форме. Можно попытаться уйти от него, размывая сами понятия о добре и зле. Конечно, в них есть относительный момент,—но все же прав Н. К. Рерих в своем

поиске абсолютной шкалы для этических оценок. Он хотел вернуть науке категорический императив Канта.

Везде и всюду Рерих был творцом, созидателем. Розни и распри больно отзывались в сердце великого строителя. Он видел, что и наука раздираема совсем не творческими противоречиями: дискуссии между учеными зачастую ведутся в оскорбительных тонах, культура научного спора утрачена.

Нетерпимость: вот болезнь дряхлеющей парадигмы. И нет сомнения, что это болезнь с летальным исходом! — ведь подлинная наука строится лишь на основах синтеза и вмещения.

В «Урусвати» была проделана огромная работа по осмыслению этических принципов науки. Гносеология и этика здесь были приведены в тонкие соответствия. Мир неисчерпаем,— и это делает неизбежным множественность подходов к нему. Иначе знание не будет адекватным миру,— попытка абсолютизировать один подход приведет к односторонности. А это самая опасная форма искажения истины!

Нелегко принять Беспредельность. Для нее нужна широта души. О важности этого качества говорит вся деятельность «Урусвати». Неисчерпаемый мир может быть познан лишь на основе сопонимания и терпимости. Эти важнейшие этические принципы не привносятся в науку извне,— если угодно, они вытекают из самой структуры мира, ибо отражают его объективное разнообразие и многогранность. Этика укоренена в онтологии.

Много прекрасных слов было сказано Николаем Рерихом о значении терпимости в науке. Методология художника-ученого не только предполагала разнообразие взглядов и позиций как

условие постижения истины,— изыскивались и наилучшие способы для организации этих взглядов в единую цельную систему. Слово «кооперация» часто повторялось в «Урусвати». Как привлекает этот призыв к объединению лучших усилий! Сейчас проблемы организации науки решаются в глобальном контексте. Так вспомним благодарно о том, что идея планетарной науки родилась в стенах «Урусвати»; маленький институт стал своеобразной моделью будущего,— и в этом предвосхищении заключается его непреходящее значение.

Этика сотрудничества немыслима без доброжелательного внимания к каждой новой идее. Пусть эта идея может оказаться неверной. Но ведь среди отвергаемых гипотез бывают и гениальные прозрения! Важно вовремя заметить их, бережно поддержать. Вот этой пристальной чуткости и не хватает догматической науке.

В рамках современной парадигмы блестяще разработаны критические методы. Что ж, без придирчивого отбора невозможно развитие научного знания. Но часто критицизм ученых XX века приобретает явно гипертрофированные формы. Ведь не на одном отрицании держится наука.

В «Урусвати» тонко подметили эту своеобразную асимметрию современного знания,— механизмы отрицания зачастую превалируют в нем над творческим утверждением.

Стремление к гармоническому равновесию всегда было свойственно стилю «Урусвати»,— оно проявилось и здесь: Рерихи выдвинули принцип утверждения как основу для научного сотрудничества.

Это вовсе не снижает роли критических факторов. Но все же следует указать на их вторичное

значение. Главное — это генерация идей; новое приходит в интуитивном озарении, среди молчания. Главное — творчество. А шумные дискуссии приложатся. Было бы что обсуждать. Почему же в науке так отточены средства критики, а волнующие вопросы творчества едва-едва задеты?

Для «Урусвати» не существует этой дисгармонии. Установка на синтез — это призыв и к творчеству, и к сопониманию. Отвернувшись от адептов голого отрицания, «Урусвати» взял ориентацию на позитивное начало.

Этот выбор predetermined отношение «Урусвати» к самой сущности современной цивилизации. Н. К. Рерих искренне радовался ее успехам. Но ему были открыты и ее теневые стороны. Более того: он предвидел те опасные тенденции в развитии нашей цивилизации, которые стали столь явными лишь в последние годы. И в силу этого провидчества превзошел всех своих коллег-современников! Достаточно вспомнить, что в «Урусвати» обсуждалась возможность глобального экологического кризиса,— по слабым, незаметным для других симптомам здесь могли угадывать течение опасной болезни.

В современной цивилизации отражены все сильные и слабые стороны породившей ее научной парадигмы. Нет ли односторонности в нашем увлечении техникой? Машинная цивилизация опирается в основном на дискурсивные схемы мышления. Между прочим, именно эти схемы воспроизводятся машинным способом,— они могут закладываться в электронно-вычислительные устройства, имитирующие работу нашего рассудка. Рассудка, но не разума! Различие здесь принципиальное. Тем не менее заметна тенденция к отождествлению этих понятий. И в этом заключается серьез-

ная опасность,— ценность человека неизбежно занижается, когда машины уравниваются в правах с ним. Да разве можно свести работу человеческого сознания к рассудочной схематике?!

Рассудочность! Вот еще одна болезнь нашего века, имеющая несомненную связь с общепринятой парадигмой. Эта болезнь ведет к трагической дисгармонии в структуре человеческой личности, к обеднению — иссушению и упрощению — ее творческих потенциалов. Откуда ждать помощи? Прежде всего со стороны искусства. Нет, не случайно первый камень в фундамент «Урусвати» заложил великий художник.

Вывести цивилизацию за тесные рамки рассудочной дискурсии — вот мечта основателей гималайского института. Суждено ли ей сбыться? Хочется верить, что да. Для этой веры есть реальные основания. Давно ли возможности кибернетики казались нам безграничными? Сейчас как-то неловко вспомнить об этом слепом энтузиазме. Достижения кибернетики великолепны. Но у нее есть свои ограничения. Поэтому кибернетический аналог человека будет лишь бледной копией оригинала. А мы поначалу не видели этой пропасти между духоносным первообразом и машинным подобием!

Но Н. К. Рерих видел. Будто его прозорливой интуиции были открыты дискуссии нашего времени! И он, опережая годы, сказал в них последнее веское слово. Сказал с горечью и сарказмом. Но и с верой в гармонию будущего. А ведь еще Н. Винер не написал своей «Кибернетики». И успехи машинного моделирования были очень скромными. Поэтому резкий тон Рериха может показаться странным. Но теперь мы видим, что художник был прав. Чутье гуманиста подсказало ему, чем

чревата концепция человека-машины. Цивилизация роботов бездушна и антиэстетична! Рерих одним из первых во всеуслышанье сказал об этом.

Сейчас много говорят о биологической цивилизации, о ресурсах психознергетики,— все это естественная реакция на одностороннее развитие техники. Перед лицом экологической катастрофы человечество задумалось об альтернативных путях и возможностях. Теперь непреложно осознано: машинное мышление может завести в тупик! Оно приводит к сужению сознания. А это — регресс. Институт «Урусвати» звал человечество на иные пути.

3. Расширение сознания

Расширяйте, расширяйте сознание ваше путем очищения от губительных маленьких мыслей, от обычности, от стандарта.

Из писем Е. И. Рерих

Насколько необходимо подумать о нужности равновесия между духовными энергиями и механическими приспособлениями.

Н. К. Рерих. «Держава света»

Все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно.

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Слияние с космическим ритмом дает синтез всего сущего в невидимом и видимом.

«Беспредельность»

В жизнь науки начинает входить непредубежденность.

Н. К. Рерих. «Держава света»

Конечно, творческая мысль переродит мир. Царь мысли творит эволюцию. Так мы можем продвинуть человеческое сознание. Мы творим мыслью.

«Знаки Агни Йоги»

Ученый и художник знают значение слова — вдохновение. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема.

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Каждая мысль рождается из соприкосновения с резервуаром пространства, подумайте, сколько непримененных мыслей носится в высших слоях пространства! Попытайтесь уловить их, утончить свои восприятия! Ведь в этом заключается космическое сотрудничество, но для этого нужно возжечь свои внутренние огни.

Из писем Е. И. Рерих

Этими благородными мыслями мы украшаем пространство и соединяем дальние миры, ибо для мысли нет ни пространства, ни времени.

Н. К. Рерих. «Держава света»

Изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Н. К. Рерих. «Нерушимое»

Невместимы отрицания, где заповедано широкое вмещение.

Н. К. Рерих. «Держава света»

Как поступить, если широкие взгляды не достигают цели? Нужно их еще расширить.

«Знаки Агни Йоги»

Главная масса бросается в сторону механического разрешения проблем жизни, забывая, что истинная перемена может наступить лишь при расширении сознания.

Из писем Е. И. Рерих

Для машинного мышления и мир есть гигантский механизм! Его можно разобрать по частям. И на эти составные элементы он разлагается без остатка. Такое свойство систем, в которых целое точно равно сумме частей, называется аддитивностью.

В «Урусвати» была глубоко осознана принципиальная неаддитивность мира. Космос целостен! А это значит, что целое больше суммы своих частей,

Что же заключается в «остатке»? Это неуловимое «нечто» Рерих называл «нереченным». Прекрасное слово! В нем — главное, заповедное: тайна мира, душа мира.

Далеко не всё в мире аналитически разложимо. И не все поддается формализации!—самый богатый математический язык оказывается неполным

при описании целостных систем: биосферы, общества, искусства. Что же, отказаться от познания этих целостностей? Или в бессознательном самобмане удовлетвориться грубыми механическими моделями?

Для постижения целостных свойств бытия следует выработать новые формы познания. Это требует не только пересмотра парадигмы,— встает задача качественного расширения сознания. И прежде всего его нужно вывести за узкие рамки аналитической дискурсии.

«Чувствознание»: с этим новым для нас понятием связывались в «Урусвати» представления о будущих путях познания. Чувствознание предполагает раскрытие в человеке эволюционно новых средств отражения действительности. Далеко идущая гипотеза! Ее скорее можно отнести к области поэзии,— ведь именно поэты смело говорят о шестом, даже седьмом чувстве. А для науки это просто фантастика, и она вправе не входить в обсуждение подобных гипотез, лежащих за границами парадигмы. Но ведь эти границы будут неизбежно расширены. И тогда...

В «Урусвати» безбоязненно говорили о будущих возможностях. Разве уже исчерпаны познавательные ресурсы ноосферы? Эволюция человека продолжается. А это значит, что могут развиваться новые органы познания,— при этом вовсе не обязательно морфологическая перестройка человека.

Познание сердцем...

Впрямельк о нем говорят древние тексты. Да и в обиходе встречается это выражение. Конечно, оно имеет образный смысл. И все же за этой метафорой таится глубокое содержание.

Познание сердцем целостно отражает мир.

Здесь снимаются границы между объектом и субъектом: человек как бы проникает в глубь предмета, сливается с ним,— и постигает его изнутри. О радости этого слияния со всем сущим — и с былинкой, и со звездой, и с океаном — прекрасно писали философы-пантеисты. Они были близки Н. К. Рериху: мастер не раз говорил о своей созвучности и Спинозе, и Гёте.

Человек резко отделил себя от природы. А на природу он наложил жесткую классификационную сетку! — отдельно растения, отдельно животные, отдельно люди. Все — отдельно. Все — само по себе. Все — в изоляции.

Мир стал похож на систему непроницаемых ячеек. И эти ячейки становятся все мельче! — аналитическое дробление грозит превратить мир в бессвязный хаос.

Но совсем иначе бытие открывается сердцу. Вещи роднятся друг с другом, образуют созвучья,— мягкие и плавные переходы связуют их в гармоническую непрерывность. Какая-то особая теплота разлита во Вселенной. Чувствуешь доброжелательность мира, его расположенность к тебе. Как передать это необычное чувство? И вот — не боясь антропоморфизма — ты произносишь единственно верное слово: сердечность.

Сердце мира...

Это тоже метафора. Она встречается у поэтов Земли, ощутивших доброе начало Вселенной. В Кулу была записана удивительная книга: «Сердце». Кажется, что она продиктована самим космосом, открывающим человеку свои высшие заповеди. И закон сердечной взаимности главный среди них!

Взаимопомощь. Взаимопонимание. Взаимоположение. Взаимосвязь. Взаимоответственность.

На взаимности держится мир. Порыв сердца тут главное, — а не сухой бездушный расчет. Культура будущего — это культура сердца. Космос откроется нам, когда мы поймем значение сердца, — это и будет новый рубеж эволюции. О нем думали, — и шли к нему! — творцы «Урусвати».

Познание сердцем и есть чувствознание. Это высшая форма интуиции, схватывающая целостные характеристики бытия! — живое знание о живом мире; дар озарения, высвечивающий суть; полнота постижения мира.

Интуиция родилась вместе с человеком. Многие открытия, совершенные в системе парадигмального мышления, связаны с интуицией. Инсайт, сатори, озарение: обо всем этом говорят рационально мыслящие ученые. Так что интуиция не нуждается в апологии.

И все же мы ничтожно мало знаем об этой форме познания! Интуиция — спонтанна: короткая вспышка вдруг озаряет глубину предмета. Казавшееся недоступным долгое годы постигается в мгновение ока. Несказанный свет озаренья! Нельзя искусственно создать этот свет. Кажется, что он приходит свыше, — и потому мы принимаем его как дар.

В силу своей спонтанности — о, эта счастливая нечаянность! — акт интуиции невоспроизводим в опыте. Поэтому его невозможно изучать обычными методами: повторность явлений — условие научного постижения. Вот почему в отношении интуиции сложилась весьма противоречивая ситуация: хотя формально интуиция находит место в системе парадигмального мышления, но всей сутью своей — всеми своими определяющими признаками! — она как бы выламывается из парадигмы.

Интуиция — не формализуется, интуиция — не моделируется, интуиция — не исчисляется.

Очевидно, явление интуиции неоднозначно. Какие-то ее формы имеют как бы реликтовый характер, — они связаны с инстинктом: с этим целокупным, но темным — еще слепым, еще бездуховным — способом познания. Но высшие проявления интуиции имеют другую природу. Это скорее мутация духа, рождающего новый орган познания! Поэтому пока они в принципе случайны и однократны.

Предположим, что это гипотетическое допущение верно, — тогда следует ожидать эволюционного закрепления новых качеств: единичное перейдет во всеобщее, спорадическое станет устойчивым. И мы научимся управлять лучом интуиции! Он перестанет быть редкостным гостем, — мы будем пользоваться им столь же свободно, как сейчас пользуемся зрением или слухом.

Оправдается ли это предчувствие нового? Пока оно имеет скорее поэтическое, чем строго научное обоснование. Но вот вопрос: всегда ли поэтическое предвосхищение бывает менее точным и прозорливым, нежели научный прогноз? Это тоже рецидив парадигмы: суд науки мы считаем более верным и объективным, чем мнение искусства. Не является ли эта асимметрия следствием заблуждения?

Как у человека искусства у Н. К. Рериха интуиция была развита особенно хорошо. Тем ценнее для нас, что художник обратился к методологическим проблемам науки: новизна его подхода обусловлена своеобычием этой яркой художественной натуры. Профессиональный археолог, он имел глубокие знания не только в области гуманитарных дисциплин. Художник пристально следил за

развитием точных и естественных наук. Мимо него не прошло ни одно крупное явление в новейшей философии и психологии.

Гармонически сочетая разные интересы, Рерих прежде всего помнил о своей художнической миссии. К какой бы теме он ни обращался — будь это вопрос культуры, политики или науки, — он всегда оставался художником.

Разнообразие гармонической личности вовсе не предполагает равноправия всех ее интересов, — всегда должна быть некая доминанта: ведущий интерес, главная тема. Такой доминантой для Рериха была Красота, — ее созидание и постижение немислимо без развитой интуиции.

Эстетически пододя к современной науке, Рерих легко обнаружил диссонансы в ее структуре. Но Рерих был не только блестящим диагностиком, — у него имелись и свои способы врачевания больной культуры. Наука обретет новые духовные силы, если включит в свой арсенал постижения действительности те средства, которые искони считались принадлежностью искусства. Симбиоз науки и искусства! — вот метод, предложенный Рерихом для одоления дисгармонии.

Сейчас эта идея настолько широко обсуждается, что даже стала трюизмом, — дабы пережить ее новизну, следует обратиться к текстам Рериха: там она играет первозданными красками. Более того: искомый синтез уже осуществлен Рерихом, — тогда как современная наука еще очень и очень далека от этой цели.

У идеи чувствознания эстетические корни. Целостность, гармония, синтез: все эти понятия связаны с нашими представлениями о красоте. Думая о науке будущего — и создавая ее модель в образе «Урусвати»! — Рерих во многом отталки-

вается от искусства. Эстетизация науки не означает чего-то внешнего, фасадного, — это глубинная перестройка, это качественное преобразование.

Великая связь Истины, Добра и Красоты полностью распалась в современной парадигме. Ближиться время для их нового синтеза! Без этого неразрешимы самые великие проблемы бытия: тайна Космоса — тайна Жизни — тайна Человека.

Характерно, что эти тайны в позитивизме объявлены псевдопроблемами, — парадигма пасует перед широкими задачами, ибо не в состоянии дать их целостный охват и решение. Но искусство никогда не отступало перед коренными проблемами бытия. И в этом отношении шло впереди науки. Это закономерно: искусство по возрасту старше точного знания. Но наука выросла. И сама логика ее развития подводит ученых к вопросам, которые раньше считались компетенцией философии и искусства. Наука встает перед выбором: или отступить назад, довольствуясь детализацией уже познанного; или внутренне преобразиться, раздвинуть свои рамки, — а это без расширения сознания невозможно.

Подлинный художник является носителем расширенного сознания. Диапазон его «я» небывало раздвинут: обладая даром сочувствия и сопереживания, он принимает в себя внутренний мир современников, — и поэтому становится как бы сверхличностью. Ему открыты тайны бесконечности, — расширяя сознание за грани земного, он сливается со всем космосом. Но умеет понимать и малое! — язык зверей и птиц внятен для расширенного сознания.

Познавательные возможности человека обога-

щаются при расширенном сознании. Но труден путь к его обретению: надо сбросить рутинные схемы,— они подчас вяжут прочнее пут. А сколь велика инерция человеческого эгоизма! Альтруизм: вот одно из коренных условий расширенного сознания. Способность чувствовать боль и радость всего живого соприсуща новому человеку.

Он понимает: в безграничной Вселенной тысячи эволюционных путей ведут к разуму. Перед просторами Беспредельности нелепы любые претензии антропоцентризма. Замечательно, что философия космического разнообразия меняет отношение и к земной природе,— человек перестает смотреть свысока на растения и животных: упрощенческий взгляд на них больше не удовлетворяет раскованную мысль.

А такое упрощенчество весьма характерно для парадигмы. Декартовская формула «животное — машина» иногда произносится и в наши дни. Хотя достижения этологии опровергают этот механистический взгляд на животных, но все равно человечество еще находится в плену ложного отношения к своим младшим братьям.

Мы склонны считать свою меру единственной и абсолютной. Уже принятие некоторых фактов этологии встречает у нас затруднения. А ведь животные близки нам и эволюционно, и морфологически! Что же тогда говорить о насекомых и растениях? Мы учим своих детей жалеть щенков и котят. А вот умерщвление бабочки или стрекозы считается чем-то вполне обычным. Какая жуткая непоследовательность! И причина ее — суженное сознание.

В «Урусвати» пристально изучались растения,— проведенные там геоботанические и фармакологические исследования получили мировое призна-

ние*. Для семьи Рерихов характерно совершенно особое отношение к растению,— любовное, внимательное, понимающее. В «Урусвати» сложилась целая философия растения, которая очень существенна для проблемы расширенного сознания.

Эволюционно растения очень далеки от нас. Тут нет и гомологических подобий, облегчающих наше понимание животного мира. Поэтому мы не стремимся к контакту с растениями, заведомо считая их чем-то низшим, бесчувственным. Сорвать цветок, сломать былинку,—для нас это в порядке

* Институт «Урусвати» поддерживал связь с советскими ботаниками. Приводим письмо Н. И. Вавилова, адресованное на имя С. Н. Рериха:

«8 марта 1937 г.

Уважаемый Святослав Николаевич,
приношу Вам большую благодарность за присылку семян лекарственных растений, которые я направил в нашу секцию лекарственных растений, возглавляемую Т. К. Крейром. Я читал и слышал о том, что Вы провели интересную экспедицию в самые замечательные районы Земли — в Гималаях, в Тибете: мы можем только мечтать об этих районах, которые исследованы чрезвычайно мало. Насколько они нас интересуют. Вы можете судить по посланной Вам моей брошюре «Ботанико-географические основы селекции растений». Было бы крайне интересно получить при Вашей помощи семена пшеницы и ячменя, льна и зерновых бобов из этих районов. Если бы представилась возможность получить хотя бы по несколько образцов этих растений, мы были бы Вам чрезвычайно признательны. Если Вам придется опубликовать какие-либо исследования по Гималаям и Тибету — мы будем очень признательны Вам за присылку таковых. Не знаете ли Вы каких-либо работ, посвященных земледелию Тибета? Всякий материал из этого района очень интересен. В настоящее время мы более всего заинтересованы полевыми, овощными и плодовыми культурами, но также работаем и по лекарственным растениям.

Еще раз приношу Вам благодарность за присылку семян.

С искренним уважением

академик Н. И. Вавилов»,
(из архива П. Ф. Беликова)

вещей: ведь растения не знают чувства боли. Так зачем им тогда наша жалость?

Такое отношение к растению могло сложиться лишь в системе антропоцентрического мышления. И оно не адекватно действительности! Это доказано великим индийским ботаником Д. Ч. Босом, членом института «Урусвати» и личным другом Рерихов,— ученый поставил «...опыты, доказывающие наличие у многих растений нервной системы с высокой степенью дифференциации»*.

Очень смелое заключение! Оно не вписывается в парадигмальные представления о растении. Тем не менее факты бесспорны: растение является несравненно более сложной системой, нежели это считалось раньше. Чтобы принять эти факты, надо расширить сознание,— тогда слова о нервной системе растений не будут шокировать.

Недавно мы узнали — с любопытством и недоверием одновременно! — об удивительных опытах К. Бакстера. Он показал, что растение способно чувствовать не только свою боль, но и боль собрата. Злые и добрые побуждения былинка различает на расстоянии, а смерть других существ — даже просто живых клеток — угнетающе действует на ее самочувствие.

Можно по-разному относиться к экспериментам Бакстера,— скептики вправе тщательно перепроверить их. Однако информация об этих опытах — пусть даже в ней содержатся преувеличения и искажения — не может пройти мимо нашего этического сознания. Теперь мы как-то по-новому смотрим на мир трав,— он стал для нас более загадочным и одновременно более близким.

* Бос Д. Ч. Избранные произведения по раздражимости растений.—М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 190.

В «Урусвати» не удивились бы опытам Бакстера: возможность психики у растений обсуждалась там со всей серьезностью,— причем без всякого антропоморфизма. Если у растений есть психика, то она весьма специфична,— и поэтому душа былинки должна быть понята изнутри. Но сможет ли человек вжиться в мир столь далекого от него существа? Это зависит от степени расширенности нашего сознания.

Гипотеза о психической жизни растений привлекает своей нетривиальностью. Какова бы ни была ее судьба, но она останется в истории культуры. Ведь здесь была поставлена задача постигнуть очень далекий от нас мир! Это своего рода модель контакта с не-антропоморфной цивилизацией. Чтобы понять ее внутренние законы, надо отказаться от абсолютизации своей системы мер,— а это установка на расширение сознания.

Мы должны раздвинуть его настолько, чтобы объять весь мир: и микрокосм луговой бабочки, и астроинженерию далеких цивилизаций. Мы научимся свободно переходить от масштаба к масштабу: нас поразит и скромный интерьер птичьего гнезда, и архитектурника увиденных изнутри марсианских пещер. Мы поймем логику пчелы, строящей соты,— и до нашего сознания дойдут телепатемы, посылаемые нам братьями по разуму.

О, радость расширенного сознания! Радостно упреждать просьбу брата; радостно понимать язык звезд; радостно творить новую жизнь.

Широта взглядов. Широта чувств. Широта вмещения. Интересно все: и формула физика, и краски художника. Понятно все: и тревога птиц, и слова пророка. Созвучно все: и шелесты тростника, и музыка Баха.

Раскрепостился дух! Вот она, истинная свобода.

Смешны вчерашние шоры,— до узкой щелочки ограничивали они поле зрения. А теперь бытие открыто тебе в панорамном охвате. Ты можешь вступить в любой диалог; ты можешь связаться с любой планетой; ты можешь постичь любую философию.

Вчера ты считал, что мир имеет три измерения. Другие мнения казались тебе ересью. Но вот Учитель позвал тебя. И ты пошел за ним. С каждым шагом расширялось твое сознание! И ныне настает час, когда откроются твои спящие центры: за шестым чувством пробудится седьмое, за седьмым — восьмое...

И ты вздрогнешь удивленно: как изменился мир вокруг тебя! Будто ты смотришь на него одновременно с нескольких точек зрения. Это четвертое измерение стало явным для сознания.

Но ты знаешь: тебе явлено еще не все. Ты не повторишь прошлых ошибок,— не будешь мир с его новыми аспектами считать всей реальностью. В тебе проснется предчувствие иных уровней. Впадая в неслыханную ересь, ты станешь говорить о пятом измерении. Не все поймут тебя. И твои слова о девятом чувстве назовут сказкой! Но дух твой не смутится. Ты будешь идти вперед и вперед, приветствуя беспредельную Иерархию.

Теперь ты знаешь, как опасна ограниченность. Это она — источник страха: не видеть, не слышать, не знать. Спрятаться под железную скорлупу от новизны бытия. Окопаться в норе, внушая детям: это весь мир, дальше нет ничего. Сужать и сужать шоры, пока они не сомкнутся намертво как тиски,— и приветствовать эту слепоту.

О, гиблая ограниченность! Страх перед новым. Страх перед небом. Страх перед далью. Это — бессознательная тяга к смерти. Это — желание

остановить время. Это — искус кромешного небытия.

К свету! К истине! К творчеству! Ясен и мудров Николай Рериха, человека с расширенным сознанием. Его звали мастером гор,— мы назовем мастером просторов. О, эти раздвинутые горизонты духовности! Художник показал их во всей красоте. Раз увидев такое, уже не останешься прежним,— дух твой начнет расти под водительством звездной мудрости.

Незабываемы уроки «Урусвати». Поразительна чуткость, с какой относились там к новому в науке. Как могли, поддерживали это новое,— и ободрением, и советом. В такой поддержке особенно нуждались ученые, которые в своих поисках перешли границу парадигмы. В первую очередь это относится к пионерам парапсихологии,

О глубоком интересе Н. Рериха к необычным явлениям психики свидетельствует один из листов его дневника,— вот полный текст этого своеобразного эссе.

ПАРАПСИХОЛОГИЯ

Новые взлеты мысли порождают и новые слова. Еще недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии — не будем повторять значение этого греческого слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоевывала новые области и проникала в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в институт мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась

сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое уточненное обозначение для этой широчайшей области. Таким образом получилась многозначительная надстройка над понятием психологии — родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии и не случайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена темного средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современным нам «инквизиторы» не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследование в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так бывало и в Европе, и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих заторов и наветов. Эволюция противоборствует темному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что еще на нашем веку одна ученая академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Еще недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значе-

ния и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал «Парапсихология», издаваемый под редакцией проф. Рейна (Дьюк университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугл уже много лет работали над передачею мысли на расстоянии. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлек к сотрудничеству целую большую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайшие расстояния в простейших формулах, но затем опыты постепенно перешли и на более далекие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль несомненно может передаваться на расстоянии и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвященными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии суждена ближайшим дням человечества. Таким образом, именно наука, называйте ее материальной или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определенному пути, то множество неожиданных пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, при том самые

обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий. В Латвии под надзором врачей и ученых находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретенным аппаратом, улавливающим тончайшие, до сих пор еще не уловленные пульсации сердца. Еще недавно д-р Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведенных ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме того, было замечено, что объединенная мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индии, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя бы и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства «Терра инкогнита». Но, по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством самоотверженным, готовым претерпеть выпад невед. Но правосудие истории неизбежно. Имена невежд, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя

Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена невежд, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристиды, не так давно были найдены при раскопках в Акрополе и пополняют собою мрачный синодик невежд и отрицателей. Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могут допустить эту способность. Вообще многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта, уже установленная десятками профессоров, область вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатленных в литературе многих веков и народов, позволительно напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их каждодневный обиход, тоже получают-ся именно из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи невежды не прочь иногда твердить трюизмы, сами не понимая их значения. Так, кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством.

Нелепые запреты, созданные косностью отрицателей, начинают спадать. Еще вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают под рукою просвещенных ученых. В Москве основывается Институт изучения тибетской медицины, западные ученые чрезвычайно заинтересованы знаменательным указанием среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминности последними исследованиями д-ра Рида.

Другой ученый д-р Риил под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершителем куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идет под наименованием парапсихологии, ибо в основе ее лежит все та же великая всеначальная или психическая энергия. Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческого сознание именно «из голубого

неба». Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам. Еще недавно биолог Г. Лаховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И таким порядком труд Лаховского подтверждает опыты д-ра Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качества мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду вместо недавних отрицаний и глумлений возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать — «знайте больше» и не затыкайте ушей ваших ватой преступного невежества. Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания.

Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения. Урусвати (Гималаи)

Н. К. Рерих*.

Рериховская философия человека предполагает неограниченную эволюцию его возможностей. Быть может, какие-то признаки этих будущих обретений можно заметить уже сейчас? С этим вопро-

* Из архива П. Ф. Беликова. Опубликовано в рижской газете «Сегодня», 1939, № 95, 5 IV 1939.

сом Рерихи связывали парапсихологические явления,— они трактовались в «Урусвати» с позиций эволюционного понимания человека.

Каждая века в развитии психики глубоко закономерна. Появление раздражимости или возникновение сознания,— это ответы на потребности все более усложняющейся живой материи. Есть ли предел этому усложнению? Даже если и есть, то мы не вправе связывать его с современным человеком. Разве не печально уже сейчас оказаться возле самого финиша эволюции?

Можно критически относиться к результатам парапсихологии. Но следует задуматься о гуманистической устремленности этой науки. Ведь ставится вопрос о новых возможностях человека! Если эти возможности реальны, то многое изменится в мире,— отступят болезни, продлятся сроки жизни. Получат разрешение самые трудные проблемы цивилизации. И все это будет достигнуто не техническими, а биологическими/средствами,— подъем цивилизации на новую ступень произойдет без роста энтропии и разорения природы. Заманчивая перспектива! Она привлекает своей несомненной эстетичностью.

Освоение энергий мы связываем с движением в глубь материи,— к ее все более фундаментальным уровням: расщепление атомов, дробление ядер, поиски кварков — вот вектор нашего устремления в недра вещества. Устремление это полностью соответствует аналитическим традициям европейской мысли.

Восток предлагает альтернативный путь для высвобождения энергий,— движение ко все более сложным уровням: биологическим, психологическим, транспсихическим. Вспомним картину Рериха «На вершинах»,— среди ледников в позе

медитации сидит полуобнаженный йог. Вокруг минусовая температура, но это не существенно для йога. Владея психической энергией, он противоборствует стуже,

Рерихи пристально изучали парапсихологический опыт Востока. Они придавали ему общечеловеческое значение. Не обретет ли этот опыт особую актуальность в пору кризиса технической цивилизации? Мы все чаще задумываемся над этим вопросом. И поэтому индийская миссия Рерихов видится нам в новом свете.

Н. К. Рериху был глубоко чужд спиритуализм. Он говорил о необходимости рационального подхода к парапсихологическим феноменам. Мистический ореол вокруг них отражает узость неразвитого сознания. Понимание Рерихом этих явлений — в частности телекинеза — близко к идее биологического поля. А поле есть особый вид материи,— к нему возможен вполне научный экспериментальный подход.

Если человек способен генерировать биополя, то они могут переносить энергию на расстояние. Не научились ли йоги управлять этими полями? Их знания могли бы преобразить нашу цивилизацию. В «Урусвати» мечтали о синтезе западных и восточных традиций. Да обретем эту гармонию!

Известно учение йогов об ауре. Это тонкое сияние вокруг организма может быть внешним проявлением биополя. По ауре йоги определяют многие черты в характере человека,— ее цветовые особенности являются также и диагностическими признаками. Способность видеть ауру относится к парапсихологическим феноменам. Даже если сам Рерих не обладал этой способностью, то знание предмета — и художническое воображение — позволяли ему мастерски изображать

ауры. Вот картина «Борис и Глеб»: здесь показана тонкая структура ауры, гармоничность ее строения. Световой ореол вокруг героев отражает красоту и ясность их духовного мира.

Вероятно, именно с биополем и аурой связан знаменитый эффект С. Кирлиана. Фотографируя организмы в токе высокой частоты, Кирлиан регистрировал вокруг них удивительные свечения. По яркости и интенсивности красок они напоминают палитру Рериха! Кирлиан нашел тонкие соответствия между состоянием организма и его ауральным полем, — не похожи ли они на те корреляции, которые были открыты индийскими йогами? Интересно их знания соотносить и с другими достижениями ученых, — так, ленинградский профессор П. Гуляев разработал метод аураграфии, а алма-атинский биофизик В. Инюшин провел опыты по свечению биоплазмы.

Среди парапсихологических феноменов особое место принадлежит телепатии. Сколько волнующего в проблеме биологической связи! И сколько спорного. Ведь опыты по телепатии отличаются особой тонкостью и сложностью, — поэтому часто они не удовлетворяют обычным критериям достоверности. Отсюда недоверие к самому феномену. А ведь самоочевидно: явление телепатии не вмещается в представления парадигмы. Вспомним, что эта парадигма складывалась при лидерстве физики как науки, — она дает отличный инструмент для исследования именно физического космоса. А телепатия есть явление биокосмоса! Поэтому для своего изучения она требует адекватных методов.

Не является ли физический космос только частью несравненно более сложного биологического космоса? Этот вопрос может показаться

парадоксальным. И тем не менее он поставлен сегодня со всей серьезностью. Позиция «Урусвати» близка концепции биологического космоса, — сотрудники института хорошо сознавали недостаточность физического подхода. Они корректно указывали: тонкий мир парапсихологических явлений должен изучаться адекватными методами.

Законы биологического космоса вовсе не отменяют физических принципов, — но как бы объемлют их, включая в себя как частный или предельный случай. Тут работает боровский принцип соответствия! И хотя эта идея многим покажется еретической, но все больше ученых принимают ее как рабочую эвристику. Если они сумеют доказать свою правоту, то отпадет главное возражение против парапсихологических явлений: их несовместимость с законами физики. Такое возражение может потерять свою резонность для расширенного сознания новой науки. Считавшееся общим и абсолютным окажется при переходе на новый уровень частным и относительным. Законы физики сохраняют все свое значение. Но только выявится, что их действие имеет локальный характер, — то есть проявляется лишь в определенных, пусть и очень широких рамках. А область тонкого, духовного находится за этими рамками.

Интерес к телепатии в «Урусвати» увязывался с проблемами Космоса. Замечательный синтез! Ведь телепатия может открыть путь к дальним мирам. Расчеты показывают: ядерная энергетика — и даже аннигиляционные двигатели — не в состоянии обеспечить межзвездных перелетов. Это симптоматический факт, указывающий на предельность возможностей, заложенных в парадигме. Звездный Космос закрыт для традиционной науки.

Но человек не оставит свою мечту о дальних

мирах,— он будет искать качественно новые пути к ним. И не пройдет мимо явления телепатии.

Телепатическая экскурсия по Плутону; телепатический диалог с Альдебараном; телепатический концерт из Ориона. Быть может, в биологическом космосе возможна мгновенная связь между цивилизациями? Ведь для мысли не существует тех ограничений, которые накладываются на обычные физические сигналы.

Вот картина Николая Рериха «Огненные мысли». На ней изображен беспредельный космос, насыщенный духовной информацией. Полотно свидетельствует; мысли братьев по разуму уже ищут нас! Телепатические позывные идут к нам из недр Стрельца и глубин Волопаса; космические сны транслируют для нас лучшие сказочники Лебеда; обрывки дивных стихов долетают до нашего подсознания с планет Лиры.

Пусть это мечта, пусть это поэзия. Но в «Урусвати» знали: наука не может развиваться без поэтического элемента. Сколько раз поэзия доказывала свою правоту!

В «Урусвати» слышали зовы Вселенной. И усиливали их в чутких сердцах.

— Расширяйте сознание! — звенел огнезарный Арктур.

— Творите синтез! — пел блестящий Сириус.

— Стремитесь к гармонии! — ритмично мерцал Алголь.

Иногда странные серебристые эллипсоиды проносились над Гималаями. Была ли это миражная игра света или проекция реального будущего? Космические предчувствия наполнили душу художника. Он выходил из мастерской под открытое небо,— и чувствовал сердцем: добрый космический луч сканирует сейчас Землю. Он обегает силуэт

Гималаев; высвечивает сны землян; проникает в недра цветка. Как ответить прекрасному космосу?

Художник возвращается в мастерскую. Картина «Огни на Ганге» близка к завершению. У полотна чистое лирическое звучание. Лампады плывут по ночной реке,— и где-то вдали сливаются со звездами. Земное переходит в надземное!

Этот переход неизбежен: расширенное сознание выводит человека в космос. Так Рерих ответил ночным зовам.

И Орион услышал его.

И звезды прозвенели утвердительно «Да!»

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ*

«Синтез заповедан во всем. В нем преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез — сложение сил — ведет вперед. В таком принципе звучит беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений. Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где — ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой».

«Страшна бесчеловечная механизация. Именно бесчеловечность рождается в холодных вычислениях».

* Из неизданных «листочков» Н. К. Рериха. (Архив П. Ф. Беликова.)

«Никакие роботы не победят дух человеческий. Поистине, не зальешь его наводнениями, не испепелишь его жаром. Все-таки проснется он, дух вечный и озаренный, и уже не на механической линейке, но в озаренном сознании он вспомнит о добротворческом устремлении, которое ведет к вратам расцвета. И ключ найдется».

«Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем сопряжением с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Рейном, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными мира, не может быть названа дымчатым словом мистицизм, но есть самое реальное научное познание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность».

«Когда же наконец люди поймут, что сверхъестественное вообще не существует, но есть лишь изведенное и еще неизведенное».

«Все расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью».

ДЕКАЛОГ

(По мотивам картин С. Н. Рериха)

ТРИПТИХ ОПАСЕНИЙ

1. «Ты не должен видеть это пламя»

Я знаю —
Над мятущейся Землей
Склоняется в заботе Мать Мира:
Как трудно ей с ослепливой планетой,
Чьи детские болезни могут дать
Трагические осложнения...

Странно,
Что до сих пор встречаются сердца,
Наполненные завистью и злобой.
Что движет их? —
Императивы смерти:
Предать,
разрушить,
вычеркнуть,
убить.

Еще не всеми полностью изжито
Реликтовое темное стремление
К безличью хаоса.

Еще ни дня
Не прожила планета без насилия.
Еще мы верим несусветной лжи.

Чем кончится все это? —
Вот вопрос,
Мучительный для совести тех лучших,
Которым опечаленный свой лик
Явила Мать Мира...

Жуткий сон
Запечатлел на полотне художник:
Объемлет пламя нашу ноосферу,—
Спасенья нет!
Все поглотит огонь!

«Не должен ты увидеть это пламя»,—
Мать говорит ребенку.
Как молитва,
Звучат ее слова над колыбелью,
Над всей Землей! —
их слышат во Вселенной:
Полны участия дальние миры.

Да не увидим пламя зла!
Навеки
Пускай восторжествует добрый Агни:
Огонь любви,
свет мысли,
жар души.

2. «Мы сами строим свою тюрьму»

О этот мир,
Себя закабаливший
Наивной верой в фетиши! —
земляне
До сей поры обожествляют вещи,
Хотя на место глиняных божков
Отныне встали точные машины:
Вот лабиринты электронных схем,
Вот сети проводов! —
Нить Ариадны
В запутанном клубке противоречий
Утратил наш отчаявшийся век.

Мы — пленники машин:
мы все живое
Пытаемся бездушно заменить
Машинной аналогией.
Как будто
Все бытие сводимо к механизму
И численным расчетам! —
мы забыли
О тайне нереченного начала:
Суть — в несказанном!
Мы же предпочли
Сухую непреложность алгоритмов,
Пытаясь все ими описать
Работу сердца и души...

Ночами
Бездушные коробки наших зданий
Пугают отчужденностью своей.
Гляди!—
Ночные окна на фасаде
Мерцают маской робота,—
невольно
От этой жути оторопь берет.
Не ведают жильцы стеклянных ульев,
Что пленники они;
что на решетку
Похожа планировка городов,
Лишенная естественности высшей
И органичности;
что провода
Силками нависают над асфальтом,
Искря в ночи...
Так убежим из плена!
Уйдем на зов свободного прибора,
Поверим свету этих вольных звезд.

К природе!
 Так еще в начале века
Звал Рерих человечество.
 К свободе!
К взаимности!
 К сочувствию!
 К добру!
Мы — пленники условностей;
 мы сами
Насторожили на себя тенёта
Своей же лжи;
Невидимые цепи
Нас приковали к быту и вещам.

Да вырвемся на волю;
 да вернемся
К сознанию высших ценностей! —
Все пути
И все личины сбросим навсегда.

3. «Я двигаюсь среди этих теней»

Я — истина.
Вы ищете меня,
Не видя золотистого сиянья,
В которое я снова облеклась,
Чтоб вам помочь...
 Иду среди теней:
Как эти телебашни иллюзорны,
Как эфемерны эти города,
Томящие безликостью...
 Иду
Сквозь призрачные построенья века:

фантомен мир души...
 Один мираж

Другой сменяет!
Вот на горизонте
Пронесются мерцающие диски —
Они посланцы дальних ноосфер
Или проекция видений века,
Уставшего от всех земных тревог
И поисков?

Ответа нет для вас,
Не видящие истины!

Я — рядом.
Я — в свете звезд.
Я — в таинстве цветка.

Вы отошли от истины.
 Вернитесь
К доподлинной реальности Вселенной,
Развевая заблужденья! —
Мнимый мир
Немедля растворяется при свете,
Идущем с высоты.
Свои глаза
Для истины откройте без боязни:
Во мне пути к добру и красоте.

* Статья Н. Рериха «К природе» написана в 1901 г.

1. «Освобождение»

Планета,
Ты замкнулась в скорлупу
Надменной самости!
 Дух отрицанья
Возобладал над духом утвержденья,—
И вот итог:
Бессмысленная распря
Терзает мир и мучает людей.

Причина этих бедствий в нас самих
Заключена;
— Нет никого над нами! —
В гордыне восклицает человек,
Себя считая целью и венцом
Миротворенья:
— Выбирайте средства
По прихоти своей! —

 Вот корень зла,
Так глубоко внедрившийся в сознание,
Что страшно за планету...

 Вновь звучат
Слова:
— Нам все дозволено! —

 И снова
Раскольников ввергает мир в соблазн
Пустого своеволия.
Ради власти
Идет на все заблудший человек,—
Ведь больше нет над ним авторитета!

И льется кровь;
 и города горят;
И плачут дети.
 Как найти спасенье
От этих бед неслыханных?
 ...В ночи
Мыслитель видит стройный образ мира:
О иерархия прекрасных форм,
О световая лестница! —
 пока
Мы поднялись на несколько ступенек,
В наивном ослеплении полагая,
Что завершили путь.
Но поглядите!—
Возносится над нами Беспредельность,
Сверкая неизбывной красотой.

Признаем Беспредельность.
 Навсегда
Преодолеем ложное тщеславье,—
И отчий мир от бед освободим.

2. «Распятие человечество»

Голгофа —
Планетарное понятие,
А не гора в библейской Иудее:
Ведь вся Земля
 несет
 огромный крест,
Ведь вся Земля Распята на тревоге!

Как ей помочь?
Как вызволить ее

Из этих бедствий?

Чувство сострадания
Теперь распространяется на мир
Во всей его великости.

О сердце,
Способно ль ты всю эту боль вместить? —
Способно и обязано.

Иначе
В тебя войдет ночная пустота
И гиблый холод.
Каждому сочувствуй,
Кто мучается.
Пусть чужая боль
Войдет в тебя,—
без жертвенности этой
Не снять Земле великого креста.

3. «Куда ты, человечество»

Куда идешь?
Сужается ущелье,—
Как будто превращается в тиски!
Дух выжмут из тебя.

Ты будешь сдавлен
Слепой толпой.
Ты растворишься в ней! —
И станет человечество безличным,
В огромный муравейник превратясь.

Куда идешь?
Прекрасные картины
Предупреждают нас.

Куда идешь?

Сужаются возможности твои,
Сужается мышление.

Многогранник

Теряет грани.
Серый фильтр встает
Меж многоцветьем мира и тобой! —
Трехмерный космос делается плоским,
Однообразие верх берет...

Страшись

Безличных нивелиров энтропии,—
И раздвигай тиски.
Расширь сознание,—
Вот путь освобожденья и любви.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ»

Заглядываю В
бездну:
Ужель навек исчезну? —
О грустное бряцанье
Осиротевших лир!

Я замер над уступом: ужель огромным трупом
в крошечное зиянье обрушится весь мир?
Заблудший мир кошмарный! Вот ангел
светозарный занес над ноосферой свой за-
остренный меч! — над гибельным обрывом
он в гневе справедливом с отчаяньем и
верой к нам обращает речь. О знак преду-
прежденья! Во имя возрожденья я ложь оп-
ротестую и освящу закон.

Устав
От лживых бредней,
Перед чертой последней
Мир замер,— в темь пустую
Обрушится ли он?

«ЭТИ КРАСКИ НЕ ДОЛЖНЫ ПОБЛЕКНУТЬ»

Немало в этой жизни красоты И
горестных противоречий.
Вот женщина развесила холсты,—
Была им радуга предтечей.

Пусть полыхают яркие тона
И скрадывают бедность быта.
Что трудности? Ведь красок новизна
Всегда глазам души открыта.

О праздник цвета! Вечно длится он
На удивительной планете,
Где краски лечат душу испокон,
Расцвечивая лихолетье.

Украсьте жизнь! Иного средства нет,
Чтоб сделать преходящим горе.
Поет о вечном этот синий цвет,
Звенит пурпуровый в мажоре.

«ОПЛАКИВАНЬЕ»

На фоне космоса —
 людское горе.
 На фоне вечности —
 трех судеб соль.
Юдоль отчаянья!
 Пусть на Фаворе
 свет Иерархии
 излечит боль.
Пусть утешение
 придет на Землю.
 О воскрешение,
 ведь ты не миф!
Я слышу пение.
 Я сферам внемлю,—
 что совершеннее,
 чем их мотив?
Пусть без оракула
 поймет планета,
 что нас грядущее
 уводит ввысь.
Земля оплакала
 посланца света! —
 Сиянье сущее,
 к нам возвратись.

Красота спасет мир.
 Ф. Достоевский
Сознание красоты спасет.
 Н. Рерих

«БЛИЖЕ К МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ»

Вы ищете,
 долго блуждая
 в сгустившейся мгле.
Возвращайтесь к земле!
У Роберта Фроста
 возьмите уроки
 среди пашен, садов —
 В них основа основ!
Сочувствую Вам.
 Чем излечите
 горький надлом?
Бескорыстным добром.
Ваш скепсис понятен.
 Но что
 отрицанье одно? —
 Ведь бессильно оно.
О дух утвержденья!
 Заблудших
 спасал он не раз.
 Я напутствую вас!
Вернитесь к истокам,
 чья вечная сущность
 чиста! —
Вас спасет красота.

МЫСЛЬ

Повесть-фантазия

Молодым друзьям!

Из далекой Индии, страны красот, подвигов духа и великой мысли, шлю вам, собравшимся во имя великого труда и строительства будущего, привет сердца, призыв к совершенствованию и достижению беспредельному.

Перед человечеством открыта книга находений и света дерзаний, и вы уже слышали о приближении нового времени. Каждая эпоха имеет свой призыв, и сила мысли будет зовущим началом Нового Мира. Потому мы зовем вас к усвоению великого значения творческой мысли, и первой ступенью на этом пути будет открытие сознания, освобождение от всех предрассудков, всех предвзятых и навязанных понятий.

Охватим взором всю ширь ночного неба, облетим мыслью все бесчисленные миры и тайники бесконечного Пространства. Ведь мысль в сущности своей безгранична, и лишь наше сознание ставит ей предел. Поэтому без промедления приступим к следующей ступени — расширению сознания.

Е. И. Рерих. О мысли.

1. Две ноосферы

Я — из недр Ориона: там моя звездная родина. Но говорю с полным правом, что я — сын Земли.

Далеко за Ригелем и Бетельгейзе — корни моей духовной памяти. А здесь, на Земле, — мои человеческие привязанности: старики-родители, любимый пёс, книги.

218

Эта двойственность ощущается лишь в самые напряженные минуты жизни, — тогда я кажусь себе своего рода кентавром. Да, это очень точный образ! — но только для духовного уровня: в мое «я» заложен опыт двух цивилизаций. И как ни сгармонизированы эти истоки, но временами я ощущаю мучительную раздвоенность.

Тогда я ухожу в ночь и мысленно обращаюсь к Ориону. Вон слабое пятнышко его знаменитой Туманности! Там находится сингуляр Л-137: особая точка, где возможен выход в параллельное пространство. Благодаря сингулярам осуществляется связь между метagalактиками, — как это ни парадоксально, но контакты этого рода устанавливаются легче, нежели общение цивилизаций внутри одной метagalактики. Но об этом парадоксе я скажу позже.

А пока полюбуемся на блеск ночного Ориона. Какое стройное созвездие! В расположении его звезд чувствуется некая тайна. Быть может, это и вправду своеобразный знак? Но только он еще не прочтен нами.

Ведь я сын очень молодых цивилизаций, — и Земля, и Ория находятся на одной ступени эволюционной иерархии. Это то, что сближает нас: предчувствие других, более высоких уровней, устремленность развития. Мы знаем: мысль может творить миры и зажигать созвездья! Но обеим планетам еще очень далеко до космического творчества. Однако общность цели бесспорна, — хотя две ноосферы идут к ней разными путями.

Цивилизация Земли хочет овладеть глубинными ресурсами материи, — не случайно именно физика получила на этой планете наибольшее развитие. А вот Ория издревле нацелила себя на овладение психической энергией! Ее цивилизация практически

219

обходится без техники. Тут возможна параллель с историей Индии, где всегда доминировали духовные проблемы. Как и в Индии, на Ории очень рано возникла йога,— но здесь она получила глобальное распространение. Достижения Ории в этой области огромны. Можно сказать, что развитие планеты шло всецело по йогическому пути.

Не ищите в Орионе звезду, вокруг которой вращается Ория. Ведь эта планета находится в параллельном пространстве! — его бездны чуть-чуть просвечивают в сингуляре Л-137. Земные поэты знали эту точку на небе,— чуткая интуиция улавливает ее местоположение. Нужна большая сосредоточенность духа, чтобы ощутить особые волны, исходящие из Ориона: и тогда при верной ритмической настроенности душа землянина отзовется на вибрации соседнего Космоса! Это вполне естественно: ведь на стыке пространств возникают особые напряжения. Для физических приборов они неуловимы. Но тонкие биоструктуры чувствуют их! Поэтому самые дальние космические факторы часто оказываются весьма существенными для эволюции жизни на планетах. Таков парадоксальный вывод космической экологии. Несомненно, что биологи будущего еще раскроют значение сингуляра Л-137 для земной биосферы. Но пока никто не может предвидеть их конкретных выводов.

На звездном небе Ории есть странное пятнышко. Это газовая туманность,— такая же, как в Орионе. По случайному (или не случайному?) совпадению она тоже экранирует сингуляр Л-137. Находится он очень далеко,— возле космологического горизонта событий. Таким же отдаленным этот объект наблюдается и с Земли.

Быть может, обе планеты расположены сим-

метрично относительно этого сингуляра? Но мы еще слишком мало знаем крупномасштабную структуру Вселенной, чтобы ответить на этот вопрос. Астрономы Земли до сих пор дискутируют саму возможность существования сингуляров. А знания ученых Ории, при всей их бесспорной глубине, носят интуитивный характер,— поэтому они не могут быть выражены в точной количественной форме. Вот почему никто не может определить, каково расстояние от Земли до Ории. Возможно, что вопрос о расстоянии в данном случае вообще является бессмысленным: ведь между двумя планетами находится сингуляр,— а в нем свойства пространства приобретают парадоксальный характер. Поэтому не будет ошибкой сказать, что расстояние между Орией и Землей является бесконечным. И тем не менее оба мира уже находятся в преддверьи Контакта!

Нам почти неизвестна природа сингуляров. Это точечно малые зазоры между параллельными пространствами. Лишь благодаря им метagalактики перестают быть абсолютно замкнутыми. Сингуляры можно уподобить окнам, прорубленным в другие пространства! Словно здесь сама природа потворствует связи дальних миров. Или эти небывалые прорывы организуются разумными силами?!

Никакое вещественное тело не может пройти через сингуляр,— гравитационное сжатие достигает там огромной силы. Поэтому проблема контакта между параллельными мирами должна решаться на принципиально не-техническом уровне. Но мыслимо ли достижение столь невероятной цели?

Мудрость Гималаев положительно отвечает на этот вопрос: «Йог держит серебряную нить связи других миров». Воистину, эта нить пронизает всю Беспредельность, проходя через тысячи сингу-

ляров! Среди гималайских вершин было сказано: «Психическая энергия может действовать на большом расстоянии». В этих словах есть некоторая осторожность,— ведь они адресованы малоопытным и недоверчивым землянам. Без этой коррективы следует говорить о бесконечно большом расстоянии! Воистину, мысль не знает предела. Духовный луч способен уйти за космологический горизонт событий — и пересечь на своем пути множество других пространств. Для его проникающей способности нет никаких ограничений. На серебряную нить йог нанизывает сотни миров! Чем выше достигнутая им степень духовности, тем больше радиус действия его интуиции. Йоги Земли и Ории едины в своем убеждении: путь к дальним мирам открывает лишь энергия Мысли.

Но человечество Ории более продвинулось в этом духовном овладении Вселенной, Слабое пятнышко, за которым таился сингуляр Л-137, давно было выделено на небе Ории,— уже первые йоги интуитивно нашли, что эту точку неба удобно использовать для медитации. От нее словно исходили какие-то импульсы!—древние поэты Ории образно называли их «волнами благодати». Медитирующий йог испытывал совершенно особые переживания, когда концентрировал свое внутреннее внимание на далекой туманности. Сознание его расширялось, объемля всю Метагалактику! Но этот процесс расширения шел дальше,— йог словно замирал перед порогом иных вселенных в предчувствии небывалого.

Правда, с дальностью расстояния убывала четкость воспринимаемых образов,— постепенно они как бы размывались, приобретая все более символический характер. Не брезжил ли за этими символами единый знаковый код Вселенной?!

Для того, чтобы ответить на этот волнующий вопрос, нужно было развить все духовные потенциалы. Поэтому йоги Ории неустанно совершенствовали свой дар интуитивного проникновения.

И вот наиболее продвинутым из них удалось выйти за космологический горизонт событий! Я говорю об этом в терминах земной космологии,— язык ученых Ории более метафоричен и поэтичен: он близок по образному строю к текстам древнеиндийской философии. Предназначая это эссе для землян, я все время занимаюсь своеобразным переводом,— для понятий Ории ищу аналоги среди духовных накоплений Земли. При этом неизбежны не только смысловые потери,— утрачиваются и тончайшие нюансы, определяющие духовный лик планет.

Ведь на Ории отсутствует точная экспериментальная наука! Поэтому там нет космологии в том значении, какое придают этому понятию ученые-земляне. И о космологическом горизонте событий на Ории ничего не знают,— путь ее развития исключал появление теории относительности. Но это ничуть не умаляет великих достижений Ории! — планета шла своим путем, и это своеобразие земляне могут понять. Ведь среди них тоже есть йоги.

Прорыв за космологический горизонт событий стал духовным праздником для Ории. Там это достижение было интерпретировано по-своему,— в рамках сложившихся мифопоэтических представлений. Но все с непреложностью поняли,— эти рамки должны быть расширены. Чувство Беспредельности было изначально заложено в культуре Ории. Поэтому переход к новому здесь осуществлялся безболезненно,— тогда как на Земле новизна утверждала себя в трагических борениях.

Впервые йоги Ории получили информацию о мире, где жили люди, близкие к орианцам по физическому складу. И раньше доходили до Ории образы далеких ноосфер,— несмотря на свою фрагментарность, они непреложно свидетельствовали: разум на этих мирах принял не-антропоморфные формы. Благодаря расширенному сознанию орианцы без смущения восприняли это обстоятельство. Ведь разнообразие Космоса неисчерпаемо! И все же подобное тянется к подобному: орианцы мечтали найти в Космосе близких им существ.

И однажды наиболее продвинутые йоги Ории получили желанную весть! Неожиданно открывшийся канал связи оказался поразительно устойчивым. Если раньше йоги воспринимали лишь мгновенные образы дальних миров, то теперь в фокусе своего внимания они подолгу удерживали целостные картины. Будто некая высшая цивилизация потворствовала этому контакту! — гипотеза о неведомом усилителе психических волн напрашивалась сама собой. Иначе как объяснить стереоскопическую подробность увиденного?

Йоги словно непосредственно переносились в далекий мир,— со всех сторон их окружали великолепные сверкающие горы. Теперь я знаю их название: Гималаи. И я мысленно повторяю это слово, дабы Ория услышала его от своего посланца. Ги-ма-ла-и! Я сейчас гляжу на них с космического корабля, построенного талантливыми землянами. Сколь великолепна пластика этого мощного хребта! Словно сама природа захотела промоделировать в этих каменных уступах мысль о космической Иерархии,— гряда возносится над грядой, воспроизводя ступени эволюционного восхождения в Беспредельность. Кажется, что эти высокие

пики имеют продолжение,— но уже из тонкой ментальной материи: грани гор сужаются в незримые лучи, сканирующие Мирозданье!

Чье сознание проецировало на Орию эти дивные виды? Ведь ясно: наши йоги каким-то образом включались в духовный мир неведомого инопланетянина. Его глазами они смотрели на светочные вершины, проникаясь эмоциями далекого брата по разуму.

Очевидно, чувство прекрасного свойственно всем мыслящим существам. На Ории тоже возникли разные виды прикладного искусства,— жители планеты умели наслаждаться и ритмом, и симметрией. Однако ментальные передачи, воспринятые через сингуляр Л-137, стали поворотной вехой в развитии эстетического сознания Ории. Чей-то могучий интеллект транслировал во Вселенную мысль о космическом значении Красоты! Этот пафос взволновал орианцев. Все же интроспекция была для них основой духовной жизни: углубленный взгляд в себя как бы заслонял красоту внешнего мира. Но теперь произошла своеобразная переориентация! — вспыхнул интерес к природе, к звездному небу. Сознание орианцев расширилось,— и этим они были обязаны красоте дальнего мира.

Среди йогов Ории было несколько художников,— они запечатлели увиденное ими в ментальных сеансах. Существен один субъективный момент,— йогам-художникам казалось, что они копируют уже готовые картины, а не пишут с натуры. Быть может, инопланетянин был художником? И в часы вдохновения его творческая мысль пронизала Беспредельность?

Теперь я знаю, что эта догадка была верной. Но как передать на Орию имя великого земного

мастера? Я напрягаю свою мысль,— и стрелой отправляю ее в созвездие Ориона, Рерих, Рерих! — твержу я в ночи. Как знать, быть может, мои мысленные послышки доходят до Ории? И тогда под копиями картин мастера появится орианская транскрипция его имени.

Пусть знает о Рерихе беспредельная космическая Ойкумена! Да отзовется его философия красоты во всех метagalactиках, связанных сингулярами в непрерывную цепь. Я чувствую: меня слышат сейчас Старшие Братья,— и они усиливают мой зов. Там, за сиренево-синей гималайской вершиной, находится их космический ретранслятор. Это через него ушла в Космос весть о Рерихе! Старшие Братья хотят соединить нас в единую систему,— в их учении есть прекрасное выражение «кооперация миров». Самозамыкание и изоляция — вот корни застоя, распада, регресса. Но как протянуть серебряную нить между ноосферами? Как научить миры доверию и утвердить их единство?

Ответ мудр и прост: через Красоту! Эстетика становится воистину космической наукой. Радость прекрасного снимает все границы, возведенные отчуждением,— в этой радости миры обретают полное взаимопонимание. Мудрость Гималаев говорит: «Не раз вас спросят — где рассадник прекрасного сада огненной энергии? Скажите — в радости о прекрасном, но научитесь вмещать эту радость света». И еще: «Научитесь накапливать энергию радостью, ибо в чем же соединим нить дальних миров?» Красота уводит в космос! Это она — и "только она! — утончает мысль настолько, что становится возможным духовный контакт между мирами. Вот почему Старший Брат настойчиво повторяет: «Уже давно сказал: через красоту

имеете свет. Восхищение будет кратчайшим путем к накоплению психической энергии».

Восхищение гармонией Мира! Восторг зоревой Беспредельности! Радость Добра и Красоты! Созидательные эмоции становятся воистину космической силой. Они соединяют миры, дабы поднять их на новую ступень Иерархии; для эволюционного подъема необходима совместность усилий.

Рерих помог Ории преодолеть чувство космического одиночества. Иногда среди горных панорам, воспринимаемых йогами-орианцами, виднелись человеческие фигуры. О, как близок и понятен их облик! Ведь люди загадочного мира были подобны орианцам. Такие же пропорции, такой же рост! Хотя йоги воспринимали информацию от многих ноосфер, но их представители морфологически были весьма отличны от орианцев. Да и устойчивый контакт с экзотическими существами был пока невозможен. И вдруг — такие близкие сердцу образы: за физическим сходством ощущалось и духовное родство.

Вот запечатленная йогами-художниками удивительная картина. На дальнем плане — высокогорное озеро: оно увидено с высокой точки зрения. Прекрасная перспектива! — зовущая, бесконечная. На переднем плане — огромный камень. Из его недр проступает загадочная фигура,— на нее ложатся отблески костра. Вокруг камня, чудодейственно превратившегося в экран, собрались люди. Они слушают урок мудрости! Ведь несомненно: нам явлен образ учительства,— далекие братья по разуму внимают заветам духовного вождя.

Я теперь знаю, что эта картина Рериха «Приказ Ригден-Джапо». О, как хотелось жителям Ории понять ее глубинный смысл! Да и другие образы требовали расшифровки,— они волновали

дух орианцев и своей красотой, и своей загадочностью.

Как ответить прекрасному миру? Ория еще не имела обратной связи ни с одной цивилизацией. Но лучшие умы планеты думали об этом. Орианцы научились управлять биологическими полями; с их помощью они проникли в космос на огромную глубину,— ментальные образы орианцев появлялись на планетах, удаленных от Ории на многие тысячи парсеков. Но в этом обширном пространстве не было планет с мыслящими существами! Тем не менее путь к ним был найден.

Ученым Земли известна гипотеза биологических полей,— однако она не получила должного развития. Поэтому многие аспекты биополя остаются совершенно неисследованными. Ученые-земляне до сих пор не знают, что именно биополя ответственны за те формы наследственности, которые связаны с духовными факторами. Теория биополя многое объясняет в древнеиндийском учении о Карме,— аналогичное представление о духовной наследственности есть и в культуре Ории.

Конечно, понятие биополя — сугубо земное по своей семантике. На Ории этот феномен называется иначе,— ведь у орианцев нет развитой физики: поэтому и представление о полях у них отсутствует. Ория подошла к проблеме с другой стороны — биологической и психологической. Это сделало ее знания весьма специфическими, не похожими на представления земной науки. Но интересно, что йоги Земли выработали очень схожие представления о биополе! — жаль, что их интуитивные прозрения не были поняты традиционной наукой.

И на Земле, и на Ории йоги открыли возможность относительно самостоятельного существова-

ния биополя. Или тонкого тела. Или ментала, как иногда говорят*. При определенных условиях ментал — это как бы наш информационный слепок, двойник — может действовать вне тела. Появляется уникальная возможность ментальных путешествий. Понятие о труднодоступных местах тут исчезает: в тонком теле можно проникнуть и на вершины горы, и на дно океана. Более того,— становится реальным выход за пределы планеты!

Мудрость Гималаев гласит: «Освобожденное тонкое тело йога посещает различные планы бытия. Пространственные полеты и погружения в недра планеты одинаково доступны». В свете земных созвездий — среди высокогорной прозрачности — были сказаны и другие значительные слова: «Можно в ментале посещать различные планеты. Так начинается будущий этап, когда сознание не должно быть привязанным к одной планете». Для выхода в дальний космос есть только один путь: развитие психоэнергетики. Это ничуть не умаляет технических устремлений цивилизации! — но следует помнить: возможности техники ограничены,— и эта лимитация накладывается непреложными законами физики. Жизнь и психика — надфизические уровни организации материи. Лишь освоение этих уровней открывает перед цивилизациями беспредельную даль Вселенной. Закрывать глаза на эту зовущую даль невозможно,— изоляция от космоса губительна для ноосфер: в косном самозамыкании гаснет огонь планетарной мысли. Эволюция невозможна без космизации сознания! В Гималаях об этом было сказано с непреложной четкостью: «Только при устремлении к междупланетности можно рассчитывать на эволюцию человечества».

* Буквально понятие «ментальный» означает «мысленный».

Этим устремлением были полны сердца орианцев. Как найти в беспредельности планету с прекрасными горами? Как ответить взаимностью безмянным братьям по разуму?

Психознергетика Ории вышла на новый рубеж, когда был открыт эффект коллективных медитаций. К сознанию йога в момент сосредоточения подключались его коллеги! — они как бы вливали свою волю в ментальное тело товарища, повышая устойчивость и целенаправленность его биополя, уходящего в неизвестность. Благодаря такому содружеству радиус ментальной разведки чудодейственно расширился.

И вот возник дерзкий проект: направить ментал орианца-избранника к сингуляру Л-137. А вдруг удастся таким образом проникнуть в мир великолепных гор? И принять карму инопланетянина, И воплотиться в его облике. И понять изнутри братьев по разуму.

Многим этот проект казался безумно смелым. Весь расчет строился на счастливой удаче, — степень риска была огромной. Но высшими йогами Ории двигала интуитивная убежденность в своей правоте. Не раз они повторяли скептикам великое положение: подобное притягивается к подобному! Два духовно близких друг другу человечества должны найти друг друга, — это необходимо им для совместного восхождения на новую ступень Иерархии. Ведь не случайно сигналы безвестного мира были приняты на Ории! Этому потворствует или сама природа, или космическая Иерархия: Старшие Братья по Разуму могли установить в космосе системы, способствующие налаживанию контактов между родственными цивилизациями. Не является ли сингуляр Л-137 своего рода усилителем и транслятором ментальной информации?

Именно это соображение было положено в основу проекта. Для его осуществления требовались воистину глобальные усилия: вся планета должна была сосредоточиться в едином волевом порыве, — лишь тогда ментальный посланник мог уйти за пределы известного.

Повторяю: в этом деле нужно было рисковать жизнью, — ведь ментал мог погибнуть в неизвестных физических условиях дальнего космоса. И это означало бы духовную смерть для тела, оставшегося на планете! — биологически оно продолжало бы существовать: но ведь в ментале сосредоточено ядро личности — ее характер, ее знания.

Однако у меня не возникло и тени сомнений, когда ответственный выбор пал на меня. Шаг в неизвестность мог сделать любой другой йог Ории! И вот — счастье: на поиск чудесного мира должен отправиться я.

Забуду ли день прощания? На Ории были остановлены все работы, — каждый орианец помогал мне. Для медитации была выбрана самая высокая горная вершина Ории: там было построено специальное помещение, где сейчас в состоянии глубочайшего транса находится мое прежнее тело. Вольется ли в него снова мое «я»? Этот вопрос для меня и мучителен, и страшен. Ведь я так привык к плоти землянина...

Я словно провалился в беспамятство, когда оказался возле сингуляра Л-137. Через какие топологические воронки пришлось мне пройти? В сколь искривленном пространстве-времени неслось мое зыбкое «я»? У меня и сейчас нет никакого представления о том, сколько времени занял мой ментальный переход в другую Вселенную. Быть может, он длился мгновение. Быть может, тысяче-

летия. Ведь в сингулярах время становится парадоксальным. Во времени Земли я теперь ориентируюсь. Но сколько лет прошло на моей Ории? Верю сердцем: в космосе существует сверхсинхронная связь. Если она осуществляется с помощью сингуляров, то мои современники на Ории и Земле не разобщены тысячелетиями. Ведь изоляция во времени не менее страшна, чем оторванность друг от друга в пространстве.

Мое забытие прервалось совсем недавно,— очевидно, для этого пришел час. Впрочем, о забытие и беспамятстве можно говорить лишь условно! Мое земное «я» жило полноценной и гармонической жизнью. Лишь через сны и предчувствия — через заповедные глубины бессознательного! — высвечивалась во мне память об Ории. Но ведь я мог считать эти странные образы всего лишь фантазией. Таков закон кармической жертвы: мы всецело отказываемся от себя, принимая судьбу другой личности. Но в скрытом виде — как затаенная сокровищница — сохраняются все наши прежние накопления. Приходит срок, — и мы можем черпать из них.

Родители были бесконечно счастливы, когда к их умирающему трехмесячному ребенку вернулась жизнь. Теперь я знаю: это мое биополе было притянуто из пространства к бездыханному тельцу. Это не было вторжением в кармическую цепь мальчика, — это было спасением для него и жертвой для меня. Войдя в плоть крохотного землянина, опыт другой планеты и другой личности как бы свернулся в точку: исчез, полностью стусевался, — но недра подсознания сохраняли в себе все.

Как забыть радость моего земного детства? Помню первую стрекозу, — в ее крыльях засквози-

ла для меня мировая прозрачность. Помню первую ромашку, — она поразила мое воображение своим сходством с Солнцем. Помню первого дятла, — в его бодром постукивании открылась мне красота ритма.

Я горячо любил (и люблю!) своих чудесных родителей. Мать моя учительствовала, а отец работал связистом. О, радость благодарной любви! В отношениях между любящими друг друга землянами есть совершенно особая теплота. Вот лучшее сокровище Земли: сердечность! — так бы я определил это бесценное качество. На Ории люди более сдержанны и суровы. Полноте простого и тихого счастья им надо учиться у землян.

Конечно, подобными сравнениями я могу заниматься только сейчас. До тридцати трех лет я жил в почти полном неведении о своей звездной родине. Говорю — «почти»: в снах и грезах все же просачивалась информация о покинутой Ории. Некоторые мои детские рисунки до сих пор поражают меня своей странной двуплановостью: за явно земными деталями — бабочками, деревьями, избушками — брезжат какие-то фантастические реалии. Мне казалось, что это просто игра воображения, — но теперь я знаю: память об Ории изредка и скупно просачивалась на листы моего детского альбома.

Теперь мне стало ясным и другое удивлявшее меня обстоятельство: я часто ловил себя на мысли, что не постигаю новое, а как бы припоминаю уже известное. Так было и в школе, и в университете, — особенно это ощущалось при прохождении гуманитарных наук: этики, философии, психологии. Что касается точных дисциплин, то здесь эффекта припоминания не наблюдалось. Ведь на Ории точная наука не получила развития. Теперь мне

понятны особенности моего духовного опыта. А в студенческие годы я все объяснял с помощью платоновской теории припоминания. Ныне могу засвидетельствовать: великий грек провидел истину,— в нашем познании действительно сказывается опыт предшествующих поколений. Однако он как бы заблокирован,— благодаря этому наше «я» получает возможность для творческого и самобытного самораскрытия. Без такой блокировки история была бы бесконечным дублированием одного и того же опыта,— вот почему во имя творчества каждое «я» начинается сначала. Хотя оно и черпает из бессознательного, где хранятся накопления прошлого, но в принципе каждая судьба есть творчески индивидуальное и неповторимое самосозидание. Лишь в редчайших случаях опыт прошлого прямо врывается в сознание человека,— и он обычно не выдерживает этого прорыва глубинной памяти: за чувством невыносимого раздвоения может последовать серьезное психическое заболевание. Но такие прорывы — величайшая редкость: эволюция обеспечила надежные механизмы самозащиты от натиска памяти прошлого.

И я бы не выдержал неожиданного прозрения, если бы не был подготовлен к нему еще на Ории! Как же проснулась во мне память инопланетного прошлого?

Это произошло на выставке картин Н. К. Рериха. Возле некоторых полотен я останавливался как вкопанный,— что-то мучительно знакомое брезжило мне в них. И брезжило издалека! —будто со дна мировой первопамяти. Мне казалось, что я глядел в некую бездну,— и на невероятной глубине вдруг узнавал знакомые образы. Душа замирала в миг этого узнавания. Я чувствовал,

как во мне что-то ломалось и перестраивалось,— и происходило это с катастрофической быстротой. Казалось, вот-вот я потеряю сознание! Но давняя йогическая школа помогла мне выдержать небывалое психическое напряжение. Вдруг упали какие-то шоры,— и в расширенном поле зрения я увидел Орию: ее людей, ее пейзажи. Вот мастерская йога-художника, где я был благодарным учеником. Мой учитель переносит на холст дивные образы, увиденные им в часы утренней глубокой медитации. Заметив мое восхищение, он улыбается: — Это только копии. Увы, никто не знает, где находятся первообразы,— прекрасен и беспределен неисчерпаемый космос.

И вот я чувствую, что могу разрешить загадку, волновавшую моего учителя! Ко мне возвращается осознание моей миссии: я счастлив — она удалась. Усилия Ории не пропали втуне,— ее посланник достиг цели, которая казалась бесконечно далекой. Связой двух миров, я должен проложить мост над космической бездной,— впереди подвижнический труд и неустанное накопление знаний.

Так произошло во мне пробуждение глубинной памяти. Я стоял возле картины Н. Рериха «Помни!» На фоне величественных гор здесь изображен всадник, надолго оставляющий свой домашний очаг. В последнюю оглядку он вложил всю любовь своего сердца! Горы громоздятся над ним как грандиозный лабиринт,— это образ самой жизни: с ее подъемами и провалами, с ее неисповедимой сложностью. Вернется ли назад всадник?

Картина вдруг заиграла во мне новыми смыслами.— Помни!—обратилась Ория к моему сердцу. Помни о травах далекого мира.

Помни о древнем узоре иных созвездий.
Помни о восходе двойного солнца, так непохожего на земное светило,

В один миг произошло преображение моей личности. Память — углубилась, сознание — расширилось. Шок быстро прошел: двойственность моего «я» казалась мне естественной и органичной. Собственно, я даже не замечал ее, — так в ребенке сливаются отцовские и материнские черты. Но только родителями тут были два человечества! — и я одинаково был предан им.

Правда, иногда я ощущал конфликт в себе: гармония вдруг становилась диссонансом. Но усилием воли я преодолевал это кризисное состояние, ибо помнил о своей ответственности: во мне осуществляется симбиоз двух ноосфер, — я должен доказать возможность их органической совместности.

Спасибо Рериху! Это он донес до Ории земные образы. Искусство роднит миры, красота сближает Вселенные. Но осуществляется это благодаря силе Мысли! Вдохновение художника — могучая энергия. Сознание Рериха излучало вовне настолько яркие образы, что они смогли уйти в космическую беспредельность, — это свидетельствует о высоте и чистоте его мысли. Если мысленные посланки художника усиливались высшими цивилизациями, то ведь факт такой ретрансляции ничуть не умаляет духовного подвига Рериха. В его лице Земля впервые обратилась к космосу, — и этот зов был многократно повторен мирами, пока не дошел до Ории. Наступит срок, — и две ноосферы будут разговаривать друг с другом без посредничества: для этого им нужно подняться на новый уровень духовности. Да свершится это совместное восхождение! Ория и Земля хорошо дополняют друг

друга, — через эту гармонию они смогут глубже осознать себя, взаимно расширив свои возможности.

Вдохновителем Николая Константиновича Рериха была его супруга, Елена Ивановна Рерих. «Ведущая» — так назвал мастер посвященное ей полотно. На горную крутизну восходят двое: впереди — женщина. Это — Лада. Это — София. Это — Матерь Мира. В символическом образе Рерих выразил свою признательность преданному другу! Это Елена Ивановна первой услышала зовы космоса, — ее духовное влияние определило многие черты в творчестве великого мастера.

Елена Ивановна призывала исследовать Мысль как «живой фактор сущего». Она была глубоким философом, — дар проникновенной интуиции помогал ей высвечивать тончайшие планы бытия. Не потому ли Гималаи открыли этой замечательной женщине свою мудрость?

Я начал пристально изучать наследие Рерихов, — оно стало для меня своеобразной призмой, в которой по-новому преломилась вся земная цивилизация: ее достижения и упущения; ее великие устремления и горькие разочарования. Прежде всего меня интересовало отношение Рерихов к проблемам духовной эволюции. А здесь на первом плане стояло корневое понятие Мысли! Рерихи были философами космической Ноосферы. Они поняли: от энтропии и распада Вселенную спасет сила мысли. Космос открылся им как высокоорганизованная система. Но что является фактором этой упорядоченности? Творчество разума!

Никогда еще феномену мысли не придавалась такая вселенская масштабность. Отсюда — новая философия Человека: впервые он понят как космическая сила. Человечество ответственно перед Кос-

мосом! Такой расширенный взгляд многое меняет в этике землян, наполняя ее новой жизненной активностью. Сколь мудра и оптимистична философия Человека Космического! И разве не радостно, что земляне обрели ее через красоту? — в мастерской художника были заложены основы для космизации человеческого сознания.

Мне захотелось всесторонне осмыслить феномен Мысли. И сделать это с точки зрения землянина, которому вдруг открылись новые горизонты. Конечно, знания Ории помогали мне: явления психики там всегда были на первом плане. Орианцы глубже землян постигли действенную силу мысли. Но все же орианскую концепцию Мысли нельзя назвать всесторонней, — опыт Земли здесь мог внести ценнейшие дополнения и уточнения. На Ории мысль бралась сама по себе, — вне ее соотношения с материальным космосом. Пользуясь терминами земных психологов, можно сказать, что цивилизация Ории носила интравертированный характер, — йоги уходили в глубины своего «я», постигая путем интроспекции сокровенные тайны сущего. Конечно, это имело замечательные практические последствия, — орианцы не знали болезней; широко пользовались телепатией; решали благодаря ресурсам психики свои энергетические проблемы.

В отличие от Ории, цивилизация Земли экстравертирована: она обращена на познание внешней природы и овладение ее законами. Земляне мечтают переустроить мир в соответствии со своими эстетическими идеалами. Подобное стремление к планетарному (а теперь и космическому!) строительству чуждо созерцательным орианцам. Поэтому и проникновение в сущность мысли на Земле приобрело специфические черты. Эти особенности

хорошо прослеживаются в учении В. И. Вернадского: мысль для него — антиэнтропийная сила, преобразующая лик Земли. То есть мысль берется в ее соотношении с материей, а не сама по себе.

Мысль и Природа, Мысль и Космос: лучшие философы Земли ставили проблему именно так, — тогда как орианскую цивилизацию отличает безотносительный подход к мысли в ее самодовлеющем бытии. Очевидно, оба подхода совместимы! Во имя гармонии эта дополнительность должна стать реальной, — пусть Земля постигнет неизвестные ей законы психики, а Ория проникнется красотой точных наук с их широкими выходами в практику космического строительства.

Я понял, что в философии Рерихов уже найдена эта дополнительность: глубочайшее понимание проблем психики у них сочетается с характерной для землян обращенностью к природе, космосу, материи.

Желаю лучше понять эту дополнительность (а ведь она так нова и для землян, и для орианцев!), я стал вести эти дневниковые записи. Вот еще несколько страниц из моего дневника.

2. Тонкая энергия

Философы Земли очень рано открыли диалектическую структуру мира. Вселенная состоит из парных противоположностей! — к этому выводу пришли и Пифагор, и Мани, и Гегель. Для мышления землян характерны диады: «да» и «нет», тьма и свет, добро и зло, — список подобных противоположностей можно продолжать бесконечно. Иногда

я даже думаю о том, что все понятия землян легко сконцентрировать в одном огромном Словаре Антонимов,— едва ли не каждое слово у них подразумевает возможность своего отрицания.

Аналитический ум землян мастерски расщепляет действительность на полярные элементы. Так раскрывается динамика противоречий, делающих мир жизнеспособным. И в этом непреходящая ценность диалектики! — в едином она видит двойственное, выявляя глубинную структуру бытия.

Подлинный диалектик всегда видит тезы и антитезы в их единстве. Более того: он знает, что возможен уровень синтеза, когда противоположности приходят в согласие, порождая новое качество. К сожалению, земляне часто допускают одну существенную и весьма характерную для них ошибку: расколов бытие на тезы и антитезы, они резко противопоставляют их друг другу. Противоположности кажутся абсолютно несовместимыми! — и это приводит к трагедии познания: оно попадает в сеть мучительных антиномий.

Где истина?

В тезе или в антитезе?

Проблема нам кажется неразрешимой.

Такая ситуация и называется антиномией. Антиномичность мышления вскрыли Зенон и Кант. Об антиномиях человеческого ума ярко писал П. А. Флоренский. Но он же видел и путь к гармонии. Разве в минуту высшего подъема чувств нам не открывается единство мира? Тогда мы переживаем прекрасную и гармоничную целостность бытия.

Но вот проходит миг интуитивного прозрения,— и мы снова возвращаемся на плоскость аналитического мышления. И снова антиномии покрывают мир сетью разломов! — он дробится,

распадается на глазах, дышит на нас жутью и холодом.

Дабы вернуться к целостной картине бытия, надо преодолеть узкие рамки рассудочности. А для ученого-землянина это подчас труднейшая задача,— его интеллект воспитан в традициях именно рассудочной логики. Поэтому такому ученому чужд опыт искусства,— и этим он заведомо обедняет себя: ведь интуиции художника открыты грани бытия, которые скрыты для логического анализа.

П. А. Флоренский писал о разрешении антиномий: «Только в момент благодатного озарения эти противоречия в уме устраняются, но — не рассудочно, а сверхрассудочным способом». Озарение! Вот путь к обретению гармонии и познанию истины. В озарении явлена целостность мира,— бытию вновь возвращено исконное единство.

Но как подняться на ступень этого высшего синтеза? Рерихи всю жизнь думали над этим великим вопросом,— ведь здесь речь идет о новом уровне духовной эволюции. Они хорошо сознавали всю неполноту и односторонность рассудочного знания. Это знание ответственно не только за антиномии познания,— порожденная им техносфера приводит к мучительным противоречиям в самой действительности. Разве не антиномичным стало взаимоотношение человека и природы? А сколько трагических антиномий возникает в социальной жизни людей!

Рерихи искали гармонию. В своем устремлении к единству и целостности они мечтали о появлении у людей науки качественно нового типа мышления. «Чувствознание» — так называли Рерихи это мышление, ориентированное на синтез. Антиномическая раздвоенность бытия исчезает для чувствознания,— мир предстает ученому как прекрас-

ная самосогласованная целостность. Об этом говорит мудрость Гималаев,— в подтексте цитируемых слов угадывается полемика с рассудочным знанием: «Нужно упражнять мышление не разумом, но огнем духа, пока всякая двойственность не исчезнет. Мысль может иметь мощь, пока она совершенно монолитна, но всякая трещина не только лишает ее силы, но космически вредна, внося в пространство диссонанс»*.

О, гиблое зияние этих трещин, порожденных антиномиями! «Мир познаваемый надтреснут»,— писал Флоренский. И вот художник решил вернуть ему гармонию. Как оценить эту неслыханную смелость духа?

Мысль и Материя: эта пара противоположностей имеет первостепенное значение. Почему же именно она привела культуру Земли к антиномическому расколу? Вместо поиска синтеза этих великих противоположностей многие философы резко их разделили. Такой дуализм мысли и материи породил все новые антиномии. Вульгарный материализм и отвлеченный спиритуализм: вот продукты этого разрыва,— причем оба крайних течения в равной степени односторонни. А потому и далеки от истины! — ведь она требует дополнительного подхода, соответственного объективной гармонии мира.

Велик вклад Рерихов в преодоление рокового дуализма мысли и материи. Синтез и гармония! — вот формула чувствования. Для достижения гармо-

* В контексте цитируемых слов разум отождествляется с рассудком,— такая синонимизация не принимается современной философией, которая рассматривает разум как несравненно более творческую и универсальную по сравнению с рассудком функцию сознания,

нического синтеза необходимо расширенное сознание. И Рерихи пришли к этой широте. Эволюция материи трактована ими как движение Вселенной к Мысли. Появление сознания не означает конца этого процесса! Теперь уже духовное начало проходит через фазы своего усложнения и утончения. Есть ли финал у этого восходящего развития? Нет, оно беспредельно.

В таком эволюционном подходе полностью преодолевается дуалистический разрыв материи и мысли. Ведь материя сама стремится к мысли как к некоему пределу своего утончения! Но вся суть в том, что этот предел — асимптота: бесконечно приближаясь к ней, материя никогда не достигает ее,— никогда не превращается в чистую, существующую саму по себе мысль. Отсюда знаменательный вывод о том, что мысль неотъемлема от материи. Таков закон бытия. Лишь в абстракции мы отделяем мысль от материи,— тогда как объективно они существуют в неразрывном единстве. Это не абсолютные полюса, а скорее подвижные метки на непрерывном спектре: тут имеются мириады градаций и взаимопереходов.

Без учета этих градаций возможны роковые ошибки! —более тонкие виды материи люди часто принимают за нечто нематериальное. В этом корни многих спиритуалистических теорий. История познания изобилует подобными заблуждениями. Напомним о некоторых из них.

Открывая новый уровень организации материи, ученые нередко заявляют, что дошли до границ материального мира,— и теперь вышли в область нематериальных явлений. Гравитация, электромагнетизм, нейтрино: все эти физические явления в свое время истолковывались со спиритуалистических позиций. К таким истолкованиям следует

относиться снисходительно, ибо ученые здесь действительно открывали более тонкие виды материи, чем обычное вещество. Но такая снисходительность не исключает осторожности в будущем! — открыв какую-нибудь новую частицу с парадоксальными свойствами, не будем поспешно отождествлять ее с субстанцией мысли. В конце концов, мысль несравненно сложнее любого физического явления. Даже всепроникающие нейтрино могут быть лишь условным аналогом мысли! Но корректность в этом вопросе вовсе не исключает и чисто физического подхода к явлению мысли. Ее действие можно обнаружить в лаборатории. Важно лишь не забыть о тонкости изучаемого феномена.

Утончение материи! Вот ключевое понятие эволюционной космологии Рерихов. Конечно, представления о грубом и тонком во многом относительны. Но различие систем отсчета для меня сейчас не столь существенно. Я хочу понять абсолютное: эволюция векторизована, — и эта направленность задается появлением все более тонких материальных структур.

Издrevле человек делил мир на три царства: минералы — растения — животные. Эта классификация имеет эволюционный смысл. Три ступени возносятся одна над другой. Вот кристалл: материя здесь упорядочена в стройную симметричную систему. Вот цветок: это начало информационного общения в природе. Вот рыба: через ее хорду проходит струна спинного мозга.

А это — новый рубеж: стихи, сонаты, формулы! Мысль человека создает наитончайший мир знаковых систем. Он почти иллюзорен с физической точки зрения, — и тем не менее наделен невероятной мощью.

Солнце останавливали словом,

Словом разрушали города.

Поэт прав: знаки правят нашей планетой! Слова, улыбки, картины, — это все мир знаков. Они невесомы, эфемерные знаки. И тем не менее достаточно одного жеста, чтобы обрушить на мирные города лавину энергии. Знаки творят и разрушают. Они могут взять нас в тягостный плен, — и они способны даровать нам счастье свободы. Вот фотография мозговой ткани, полученная на сканирующем микроскопе. Какое великолепие! Мы видим многомерную нейронную сеть, — сквозь ее ячейку человек пропустил всю Вселенную. Многое осело в этой сети эволюционным опытом. Но многое могло и проскользнуть мимо! По какому праву мы должны считать свой мозг пределом в утончении материи? Ведь может оказаться, что нейронная ячейка пока слишком крупна для того, чтобы уловить тонкое и несказуемое.

Мы воспринимаем мир через узкую щель в обширном электромагнитном спектре. Хорошо, что теперь мы знаем об этом! — ныне уже никто не абсолютизирует зрительное восприятие. Приборы расширяют наши возможности: мы знаем, как выглядит небо в гамма-лучах и в инфракрасном свете. Но разве вести от дальних миров к нам приходят только через электромагнитный спектр? Да избежим новых догм! Вселенную могут пронизывать наитончайшие излучения совершенно другой природы. Датчики для их восприятия выработает эволюция, — для этого необходима еще большая степень утончения материи, нежели та, что достигнута нашей ноосферой.

Да утончится мысль человека! Рерихи считали, что эта эволюционная цель достижима через Красоту, — ведь эстетическое чувство является наиболее тонким в нашем духовном спектре. Разве

не свидетельствует об этом изумительная культура Японии? — эстетическая утонченность здесь привела ко всеобщей интеллигентности народа. Японец видит красоту в самых простых вещах, — созерцание замшелого камня или глиняной чашки открывает ему сокровенные глубины бытия. Японский дзэн-буддизм нашел своеобразный путь к космоизации сознания. Это — сатори: дар интуитивного озарения — выход в бесконечность через постижение красоты.

Сколько тонкости в улыбке Джиоконды! И как тонки черты ликов, написанных Андреем Рублевым. В наитончайших этюдах Шопена нас покоряет высшая духовная деликатность. А утонченная палитра Моне учит свежему взгляду на мир.

Заметьте: самое тонкое в наших чувствах мы называем несказанным и невыразимым. Тут уже не нужны слова! — да они и не в состоянии передать главное. Понимание обретается в молчании. Быть может, это уже над-знаковый уровень коммуникации? И общение здесь налаживается через бессловесную со-интуицию?

Вот несколько школьников подошли к картине Рериха «Урочище». Они застыли в очарованном молчании. Тишина соединила их, — и наполнила гармонией взаимопонимания. О, эта благодатная удивленность прекрасным! В тишине созерцания словно рождается некое поле, связующее сердца людей в непрерывную цепь.

По этой цепи информация передается без всяких слов. Разве это не доказательство реальности телепатии? Искусство поднимает нас на уровень сверхсознания. Да удержимся на новой эволюционной высоте!

Для этого необходимо всемерно содействовать Культуре, — вот истинно эволюционная задача

для человечества. Понятие Культуры обрело у Рерихов всеобъемлющий космический смысл. Культура способствует росту интеллигентности в ноосфере. А без обретения этого качества невозможно утончение сознания.

Елена Ивановна и Николай Константинович были подлинными интеллигентами. Думая об их судьбе и служении, начинаешь глубже понимать истинное назначение интеллигенции. Над этой проблемой бились лучшие русские умы, — она волновала Пушкина, ею мучился Блок. Без преувеличения можно сказать: интеллигентность — качество космического значения. Миссия интеллигенции заключается в непрерывном утончении сознания: она — духовный воспитатель планеты, строитель гармонической личности. И художник, и ученый имеют общую цель: увеличить духовный потенциал Земли. Эти световые накопления неизбежно приведут к новому качеству, — в человеке раскроются новые возможности, и сознание его преобразится.

Люди умственного труда: таково общепринятое определение интеллигенции. Но лишь машинный труд — однообразный и бессмысленный — лишен умственного начала. Разве не светится умом труд талантливого плотника? Или нет разумного ритма в работе кузнеца? Понятие интеллигентности Рерихи брали в его самом широком смысле. Все строители ноосферы — интеллигенты: и художники, и каменщики, и чернорабочие. Благодаря их труду мир становится более разумным! Значит, это умственный труд: иначе на нашей планете не возникла бы ноосфера.

Грех думать, что умственный труд прост и легок! Чем тоньше творческая мысль, тем сильнее сопротивление косных стихий. Наличие такой за-

висимости доказано опытом веков. Разве не носители расширенного сознания возложили на себя самый тяжкий крест? Их жизненный путь часто кончался Голгофой. Имен называть не будем, — они на памяти у каждого. Напомним только древнюю мифологию о борьбе Космоса и Хаоса. За Космос — сила мысли, за Хаос — сила безумия. Кто скажет, что эта борьба закончена?

Мудрость Гималаев предупреждает: «Когда говорится о необходимости усилить мыслительный аппарат, тем самым сказано о необузданном натиске стихий». Любая уступка этим темным стихийным началам чревата возможностью духовного регресса! Вот почему в Гималаях было сказано: «Мысль человеческая изогнулась, как незакаленный клинок, и в глубине сознания шевелится хаос. Можно ли существовать? Идея нашего маяка начинает входить в умы, ибо понемногу ничего другого не остается среди клубов хаоса». Да не погаснет маяк истины и красоты!

Казалось бы, утончение мысли только потворствует прорывам хаоса: тонкое — хрупко, тонкое — беззащитно. Но неверно отождествлять понятие тонкого и слабого! Здесь возникает замечательный парадокс, без которого невозможно понять космическую Иерархию. На каждой ее ступени происходит утончение материи, — с формальной точки зрения это приводит к снижению сопротивляемости. Но хрупкое берет верх над грубым! Вот скромный стебелек мха: он с большим успехом сопротивляется энтропии, чем этот огромный камень. Над кукушкиным льном уже не властен второй закон термодинамики, — тогда как по воле этого закона валун когда-нибудь станет прахом. А новые поколения мха будут непрерывно поднимать к солнцу коробочки со свежими спорами.

Психические процессы еще тоньше биологических феноменов. Мысль — незрима. Но кто измерил ее великую силу? В Гималаях было сказано вдохновенно: «Это сияют наконечники стрел мыслей, ибо мысль вонзается в лученосное вещество и зачинает миры». Здесь явление мысли связывается с космогонией. Какая дерзость духа! Быть может, и нам когда-нибудь суждено стать инженерами новых вселенных?

Древние предвосхитили эту блистательную возможность. Ведь Космос для них был артефактом, — искусственно созданной системой. Логос, Нус, София — это все синонимы мирового Разума-строителя. Не сформулирована ли в этих поэтических образах задача для будущего человечества? Рерихи верили: весь космос когда-нибудь станет единой ноосферой. Быть может, он является ею уже сейчас? Чтобы увидеть это, Земля должна одолеть свою космическую изоляцию.

Чем тоньше мысль, тем сильнее она. Разве достиг бы Орион самый мощный радиосигнал Земли? А о ракетах разного типа — включая фотонные и кварковые — вообще говорить не стоит: им заказан путь в дальний космос. Тогда как мысль не знает пределов и ограничений! Разве не ей я обязан своим присутствием на Земле? И не обманет меня сердце: верю — моя мысль найдет обратный путь на Орион.

Я внимательно вчитывался в труды земных мыслителей, которые думали об организованности космоса как целого. В десятилетия XX века русский философ Александр Богданов заложил основы тектологии — всеобщей организационной науки. Теперь можно сказать: это учение о строительстве ноосферы! В тектологии выявлены пути повышения организации и для материальных,

и для духовных систем. Ведь строительные принципы едины для всех уровней бытия. Теория информации показала: рост организованности обусловлен усложнением внешних и внутренних связей системы. Поэтому организованность космоса зависит от установления связей между его системами,— будь то планеты, галактики, вселенные, параллельные пространства. Разобщенность миров — против организованности. Но как установить контакты между ними? Здесь мы снова выходим к феномену Мысли.

Рерихи сформулировали дерзновенную задачу: Земля должна быть выведена из космической изоляции. Для этого надо усовершенствовать ноосферу планеты. Ибо земляне еще этически не готовы к общению с дальними мирами! Слишком много розни на Земле,— здесь открыто действуют разъединяющие силы хаоса: страх, недоверие, отчужденность. Борьба за гармонию планеты неотрывна от ее космических устремлений: созидая добро, земляне расширяют свое сознание. И наступит час, когда это расширение откроет нам глубины космоса!

Рерихов можно назвать основоположниками космической тектологии. Никогда еще так четко не подчеркивалась организующая роль творческой мысли. Рерихи донесли до людей мудрость Гималаев: «Каждая сознательная мысль уже содержит некоторую организованность». Светлая мысль — антиэнтропийна: она вносит свой вклад в упорядоченность мира. Можно говорить о специфической Эстетике Мышления — красивые мысли несут с собой лад и гармонию. Там, где мышление эстетично, преодолен раздор: люди объединяются в строительном устремлении, противостоя напору хаоса. Выявив тектологические аспекты мышления,

Рерихи утвердились в своем понимании гармонии космоса.

Древен спор о природе мысли: локализована ли она в мозгу человека или может распространяться во внешнее пространство? Это вопрос о субъективной или объективной природе мысли. Наука не знает более сложной проблемы.

У философов она получила свою постановку: материальна или идеальна мысль? Когда в мозгу человека рождается образ, то здесь происходит одно из величайших событий во Вселенной: материя порождает свою противоположность — идеальный мир. Это качественный рубеж в эволюционном утончении материи! И нельзя размыывать эту принципиальную грань. Нельзя объявлять ее условной. Мысль человека возникает в акте рефлексии, отражения,— и на этом уровне она бесспорно идеальна по своему составу. У нее нет ни одного вещественного атрибута. Такую мысль-рефлексию нельзя передавать на расстоянии,— она находится в сокровенных глубинах «я» и не может выйти за его пределы.

Но идеальная мысль перекодирует себя в различные материальные языки! Сознание — социально. Оно не может замкнуться в саморефлексии, ибо существует в общении через общение.

Мы можем догадаться о мыслях человека по его мимике,— они перекодируются в тончайшую игру лицевых мышц. Это пластический язык: пожалуй, самый наглядный и доступный для понимания. Но мысль стремится облечься в еще более тонкие оболочки!— ведь чем тоньше язык, тем полнее в нем выражается мысль. Начинается великий процесс эволюционного утончения языка,— совершенствуется речь; обогащается словарь; усложняется синтаксис. Музыка учится передавать

самые зыбкие оттенки смысла. Рождается таинство молчаливого общения, в котором может быть достигнута высшая полнота взаимопонимания.

Исходя из опыта Ории, могу сказать непреложно: мысль способна использовать еще более тонкие коды! Существуют такие материальные носители мысли, которые пока совершенно неуловимы земными приборами. Да и нужны ли приборы для их регистрации? Ведь чуткого сердца ничто не заменит! А именно оно является органом восприятия самых тонких волн.

Земляне давно догадались об этом. Прекрасные слова были сказаны о чуткости сердца. Интуитивное прозрение здесь предваряет выводы точной науки. Придет час — и будет строго показано: мысль способна распространяться на расстоянии с помощью особого ментального кода. Подчеркнем: речь идет не о передаче через пространство мысли как таковой, а о специфическом языке, имеющем свой набор материальных знаков. Но только материя это особая, — ее субстанция тоньше любого физического поля. Поэтому тщетны попытки регистрации столь тонких излучений с помощью физической аппаратуры. Нужно искать другие методы!

Может ли мысль кодироваться с помощью электромагнитных излучений? Да, может, — гипотезы русских ученых, высказанные на этот счет еще в 20-е годы, вполне правомерны. Но телепатию ни в коем случае нельзя свести к электромагнетизму. Эволюция нашла совершенно особые каналы для передачи мысли на расстоянии! Тут многое можно понять и по аналогии с электромагнитными излучениями. Но важно выйти в принципиально новую область исследований, — к этому

и призывали Рерихи: они глубже других поняли качественную новизну задачи.

Для европейской науки весьма характерен редукционизм: сложное она стремится свести к простому, неизвестное к известному. Это вполне законный путь исследования. Но единствен ли он? И всегда ли следует придерживаться знаменитого правила, называемого «бритвой Оккама»? Это правило гласит: «Не вводи лишних сущностей». Осторожность обязательна для ученого. Но трагично, когда эта осторожность перерастает в консерватизм! — тогда бритва Оккама, будучи сама по себе великолепным инструментом, слепо отсекает новые сущности, необъяснимые в рамках старых понятий.

Рерихи хорошо чувствовали и сильные, и слабые стороны редукционизма. Преобладание этой методологии во многом обусловлено лидерством физики среди других наук. Критерий простоты очень существен для нее. Поэтому физический язык — обычно ясный и экономный — так привлекателен в эстетическом отношении. Идеал простоты сохраняет свое значение для любой естественнонаучной дисциплины. Но здесь есть одна опасность: при переходе к над-физическим уровням организации материи простота может превратиться в упрощение. И тогда неизбежен примитивный механицизм. О, как страстно и убедительно протестовали Рерихи против упрощенческого подхода к явлениям жизни и мысли! Они предвидели: лидерство в естествознании со временем непременно перейдет к биологии и психологии. Можно ли в этом случае обойтись без введения новых сущностей? Нет, нельзя: редукция к физическому уровню заведомо упростит сложность биопсихических явлений, а ведь ученый должен в первую

очередь выявить их качественное своеобразие.

Изучая мудрость Гималаев, Рерихи выдвинули ряд смелых положений, весьма новых для европейской науки. С позиций Ории это вполне обоснованные представления, но для многих землян они пока кажутся лишь смелыми гипотезами, не лишенными фантастических оттенков. Такое восприятие нового вполне закономерно. Поэтому не будем строго судить недоверчивых: у мышления есть своя инерция, и с этим надо считаться. Часто истина приходит в образе поэтической метафоры,— и лишь потом она оборачивается строгой формулой. Идеи Рерихов очень поэтичны. Я знаю: за ними стоит непреложное знание. Но сейчас я подхожу к ним как землянин, воспитанный в Европе: за поэтической образностью для меня еще едва-едва пробрезжил точный смысл.

О, бессмертная поэзия Рерихов! Она не только прекрасна,— она еще и эвристична: тексты и картины, созданные в Кулу, зовут к небывалому. Разве не поэтично представление о том, что мысль создает вокруг себя особое поле? Входя в него, мы интуитивно чувствуем: это духовный свет,— а это мрак злобы. Разве не знакомы нам подобные переживания? Но они столь безотчетны и неуловимы, что тяготеют именно к области поэзии, а не науки.

Блок написал:

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего как бывает порой,
Что собою ты к людям уйдешь,
А уйдешь от людей не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши.

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

Гениальные строки! В них образным языком — с редкостной наблюдательностью и точностью — сформулирована великая проблема. Создают ли люди вокруг себя психическую, или ментальную атмосферу? Науке не уйти от этого вопроса. Пожалуй, каждый наблюдательный человек ответит на него положительно. Входя в дом, мы подчас загода — еще перед дверью! — предощушаем настроение, царящее в нем. Можно привести миллионы подобных свидетельств. Словно некие волны улавливаются нами еще до прямого контакта с человеком или группой людей! Иногда это светлые волны,— и тогда нас окрыляет предвосхищение радости. Но нередко нами овладевают тягостные предчувствия,— и они почти всегда сбываются: мы оказываемся в атмосфере недоверия или зависти,

О, радость доброжелательного соучастия! Забудем ли свои золотые часы, когда мы находили понимание у других? И люди шли за нами. И мы давали им свет. И они отвечали нам взаимностью. Какая сила тогда соединяла нас? Будто мы излучали единое ментальное поле. Каждая светлая эмоция в нем многократно усиливалась. А горькие чувства одолевались совместно,— волна искреннего сострадания выносила нас к свету.

Каждый человек — микрокосм: он существует

индивидуально, обособленно, дискретно. Но вместе с тем имеется и удивительная непрерывность! — это духовный континуум, соединяющий нас в единое целое. Он — неявен, он — незаметен. Тогда как дискретная обособленность индивида наглядна для каждого. И тем не менее незримая ментальная среда окружает нас. Мы сами создаем ее. Духовная атмосфера планеты то высветляется, то омрачается. Этот невидимый континуум — важная часть ноосферы. Как сделать его прозрачным и чистым?

Пусть кто-то скажет; все это — поэтические гипотезы. Для меня в таком суждении нет ничего пренебрежительного. Ведь поэзия обладает великим пророческим даром! — часто она предваряет результаты точного знания. Интуиция поэтов безошибочна. И Блок тоже не мог заблуждаться. Интересно, что неизвестную психическую силу — ее мы называли то ментальным полем, то духовным континуумом — поэт сравнивает с огнем. Удивительное совпадение: Рерихи тоже писали о «пространственном огне», которым человек пока не умеет управлять. Для Рерихов это одно из определяющих понятий: не случайна открывшаяся им мудрость Гималаев отлилась в тома «Агни-йоги» — йоги огня.

Это тонкое пламя. В его световую стихию погружен мир. Наиболее близка к нему психическая энергия. Если человеку будет суждено овладеть ею, то он встанет перед великой ответственностью. Драма Эйнштейна здесь может разыграться с еще большей силой! Рерихи постоянно подчеркивают: развитие психозенергетики требует от человечества высочайшей моральной чистоты.

Такова суть глубоко поэтической теории про-

странственного огня. Замечательно, что у этой теории уже есть некоторые параллели в современной науке! В космологии Рерихов именно пространственный огонь обуславливает организованность Космоса. Нельзя ли это понятие-символ самым корректным образом сблизить с феноменом Информации? Это одна из центральных категорий современной науки. Убедительно показано: внесение информации увеличивает организованность Системы, — ее энтропия при этом неуклонно уменьшается. Говоря другими словами, информация противостоит силам хаоса! — более того: она преобразует Хаос в Космос. Сейчас все больше осознается космологическое значение информации.

Может возникнуть вопрос: почему пространственный огонь — эту первичную прану Космоса — Рерихи сблизят с психической энергией? Не происходит ли тут смешения уровней? Но вспомним: еще великий Платон сравнивал Космос с организмом. Цель подобных сближений самоочевидна, — и Платон, и Рерихи хотят указать на организованность Космоса. Уже в Древней Греции философы-редукционисты были склонны занижать степень упорядоченности Вселенной. Потому в противовес им Платон формулирует свою максималистскую аналогию! Да, это именно максимализм: Платон сравнивает Космос с самой высокоупорядоченной системой, какая ему известна с живым организмом. Ход мысли Рерихов во многом параллелен Платоновой аналогии: психика для них — высший уровень земной эволюции. Но только ли Земля достигла его? И вот формулируется весьма смелая, но вполне резонная гипотеза: а не могут ли другие миры находиться на этом — и даже на вышестоящем! — уровне организации? Не содейст-

вуют ли такие продвинутые миры росту организованности в масштабах мира как целого? Наука не привыкла к столь далеко идущим предположениям,— и она вправе считать их поэтической фантазией. Но будет ли это отношение неизменным? Не исключено, что новые открытия заставят нас пересмотреть представления об организованности Вселенной. И тогда удивительное понятие-метафора— «психодинамика космоса» — не будет казаться столь фантастичным.

Рериховский синтез космологических и биологических проблем может стать актуальным и в другом аспекте. Не происходит ли во Вселенной топологического самозамыкания фундаментальных и высших уровней? Например, есть весьма фантастическая по своему духу гипотеза, где процесс мышления связывается со сверхсветовыми частицами — тахионами. Пусть эта гипотеза окажется ошибочной, но в методологическом отношении она очень интересна. Высокоорганизованное (мозг) и фундаментальное (тахионы) взаимодействуют! — а ведь принято считать, что такому взаимодействию должна препятствовать сложная иерархия промежуточных уровней.

Вот еще одно интереснейшее суждение,— несравненно более строгое, чем вышеупомянутая гипотеза. Современный философ И. Аккурин пишет: «Мы решаемся привлечь внимание специалистов к новой возможности адекватного и единого разрешения проблемы организации материи как в области сверхвысоких (до 10^{20} электронвольт) энергий — в виде спектроскопического многообразия элементарных частиц,— так и на противоположном конце энергетического спектра — в области концентрации энергии в ничтожные доли электронвольта, характеризующих молеку-

лярно-биологические процессы»*. И так, два конца спектра оказываются замкнутыми в топологическое кольцо!—выявляется (благодаря использованию Аккуриным нового класса математических пространств) изумительный изоморфизм Альфы и Омеги: самого глубинного, изначального и самого высокого, жизненного. Но не об этом ли говорили и Рерихи, проводя свои звенящие поэзией аналогии?

Земля должна внести лепту в гармонию Вселенной. Как вдохновенно говорят Рерихи об этом планетарном долге! Но вместе с тем в их голосе чувствуется тревога. Не диссонирует ли планета с великой гармонией сфер? — ведь силы зла еще властно вторгаются в помыслы и дела землян.

Помыслы — и дела... Как часто они отделены друг от друга!

Считая зазорными дурные дела, мы не задумываемся о вреде дурных мыслей. Считается, что они в худшем случае причинят вред лишь самому субъекту. Ведь мысль есть что-то внутреннее! — она не может выйти вовне и нанести кому-либо ущерб.

Это величайшее заблуждение земной цивилизации,—и Рерихи не жалели усилий, чтобы рассеять его. Если ментальное поле реально, то оно нуждается в нашей защите. Мы много говорим об охране природы,— но совсем не заботимся о чистоте духовной атмосферы. Это понятно: многим землянам трудно принять его реальность,— голос рассудка берет верх над свидетельствами интуиции.

И во что же обойдется землянам их небрежение

* И. А. Аккурин. Некоторые закономерности развития знания и проблемы его синтеза // Синтез современного научного знания. М.: Наука, 1973. С. 206.

чистотой помыслов? Социологи с тревогой пишут: в людях двадцатого века убывает благодатная сила сочувствия. О, смертоносная оболочка эгоизма! Сквозь нее не проникнет зов сотрудничества. Трагичны последствия отчужденного самозамыкания. Ведь в человеке пропадает главное: способность принять боль другого как свою. Не ослабили ли незримые ментальные узы, соединяющие людей в социальный организм?

Стрессы сотрясают человечество.

Волна ожесточения иногда пробегает по огромным территориям планеты!

Люди теряют доверие друг к другу. А ведь именно на зиждительном доверии строится подлинная социальность.

Метастазами расползается по многим душам своекорыстная зависть.

Не оттого ли возрастает психологическая напряженность на нашей планете? Появился даже точный и страшный термин: «психологическая война». Она ведется против самого тонкого уровня организации материи! — сгорает нервная ткань человечества: такая хрупкая, такая невосстановимая.

Злому делу предшествует злая мысль. Будем последовательны! — сражение за чистоту мыслей имеет глобальное значение. Так сформулировали задачу Рерихи. Они пытались наглядно представить, как выглядит из космоса ментальная аура Земли. Тяжелое зрелище! Представим, что высоко-развитая цивилизация, овладевшая психоэнергетикой, сканирует нашу планету. Глядите! — в ментальном спектре Земли светлые линии чередуются с полосами ужаса и отчаянья. Но часто темные полосы преобладают! — и тогда конвульсивно сжимается сердце: кажется, что планета задыхается в атмосфере страха и горечи,

Пусть это фантастика, — но она не беспочвенна. Рерихи писали о своего рода отрицательной ноосфере — антиноосфере! — замкнувшей планету в глухую оболочку. Сказано в Гималаях: «Человек отрицанием создал особую сферу, которая обхватывает всю землю». Как это созвучно идеям Вернадского! — но только тут им придано минорное звучание.

Однако Рерихи были великими оптимистами. Быть может, история земной культуры не знает более вдохновенной концепции оптимизма. На чем основано это утверждающее мировосприятие? Прежде всего на вере в созидательные возможности человечества. А эта вера уходит корнями в эволюционную философию Рерихов. Благородство и жертвенность, отзывчивость и сострадание! Эти прекрасные качества возникли эволюционно: в преодолении темных инстинктов и эгоистических побуждений.

Альтруизм — приобретение эволюции. Сознание альтруистично по своей природе, — оно родилось в лоне социальных коммуникаций. Вне этих связей нет человека! Все лучшие обретения молодой ноосферы — язык, искусство, наука — возникли для обеспечения социальных контактов. И разве эволюция исчерпала этим все средства общения!

По аналогии с опытом Ории, я могу предсказать землянам: устойчивые телепатические связи возникнут на планете как результат эволюционной потребности. У человека сейчас закладывается третья сигнальная система. Иногда она уже включается, — и тогда мы наблюдаем феномены чувствознания: интуицию, телепатию, проскопию. Эти явления известны давно, — однако в силу своей единичности они еще не стали фактом науки:

формулировка закона предполагает повторяемость и воспроизводимость феномена.

Но единичное превращается во всеобщее! Такова логика эволюционного процесса. Рассредоточение людей во все большем пространстве — а границы земной Ойкумены уже переместились в Космос! — неизбежно приведет к новым средствам общения. Одна техника здесь не поможет, — свое слово должна сказать эволюция.

У человечества уже сейчас появляется потребность в космическом диалоге. Это прекрасный социальный симптом! Для удовлетворения новых запросов духа совершенно недостаточна радиосвязь. Ведь любое электромагнитное излучение не может распространяться быстрее 300 000 км/сек. А при такой скорости дальние переговоры невозможны. Так неужели эволюция не найдет выхода из этого информационного тупика?

Память Ории подсказывает: искомый выход уже найден. Но для землянина этот вопрос не перестает быть мучительным. Как убедить его в возможности мгновенной телепатической связи? Спешить не надо: скоро личный опыт станет для землянина лучшим аргументом. Расширение сознания предполагает появление новых психических способностей. Рерихи верили: свои раскрывшиеся возможности человек поставит на службу добра.

В развитии нашей планеты есть существенная асимметрия, — познанию психики уделяется значительно меньше внимания, нежели исследованию глубинных структур вещества. Желая восстановить гармонию, Рерихи предупреждают: «Однобокое сознание может принести небывалую катастрофу». Точные науки все больше отрываются от проблем человека. Развивается космонавтика, но в тени — психонавтика; наука о плавании в океане челове-

ческого духа! Глубины этого океана не промерены, способы ориентации в нем не изучены. А ведь движение внутрь человеческого микрокосма может вывести в большую Вселенную: забросив лот в себя, человек достанет до дна мироздания. Но когда он поверит в свои возможности?..

Энергетика Земли до сих пор остается на весьма примитивном уровне. Расщепляя и разлагая вещество, человек увеличивает энтропию в окружающей среде. Хаос готов ополчиться на юную неокрепшую ноосферу! — и мы сами бессознательно потворствуем прорыву темных стихий.

Найдет ли человек выход из энергетического кризиса? Высвобождение фундаментальной энергии — атомной, ядерной, кварковой — вредоносно для здоровья человека. Словно сама природа предупреждает нас: выбранный путь не оптимален, — надо искать иные возможности. Пророчески звучат слова Рерихов: «Пора от грубых слоев материи перейти к исследованию тончайших энергий». Такой переход неизбежен! Уже не только теоретический интерес, но и жизненная необходимость заставляет нас обратиться к изучению ресурсов психики.

Рерихов по праву можно назвать пионерами психозенергетики. Они донесли до человечества мудрость Гималаев: «Психическая энергия будет всегда готова трансмутировать удар прочих энергий в полезное явление. Мы видели, как психическая энергия заменяла прививки и уничтожала возможности заболеваний, так же она претворяла все воздействия энергий во благо».

Благо Земли! И не только Земли, но и всего космоса, — вот этическое устремление Рерихов. Ноосферу должны полнить лишь добрые мысли. А для этого необходимо преображение внутрен-

него мира землян. Вторжение хаоса в личность начинается с недобрых мыслей. Человек обязан помнить о своей связи с единым ментальным полем: добрая мысль — созидательна, злая мысль — разрушительна. В Гималаях было сказано человечеству: «Мысль напрягает атмосферу, как химический ингредиент». Мысль — не эфемерна, мысль — действенна. Человеку пора задуматься об этической ответственности за мир своих мыслей.

3. Этика мысли

Люди давно поняли великую силу сочувствия. В трудный час нам так важна духовная поддержка! Встретишься со светлым человеком, — и сразу станет легче на душе.словно зарядился какой-то тайной силой.

Радостно, когда ты сам можешь прийти на помощь другому. Иногда твоё участие требует большого напряжения сил. Но ты не жалеешь себя! Хотя после и чувствуешь некоторое преходящее опустошение. Будто и впрямь перелил в другого часть своей психической энергии.

Это не субъективные ощущения, — это реальное духовное донорство! Жертвенностью велик человек. Без этого качества он не достиг бы своих высот. Взаимность движет эволюцией, сочувствие правит мирами. П. А. Кропоткин гениально назвал свою книгу: «Взаимопомощь как фактор эволюции». Альтруизм в ней понят как ведущий эволюционный принцип. Поднявшись на уровень духовности, эволюция усилила значение взаимности. Только теперь эта взаимность приобрела весьма тонкие формы.

Духовная взаимопомощь! Люди делятся друг

с другом тончайшей энергией, передавая её через улыбку и рукопожатие. Этой энергией может быть насыщено молчаливое внимание. Расстояние не имеет для неё значения.

В начале XX века Виктор Сеньо выступил со своей вдохновенной программой ментализма. Он призвал людей к телепатическому сотрудничеству. Согласно поэтической гипотезе Сеньо, у каждого человека есть свой ментальный ритм. Путём сосредоточения близкие души могут находить друг друга; в ментальном пространстве их ритмы будут резонировать. Сеньо считал возможной передачу информации через этот канал, — однако акцент он делал на эмоциональной взаимоподдержке. Через ментальное общение люди должны делиться добрыми чувствами! Суммируя индивидуальные ритмы, они усиливают свою мысль. Это может быть десятикратное, тысячекратное, миллионкратное усиление, — всё зависит от числа людей, вовлечённых в ментальное содружество.

Не отвечает ли в идеях Сеньо мудрость Гималаев? — его близость к индийской философии очевидна.

С ещё большей глубиной идея духовного альтруизма была разработана Рерихами. Добрые помыслы высветляют ауру нашей планеты. А злые побуждения, циркулируя в пространстве, нагнетают мрак. Сколько бед может причинить стрела недоброжелательной мысли? Больно задев того, кому предназначалась прямо, она пойдёт дальше. Вот с лица ребёнка вдруг исчезла улыбка, — пусть мимолетно, но он ранен чьей-то ненавистью; вот старик схватился за сердце, — и его не миновала черная ментальная волна.

Иногда у нас внезапно — и вроде бы беспричинно — вдруг падает настроение. Странное сму-

щение охватывает нас,—мы ощущаем какую-то неловкость, даже стыд. Все тогда падает из рук. Не находишь себе места, хочешь куда-то спрятаться.

Быть может, в это время кто-то плохо думает о нас? Или где-то принимается несправедливое решение? Несомненно одно: сердце уловило что-то неладное,— и мы неисповедимым образом почувствовали это.

Незримая ментальная атмосфера окружает нас. Да не засорим ее злобными чувствами! Будем излучать только светлые волны. Иначе ментальные смерчи принесут неисчислимые бедствия. О, эти незримые катаклизмы! Они потрясают нашу ноосферу, они оставляют после себя хаос.

Светлая мысль — связует, черная мысль — разъединяет. Отрицательные психические накопления могут образовывать своего рода непроницаемый экран. И через него не пробиться зидительным излучениям! Рерихи писали: «Эта кора представляет сопротивление тверже камня». Быть может, ментальные вести других миров потому и не доходят до Земли, что встречаются с этой незримой броней? Рерихи не исключали такую возможность. Конечно, их мнение легко оспорить. Но прислушаемся к голосу великих гуманистов: «Почему Земля находится в состоянии заболевания? Потому что лучи планет не могут проникать через загрязненную ауру».

Не все земляне примут такое объяснение земных бедствий. Но все равно: взгляд на Землю с космической точки зрения очень существен! Указывая на это, Рерихи поднимают этическое сознание планеты. Мы знаем, как важно посмотреть на себя со стороны,— это касается не только отдельного человека, но и ноосферы в целом.

Рерихи поднесли зеркало к лику планеты,— и сделали это как бы из космоса. Земля словно взглянула в глаза другой цивилизации,— и поняла все; свои метания, свои диссонансы. Этика Рерихов космична. Но от этого только усиливается ее гуманистическое звучание.

Сколь далеко простирается ментальная атмосфера? Рерихи и здесь были максималистами,— они считали ее безграничной в пространстве и времени. Мудрость Гималаев издревле учит: Космос насыщен ментальными токами. Духовный континуум связует мириады цивилизаций! — сознательные и бессознательные контакты постоянно происходят между ними. Как оценить значение этих пока неявных для нас ментальных влияний? И какую роль может играть Земля в этом гигантском духовном сверхорганизме?

От ответственности планетарной — к ответственности космической! Такое расширение естественно для максималистской этики Рерихов. Они пишут: «Человек должен осознать свою ответственность перед мирозданием. Человек возвысился помыслом, и тем самым кому-то оказал существенное благодеяние. Человек пал духом, и тем самым, может быть, умертвил кого-то». Сфера этих тайных воздействий — вся космическая беспредельность. Произнесено в Гималаях: «Ведь не только за себя, но за все множество сознаний ответственен человек». И не на одной Земле локализовано это множество! Ментальные связи пронизывают весь космос. Поэтому повышение культуры мышления становится космической задачей. Будет ли наша ноосфера увеличивать организованность космоса или станет источником хаотических шумов и диссонансов? В последнем случае она заблокирует себя от общения с дальними мирами. Дабы

не произошло этой ментальной трагедии, Земля должна сделать прозрачной свою ауру. А к этому путь один — высветление нашего строя мысли. Сознание красоты поможет этому. Мыслить красиво — значит, служить Космосу. Красота мысли, культура мысли! Сколь эстетически привлекательные цели поставили Рерихи перед ноосферой. Идя на эти ясные маяки, повторим прекрасный призыв: «Так будем давать преимущество всему, что возвышает культуру мысли».

Рерихов можно назвать основоположниками ментальной экологии. Чистота духовного пространства не менее важна, чем сохранность природного равновесия. Ментальное окружение — часть нашей среды. Но почему мы не берем его под свою защиту? Ложь, вражда, корысть! Пусть не высказанные вслух, они все равно вредоносны. Потому было сказано откровенно и строго: «Думайте о мысли, как о реальном факторе жизни. Отсюда проистекает суровый контроль над потоком мысли». У Рерихов этот поток был кристально прозрачным! — они дали высокий пример созидательного мышления.

Елена Ивановна писала: «Отчего мы измеряем давление атмосферы, но не пользуемся данными, слагающими настроение людей? Жизнь строится этими настроениями». В этих словах дана целая программа для науки будущего. Ментальная ноосфера — объективная реальность. А ведь этот уровень бытия почти не изучен! В ментальной ноосфере падает и поднимается давление; у нее есть свои ритмы; она развивается во времени и пространстве. Разве это не предмет исследования для многих академий? Придет время, когда околоземное ментальное пространство освободится от последней темной мысли, — во имя этого духов-

ного очищения человечества трудилась чета Рерихов,

В ментальной экологии среда человека понимается космически, Правомерен упрек Рерихов: «До сих пор люди не могут осознать свое положение в гигантской лаборатории». Эта лаборатория — сама Беспредельность. Состояние ментальной атмосферы Рерихи ставили в зависимость не только от земных явлений, но и от космических событий. Они интересовались воздействием излучений космоса на нервную систему человека. В этом же аспекте Рерихи изучали отложения космической пыли на гималайских высотах. Ими отмечена связь телепатических явлений с солнечной активностью, — это оригинальное дополнение к гелиобиологическим исследованиям А. Л. Чижевского.

Все это делалось с одной целью: подготовить человека к ментальному выходу в Космос. Рерихи рано уловили потребность ноосферы в космическом диалоге. Ощущение своего одиночества во Вселенной начинает все больше тяготить землян. Конечно, это одиночество мнимое. Но субъективно оно очень мучительно для ноосфер, еще не готовых к космическому контакту, хотя и мечтающих о нем. Во второй половине XX века — особенно в семидесятые годы — эта потребность четко означилась. Но еще в конце двадцатых годов Рерихи писали от имени землян: «Тяжко нашему сознанию пребывать без освещения дальними мирами». Над Кулу эти далекие светлы сияли отчетливо! Рерихи знали, — когда-нибудь во всеуслышанье прозвучит звездный голос: «Мы, Братья человечества, утверждаем, что космический магнит объединяет все энергии».

Проблема контакта была для Рерихов неотрыв-

на от явления тонких энергий. Однако овладение ими немыслимо без этического преображения человечества! Так именно в этике сходятся два устремления: общение с космосом и освоение психоэнергетики. Обойти этику здесь невозможно,— до тех пор, пока человечество не поймет этого, оно не сможет поднять свой эволюционный уровень. Вот почему этические категории приобрели у Рерихов такое жизненное значение. Они нашли новое доказательство того, что прогресс человека немыслим без этики. В принципе и наука, и искусство могут быть автономными от этических критериев. Более того,— подобная автономия иногда даже культивировалась: и это вело к безобразиям аморализма. Падение нравственного сознания можно отметить равно и в искусстве, и в науке. Но тут есть определенная мера. Чем выше берет мысль, тем глубже ее связь с этикой. Закон этой корреляции открыт Рерихами,— и никто не сможет обойти его или исказить. Эволюция потворствует силам добра!

Развитие тонких энергий делает возможным телепатическое общение. Люди должны быть нравственно готовы к этому,— ведь их внутренний мир станет прозрачным для других. Нельзя будет утаить злую мысль или дурное намерение! Такая ментальная прозрачность вовсе не лишает человека свободы воли. Он остается независимым индивидом, имеющим право на тайну и умолчание. Но это касается лишь светлых творческих тайн. Интимный мир человека будет еще надежней защищен от внешнего вторжения. Однако душа человека станет открытой для других. Поэтому всякая попытка лжи станет невозможной. Это обретение духовной прозрачности закрепится в генах.

Победа над ложью! Она будет одним из самых светлых торжеств ноосферы. Искренность навечно обретет права непреложной этической нормы. Биологическая невозможность лжи будет обусловлена прежде всего отсутствием социальной необходимости в ней. Наступит эра правдивости.

Сколько зол причинила человеку ложь! Подлинная суть и внешняя маска: такое раздвоение требовало от человека большой напряженности; его «я» осциллировало между мнимым и сущностным,— это отнимало силы и вело к опустошению. Ноосфера Земли обрела странную двухслойность: внутренняя мысль резко не совпадала с произнесенным словом. Это вносило хаос в циркуляцию ментальных токов. Росло число нервных заболеваний, падал интерес к жизни и творчеству.

Но светлые силы помогли одолеть этот недуг ноосферы!

Духовное оздоровление человечества началось в России,— там люди сумели обрести истинные нравственные ориентиры. Искренность русского сердца повлияла на всю эволюцию мира. Глядя из будущего, свидетельствую об этом.

Рерихи постоянно подчеркивали связь парапсихологических проблем с этическими постулатами. В связи с явлениями телепатии они писали об искренности: «Попробуйте качество искренности при сообщениях дальних расстояний и затем наблюдайте разницу при внесении личного начала, нетерпения или раздражения, не говоря уже о преднамеренности». И знания Ории, и опыт Индии могут подтвердить сказанное: к телепатическому общению способны лишь этически продвинутые люди, — ложь для них просто немыслима.

Эволюционно изменится не только этика человека, но и структура его социальных коммуника-

ций,— возникает семантически богатый ментальный язык. Это очень важный момент: если сейчас телепатическое общение зачастую бывает неясным и размытым, то в будущем оно станет предельно четким и дифференцированным. Наука еще почти ничего не знает о природе внутренней речи,— а именно ей суждено стать основой для будущего ментального кода. Внутренняя речь похожа на некий континуальный поток,— в нем почти отсутствует членение на слова, а синтаксис едва просматривается. Тем не менее внутренняя речь гораздо богаче словесного общения! Все муки слова связаны с невозможностью адекватно передать глубинные смыслы.

У внутренней речи есть еще одна особенность: она имеет как бы вневременной характер,— иногда в мгновение ока перед писателем проносятся целые разговорные сцены. Остается только записать диалоги героев. И тут начинается перекодировка: внутренняя речь разворачивается во временной ряд словесного языка. Какой писатель не сетовал при этом на неполноту передачи?

Овладение тонкой энергией приведет к развитию невербальных форм общения. Вот что говорит об этом мудрость Гималаев: «Можно в сознании объединиться, не прибегая к словам, мгновенно переносить сознание свое в сознание человека. Такое слияние будет выше слов, ибо оно питает чувствознание. Конечно, такого состояния нелегко достичь, но при расширении сознания оно само приходит, если не мешать ему по незнанию. Такое сознание покрывает все виды общения». Удивительная перспектива! Конечно, возможность бессловесных контактов не отменит великой культуры Слова. Но произойдет интересное смещение, которое сегодня кажется парадоксальным: литература

будет считаться пластическим искусством.

О, дивная пластика слова! — люди будущего не перестанут наслаждаться ею. Слово тогда будет казаться столь же весомым материалом, каким является для современного скульптора глина или камень. Ведь в ноосфере все утончается! Словесная субстанция как бы утяжелится,— хотя сейчас она представляется нам самой легкой и воздушной. Место литературы займут совершенно новые виды искусства, использующие для выражения идей и чувств ментальный код.

Вы можете представить себе ментальную поэзию? Сколь богатые чувства станет она передавать! И при этом поэт не будет мучиться тем, что слова слишком приблизительны для воплощения несказуемого. Нереченное — нереченному. На ментальном языке поэт сможет выразить самое неуловимое.

А не возникнет ли ментальная музыка? Быть может, она уже сейчас наполняет космическое пространство. О, симфонии высших цивилизаций! Через бесчисленные ретрансляторы они передаются от галактики к галактике. Услышим ли мы эти звездные концерты? Да, услышим. Ведь эта ментальная музыка уже доносилась до слуха самых просветленных землян: Пифагор, очарованный и потрясенный, назвал ее «гармонией сфер».

Ментальный код станет революцией не только для искусства,— качественно преобразится и структура научного мышления. В свете интуитивных озарений поблекнет скудная схематика аналитизма! Чувствознание позволит проникать в глубь предмета, не внося в него губительных разрушений. Ментальное сотрудничество ученых позволит им одновременно сосредотачиваться на величайших загадках бытия. И тогда заговорит великий Сфинкс,

и тогда спадет покрывало Изида! Воистину, это будет интегральный мозг. Наивны попытки создать нечто подобное на кибернетической основе. Люди — незаменимы. Когда они соединятся, то истина откроется им. О, синтез ментальных усилий! В симбиозе умоз — будущее науки.

До сих пор многие ученые боятся выйти за рамки формальной логики. Их страшат парадоксы, они боятся чудес. Ведь это все выламывается из логического канона! Но мудрость Гималаев расширит сознание ученых: «Есть две логики. Логика внешнего мышления, которую пытаются утвердить школьными учебниками. Другая — логика ментального синтеза, которая черпает искры заключений из пространственного мышления. Эти заключения кажутся человеку счастливой случайностью, хотя бы эта случайность уже зрела в пространстве целое столетие».

Не связана ли с ментальной логикой психология научных открытий? Этот вопрос выводит нас в новую область предвосхищений. Если ментальное поле космоса едино, то в нем должна циркулировать самая разнообразная информация. Тезаурус этого поля — его смысловая сокровищница — пополняется разными мирами. Среди них есть и такие, которые опередили Землю, В минуту интуитивного озарения ученый будет черпать из опыта этих миров, — и не мертвым заимствованием это станет, а подлинным сотрудничеством. Ведь ученый лишь тогда получит отклик, когда самостоятельно придет к идее. Он может дать ей новый поворот и развитие. Наконец, он в состоянии пополнить тезаурус Космоса! — сотворение новизны неизбежно. Учение так говорит об этом космическом сотворчестве человека: «Приумножив своими действиями силы космоса,

украсив своими мыслями пространственную мысль, не есть ли он созидатель?»

Включенность в ментальные токи Вселенной преобразит работу ученого. Библиотеки станут музеями — их функции будут выполнять эйдотеки: хранители пространственной информации. Собственно, вся Вселенная является одной огромной эйдотекой! — однако человечество создаст специальные службы для пользования этими накоплениями. Они будут принадлежать каждому, — и не в переносном, а в самом прямом смысле. Ведь ментальное поле является как бы над-сознанием каждого человека. Оно будет играть роль, в чем-то аналогичную функции подсознания. Значение подсознания для творчества хорошо показано психологами. Внезапные решения, интуитивные прорывы, — все это связано с подсознательной работой. Минуты последовательные расчеты — как бы оставляя пробелы в логической канве, — ученый сразу приходит к искомому результату. Сколь же плодотворной будет работа высшего надсознательного уровня! Мудрость Гималаев говорит об этом: «Конечно, с точки зрения логики внешней всегда найдутся пробелы в процессе ментальной логики. Как кольца спирали являют наблюдателю один поворот, скрывая внутреннее кольцо, так ментальная логика идет по границе ближайшего оборота и внутренняя грань остается погруженной в струи пространственного коллектива».

Значительны слова о пространственном коллективе! Сколько умов он объединяет? Им несть числа. Ведь ментальная кооперация — это слово было любимо Рерихами и понималось с философской глубиной — соединит мириады миров. Сплоченность людей станет мощной как никогда. И это преобразит социальную структуру космоса! — з

общинном сотрудничестве цивилизаций утвердится живая этика.

Вот ее постулаты:

- 1) «Мыслящая энергия соединит все слои сущего».
- 2) «Распространение мысли накладывает ответственность на мыслителя».
- 3) «Можно посредством психической энергии передавать часть своего запаса другим».

Единство — ответственность — альтруизм! На этих принципах будет построен великий космический Социум.

Пастернак писал:

Мирами правит жалость.
Любовью внушена
Вселенной небывалость
И жизни новизна.

В даре сострадания и любви утвердил себя человек. Он одолеет распрю, он победит рознь. К страдающему миру обратится вся сила ментального сочувствия цивилизаций. И не будет больше в космосе трагических жертв! Вселенская взаимопомощь не даст погибнуть заблудшей ноосфере. Могучие ментальные силы будут брошены для ее спасения: духовное донорство станет межпланетарным принципом.

Важно поддерживать в человеке его способность к состраданию, — ведь именно с этим качеством связаны пути космической эволюции. Самость и эгоизм блокируют человека от ментального поля. Лишь через надличностное создается гармоническая личность! Это кажется парадоксом, но это — сущая истина.

Спроси себя нелицеприятно: можешь ли ассимилировать боль другого? Можешь ли переложить на свои плечи чужой крест? Если нет, то не думай о космосе: он будет скрыт от тебя за семью

печатами. Но расширь сознание, объяв им все космическое человечество! — и в этом одолении самости укрепишь ядро своей личности.

Много боли на нашей планете. Много трагически надломленных судеб. Велико было сострадание Рерихов всем страждущим землянам. Они говорили о космической психотерапии как о реальном средстве для излечения планеты. Однако сами земляне должны способствовать этому. Тут есть только один путь: постоянное утончение культуры сочувствия. И самая малая боль будет помехой в космическом общении! Значит, надо одолеть эту боль, вылечить свой дух. Жертвенность будет для этого наилучшим средством. Приняв страдания других на себя, мы как бы заземляем отрицательные токи. И аура планеты становится более прозрачной! Рерихи с надеждой думали о даре сострадания, — они видели в нем великую эволюционную силу. Радостно отмечались ими удачные попытки «переносить на себя чужую боль, когда это касалось области нервов. Так же точно можно принимать на себя следствия чужой кармы». Космическая этика строится на бессмертных началах взаимности. Вот вы почувствовали в себе душевную потерянность. Так призовите энергию ментального сочувствия! А если ощутите явственно: кто-то мучится больше — рядом ли с вами или в другом мире, — то пусть эта боль перегорит в вас. Станьте безымянным донором духа!

В космическом сотрудничестве участвуют лишь счастливые люди. Встретив несчастный мир, они стараются помочь ему. Волны ментальной помощи пронизывают Беспредельность! И делается это ради единого счастья Вселенной.

Эвдемонизм — одна из основ космической

этики. Разнообразны формы счастья. Но все они связаны с расширением границ своего «я»: человек находит себя или в служении другим, или обретает радость в слиянии с природой.

О, счастье этого слияния! Звезды, птицы, травы — это все ты, И все люди — это тоже ты. И все блаженство мира, вся музыка бытия!

В мгновении ты самоотождествляешься со всем космосом,— и тогда-то открывается тебе самое сокровенное. Иллюзорно ли это растворение во всем? Нет, оно есть высшая ментальная реальность.

Скоро будет показано: ментальные волны могут иметь разную длину. Чем больше длина волны, тем дальше уходит она в космос. При порыве вдохновения происходит резкое увеличение этой длины. Душа мгновенно проносится по всем частотам ментального спектра, пока целокупно не охватит весь его беспредельный ряд. Сколько раз поэты описывали этот квантовый переход к все-сознанию! Но лучше всего о нем сказал Ф. И. Тютчев:

Все во мне, и я во всем!

При высочайшем подъеме чувств длина волны совпадает с радиусом беспредельной Вселенной. Это — счастье! Ибо чувство слиянности со всем универсумом переживается как величайшая благодать.

Вдохновенный художник достигает именно этой всеполноты,— промежуточные состояния как бы проскакиваются им. Вот почему вдохновение стало каналом связи с предельно удаленными цивилизациями! В начале дневника я говорил о коммуникационном парадоксе: чем дальше от нас находится мир, тем легче установить с ним ментальный контакт. Причина этому — природа вдохно-

вения. Художник сразу выходит на дальнюю связь! — его импульсы легко пересекают космологический горизонт событий.

Лев Толстой писал о коммуникационной природе искусства. Он — прав. И эта правота имеет силу космического обобщения! Искусство оказалось лучшим связным между дальними мирами. Великие гении могут создавать ментальную волну с бесконечной длиной. Эта волна закодирована в лучших шедеврах человечества: и в fugaх Баха, и в скульптурах Родена, и в картинах Врубеля. У скольких землян космическое сознание пробуждено «Поэмой экстаза» Скрябина? Рерихи любили эту музыку. Она несет в себе ментальные волны Беспредельности.

Скоро ли человечество начнет сознательно черпать из чаши космических накоплений? Рерихи мечтали об этом. Свои представления об организованности Космоса они связывали с его насыщенностью ментальными волнами. Есть только один приемник для них: Сердце. Вот почему Рерихи протестовали против бессердечности механической цивилизации. В Кулу была записана дивная книга «Сердце». Она открывает путь к богатствам космической мысли.

В мире действует великий диалектический принцип всеобщей связи. Наша Земля не изолирована от космоса навсегда — скорее можно говорить о ее временной отчужденности. Несмотря на загрязненность планетарной ауры, до землян все же доходят зовы дальнего космоса. Да и не всегда эта аура была столь непроницаемой.

Через сны и предчувствия приходит к нам информация о дальних мирах. Не был ли Чюрленис реалистом в самом точном смысле этого слова? — только натурой для него стали образы

неведомых ноосфер. Кажущееся игрой фантазии может обернуться точным документом! — Рерихи верили: воображение художника имеет опору в ментальной информации космоса.

В обиходе у Рерихов было поэтическое понятие: «пространственные мысли». Не нужно его понимать буквально: речь идет о тончайших материальных волнах, переносящих информацию. Где рождаются эти волны? Во всех неисчислимых ноосферах космоса.

Мы говорим о взаимовлияниях земных культур. Но Рерихи смело ставят вопрос о возможности тонких межпланетных влияний. Было сказано в Кулу: «Сколько посылок несется в пространстве! Некоторые из них не составят ли основание новых планет?»

Каждый мир самобытен. И степень его индивидуальности ничуть не снижается тем, что на этот мир могут быть оказаны тонкие ментальные воздействия. Причем они вовсе не обязательно должны носить направленный характер! Ведь иногда случайно воспринятая мысль преобразует всю нашу жизнь. Такое возможно и для целых миров,—о том говорит гималайская мудрость: «одна пространственная мысль может дать планете ценную науку».

Повторяю: бессознательное заимствование из космоса не лишает мир его творческой самобытности. Это легко понять через аналогию. Разве не влияла на Пушкина Эллада и Франция? Я уже не говорю о прямых учителях: Державине или Карамзине. Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи показал всемирность пушкинской восприимчивости. Но разве мир Пушкина от этого стал менее индивидуальным?

Придет час,— и на Земле возникнет косми-

ческое икуствоведение. Вот этот образ египетской мифологии: он был транслирован из созвездия Овна. Вот эта нота в музыке Шенберга: она уловлена из глубин Волопаса. Вот эта пропорция Корбюзье: ее открыли на планетах Спики.

Надземное вплетается в земное! Рождается удивительный контрапункт,— в нем-то и сосредоточена подлинная красота. Кто знает, не встретим ли мы на мирах Альбирео отзвуков земного искусства? Прислушайтесь: это похоже на вариацию шопеновской темы. Присмотритесь: это напоминает волшебный рисунок Пикассо. Радостно отметить такие сходства. И радостно оценить небывалость искусства, взошедшего под светом двойной звезды Альбирео.

Есть такое понятие в филологии: мигрирующие сюжеты. Они проходят через фольклор разных народов. Быть может, подобная миграция происходит и в ментальном пространстве космоса? Тогда не исключено, что на нашей планете бытуют сказания, рожденные в ином мире. О, космический фольклор! Да насладимся в полной мере его волшебными богатствами.

А нет ли следов космических влияний в философских системах Земли? Иногда мыслитель создает странное учение, не имеющее аналогий в земном опыте. Он как бы порождает особый мир с присущими только ему законами. Назовем ли это фантазией и утопией? Или допустим такую возможность: здесь моделируется инопланетная реальность,— мыслитель узнал о ней через ментальное пространство. Он мог и не сознавать этого,— но из смутного толчка кристаллизовался целостный мир.

Богатые возможности открывает ментальное соавторство. Моим сотрудником может быть чело-

век из другой Вселенной,— для нашей соинтуиции откроются новые уровни бытия. Гармония совместных усилий! В ней мы обретем истинную радость и моральное удовлетворение. «Таков закон сотрудничества мыслей и пространства»,— резюмируют Рерихи, О доверенных строителях Космоса они сказали так: «Искры пространственного сознания ведут с ними беседу, безмолвно зажигая мысли и отвечая на вопросы».

Да расширится круг этой беседы! — пусть поначалу его границы совпадут со всей земной Ойкуменой, а потом, соизмеримо с расширением человеческого сознания, обнимут всю Беспредельность.

Близится час космического диалога. Земля, с тобой уже говорит Ория! — услышь и поверь. Поверь всем сердцем. Прими всей душой участие другого мира.

Из Кулу ушла во Вселенную прекрасная мысль. Сколько миров радостно воспримут ее?

Мысль несет гармонию, ибо она безэнтропийна.

Мысль зажигает созвездия. Мысль высветляет сердца.

Красота — в созидательном мышлении.

Мысль Рерихов с нами.

БЕССМЕРТИЕ

Эпиграф к роману

Сердце...

В его биении — наше бытие. Но много ли мы знаем о сердце? Наука исследовала его лишь физиологически. Тогда как наш несказуемый опыт свидетельствует о духовном значении сердца. Защемит оно — жди беду. Затрепещет если — встречай радость. Пространство и время прозрачны для сердца.

Связано ли оно с тончайшими полями — быть может, электромагнитными,— которые заполняют все сущее? Такая догадка высказывалась неоднократно. Она бы объяснила многое: и феномен интуитивных предвосхищений, и бессловесную связь на расстоянии.

Это именно догадка,— даже не гипотеза. Вот почему поэтическими метафорами кажутся нам такие выражения: «сердце знает», «сердце помнит», «сердце предчувствует». А что, если и впрямь сердце связует нас с неизвестными уровнями бытия? Не суть важно, как мы назовем эти уровни: биополе, или сверхс знание, или просто Тайна. Опыт сердца свидетельствует: есть в мире нечто, ускользающее от наших определений и формул.

Любовь усиливает чуткость сердца. Как высветляется ею орган тончайших познаний! Чувствительность любящего сердца становится беспредельной. Оно откликается на неуловимые колебания. Потому и сказано: сердцем познается тайное.

Сердцем слушал Пифагор музыку сфер,

Сердцем врач и философ А. Швейцер определял болезнь пациента.

Сердцем творил Николай Рерих, утверждая начала гармонии и взаимности.

Сердца великих людей полны любовью. Это любовь и к ближнему, и к дальнему. Она — универсальна, ибо ею охвачено все: и малый цветок — и сверкающий космос; и зябнувший зайчонок — и страждущее человечество.

Союз Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов являет пример такой любви. Наполнив светом семейный круг, она вышла далеко за его черту. Воистину, эта любовь преображала мир. Космос Рерихов — особый космос. Входя в него, мы замираем: какая красота, какая торжественность. Тут нет ничего суетного, — все насыщено высокими светами. И столько новизны вокруг! — будто мы оказались на другой планете.

Но это наша Земля. Только воспринятая расширенным сознанием. Мы видим ее как клеточку огромного космического организма. Это не умаляет Землю: ведь преимущество — не в обособленности, а в многообразии связей. Серебряные нити тянутся от дальних миров к нашей Земле! Рерихи могли перебирать эти нити как струны. Звучания их сплетались в картины и книги.

Для Елены Ивановны были вняты голоса странства. Она знала: в мире нет пустоты. И межзвездный вакуум насыщен сложнейшей информацией! Это — память ушедших миров, это — переговоры дальних цивилизаций, это — излучения молодых биосфер.

Сущее не умирает, а превращается. Елене Ивановне открылся инвариант всех превращений: м ы с л е о б р а з . Давно погибла цивилизация Крита, — но ее мыслеобразы сохранились в искус-

стве. Сколько трав возшло над могилой Пушкина? — но мыслеобразы поэта живы для нас.

Они запечатлеваются не только в стихах, картинах, амфорах. В беспредельной Вселенной есть и другие способы для их сохранения. Быть может, прекрасные мыслеобразы, родившиеся в сознании инопланетянина, стали магнитными волнами. Для него это такой же естественный способ кодирования, как для нас передача мыслеобраза с помощью слов. Но это предположение мы строим на основе аналогии, — ведь явление магнетизма хорошо известно нашей науке. А сколько в Космосе воистину небывалого!

Елена Ивановна постигла эту Беспредельность. Она чувствовала: волны космической информации катятся над всей Землей! — над Ладогой, над Средиземноморьем, над Гималаями. Они проходят сквозь нас, — такие прозрачные и неощутимые. Есть ли антенна для их приема? Есть: сердце. Елена Ивановна сыграла особую роль в творчестве Николая Константиновича. Художник как бы подключался к ее сердцу, — ведь в любви обретается единство душ. В этой духовной связи возникло чудо рериховской соинтуиции. Благодаря ей и воссиял своими огнями Космос Рерихов. У Андрея Вознесенского есть строки;

Не созерцанье — со-сердцанье.

Это — о познании сердцем. Взаимность усиливает его проникающую способность. Сердца Рерихов как бы стали одним органом, — в этом созвучании они обрели новый ритм. Это был ритм Космоса! — гармония человека и Вселенной углубилась как никогда.

С Еленой Ивановной связаны многие картины

Николая Константиновича. Чуткая к веянию вечных мыслеобразов, она помогала проявляться им на полотнах. Не об этой ли роли Елены Ивановны повествует дивный холст «Огненные мысли»? Вокруг человека реют незримые волны,— художник дерзнул изобразить их. И сделал это мастерски! Мысли-стрелы, мысли-птицы, мысли-лучи. Какой народ не использовал в своей поэзии этих метафор? Рерих перевел их на живописный язык. Это картина-сказка, картина-мечта. Но она же может оказаться научным пророчеством. Ведь логически вполне правомерны две взаимосвязанные гипотезы:

- 1) мысль может использовать для самокодирования неизвестные нам материальные носители;
- 2) с их помощью она способна передаваться на сколь угодно большие расстояния.

Искусство опережает и предваряет науку. Творческая соинтуиция Рерихов устремлялась в далекое будущее. Сколько новых проблем они поставили перед наукой! Вот и полотно «Огненные мысли» можно оценить как картину-гипотезу.

Очень созвучны с этой картиной строки Алексея Константиновича Толстого:

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний У. слова и света.

А. К. Толстой убежден: великие мастера могут черпать сюжеты и образы из океана космической информации. Смелая убежденность! Рерихи вполне разделяли ее.

Откуда приходят огненные мысли? Рождаются ли они только на нашей планете? Или их излучают цивилизации соседних звезд?

Быть может, они возникли в другой Вселенной. Или даже в ином пространстве-времени.

Искусство вправе верить: мыслеобразы вездесущи и бессмертны, если они несут с собою весть о красоте.

Открытие Элл-Баха непреложно показывало: галактики сближаются с нарастающими скоростями! Можно ли иначе истолковать смещение в их спектрах к фиолетовому концу? Все попытки других интерпретаций потерпели полную неудачу.

Значит, теоретическое предсказание Нам-Дирфа оказалось верным: происходит трагический процесс — сужение Вселенной. И разве это трагедия только для мыслящих существ? Ведь в черную дыру рухнет весь космос! Туда провалится все без остатка; и спирали галактик; и планетные системы; и бесчисленные биосферы. Но перед этим материя Вселенной — такая бесконечно разнообразная и дифференцированная — слипнется в однородный ком. И этот сгусток сожмется в сингулярную точку! Это что-то жуткое, иррациональное,— сингулярность страшит своей неизъяснимостью еще больше, чем Ничто древних философов.

Неужели ничего не останется? Неужели исчезнут все формы? И никто не напишет элегии на смерть этого прекрасного мира.

Распадутся кристаллические связи во всех алмазах и изумрудах.

Испарятся эти зеленые травы, пестрящие золотыми первоцветами.

Улетят в Никуда мои любимые пролетные стаи,— такие высокие и такие устремленные,

А достижения нашего духа? Все накопленные знания вдруг станут ужасно бессмысленными.

Некому будет передать их, ибо сколлапсирует вся Вселенная. Это так странно: знания, которые некому передать. Встречались ли мы с более трагическим парадоксом?

Если занять расширенную (но бездоказательную!) позицию, то можно утешиться: знания — восстановимы. Ведь существуют другие вселенные, — и там откроют те же самые законы. Но есть ли они, другие вселенные? Предположим, что есть. Однако их физика может отличаться от нашей. Тогда и на знаниях моего мира лежит печать уникальности: это знание — невосстановимо! Хорошо, если я не прав.

Но несомненно: искусству присуща абсолютная уникальность. Можно вывести одну и ту же формулу, — но нельзя написать одинаковую музыку.

Сколько красоты сотворили наши художники! И вот я вижу, как падают в бездну их шедевры: храмы, романы, симфонии. Нельзя остановить движение к этой релятивистской пропасти. Оно для Вселенной — закон ее ритма. А для нас — небытие.

Неужели сотрется вся память?

Неужели никто и никогда не вспомнит о нас? Нет, нет, нет!

Не верю я в эту бесследность!

Какой-то внутренний голос говорит: сущностное — останется. Неизбежный коллапс — лишь метаморфоза материи. Но в цепи превращений имеется инвариант, сохраняющийся при любых условиях. Древние философы называли его мыслеобразом. Ученые говорили: это лишь поэтическая условность. До слез обидно, если это так! Но внутренний голос тверд: мир отнюдь не беспмятен, — лучшее запечатлевается навсегда.

Я теперь понял задачу, вставшую перед Культурой. Мы должны дать весть другим временам

и пространствам! Бессильные перед коллапсом физически, мы победим его духовно!

Еще есть время. Надо найти средства для переброски информации через черную дыру! Этот космологический омут затянет в себя все, — но наши закодированные мыслеобразы минуют его. Сделаем свою мысль бессмертной. Кого не вдохновит в горькую эпоху эта святая цель? Теперь лишь в ней сосредоточен нравственный смысл нашего существования.

Пусть древние ошибались, считая мыслеобразы извечными. Теперь не время спорить с ними. Одно несомненно: жизнь ставит нас перед великой проблемой. Сформулируем ее постановочно, в виде вопросов:

Как научиться создавать устойчивые мыслеобразы?

Как закодировать их в такой семиотической системе, которая способна пережить коллапс?

Могут ли мыслеобразы стать практически вечными?

Кто и когда воспримет их?

Все вопросы волнуют. Но последний — особенно.

Пусть через триллионы лет. Пусть даже через вечность. Пусть в другом пространстве, — на мирах с иной физикой и топологией. Но нас должны услышать.

Должны услышать!

Соединимся в решении этой задачи. И духовная культура, и естественные науки внесут здесь свою лепту.

Расстояния между галактиками сокращаются, — это будет содействовать контакту между ними. Сблизит нас трагедия. Пусть лишь в канун конца начнется общение! Но тем ярче возгорится наш

дух. Интеллектуальные усилия всего Космоса сольются в поиске единственной возможности оставить память о себе.

Оценим величие этой задачи. И ее высокую красоту!

Спасибо, мир, за все гармонии.

Спасибо за великолепие созданных тобою форм.

Спасибо за эволюцию, приведшую к духу.

Прекрасное — бессмертно.

Сознание красоты спасет наш дивный мир от забвения.

Да будет так!

На широте Кулу созвездие Ориона поднимается почти к зениту. Закинешь голову в январскую полночь — и непременно увидишь Трех Магов. Это легендарные звезды Ориона: Альнитак, Альнилам и Минтака. Они выстроились удивительно ровной цепочкой — будто кто-то зажег три маяка на равном расстоянии.

Любуясь на гармоничную триаду звезд, Бальмонт написал однажды такие строки, — в поле зрения поэта попадает еще и Сириус:

Дальний Сириус дрожью объят, колыбелится, тянется свет.
Это — сказ, это — звук, это — сон, перекатная зыбь перезвона.
И как ровно горит перед ним, начертанье высоких побед,
Троезвездный размеренный звон, ослепительный сistr Ориона.

Елена Ивановна тоже любила Трех Магов. Глядя на стройную цепочку сверкающих звезд, она задумывалась об упорядоченности Космоса. Горная тишина настраивала на глубокую медитацию. Иногда явственно ощущалось: волны космической музыки наплывают из глубин созвездий!

Как записать эти ноты для всех землян? Елена Ивановна брала перо и вслушивалась в голоса неба.

— Нас должны услышать! — тихо звенели Три Мага.

— Мы расскажем о мирах ушедших и мирах будущих. Нам доверены дивные вести, мы излучаем вещие сны.

Словно некий экран вдруг вспыхивал в глубине ночного неба. Странно прекрасные образы рождались на нем. Это горы какого мира? Это цветы чьей биосферы? Эти храмы построены кем?

Отблеск дальних миров ложился на полотна Рериха. В его палитре играли спектры Вселенной.

Заряжаясь тонкой энергией, холсты светились в сумраке. За планом земным вставал в них план космический. Далеко-далеко уводила светоносная перспектива! К самой Беспредельности.

В ясном озарении обреталось убеждение: смерти — нет. Красотой побеждается смерть!

Доброе и прекрасное не умирает. Мы все как бы погружены в космическую Память. Сколько прекрасных мыслеобразов хранится в ней? Лишь малая толика их проявилась для нас. Так станем чуткими!

Что зароним в память мира? Ведь не зрелище руин, ведь не черные чувства.

Будем творить Красоту.

Будем созидать ее сердцем, — как это делали Рерихи.

Миры и люди обретают бессмертие через Красоту.

ТЕРАФИМ

Фантастический этюд

Этим картинам почти пять столетий. Подумать только! — «Лхаса» написана в тот год, когда родился свет звезды Бетельгейзе: до нее 470 световых лет. Но как сверкучи молодые краски! И не только краски: картина сильно излучает в ментальном спектре. Как будто только вчера холст был одухотворен великим мастером.

Проходя мимо полотен Николая Рериха, люди заряжаются духоподъемной силой. Такой заряд способны дать все великие шедевры, — но картины Рериха феноменальны в этом отношении. Какая огненная сила вложена в них? Воистину, она не остывает.

Мастер победил энтропию и забвенье, сотворив неиссякаемые источники света. Он расширил сознание не только своих соплемян. Вот почему к творчеству Рериха постоянно обращаются искусствоведы всей Ойкумены.

Я прибыл на Землю с планеты, вращающейся вокруг звезды Альхена. Она расположена в Близнецах, — недалеко от их границы с Орионом. Возле Альхены издревле был утвержден форпост цивилизаций, сосредоточенных в районе знаменитого орионовского Пояса.

Однажды нам показали ментальный фильм, посвященный Рериху, — очень давно он был заснят среди крутых отрогов Гималаев. Я был потрясен! Пусть картины изображали совсем другой мир, — они казались мне бесконечно понятными, близкими. Я зажегся Рерихом.

Меня не смутила огромность рерихианы, созданной учеными за многие годы. Разве можно повториться, изучая неисчерпаемый мир? Вот по-

чему я решил посвятить себя познанию рериховского Космоса. Для этого я разработал новые методы, — многие поначалу отнеслись к ним с недоверием. Но опытные данные убедили всех.

Изложу вкратце сущность моего подхода.

Искусствоведы часто пишут о том, что картины гениев излучают энергию. Во-первых, это выражение стереотипно; во-вторых, оно воспринимается как метафора. Но для меня это слова о реальном феномене! — я выдвинул гипотезу о том, что холсты Рериха действительно лучатся: только это эманация особо тонких энергий. Мне удалось подтвердить экспериментально свое предположение.

Строго говоря, эта гипотеза не является новой. Представление о терафимах возникло во многих культурах космоса. Само понятие — чисто земное: так называются предметы, насыщенные психической энергией. Далеко не все способны ее улавливать, — в силу слабости феномена он не привлекал внимания земных ученых. Правда, тут были исключения: в библиотеках Земли я разыскал очень старую книгу Н. Котика «Эманация психофизической энергии». Автор утверждает, ссылаясь на опыты: предмет — хотя бы лист бумаги — впитывает ментальные излучения. Потом эта информация может считываться чутким человеком.

Проверял ли кто-нибудь опыты Котика? Не пал ли он жертвой самовнушения? Вряд ли теперь можно ответить на эти вопросы. Но вот интересный момент: в текстах Николая Рериха уважительно говорится о смелых экспериментах Н. Котика. Уже в этих ссылках видна возможность нового подхода. Однако рериховеды-земляне упустили ее. Это понятно: психометрия не получила на Земле широкого развития.

В Космосе есть немало продвинутых цивилизаций, чьи успехи связаны с аккумуляцией психической энергии. Не только энергетика, но и информатика может строиться на этой основе.

Я видел ментальный фильм о библиотеках Орионова Пояса. Там вместо книги читатель получает плоский прозрачный кристалл. Он содержит огромное количество информации! — но записана она с помощью невидимого психокода.

Впрочем, и на Земле имелись подобные хранители информации. Вспомним о священных местах планеты. Сколько благодатных психических отложений впитали они за столетия! Потому там царит особая атмосфера. Пойдите в киевской Софии или придите к могиле Данте: вы сразу почувствуете наполненность пространства тончайшими токами. И вас охватит волна благоговения!

Люди старались вложить в некоторые предметы особую силу. Это могло получаться и бессознательно: сильные порывы чувств заряжали ментальной энергией простую иконку. А сколько светлых эмоций незримо впиталось в краски «Сикстинской мадонны»! Эти тайные накопления в предмете иногда становились настолько мощными, что пребывание возле него оказывало ощутимый психотерапевтический эффект. Не отсюда ли предания о чудесных излечениях? Они объяснимы вполне научно: светлые мысли — великие врачеватели.

Замечательный факт: умные врачи приобретали картины Рериха для своих клиник. Интуиция безошибочно подсказала им, что холсты мастера действуют лучше лекарств. Входя в поле их эманации, люди словно преображались. Воля к жизни удесатерялась в них; духовные глубины обретали прозрачность; к сердцу возвращался ясный и четкий ритм.

Психометрия и искусствоведение всегда существовали разрозненно. Вся моя заслуга заключается в том, что я задумал органически соединить их. Толчок к этому дало мышление Рериха, — ведь он заповедал нам идеи широкого синтеза.

Не забуду, как я впервые поднес психометр к «Гэсар-хану»! Прибор не выдержал напряжения, — такой силой дохнуло полотно.

О, эта электрическая насыщенность закатных облаков! Сейчас из них ударит необычная молния — Разряд Мысли: и озарится тогда вся Вселенная, и откликнутся на зов человека звездные братья,

Отправляет всадник стрелу призыва. Далеко-далеко уйдет она: за горящий земной оком; за границу солнечной системы; за космологический горизонт событий. Сонмы миров услышат звон этой стрелы. И откликнутся. И придут. И помогут.

Пусть другая стрела упадет на безжизненный мир. Вонзится в камень, долго-долго вибрируя! И от этих вибраций очнется мертвое вещество. И родится новая биосфера, — чуть похожая на земную.

Вот еще одна стрела улетаает в пространство. Гэсар-хан посылает весть небесной Шамбале! И она отражает стрелу, насытив ее ослепительным светом. Это подарок Земле: быть может, новое учение; быть может, новое открытие.

Сколько еще стрел в колчане Гэсар-хана? Им несть числа. Они летят и летят в пространство. Не опускает лука герой Шамбалы. И звенеть его тетиве многие тысячелетия. И поражать его стрелам зло во Вселенной.

Все исстачается, идя неизбежно на убыль. Но энергия великих знаковых систем неисчерпаема.

Мы не только берем от картины, но и сами подзаряжаем ее. Возникает цепь взаимных цирку-

ляций,— она работает как вечный двигатель. Ведь на знаковые миры не распространяются законы термодинамики!

Поэты издревле чувствовали это, утверждая бессмертие Мысли.

Весна 1979 года оказалась в Карелии на редкость затяжной. С тоской глядел я на озеро, покрытое скважистыми льдами. Не переехать и не переплыть! А так тянуло на тот берег, к моему заветному камню,— словно он излучал в мою сторону магнитные зовы.

Лежит этот богатырский валун на задебренных лесных скалах. По форме он подобен камню, изображенному в «Урочище» Рериха,— только значительно крупнее его. Словно он был алтарем для неведомых культур, возникших в незапамятные времена. Быть может, еще до друидов. Быть может, раньше Атлантиды.

Геологи ничего не могут сказать о происхождении этого камня. Но безотчетная интуиция подсказывает мне,— камень пришел на планету из космоса. Я не могу доказать этого. Смирюсь: пусть мою гипотезу считают плодом поэтического воображения. Но в ком-то она все же откликнется,— и чуть расширит его сознание.

Когда в полнолуние я разглядываю кратер Тихо, так ярко сверкающий на лунном диске, то мне явственно кажется: одну из гигантских борозд, идущих от этого кратера, прочертил мой камень. Припадаю к телескопу—и представляю себе: вот жерло лунного вулкана выстреливает великаном-метеоритом! Пролетев через ночную бездну, он осыпает искры над пустынной Землей.

Но камень мог прилететь из более дальних

пространств. Люблю подняться на его вершину,— тогда над кронами виден Орион. За полночь чудится мне: есть у камня какая-то связь с этим созвездием. Быть может, своей волшебной силой он зарядился в то время, когда пролетал сквозь жемчужную туманность Ориона? Да и камень ли это? И вот я думаю уже: он лишь мимикрирует под валун. А внутри него заложена аппаратура.

Ведь чувствовал я неоднократно: когда подходишь к камню, то он словно изучает тебя. И даже гипнотизирует! — вдруг ощущаешь душой некие внушения: властные, но добрые.

Что происходит в этот момент на одном из миров Ориона? Быть может, мудрый психолог вглядывается в мою ментаграмму. Нет, ее ритмы еще очень далеки от гармонии. Психолог огорченно вздыхает. Сколько раз его предшественники испытывали подобное разочарование? Трудно и долго зреет ноосфера далекой Земли.

Пусть это фантазия. Но в одном не ошибается мое сердце,— в таинственный камень заложен какой-то магнит. Быть может, валун и вправду хранит память поколений? Сколько людей удивленно замирало перед ним! Здесь рождались самые высокие мысли: о величии Космоса; о тайнах жизни и смерти; о скрытом духе природы. Возле камня переживаешь чувство возвышенного. Не оседали ли волны этих настроений в недрах валуна? Тогда он — как аккумулятор: сосредоточил, накопил в себе и молчаливую удивленность, и тихое замиранье.

Думая о веяньях, идущих от древнего камня, я вспомнил одно загадочное слово: т е р а ф и м. Гул вечности мне слышится в его звучании!

Это слово я встретил в книгах Николая Рериха. Оно — из преданий древности, оно—из опыта язычества, оно—из тайных учений.

Терафимом называют предмет — это может быть и камень, и картина, и кольцо,— хранящий впечатления личности. Это тончайшие отпечатки: скорее не вещественные, а психические следы. Елена Рерих записала в Индии о терафимах и тонкой энергии: «Эта энергия может быть накапливаема на предметах, которые вызовут напряжение воли. Успешное накопление может даже заставить предмет светиться или сообщать мысль».

Какое поэтическое представление! Пусть ученые не согласятся с ним. И что же? Поэт все равно верит: мысль может одухотворять все сущее. От этого преобразуется наше восприятие мира,— мы становимся внимательными и к скалам, и к волнам, и к деревьям: ведь они могут нести в себе нечто большее, чем представляется обыденному взору. Валун тогда уже не просто камень, а священный терафим: ментальным эхом гудят в нем забытые руны! А это тысячелетнее дерево записало в своих кольцах ритмы полночного волхвованья. Всюду — отложения памяти, везде — накопления чувства.

Философская поэзия Индии намеками говорит, что в терафимах сохраняются и пространственные мысли. Это ментальные лучи дальних миров! Быть может, кто-то на безвестной планете ищет за полночь собеседника. И не может его найти. И зов уходит в пространство. И плывет в пустоте миллионы лет.

Потом он приходит на Землю,— и растворяется в зеркале озера. Ты подходишь к заливу, испытывая волнение. Будто кто-то зовет тебя. А ты не можешь откликнуться, ибо безадресен этот зов. Странно и грустно.

В пространственную мысль может превратиться и чье-то гениальное озарение! Для этого

нужна лишь большая сила чувства. Какой предмет станет терафимом великой мысли? Да хотя бы вот эти головки соцветий сивца. Подойдешь к ним, чтобы полюбоваться. И мудростью дохнут на тебя милые синие шарики! Поймешь ли, что они вмещают сейчас в себе? Нет, не догадаешься. А головки эти полнит звонкая космическая поэма.

Мы живем в окружении памяти. Пусть это поэзия. Но без нее задохнешься! — мир вдруг лишится смысла. Не в поэзии ли истина?

Картины Рериха — сами как терафимы. Они излучают высокую энергию мысли. Не уходят ли в космос кванты этой энергии?

...Вот и сошел лед на моем озере. Я снова встретился со своим заповедным валуном. Над ним стояла светлая майская ночь. Низко висели заходящие Близнецы. А Орион уже ушел под окоем. Но я все равно ощущал сердцем его неисповедимое присутствие.

ТЕТРАЭДР
(поэма)

ТРИПТИХ ЛУЧШИХ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Е. И. Рерих

1. Матерь Мира

В лазурной бездне — нежные черты:
Откуда эта мягкость у Вселенной?
Откуда в мире столько теплоты
И столько человечности смиренной?

Мы понапрасну пробуем опять
Строенье мира выразить в модели! —
Дано лишь интуицией понять,
Что мир имеет форму колыбели.

Вот к телескопу за полночь приник:
Туманностью любуюсь голубою,
Я чувствую склоненный чей-то лик
И доброе дыханье над собою.

Еще страданья много на Земле,
Еще рыданья сдерживает лира,
Но у моей планеты на челе
Лежит ладонь твоя, о Матерь Мира.

Встревоженно над каждым наклонясь,
Спасаешь нас от горького надлома! —
И сердцу ясно через эту связь:
Мы у себя, мы в Космосе, мы дома.

* Согласно Платоновой космологии, элементы огня имеют форму тетраэдра.

Ты женственные стройные черты
Неисчислимым формам сообщила,—
И нам открылась тайна красоты:
Прекрасна нежность, а совсем не сила.

Какое обаянье бытию
Ты придаешь, смягчая все стихии!
Твой образ я в мадоннах узнаю,
В иконах пламенеющей Софии,

Невидимая, стала зримой ты;
Космическая, стала человеческой,
Являя нам начала доброты,
Гармонию взаимности сердечной.

Ко всем ты одинаково тепла,
И всем народам ты была отрадой:
Палладой в мире эллинов слыла,
А у славян ты называлась Ладой,

Заветными глубинами светя,
Подобна ночь мерцанию сапфира! —
Весь этот мир, как дивное дитя,
Тобою выпестован, Матерь Мира.

2. Тахионный мир*

Мы проникаем в тахионный мир:
Здесь Будущее правит Настоящим,
А не Минувшее,—
Как в нашем мире,
Где следствие не смеет никогда
Опережать причину.

* Тахионы — частицы, движущиеся со сверхсветовыми скоростями.

Но запреты
Уже над нами не имеют силы
За световым предельным рубежом!

И вот мы замерли у этой грани,
Где мнимыми становятся все массы
И странно обращенной связь причин.

Что за плечами? —
Наш прекрасный мир,
Где нормы, лимитации, пределы
Вселенной придают и четкий строй,
И строгую определенность.

Мера! —
Вот что мы ставим во главу угла
Освоенного нами мироздания,
Хотя стесняют нас ограниченья,
Наложенные некогда Эйнштейном,
А после Паули:

но эти вето,
Но эти непреложные табу
И обеспечивают лад Вселенной,
Очерчивая рамками законов
Свободные просторы бытия.

Но дух растет!
Но старые каноны
Мы сбрасываем

(так чехольчик свой
Опроставляет бабочка-ванесса,
На майском солнце расправляя крылья), —
Но мы хотим и Меру превзойти,
Не нарушая стройного порядка,
А расширяя свой пытливый взгляд
И восходя на новую ступень,
Где общее вдруг делается частным

И предстает как малое звено
В раздвинувшейся вширь картине мира.

Прощай же, золотая колыбель! —
Мы о твоём уюте не забудем.

Мы выросли.
Мы спрашиваем ныне:
Что впереди, за световым пределом,
Куда сейчас решительно шагнем?

Там тонкий мир — мир быстрых тахионов!
Он снился нам:
Причинность сна подобна
Обратной логике сверхскоростей,
Где следствие маячит впереди
Своей причины,
Уплотняя вечность
В одно мгновение.
Странен этот мир!

Но вспомним: интуиция созвучна
Вселенной тахионов! —
Мы теперь
Открыли тайну дальнего прогноза:
Предчувствие есть тахионный луч,
Который вырабатывает сердце
В минуту высочайших напряжений,
Налаживая с будущим немедленно
Спасительный контакт.

И вот мы смело
Ступаем за привычную межу:
Тут скорость света больше не константа!

Нам Цельность и Единство всех времен
Непросто ощутить:

Здесь Время — Тело,
Открывшееся взгляду целокупно,
Как некий сверхсинхронный многогранник,
А не цепочка разделенных фаз.

Главенствует здесь Цель, а не Причина! —
И трудно нам привыкнуть поначалу
К Гармониям,
Дотоле небывалым,
К доселе неизвестной Красоте.

...И Рерихи нам вспомнились опять:
Они провидели наш смелый выход
За световую грань,
Готовя нас
К Великому и Вечному.

Спасибо
За мудрые уроки Красоты,
Открытой для расширенного духа.

3. Беловодье

Мирозданье лучится добром, но полна Ойкумена раздоров! — и поэтому свой космодром до поры вы укрыли от взоров. Но прошла по планете молва о прибывших из космоса братьях, что на вечных правах старшинства учат лучших забыть о проклятиях. Я и сам Беловодье искал, интуицию птиц постигая. И однажды я замер у скал: это что же за сказка такая? Озаряя лазурную даль, над замшевым карельским гранитом возносился великий Грааль и светился лучистым магнитом. Изумленно кладу на ладонь этот камень, завет Ориона! — и провижу сквозь тонкий огонь небывалую новь небосклона. Как раздвинулся наш окоем, как расши-

рилось наше сознание! — мы незримое распознаем, целокупно объяв мирозданье. О, какой удивительный свет! Пусть поют золотые светила, что лежит в основаньи планет сострадания и жалости сила.

ГИМАЛАЙСКИЙ ТРИПТИХ

Н. К. Рериху

1. Слава

Красота спасет мир.
Ф. М. Достоевский

Чтим красоту.

Повсюду Знамя Мира

И вещей знак — троичный ореол!

Чтит красоту мерцающая Лира.
И Лебедь, и Корона, и Орел.

Отчаянье наш разум потрясало,
Но в каждой ноосфере неспроста
Росло и крепло светлое начало!—
Повсюду мир спасала Красота.

Повсюду в хаос, ужас и безумье
Художник как спаситель приходил,
Чтоб вновь пробилась в скрежете и шуме
Чистейшая гармония светил.

Небытие грозило нам распадом,
Но в средоточье гиблой пустоты
Дышали ритмом, разумом и ладом
Симфонии, поэмы и холсты.

Их смысл был внятн древнему шумерцу
И жителям твоим, Чигирь-звезда! —
Ведь в унисон возвышенному сердцу
Вселенная настроена всегда.

С огромным инструментом музыкальным
Вслед Пифагору космос мы сравним:

Прислушайся к звучаньям изначальным —
Играет Рерих! — свет и правда с ним.

Какая власть у красочных симфоний!
Творцу их поклонившись до земли,
Мы словно через циклы космогонии
В духовном восхождении прошли.

Мы словно поднимались по спирали,
Чьи сильные упругие витки
Сознание наше быстро расширяли
И вмиг освобождали от тоски.

Есть на планете альфы Эридана
Подобье Гималайского хребта,—
И нынче глаз не сводят там с экрана:
«Ваш дивный Рерих — мощь и лепота».

Ища единство в знаньях и поверьях,
Я с мастером весь космос обошел:
Ведь всюду принят прозорливый Рерих
Моей Земли космический посол.

2. Космическая эстетика

«Знак Шамбалы»,— я тихо повторял: плыл
эллипсоид — цветом как опал,— мерцая сквозь
прорывы облаков. Садитесь, братья! К встрече я
готов. Нисходят к нам космические сны, исполненные
странной новизны. Во сне я постигаю много лет
эстетику невиданных планет.

Архитектура жителей Весов высвечивает душу
до основ,— какая глубина у перспектив! Гляжу в нее,
дыханье затаив. Как будто в удивительной красе

Браманте там сливался с Корбюзье, преодолев разрозненность времен,— я синтезом прекрасным потрясен.

О эти сны! Во сне концертный зал я на планете Беги посещал,— там извлекали музыку из трав, гармонию их шелестам придав. Качаясь, небывалые цветы струили звук бессмертной красоты, который всею пробую опять хотя бы отдаленно передать.

А в Орионе мыслящий кристалл торжественные гимны исполнял, в них благодарно славя естество. Я вдохновенье чувствую его,— какая гениальная игра! А бабочка, меняя колера, там цветовую партию ведет, расцвечивая звон кристалльных нот.

Пусть живопись в созвездии Стрельца я все-таки не понял до конца, но странные трехмерные холсты светились там из мягкой темноты — и мне казалось: я гляжу в камин, где тысячи чарующих картин рождаются в играющем огне по замыслу, неведомому мне.

Поэзия из вечной глубины транслирует космические сны. Где древняя легенда родилась? — быть может, через сказочную связь ее навеял веший Орион, а Рерих воплотил чудесный сон,— большая мысль звучит с его холста: понятна всем и всюду красота.

3. Согласье

Мы в космос продвигаемся.
И всюду
Затепливаем наши маяки,

Подобные святым «огням победы»
В картине Рериха,
Мы одолели мрак
И хаос.

Победили мы в себе
И ненависть, и зависть, и корысть,
Поняв всю разрушительную силу
Тщеславия и самости,—
отныне

Возобладал общинный дух согласия
В людских сердцах.

И вот мы вышли в космос!
Немного мы продвинулись пока,
Но знаем:
К нам со всех сторон навстречу
Упрямо продвигаются собратья
По разуму, по духу, по борьбе.

Один отряд отправлен с Геркулеса,
Другой —
Из Орионовых глубин,
Подернутых туманностью...

А мы
Находимся как раз посередине
Меж этих двух созвездий.
Мы — как росстань
Космических путей.
И Знамя Мира
Мы поднимаем к звездам на древке!

Отправлены посланцы с Козерога,
С Большого Пса...
Сверхсветовые вести
Мы получили с Южного Креста,

С Большой Медведицы: и всюду, всюду
Космическая этика едина! —
Везде мы понимание найдем.

Час встречи близок.

Несколько парсеков

Пройти осталось.

Достаем картины.

Что взяли из музеев на Земле,

Как лучшее свидетельство любви

И творческого духа человека:

«Огни на Ганге», «Город строят», «Помни!»

Мы их покажем братьям.

В этой встрече

Наш мудрый Рерих первым скажет слово! —

И это будет слово о согласьи,

О радости труда и красоты.

ОГНЕННЫЙ ТРИПТИХ

Ю. Н. Рериху

1. Агни

«Познай себя —

познаешь мир»:

так в Дельфах

Учил оракул,

Открывая людям

Таинственную мудрость Атлантиды,

Когда-то принесенную со звезд.

Ужель самопознание и впрямь

Способно увести нас в дальний космос,

Являя духу даже антимир,

Недостигаемый для телескопов? —

Взгляд

вглубь себя

как пристальная линза,

В чьем фокусе —

Далекие планеты

И галактические острова,

За коими изначальная бездна

Наитью предстает:

О, сингулярность! —

Ныряю в твой невидимый туннель,

Оказываясь в световой Вселенной,

Где силой мысли движимы миры

И где легко сверхсветовую скорость

Достичь способны странные создания,

Похожие на бабочек огромных:

Прекрасны их стоцветные крыла!

Мы очень мало знаем о себе:

Увлечшись внешним,

мы совсем забыли,

Что в недрах духа можно обрести

Источники энергии,—

Вот сила,

Способная улучшить мирозданье

В согласьи с высшей мерой красоты.

«Гляди в себя —

и мир преобразишь»,—

Я сделаю такую перифразу

Дельфийской мудрости...

О силе взгляда

Свидетельствуют образы поэтов,

Но кто сумел измерить эту мощь?

Пора развить глубинные задатки,

Пора направить силу кундалини

Для обретенья новой высоты.

Я знаю:

будущее гармонично,—

В нем энтропия сведена к нулю,

В нем больше нет распада и распыла!

Неиссякаемый магнит Вселенной

Уводит к звездам наши корабли

И наши мысли,—

Мы в своих глубинах

Нашли живой космический огонь:

Да не погаснет Агни в поколениях!

2. Калачакра

Вселенная — большое колесо. Сквозь спицы вижу зыбкое лицо. Закончится великий оборот,— и Космос в лоно хаоса уйдет. Ослабятся все связи вещества — сознания нет, материя мертва. Мир стал Ничто. Его понять смогу ль? — мир превратился в абсолютный нуль. Свернулся космос в точечный объем! — Для этого и слов мы не найдем: ведь только воплощение естества способны точно выразить слова,— но вне определений эта Жуть! В небытие нельзя нам заглянуть.

Но снова из томительных пустот великолепный Космос восстает. Бегут по обе стороны нуля вода и пламя, воздух и земля: четыре элемента мировых рифмуются друг с другом словно стих. О утро мира! Славлю эту рань, когда живая возникла ткань,— и люди выходили из пещер для созиданья первых ноосфер. На гребне удивительной волны цветущие миры вознесены,— они достигли пика своего: о, вечный ритм! О, жизни торжество!

Галактика летит в ночную даль, закручивая мощную спираль. Быть может, в точку стянется она? — Но смерти нет! Есть ритм и новизна. Циклический свершая поворот, мир новые тональности найдет,— не повторяясь, вновь исполнит он великую симфонию времен. Сулю бессмертье сердцу и звезде! — Есть только Жизнь. А смерти нет нигде. За выдохом усталым бодрый вдох; вот ритмика космических эпох! — Мне высветилось ныне до основ прекрасное бессмертие миров.

3. Шамбала

О Шамбала!

Ты остров световой,
Где огненной спиралью винтовой
Мир связан со Вселенной параллельной.
Здесь по виткам магнитного пути
В иную область можно перейти
Для постиженья сути беспредельной.

Здесь смерти нет;

Здесь бездна не страшна,—
Здесь с космосом Земля сопряжена!
Нисходят к нам космические токи,
Неся живые образы планет,
Где воцарился первосуший свет,
Где явлены загаданные сроки.

О Шамбала,

Ты с будущностью связь!
Пространственными мыслями искрясь,
Тыловишь информацию Вселенной
И лучшим людям — тайно, через сны —
Шлешь импульс небывалой новизны
Для пробужденья мысли дерзновенной.

Я знаю:

Постигая ход времен,
Ты слушаешь далекий Орион,
Когда-то бывший нашей колыбелью! —
Из Ориона мчит моя Земля:
Ее сквозь ночь ведут Учителя,
Сверяя путь с величественной целью.

О Шамбала,

Где свет восстал над тьмой!

Отныне ты магнитный корень мой,
Влекущий властью будущих гармоний,
И что мне лёт ночных нетопырей? —
Я чувствую, что сердце всё добрей,
Что Орион к Земле всё благосклонней.

Я понимаю,

Странно озарен,
Что наша ноосфера — лишь нейрон
В огромном интеллекте мирозданья.
О братство звезд! Светлы твои лучи.
О братство звезд! И нас в себя включи,
Расширив сферы нашего сознания.

Есть Шамбала!

Она за тем хребтом,—
Закрыт горами древний космодром,
Где светится опять маяк сигнальный.
Да, дивный Космос! Хаос гиблый, нет!
Земля исполнит сущностный завет,
Одолевая жребий свой печальный.

О Шамбала!

На твой прекрасный зов
Наш мир отправил четырех послов,—
Шли Рерихи, прислушиваясь к гулу
Надземных сфер! Они несли магнит,
Который весть о будущем хранит,—
Его сиянья льются к нам из Кулу.

МАЖОРНЫЙ ТРИПТИХ

С. Н. Перуху

1. Трудимся

Мы трудимся...
Мы факелы зажгли,
Взойдя по крутям
 в глубь
 ночных созвездий,—
И кажется собратьям из долин,
Что изменился абрис Ориона:
Так высоки зажженные огни,
Так светonosны...

По крутому спуску,
Наверченному вокруг ночной горы,
Мы выложим спираль огней,—
 мы в символ
Светящуюся гору превратим:
Пусть выразит она порыв познания
И восхождение к мудрому добру.

Мы трудимся...
Оплот от энтропии —
Общинный наш союз: мы строим космос,
В святом усильи хаос оттеснив.

2. Тайный час

Есть тайный час, когда особый свет ложится на далекий силуэт,— и в этом светозарьи золотом вдруг обретают плоскости объем: трехмерен пик, похожий на кристалл! — я грани у него пересчитал.

Есть тайный час, когда глубинный план забрезжит сквозь сиреневый туман: в предутреннем проступят забытые тончайшие духовные слои,— и ауру великолепных гор легко уловит просветленный взор.

Есть тайный час, когда дано взглянуть на сокровенную живую суть,— одолевая иллюзорный плен, ядро засветится сквозь феномен: и ты, ответной ясностью лучась, почувствуешь со всей Вселенной связь.

Есть тайный час, когда на краткий миг из камня выступает вещий лик; тогда прозрачным делается мир, являя взгляду огненный эфир,— и свет первоначала своего волшебю излучает вещество.

Есть тайный час, когда в низинах тень, но древний пик наполнен светом вскленъ,— достигшие духовной высоты увидят раньше знаки красоты. О, цепь путеводительных огней! — и я ориентируюсь по ней.

3. Когда собираются йоги

Когда
Собираются йоги,
Рассеяв земные тревоги,—
Садятся они полукругом,
Рождая незримый магнит:

Его
Неизбывная сила
Мир с космосом соединила,—
Лишь только стемнеет над лугом,
Как музыка сфер зазвучит.

О, дивные
Звездные звоны!
У Сириуса обертоны
Полны несказанного смысла,
Понятного йогам вполне:

Оттуда
Пришел Чинтамани:
В его светозарные грани
Заложены вечные числа
И память о дальней стране.

От века
Начертано в плане:
На зло ополчатся земляне,—
Не ради пустого возмездья,
А ради любви к бытию.

О, камень
С магнитным зарядом!
Каким гармоническим ладом
Тебя наделили созвездья,
Послав на планету мою?

Ты можешь,
Как мудрое око,
Заглядывать очень далеко,
Предвидя прекрасные сроки
И нас направляя на путь.

Я знаю:
Ты камень-антенна! —
И чуткость твоя несравненна.
Вбирая вселенские токи,
Хочу я в тебя заглянуть.

Когда
Собираются йоги,
Ты им открываешь дороги,
Ведущие наше сознание
К далеким блескучим мирам

Земля,
Ты окажешься вскоре
В едином космическом хоре:
Да славится это дерзание,
От века присущее нам.

В поисках Шамбалы

В ПОИСКАХ ШАМБАЛЫ

Ф и л о с о ф с к о - м и с т и ч е с к и й р о м а н

Пусть каждый расскажет, как он представляет себе дальние миры. Каждый будет прав, напрягая свое воображение, ибо существует все, решительно все. Наше воображение может изобрести лишь малую частицу истины.

Гималайская мудрость

ПРОЛОГ

Забуду ли последние спектрограммы нашей Вселенной? С печалью изучала их вся Ойкумена, распростершаяся на великом пространстве. Фиолетовое смещение! Все более отчетливым становилось оно на спектрах, полученных в разных участках огромного мира. Значит, эффект не был местным или случайным: Вселенная как целое начинала сжиматься,— расстояние между галактиками сокращалось медленно, но неуклонно.

Чем завершится этот процесс? С более мучительным вопросом еще не сталкивалась научная мысль. Ведь почти наверняка сжатие Вселенной окажется губительным для цивилизаций. Или процесс чудотворенно остановится на каком-то безопасном пределе? Наивно надеяться на такой исход,— его вероятность была ничтожно малой. Поэтому мы честно и мужественно прогнозировали развитие опасной тенденции. Верно, древние мифотворцы знали о ней, когда пророчествовали: за выдохом Брахмы последует его вдох,— Вселенная снова стянется в точку.

О, безобидные с виду ленточки спектрограмм! Они несли в себе самую жуткую новость, какую только могло представить воображение. Мир — заболел. Исчерпав энергию расширения, он сникает,

как увядающий цветок. Словно вынули из него какую-то животворную пружину. Поэтому силы притяжения не встречают больше противодействия,— они неизбежно соберут все вещество мира в гигантский сверхплотный ком.

В безличный расплав вернется всё: планеты, здания, статуи. Отольется ли их вещество в новые формы? Это нам неизвестно. Ведь за сверхплотным состоянием начинается таинственная сингулярность: там прекращается действие известных законов физики,— и начинается нечто совершенно невозможное.

Туда, в черную ямину сингулярности, рухнут все звезды нашего мира! Вынырнут ли они в другом пространстве-времени? Пусть — да. Но это уже будут другие звезды. И сложатся они в узор иных созвездий,— нам все равно не увидеть этих узоров.

Не исключена и другая возможность: вещество навсегда окажется в гравитационной ловушке,— из этого плена его может вызволить лишь чудотворное вмешательство случая. Тогда начнется обратный процесс: Вселенная снова будет расширяться. Она повторит себя,— но только в общих чертах: все детали окажутся забытыми и стертыми. Поэтому воспроизведутся лишь фундаментальные структуры,— вроде периодического закона или открытой Хабблом последовательности в эволюции галактик. А формы жизни? А типы культур? Они могут оказаться совершенно другими. Ведь нам по опыту хорошо знакома такая зависимость: чем сложнее явление, тем менее воспроизводимо оно. В новой Вселенной ничто не будет напоминать о нас.

Разве может смириться разум с ужасом надвигающегося небытия?

Союз ноосфер стал искать выход из трагической ситуации.

Глава I

Вчера я простился со своим родным озером. Здесь, на его скальных берегах, ко мне впервые пришло чувство мировой гармонии. Я любил глядеть, как отражаются в ночных зеркалах восходящие Близнецы; ладом и ритмом пленяла августовская ночь, расчерченная яркими метеорами. Я наводил бинокль на озерную гладь, рассматривая странно перевернутые Плеяды. Будто эта горсточка сверкучих звезд укрупнялась в линзе воды! И я наклонялся над озером, как над небывалым телескопом: бездна мироздания переливалась подомной живыми самоцветами.

Без всякого страха заглядывал я в эту бездну. Она дышала на меня добром и покоем. Со всех сторон окружали нас дружественные миры. Я чувствовал их участие, их готовность прийти на помощь. Космос казался мне предельно устойчивым. Ощущение мирового уюта заполняло душу,— и я радостно замирал: вот она, вековая гармония сфер.

Но в это время астрономы уже получали тревожные данные. Разбегание галактик явно замедлялось,— местами оно и вовсе не фиксировалось спектрографами. Вселенная перестала быть расширяющейся! Быть может, она стабилизируется в своем нынешнем положении? Ответ на этот вопрос могли дать только длительные наблюдения, И вот первые результаты: нет, Вселенная не становится стабильной,— начинается процесс ее неуклонного сжатия.

В первые спектры с фиолетовым смещением люди всматривались так, будто перед ними был своеобразный некролог: на языке спектральных линий Вселенная оповещала о своем неизбежном

конце. Конечно, до этого финала было еще очень далеко! — последствия сжатия могли стать чувствительными для цивилизаций через миллионы, даже миллиарды лет.

Но все равно печальное открытие астрономов оказало сильнейшее воздействие на мировоззрение разумных существ, населяющих космос,— они ощутили внутреннее беспокойство, ибо оказались перед «пограничной ситуацией»: так философы называют условия, экстремальные для нашего духа. Перед лицом смерти и в замираньи над бездной — всюду, где резко сдвинуты обычные параметры существования — выявляются главные начала в человеке. И не только в отдельной личности: перед пограничной ситуацией оказывались целые народы и ноосферы. Но впервые горестное предчувствие охватило всю космическую Ойкумену! Вселенная перестала казаться такой благополучной, как раньше,— в ней исподволь начали работать механизмы, явно враждебные началам жизни и духа.

Внешне космос оставался неизменным. Но пройдет несколько сотен лет,— и галактическая туманность М51 в Гончих Псах станет видна невооруженным глазом. Галактики начнут сближаться! Через миллионы лет земное небо будет сплошь усеяно туманными спиралями, словно проступившими из небытия,— галактические острова вплотную подплывут к нашему Млечному Пути.

Потом начнется внутреннее сжатие нашей Галактики. Плеяды станут огромными! — такими, какими я увидел их в линзе озера. Будет отчетливо виден диск Сириуса,— сейчас он кажется ярчайшей точкой. Многие двойные звезды удастся наблюдать без оптики,— ведь расстояния между ними и Землей сократятся вдвое, втрое, вчетверо.

А дальше... А дальше созвездья начнут прони-

зять друг друга! Орион и Геркулес, занимавшие ранее противоположные места на небосводе, сойдутся в прямом поединке. На лук Стрельца наматывается цепь Андромеды. Схлестнутся звездные крылья Орла и Лебедя. Рыбы выбросятся на берег Эридана. А чаши Весов зазвенят от напряжения!

Это будет великое смещение созвездий. В блескучих высях все чаще станут вспыхивать новые и сверхновые, Небо раскалится добела. Вскоре одно непрерывное сияние покроет его. Но уже никто не посмотрит в эти ослепительные небеса.

Художники мастерски изобразили разные фазы сжатия Вселенной. На их полотнах мы видим и конечный момент сжатия. Неужели в сверкающем пекле должна исчезнуть жизнь? Сколь ни отдаленной была эта перспектива, но она все равно тяготила сознание.

Космос, от века считавшийся воплощением гармонии и ритма, открылся ноосферам с другой стороны: могильной пустотой зазяла в нем неисповедимая Сингулярность! Эстетическая концепция мира претерпела сложный кризис. Люди привыкли считать Вселенную прекрасной и доброй,— это мироощущение во многом определило черты их эстетики. Теперь все изменилось. Как жить и работать в мире, обреченном на гибель? Знание об этом должно неизбежно сказаться на поведении людей,— в их этику Вселенная вносила суровые коррективы.

Не все души выдержали столь сложное моральное испытание. Пессимизм пустил глубокие корни во многих ноосферах. Слабые духом старались не думать о будущем,— они исповедовали философию мгновенья: наслаждайся настоящим, не беспокоясь о завтрашнем дне. Эти настроения приобретали подчас весьма утонченную форму.

Они запечатлелись в блистательных произведениях искусства. Но все же их широкое распространение беспокоило лучшие умы космоса. Нельзя смиряться перед надвигающейся катастрофой! Попытки предотвратить ее имеют глубокий этический смысл: пусть они обречены на неудачу, но все ноосферы должны с достоинством встретить космический катаклизм. Категория трагического, возникшая в лоне эстетики древних, обрела новое содержание: безуспешность борьбы в изменившихся космических условиях лишь усиливала значение нравственных императивов.

Будучи целеполагающим существом, человек — как и сонмы его собратьев в космосе — строит свое поведение в соответствии с создаваемой им моделью будущего. Ведь цель находится в будущем! Естественно, что оно наделяется лучшими чертами: уровень его организованности и гармоничности должен превосходить достижения настоящего. До сих пор космос шел навстречу такому оптимистическому моделированию будущего. Но теперь все изменилось! Творческие устремления ноосфер вступили в резкое противоречие с грозной космологической тенденцией, и разум должен был изменить свою стратегию. Но как? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны усилия не одного поколения.

Ясно было одно: сжатие Вселенной невозможно остановить с помощью известных энергий. Для достижения этой цели разуму необходимо стать воистину космическим фактором! Уже миллиарды лет длится его эволюция. Но инженерная деятельность цивилизаций пока не выходит за рамки планетных систем. Даже энергетикой звезд мы еще не овладели в полной мере. Так сумеем ли за оставшееся время найти ключ к управле-

нию Вселенной? Неоправданный оптимизм в этой ситуации мог дезориентировать общество.

В разных концах Вселенной выдвигались проекты, авторы которых не хотели мириться с трагедией. Пусть большинство предложений носило дилетантский характер,— но среди высказанных идей некоторые таили зерна новых возможностей. Глубоко трогал этический пафос этого творчества,— ведь речь шла о спасении мира: никогда еще благородное устремление духа не встречалось со столь широкой задачей. Научившись сострадать друг другу, люди теперь думали о Вселенной как о живом существе: они сострадали этому прекрасному миру,— и любили его как никогда. Да, космос снова стал одушевленным! — как во времена древнего мудреца Платона. Люди хотели прийти на помощь миру. Чистота этого искреннего порыва высветляла сердца.

Я тоже был увлечен общим энтузиазмом. Как и многих, меня терзал горький вопрос: неужели этот светящийся космос обречен на смерть? Душа не хотела мириться с таким финалом. Я любил Мир так, как любят шедевр искусства,— в моем отношении к космосу всегда преобладал эстетический момент. И вот над вселенской красотой нависла фатальная угроза! Представление о гармонии мира было для меня почти врожденным,— поэтому отказ от него казался чем-то совершенно невыносимым. Внутренний конфликт становился все более острым. Априорные убеждения вступали в противоречие с непреложными фактами,— и я не мог найти компромисса: отказ от образа гармоничной Вселенной стал бы для меня нравственным крушением.

Космос должен остаться средоточием гармонии! И я помогу ему.

Понимаю, насколько романтичным был этот порыв души. Ведь это несопоставимые величины: маленький человек,— и огромное мирозданье! Что наша воля перед мощью космоса? И все же этот контраст никогда не смущал людей. Издревле поэты говорили о богоравенстве человека. Пусть это было гиперболой,— но теперь мы должны наполнить ее реальным содержанием. Иначе — конец.

Как и большинство моих современников, я получил две очень разные специальности: это — фольклористика и геометрия. С юных лет меня влекли волшебные метаморфозы, происходившие в сказках: для развития их действия физические запреты не имели никакого значения. Я моделировал условия, при которых фантастические феномены, описанные в сказках, могли стать реальностью. В этом занятии поэзия и наука тонко взаимодействовали друг с другом. Мою книгу о физике воображаемых миров с интересом встретили как гуманитарии, так и представители точного знания.

Сказка строится на эффекте чуда. Говоря языком физики, в сказке постоянно нарушаются законы сохранения: предметы внезапно исчезают и появляются,— словно создаются из ничего, снова пропадая в нем. В нашем трехмерном мире такие явления невозможны. Но все изменится, если принять гипотезу о дополнительных измерениях!— уже в четырехмерном пространстве сказочные чудеса станут заурядным трюизмом.

Именно интерес к необычному пространству сказки привел меня к изучению геометрии. Я восхищался гармонией нашего обычного трехмерного мира. Но иногда он казался мне странно тесным! — словно в нем не хватало степеней

свободы для движения души: всего лишь три координаты превращались в стесняющие рамки.

Наверно, сходные ощущения стали побудительным мотивом для рождения сказок. В их волшебном пространстве сняты все запреты нашего физического мира. Является ли это только игрой воображения? Вот вопрос, который я поставил перед собой. Многие на него ответят положительно. Но я выдвинул еретическое предположение; в структуре сказочного космоса могут быть предугаданы неизвестные нам уровни реальности. Где искать эти уровни? Быть может, за космологическим горизонтом событий: ведь там обращаются не только электрические заряды, но и само время! Значит, запрещенное здесь становится разрешенным там. Действие сказки происходит именно там, — за чертой обычной реальности.

Конечно, это только предположения. Но они стали для меня эвристикой в поиске выхода из того космологического тупика, в который медленно, но бесповоротно устремлялось все вещество этой необъятной Вселенной. Другой основой для моей гипотезы стали общие соображения о роли взаимопомощи во Вселенной: проследив действие этого этического принципа на разных уровнях, я получил весьма нетривиальные результаты. Изложу их в первую очередь.

В эпоху эгоистического самообособления люди привыкли полагаться только на самих себя. И не только люди, но и целые народы! Возможность помощи извне отвергалась с гордостью подростка. Такая установка на внутренние ресурсы была в чем-то полезной, — она закаляла дух, но вместе с тем и ограничивала сознание: абсолютизация своего положения вела к существенным искажениям действительности. Кроме того, внутренние

ресурсы не являются безграничными: рано или поздно человек вынужден обратиться к собрату, а народ — к соседнему народу. Необходимость таких спасительных взаимодействий предопределена самой социальной природой разума.

Изоляция губительна не только для отдельных людей и народов, но и для таких целостностей, как ноосферы, — или даже союзы ноосфер. На ранних этапах своего развития многие цивилизации склонны видеть на себе печать некоего космического избранничества. Считая себя абсолютно исключительным явлением во Вселенной, они отвергают возможность внешних информационных влияний. Как будто эти влияния ограничивают самостоятельность цивилизации! Скорее наоборот: они лишь помогают раскрыться творческим задаткам юной ноосферы, дабы она смогла внести свой неповторимый вклад в сокровищницу космоса.

Любая отдельная ноосфера является элементом более сложной системы. Не сразу молодая цивилизация приходит к этому открытию. Поначалу она настаивает на своей уникальности! — с детской ревностью воспринимаются все факты, свидетельствующие о множественности обитаемых миров. Но особенно болезненно незрелое самосознание планеты реагирует на дерзкие гипотезы, якобы подрывающие суверенность ноосферы: едва ли не анафеме предаются все соображения о возможности космических контактов в прошлом, — а мысль о том, что планета и сейчас находится под наблюдением звездных братьев, встречает подчас неистовое сопротивление.

Однако все меняется, когда у ноосферы повышается уровень сознания! Вливаясь в новую целостность, она расстается с иллюзиями. Но вместе

с тем к ней приходит педагогический такт: пестуя более молодые миры, она бережно относится к чувству их достоинства. Не суть важно, что почти всегда это чувство бывает преувеличенным!

Главное — подготовить планету-подростка к вхождению в космическое братство. И сделать это с той же тонкостью, которую сумели проявить наши учителя.

Теперь мы знаем непреложно: мир, который захочет остаться в изоляции, обречен на вырождение. Отвергать помощь извне — значит идти против законов космоса. Ибо на взаимности держится эта сверкающая Вселенная!

Почему учителя так настойчиво призывали нас расширять сознание? Прежде всего для того, чтобы научить взаимности.

Космос предстал перед нашим взором как иерархия все более сложных систем. Одно звено здесь поддерживало другое! Без этих сцеплений, иногда тайных и незаметных, мир стал бы хаосом. Вот почему принцип взаимности обретает воистину космический смысл.

В космосе нередко возникают аварийные ситуации. Лишь в редких случаях ноосферы могут справиться с ними самостоятельно. Однажды целая галактика оказалась на краю катастрофы! — и тогда были предприняты самые масштабные в истории космоса эвакуационные работы: население более пятисот ноосфер удалось перебросить на соседний галактический остров. Помощь пришла извне, — многие миры не ждали ее: они считали себя единственными во Вселенной.

Когда-то великий математик Гёдель доказал изумительную теорему: в любой замкнутой системе аксиом неизбежно возникают противоречия, — дабы разрешить их, надо расширить

аксиоматику! Этот вывод имеет значение не только для математической логики. Открытие Гёделя предвещало более широкие заключения: любая система должна как бы перерасти себя, дабы освободиться от внутренних антиномий. В аспекте идей Гёделя были по-новому осмыслены многие явления: от органического роста до расширения Вселенной! — за логико-математическими абстракциями проступили сущностные черты действительности.

Теорема Гёделя глубоко созвучна установке на расширение сознания, — без такого расширения разум навсегда попадает в сеть неразрешимых парадоксов. История космоса знает несколько ноосфер, которым так и не удалось выбраться из этой сети. О, это упрямое нежелание подняться на новый уровень! А ведь с его позиций мучительные парадоксы оборачиваются подлинной гармонией. Мы тоже прошли через искушение такого отказа: нам хотелось остаться в безвыходном лабиринте рассудочных схем, — и лишь благодаря усилиям лучших все же удалось выйти за тесные рамки. Простор ошеломил нас. А музыка дальних миров навсегда пленила душу! Кто помог расширению сознания? Этот великий и дружественный космос. Старший помогает младшему. Высоты нисходят к долинам. Учитель наставляет ученика.

Такова цепь взаимосвязей в космосе. Это бесконечная цепь! Ведь Учитель является учеником по отношению к высшему уровню. И где кончается стезя вечного ученичества? Наверно, она никогда не прервется: иерархия уровней не должна иметь предела. Пусть нам пока известны лишь немногие ее ступени. Но высшую из них мы уже не считаем последней! — выросший дух теперь свободен от младенческих заблуждений.

Мы сроднились с мыслью о беспредельности эволюции, И расширяющаяся Вселенная гармонировала с нашими взглядами. Но вот на смену гармонии неожиданно пришел резкий диссонанс. Вселенная начала сжиматься: природа неумолимо отнимала у нас пространство, — а вместе с ним возможность для дальнейшей эволюции.

Строители мировой лестницы, мы вдруг почувствовали над собой некий потолок: он опускался все ниже, не оставляя места для осуществления наших замыслов. Мы оказались зажатыми в медленно сдвигающиеся тиски! — они грозили смять иерархическое построение мысли. Что для этой обезличивающей силы ступенчатые уровни? — она хочет вернуть мир в нуль-мерное состояние точки. Ведь и впрямь: все придется начинать с нуля. Если только придется, — сингулярность может навсегда оставить мир в этом парадоксальном точечном состоянии. Разум был не в состоянии представить точечную Вселенную; порождение Бытия, он пасовал перед попыткой вообразить абсолютное Небытие.

Мир заболел непонятной иррациональной болезнью. Как ему помочь? Ведь мы находились внутри этого мира. Тогда как врач имеет возможность наблюдать своего пациента со стороны. Он подходит к постели больного. А вот звездный корабль приближается к занемогшей ноосфере! Разные масштабы, но сущность — одна: помощь приходит извне, со стороны. Но кто же поможет Миру как целому?

Для этого нашу замкнутую Вселенную нужно увидеть с внешней по отношению к ней точки зрения. И действовать надо с той стороны космологического горизонта событий! Но возможно ли это?

Вот самый глубокий вопрос, перед которым когда-либо вставала наука. Он в равной степени важен и для астронома, и для философа. Что там, за космологическим горизонтом? Хочется перешагнуть его! Но это немыслимо, — говорит физика. Немыслимо, ибо мир парадоксален: концы и начала в нем релятивистски замкнуты друг на друга.

Чем дальше от нас объект в пространстве, тем больше его космический возраст. Уходя в глубь Вселенной, мы приближаемся к ее началу, — квазары находятся уже в непосредственной близости от космологического горизонта. Продвинувшись еще дальше, мы выйдем к начальной сингулярности мира. Таким образом, наше движение в глубь космоса приводит к парадоксальному результату: мы не можем покинуть пределы нашей Вселенной, ибо для этого надо пройти сквозь сингулярность. А она абсолютно непроницаема для нашего познания!

Сингулярность — в начале, сингулярность — в конце. Трудно конкретно представить, что это одна и та же сингулярность! — Наша Вселенная как бы плотно заэкранирована сингулярностью, — сквозь эту релятивистскую оболочку не может пройти ни один бит информации. Что может быть надежнее этой брони? Невольно чувствуешь себя птенцом, которому не дано проклюнуть скорлупу. Не зря древние мифы говорят о Мировом Яйце! Нам навсегда суждено оставаться внутри него, отождествляя полость гигантской сферы со всей реальностью. Так прекрасная мифологема неожиданно приобрела новый смысл. Мы ощутили себя пленниками Мирового Яйца, — и все попытались просветить его невидимые стенки.

Быть может, это Мировое Яйцо кто-то разглядывает через овоскоп? Смелая метафора! Но эври-

стически она полезна. Ведь мы не вправе считать нашу Вселенную единственной. Взгляд на нее со стороны возможен! Правда, это чисто умозрительное допущение,— у науки нет никаких доводов в его пользу. Мысль о множественности вселенных до сих пор остается натурфилософской гипотезой. Принять или не принять ее — это скорее вопрос веры. Доказательных фактов нет как у сторонников, так и у противников этой дерзкой идеи,

Взгляд со стороны.

Как он важен для самопознания. Чтобы понять себя, мы строим своеобразные модели: так я воспринимаюсь глазами Х., так думаю обо мне Н., так мои действия оценит С. Подобное взаимотражающее моделирование — мы осуществляем его и сознательно, и бессознательно — называют рефлексивными структурами. Эти структуры очень существенны для нашего поведения. Способность перейти на точку зрения другого, дабы с этой позиции увидеть себя, воистину бесценна: она дает нам возможность корректировать поведение,— и тем самым делать его оптимальным. Социальная жизнь вряд ли была бы возможной без рефлексивных структур. О, эти бесконечные цепи взаимотражений! Лишь благодаря им мы строим свое существование на основах взаимности и сопонимания.

Чем более гибко человек оперирует рефлексивными структурами, тем богаче и универсальнее его личный опыт. Такой человек обладает даром терпимости. Он умеет синтезировать разные позиции,— ведь в каждой из них есть своя ценность. Вероятность конфликтов существенно понижается,— человек с расширенным сознанием может поставить себя на место другого: это дает воз-

можность гармонизировать разные подходы и мнения.

Увы, встречаются люди и с противоположным складом: они упрямо не желают посмотреть на себя со стороны. Это люди, склонные абсолютизировать свое мировоззрение: ко всем иным концепциям и моделям они относятся с болезненной ревностью. Крайне опасно доверять им власть,— забвение законов взаимности приводит к трагедии. Зачастую руководствуясь благими побуждениями, подобные люди активно навязывают другим свои взгляды,— и часто делают это в экстремальной форме: несогласным приходится туго. Такова природа любого диктата,— и в сфере науки, и в жизни общества. Мы уже поняли это. Поэтому при выборе лидера всегда помним о рефлексивных структурах: умение увидеть себя со стороны — глазами тех, кто оказал тебе доверие,— является здесь определяющим критерием.

Взгляд со стороны важен не только для отдельных людей,— в зеркалах рефлексии смотрят народы, даже целые человечества. Весь космос пронизан рефлексивными структурами! И это — существенная черта его организованности: единение миров поднимает Вселенную на новую ступень гармонии.

В основе полноценного диалога лежат именно рефлексивные структуры. Цивилизации хотят увидеть себя со стороны,— диалог является отличным средством для этой цели.

Рефлексивные зеркала...

Это — глаза близких людей, и книги любимых писателей, и философия дальних миров. Чем больше таких зеркал, тем лучше для мира. Вглядываясь в их глубину, мы постигаем закон взаимности. И становимся добрее друг к другу; и устрем-

ляемся к творческому синтезу; и одолеваем эгоистическую самость.

Мы сами творим зеркала рефлексии. Наши письма, наши здания, наша музыка,— это все звенья рефлексивных цепей. Так будем наращивать их во имя единой всеобъемлющей гармонии! — ведь мы не одни: кому-то всегда необходимо взглянуть нам в глаза. И найти в нас духовную поддержку.

Когда-то Земля была одинока. Но братья по разуму поставили перед ней чуткое зеркало! Земля боязливо взглянула в него,— и впервые увидела себя со стороны. За многое было неловко. Но возможность такого отражения в глазах другого мира дала нам новые стимулы. Мы впервые ощутили себя как одно целое,— и постарались освободиться от всех диссонансов: ведь включенность в космические рефлексии наложилась на нас особую ответственность. Спасибо спасительным зеркалам!

И вот теперь такое зеркало мы должны поставить перед всей Вселенной. Иного выхода нет. Дабы помочь миру, надо действовать извне. Если этого не дано сделать нам самим, то нужно призвать на помощь другие вселенные! А если их нет? Все равно: такая попытка должна быть предпринята,— сколь фантастичной ни казалась бы она сейчас.

Да, нашей Вселенной необходимо одолеть свою замкнутость. Много новизны в этой масштабной задаче. Но есть тут и аналогия с уже разрешенными проблемами,— ведь состояние одиночества многократно снималось на разных уровнях: выходили из долгой изоляции отдельные ноосферы; налаживались контакты между галактическими союзами цивилизаций; вступали в диалог антропо-

морфные и не-антропоморфные человечества*. Ошибочное мнение о своей исключительности во Вселенной повторялось в разных вариантах. Напомним историю этих иллюзий.

Вначале на роль избранных претендовали отдельные планеты,— наша Земля тоже считала себя единственной колыбелью жизни. После первых контактов между соседними цивилизациями — обычно в силу единства космических условий их представители схожи между собой — статус исключительности переносится на данную галактику. Но вот устанавливаются межгалактические связи! Если и этот контакт осуществляется между физически близкими друг другу человечествами, то возникают тенденции абсолютизировать данный тип разумного существа: он считается единственным во Вселенной. Но и этой иллюзии приходит конец. Рано или поздно, но с необходимой закономерностью совершаются открытия, свидетельствующие о множественности форм разумной жизни: в космосе нет одного канона,— сознание возникает на самой разнообразной морфологической основе.

Уже непреложно понято нами: разнообразие соприсуще материи. Благодаря разнообразию мир успешно противостоит энтропии**. Великолепна эта зависимость: чем больше в системе организованного разнообразия, тем антиэнтропийнее она,— и потому не сможет ее поглотить нивелирующий хаос. Гармония — побеждает.

О, благоухающее разнообразие трав!

О, счастливая непохожесть этих кучевых облаков!

* Антропоморфность — физическое сходство с человеком.

** Энтропия — мера хаотичности системы.

О, неисчислимо множество звезд, мерцающих в ночном небе Земли!

Прекрасны богатства мира. Углубляясь в глубины космоса, мы снова и снова убеждаемся: материя неизменно щедра. Одну идею она воплощает в разных формах. Один замысел повторяется много раз,

Но все же есть в мире один абсолютно исключительный объект: это сама Вселенная. Породив внутри себя исключительное разнообразие, сама она не входит ни в какие множества. Или мы ошибаемся?

О, как хотелось бы от идеи множественности обитаемых миров перейти к мысли о множественности обитаемых вселенных! Есть внутренняя логика в таком переходе,— ведь не зря интуиция подсказывает: он верен, верен... Но нет ни одного эмпирического факта, который — пусть хотя бы косвенно — позволил бы нам убедиться в правоте своих допущений.

— Мы одни!—так говорили раньше люди изолированной планеты.— Мы одни! — так теперь говорят обитатели огромной Вселенной. Тут разные уровни — планетарный и вселенский. Но сколь созвучно душевное настроение! Думая об этом, видишь всю эволюцию мира в новом свете: ее можно определить как последовательное преодоление одиночества. Одиночество людей... Одиночество планет... Одиночество галактик...

Разве не тяга к общению и пониманию движет эволюцией на самых разных уровнях бытия? Потребность в коммуникации заложена в глубинных корнях разума. В постоянном расширении диалога с себе подобными (и неподобными!) нахо-

дят мыслящие существа подлинное счастье.

братья по разуму...

Есть ли они там, за космологическим горизонтом событий? Этот вопрос становился все более насущным. Ведь к естественной жажде расширенного диалога примешивалось еще чувство тревоги за свою Вселенную. Из ловушки коллапса* мы сами не выберемся. Тут должен кто-то действовать извне. Но есть ли разумные силы за космологическим горизонтом? А если есть, то в состоянии ли помочь нам? Для оказания помощи в таком масштабе нужен уровень развития, далеко превосходящий тот, который был достигнут цивилизациями в нашей Вселенной,

Никто не мог отнять у нас надежды. Однако иногда накатывали волны отчаянья. И тогда мы чувствовали себя обреченными на одиночество! А это приговор к смерти. Наш прекрасный космос терпел крушение,— но куда было послать сигнал бедствия.

Часто я думал о том, что наблюдаемый космос — это и есть вся Вселенная, Больше ничего нет: за космологическим горизонтом начинается область небытия,— теперь ее называют сингулярностью, Для нее есть еще одно обозначение: хаос. Это—мир бесформия, это — полная неопределенность, это — космический нуль. Из хаоса рождается космос! — такой оформленный, такой определенный. Он — один, он — един, он — всё. Кроме него — лишь хаос. Или первичное Ничто, насыщенное тайными энергиями. Что откроется нам за космологическим горизонтом? — разве только это Ничто: невыразимое, парадоксальное. Мы отпрянем от него в ужасе, ибо оно непостижимо для нас.

* Коллапс — катастрофическое гравитационное сжатие.

В этих рассуждениях есть несомненная логика. Но сердце не принимало безупречных доводов! Я искал утешения у мира: у его форм, красок, созвучий. Приходя на лесной луг, я радовался обилию цветов. Почему эволюция выработала столько видов растений? — ведь могла бы ограничиться какой-нибудь одной формой.

А эта полифония птиц! А это многозвучье ручьев! Мир поражал своей неизбыточностью. Я радовался многоцветью звезд; удивлялся разнообразию галактик; вдумывался в неповторимость ноосфер.

Сама Вселенная воспитывала нас в духе разнообразия! Ведь не могла же щедрость материи пресечься за космологическим горизонтом. Нет, экспансия разнообразия должна продолжаться дальше. За сонмом весенних цветов я прозревал мириады вселенных! — малое соответствовало великому: всюду торжествовал неиссякаемый творческий дух, порождающий великое разнообразие. Так свидетельствовала эстетическая интуиция. Конечно, она не являлась аргументом для строгого ученого. Он был вправе не выходить за рамки опытного знания. А ими очерчивалась лишь одна Вселенная! И нельзя было раздвинуть эти неумолимые рамки, — хотя их теснота ощущалась всё больше.

На многие миллиарды световых лет раскинулась Вселенная. И вдруг это необозримое пространство обернулось малым пятчком! — захотелось выйти за его пределы, увидеть даль трансвселенских пространств.

Ученые говорили: и пространство, и время исчезают в сингулярности. Значит, нет за нею никакого пространства? От этой мысли становилось жутко. Будто некий невидимый барьер властно останавли-

вал тебя, — хотя внешне он был совершенно прозрачным. Настолько прозрачным, что не ощущался вовсе! Ты хотел увидеть за ним звезды, туманности. Но — тщетно: тебе открывалась лишь черная — абсолютно черная! — пустота. Это и есть хаос? Это и есть Ничто? Нет, нет! Душа не принимает такой модели мира. Надо смело шагнуть в черное зиянье. Быть может, на рубежах иного мира уже готовы встретить тебя.

ГЛАВА 2

Наука давно нашла созвучье между двумя проблемами: возможность других измерений и возможность других вселенных. Правда, сама эта проблематика считалась весьма абстрактной, — и поэтому почти никто не занимался ею всерьез. Не было для этого никаких побудительных мотивов. Зачем искать выхода из Вселенной? — ведь мир неисчерпаем и по эту сторону сингулярности.

Но теперь все изменилось. Прорубив люк в другие измерения, мы могли бы увидеть свой мир со стороны. Сейчас в этом была жизненная необходимость! Быть может, нам удалось бы найти причины сжатия Вселенной, — и даже остановить этот гибельный процесс.

Если такая идея кажется утопичной, то вот вполне реальное предложение, — через оконце, приоткрытое в другие измерения, мы могли бы послать сигнал бедствия. А вдруг его услышат? Мысль о трансвселенской взаимопомощи вдохновляла своим величием.

Наконец, выход в иные измерения открывал еще одну возможность: посланцы нашей Вселенной могли бы эвакуироваться в параллельное

пространство,— и этим спасти погибающую Ойкумену от полного забвения. Мы бы отправили с ними свои лучшие духовные сокровища: книги, картины, видеофильмы. Обитатели других вселенных с вниманием и интересом примут эти дары.

Но как покинуть пределы трех измерений? Найти бы в них хотя бы малейший зазор, за которым просвечивают огни иной Вселенной. Пред-, ставьте: окружающее вас пространство вдруг деформируется,— и в образовавшемся разрыве вы видите прекрасный город. Интуиция подсказывает вам: это другой мир. Вы делаете шаг в светонесущую щель. И...

И беспрепятственно проникаете во Вселенную, о которой миг назад ничего не знали. Где она, эта Вселенная? Никто вам не даст ее координат,— даже обитатели дивного города. Ведь они тоже считают свою Вселенную единственной,— поэтому вопрос о ее местоположении лишен для них смысла.

Как встретят вас ошеломленные горожане? Это всецело зависит от того, насколько продвинуто их сознание. Вы можете быть приняты и как пророк, и как демон. Не исключено, что подобные визиты являются в этой Вселенной заурядным явлением,— тогда на вас просто не обратят внимания. И все же наиболее вероятно, что вы станете героем сказки. Да, сказки! Ведь нечаянный прорыв в другую Вселенную подобен сказочному чуду.

Свершалось ли оно когда-нибудь на нашей планете? Я понимал, что этот вопрос многим покажется абсурдным: ведь нельзя же события, описываемые в сказках, принимать за реальные факты. В мире раскованного воображения возможно все. Но наука имеет дело с объективной действительностью. А в ней чудес не происходит.

Так ли это? Я решил довериться сказке. Пусть меня назовут чудаком, живущим в миражном мире вымысла. Но все же я попытаюсь увидеть за игрой воображения некоторые реальные феномены.

Я обратился к мировому фольклору. Неожиданно он предстал передо мной в новом свете. Я находил в нем ответы на те вопросы, которые ставило современное сознание. Нет, я не стал жертвой самообмана,— сказка оставалась для меня сказкой. Но только само реальное бытие вдруг стало обретать черты сказочности!

Мир как сказка...

Таким он входит в сознание ребенка. Все в этом мире чудо: и блеск молний; и стеклянная стрекоза; и раскрытие ромашки. С возрастом ореол волшебства, воссиявший над миром, окончательно рассеивается. Мы считаем, что для любого явления нашли естественное объяснение,— хотя очень часто на место живой реальности ставим свои грубые модели! Мы хотим освободить мир от всего таинственного,— и тут снова совершаем бессознательную подмену: ложную ясность принимаем за подлинную простоту.

Откуда это желание освободить мир от всех элементов загадочности? Думаю, что оно идет от узости обывательского сознания. Для подлинного ученого мир всегда остается Тайной. И великие открытия лишь усиливают вечную таинственность бытия! Конечно, кто-то может считать мир полностью объясненным. Но это будет величайшая ложь. Честное сердце отвергает ее,

Я начал пристально изучать фольклорные мотивы, связанные с путешествием героев в запредельные страны. Многие интриговало в этих сказочных описаниях. Особенно меня заинтересовал

образ некой черты или грани,— пересекая ее, герой мгновенно оказывался в области неведомого. Словно речь шла о порубежье между разными вселенными! Сказки настойчиво утверждали: с этой границей можно встретиться здесь, на Земле. В долгих странствиях ищут ее герои, перенося любые трудности и лишения. Ведь там, за чертой, они найдут спасение для этого мира, погрязшего в грехах! Увы, по эту сторону черты нет сил, способных одолеть поползновения хаоса. Лишь за-предельное воинство света может прийти на помощь заблудшей Земле. Вот почему герой самозабвенно ищет путь к этому воинству,— чтобы потом повести его за собой, сокрушая тьму.

Меня поражало сходство этих сказочных мотивов с той ситуацией, в которой теперь оказалась наша Вселенная,— нам тоже было нужно найти заповедную черту: за нею — спасенье, за нею — трансвселенский простор.

Конечно, найденное мною соответствие между сказкой и действительностью было весьма условным. Но его будила мысль: сказка стала для меня эвристикой,— и я решил всецело положиться на эту путеводную нить.

Где герои искали вход в загадочный иномир? Изучив огромный фольклорный материал, я пришел к выводу, что искомая черта между мирами обычно пролегает в горах. Туда и отправляются герои: среди неприступных вершин провидят они свою цель. Особое место в преданиях древности занимают Гималаи,— чаще всего именно там находятся врата в царство света.

Насколько фантастичны сказочные представления о пограничье между двумя мирами? В абстрактной геометрической модели такое соседство двух параллельных пространств вполне возмож-

но. Даже удастся предсказать многие свойства, возникающие в области их взаимодействия. Больше всего поражает возможность мгновенного переноса из одного пространства в другое. Однако с геометрической точки зрения это объясняется вполне элементарно. Столь же понятны и другие явления, кажущиеся воистину магическими,— обращение любых координат; проницаемость тел друг для друга; удвоение фигур.

Я попытался осмыслить эти геометрические явления с точки зрения наших пращуров. Конечно, парадоксы многомерного мира ошеломили бы их! И были бы восприняты как нечто чудесническое. Небывалые впечатления наверняка бы отложились в мифах, сказках, преданиях.

Но полноте! Не увлекся ли я в своих предположениях? Ведь еще никто и никогда не наблюдал параллельного пространства,— из гипотетического иномира мы не получили ни одного бита информации. Сходство между построениями новейшей геометрии и сказочными образами может быть чисто случайным. Следует ли столь формальным сближениям придавать большое значение? Но все же найденные мной параллели поражали воображение. Я находил все больше соответствий между Мифом и Формулой: словно на двух очень разных языках говорилось об одной истине.

Интересно, что в фольклоре других ноосфер Вселенной повторялись аналогичные образы и сюжеты. Удивительное единодушие! Что стояло за ним: сходство механизмов мифообразования или какие-то реальные наблюдения? Душа моя всегда с особым волнением отзывалась на проявление законов единства. Поэтому занятия сравнительной космической фольклористикой принесли мне много радости,— ведь я постоянно сталкивался с

повторением одних и тех же мифологических структур. Между сравниваемыми культурами могло лежать пространство в несколько миллиардов световых лет! — и тем не менее их фольклор имел немало общих черт: душа с волнением отзывалась на эти небывалые созвучья.

Сказания всех человечеств говорили о возможности сообщения с иномиром. Он находился рядом! — не на дальних мирах, не в мистической области потустороннего. Правда, доступ к нему был затруднен, — лишь высокие нравственные качества могли обеспечить успех. Но главное заключалось в том, что планета, где действовал герой, имела выходы в иномир. Для их поиска не нужно было покидать родной мир.

Предположим, что за сказочными феноменами стоит правда реальных событий. Почему же они не повторяются сейчас? Я понимал, насколько важен этот вопрос для развития моей гипотезы. Но ответы на него могли быть сугубо предположительными.

Космические условия Земли не остаются постоянными. Разве нельзя допустить, что в прошлом они благоприятствовали общению между параллельными пространствами?

При гравитационных возмущениях меняется структура пространства. Не об этих ли деформациях повествуют предания древних? Ведь встреча с такими феноменами должна была произвести потрясающее впечатление. Наблюдая небывалые события, выпадающие из естественной цепи явлений, человек считал их чудесами. Поэтому они быстро переходили в область поэтического предания. Будучи единичными и невоспроизводимыми, эти феномены становились основой для мифов, — ореол сказочной условности уже никогда не пога-

сал над ними. Хотя прототипом для мифотворческих построений были реальные события.

Астрономам известно, что около пятидесяти тысяч лет тому назад во Вселенной разразилась гравитационная буря. Она ничего не нарушила в структуре космоса. Однако в некоторых точках пространства тогда могли наблюдаться странные явления. Например левитация: предметы неожиданно теряли вес и свободно воспаряли в воздухе. Быть может, в сознании наших предков запечатлелись эти аномалии?

Легко представить, сколь алогичными казались подобные странности; они вносили коррективы в представление о причинно-следственной связи событий. Люди приходили к выводу, что в мире может иметь место Непредсказуемое, отменяющее обычную логику. Именно это Непредсказуемое определило поэтику сказки.

Мысленно я уходил в глубокое прошлое, — к той эпохе, когда незримый гравитационный шквал пронесся по нашей Вселенной. Я строил модели архаического сознания, — и как бы вживался в них: мне хотелось вновь пережить ошеломленность от встречи с небывалым. Результатом этих опытов стали мифоподобные образы, имевшие определенное сходство с настоящими мифами. Да, я моделировал мифотворческий процесс! — Мне хотелось понять, как могут преломиться в мифе действительные события, оставлявшие ощущение парадоксальности.

Изучив историю нескольких космических культур, я пришел к интересному результату: начало мифогенеза совпадало с эпохой гравитационных возмущений. Конечно, эту зависимость нельзя считать абсолютной. Мифогенез — сложное явление: тут действует целый комплекс причин. Важнейшие

из них связаны с законами воображения, чья работа часто не зависит от внешних условий. Нелепо в каждой мифе искать реальный прототип,— это умалило бы творческую силу человеческой фантазии. Однако в некоторых случаях структура мифа хорошо увязывается с фактами. Эти тонкие связи я и попытался найти.

Друзья в шутку говорили, что я занялся «экспериментальной мифопозтикой»: пытаюсь лабораторно воспроизвести чудеса, о которых говорится в сказках. Можно ли обижаться на добрую иронию? Тем более, что друзья в общем-то были близки к истине: я действительно сопрягал сказку и физику. Более того,— в поисках истины я готов был пройти по тем маршрутам, о которых говорилось в преданиях. То есть миф для меня становился документом! Я решил быть абсолютно последовательным в этой своеобразной игре. А вдруг мой опыт приведет к интересным открытиям? Сколь ни маловероятен такой исход, но наитие убеждало поверить в него.

Мифы говорили о некоей сказочной стране, в которую герои уходили безвозвратно. Точнее говоря, они имели шанс вернуться, но спустя многие годы: когда мир будет готов к этому. Я поверил в мифическую страну света и правды. Поверил настолько, что потерял чувство играемой мной роли! — ощущение условности исчезало полностью: я был странником, искателем правды. Предание звало меня в горы — туда, на свет истины; к заоблачным высям; в страну праведников.

Тропа поиска вела в Гималаи. Легенды утверждали: там находятся Врата Света. Сколько путников ушло на их далекое сияние? Не счесть! Уходили поодиночке, семьями, целыми общинами. Ухо-

дили — и не возвращались. Быть может, погибали в горных буранах? Или срывались в крутые пропасти? Пусть так. Но кто-то мог дойти до искомой цели! Я верил в это всем сердцем. И что мне рациональные аргументы? — вслушиваясь в них, я сорвал бы свой опыт. А он был нужен не только мне: ведь я хотел помочь людям, миру,

Я всегда помнил о значении рефлексивных структур,— и потому хорошо представлял, как ко мне относились современники. В их глазах я был мечтателем, склонным к утопии. Ничего тут обидного я не видел: это было более чем терпимое отношение,— скорее следовало говорить о своеобразной лояльности. Так всегда относились к чудачкам и сказочникам. Если они не слишком раздражали, то их даже готовы были выслушать,

Я слыл человеком, поверившим в сказку. На фоне нашей рационалистической эпохи это казалось странной причудой. Но чувство внутренней правоты крепло во мне. Я ощутил недостаточность логических схем мышления. Уж очень прозаическим стало всё наше существование. Косвенно это отразилось и на стиле научного исследования: осторожность преобладала над смелостью,— ученые с трудом выходили за свои канонические рамки. А такой выход сейчас стал жизненно необходимым! И не только для науки Земли, но и для всех ноосфер: ведь на горизонте будущего маячила космическая катастрофа. Она казалась логически неизбежной, логически неотвратимой. И вот нашлись чудачки, которые дерзнули сказать, что логика не абсолютна! Многие в мире могут свершиться поверх всякой логики.

Это был своего рода романтический бунт. Одновременно он вспыхнул во многих ноосферах. Однако ученый мир отнесся к нему с поразитель-

ной терпимостью. И это понятно: ведь перед лицом будущих испытаний важна любая попытка найти ключ к спасению,— даже если она резко противоречит научной традиции.

Вот почему я задумал вместе с тремя близкими мне людьми уйти в Гималаи. Миф стал для меня компасом. Возможно, этот поворот моей жизни был обусловлен скрытым отчаянием. Словно за соломинку, я ухватился за луч сказки. О, как я хотел отвлечь гибель этого прекрасного мира! Он не должен утонуть в океане безличного хаоса. Мне нужны эти сверкучие Гиady; этот торжественный Орион; эти хрустальные Весы. Наука явно пасовала перед трагедией мира,— и с предельной честностью признавалась в этом. Ведь она не могла лгать! — верность истине была для нее всем.

Нет, я не восставал против науки. Она делала все что могла. Но мне казалось, что есть другие пути: не отрицающие науку, а как бы параллельные ей. Наверно, подобное чувство возникло во многих ноосферах. Сама ситуация требовала от нас расширить сознание. Однако как это сделать? Предчувствия полнили душу,— но не могли отлиться в слова. Новизна созревала в метаньях и муках.

Пособником в таких поисках всегда было странничество. Нередко искателей уводили в путь эсхатологические* чаянья. Предошущая конец мира, они хотели найти спасение. И не только для себя, но и для всего человечества! Пусть их ожидания были наивными. Но определялись они социальной неудовлетворенностью. Мечта о справедливости

* Эсхатология — учение о конце мира.

и гармонии двигала странниками. Поэтому с уважением говорим о их нелегком кресте.

Я много размышлял о природе странничества. Наверно, это своеобразный инстинкт, который часто оказывается необоримым. Провидя некую цель — пусть вымышленную, пусть фантомную,— человек идет к ней. Остановить его невозможно. Как невозможно повернуть назад весенние косяки птиц! Сила ведущего чувства здесь воистину космична.

Меня волновало прежде всего целенаправленное странничество: искатели справедливого царства были настоящими землепроходцами,— в труднодоступных местах планеты они надеялись найти воплощение своего идеала. Эти люди не были мистиками: свою мечту они хотели утвердить на Земле,— во всей живой доподлинности материального существования. Однако это были носители расширенного сознания,— и поэтому их представления о земной реальности отличались необычностью. Если для обыденного сознания мир развернут на плоскости, то в глазах философствующего странника он является многоуровневым. По этим ступеням реальности путник восходил к своим высшим целям! — там, на вершинах духовности, земное непосредственно граничило со вселенским. Горы прекрасно моделировали этот образ многоуровневого мира. Не случайно закаты вершины стали для многих странников маяками. Они хотели духовно поднять мир! — вознести его над плоскостью, обогатить новыми измерениями. Не уход от мира, а преображение мира: вот внутренний стимул странничества. Это преображение часто связывалось с космосом,— ведь издревле он был источником чувства возвышенного. Поэтому странники поднимали свое лицо к звезд

дам. Небесными токами хотели они очистить падшую Землю. Тогда это было наивным утопизмом,— но в перспективе оказалось верным путем; включение планеты в космические связи действительно преобразило ее.

Пристально и углубленно я изучал историю странников, связавших свои вселенские надежды с вершинами Гималаев. Древние предания были весьма фрагментарными,— вымышленное и реальное фантастически переплеталось в них. Однако я не задавался целью отсеивать факты,— меня интересовала общая тональность этих преданий. А она была поразительной! Гималаи в сознании наших пращуров являлись посредниками между планетой и космосом. То, что в долинах считалось невозможным, вполне могло происходить на горных вершинах: телепатия, левитация, телекинез,— горы словно способствовали проявлению этих парапсихологических способностей. Обусловлено ли это близостью к космосу? Для предания такая связь бесспорна. Подъем в горы символически оценивался как освобождение от всего суетного, преходящего,— среди высокогорной тишины и прозрачности человек начинал слышать вечность. В нем просыпались скрытые центры,— и седьмым чувством он улавливал суть бытия.

Уже на самой заре культуры Гималаи заняли особое место в жизни нашей ноосферы. Сколько волшебных сказок подарили они человечеству! И сколько эзотерических преданий,— всегда таких таинственных, поэтичных*. Мифотворчество, вдохновленное Гималаями, продолжалось до эры первых контактов,— даже в пору зрелой науки горы

* Эзотерическое — скрытое, предназначенное для посвященных.

были окружены ореолом легенд. Человечество явно не хотело расставаться со сказкой, нашедшей свое последнее убежище на гималайских пиках. И это не случайно: в Гималаях люди издревле находили импульсы для работы воображения,— горы не давали человечеству застыть в рамках обыденного. Не суждено ли им снова вернуться к выполнению этой функции?

Я не буду сейчас вспоминать общеизвестные предания о Гималаях. Приведу только некоторые факты: полуреальные, полусказочные. Для науки они остались неразрешенными парадоксами. А ведь для их объяснения были призваны лучшие интеллектуальные силы,— и не только одной Земли, но и нескольких соседних цивилизаций: там тоже были известны аналогичные феномены.

В 2071 году известный писатель Владим Оков поймал в Гималаях странную бабочку. Впрочем, бабочкой это существо мы называем лишь по аналогии с земными чешуекрылыми: сходство было типично конвергентным,— то есть оно не затрагивало глубинных черт строения. Крылья бабочки обладали ярко выраженным голографическим эффектом! Когда на них под определенным углом падал свет, то возникало фантастически прекрасное изображение. Оно было объемным: земляне зачарованно глядели на таинственный архитектурный ландшафт,— многоцветные арки сплетались в неизъяснимо сложное кружево. Сквозь него просвечивали узкие спиральные башни, чем-то похожие на раковины средиземноморских моллюсков-конусов. Между башнями невесомо парили изящные серебристые диски.

Изображение было настолько убедительным, что хотелось войти внутрь его. Как манила к себе перспектива сквозящих арок! Войди в их пролеты;

подзови летательный диск; вознесись на нем в небеса. Видишь? — три маленьких солнца горят в них. Они расположены симметрично: как бы в вершинах равностороннего треугольника. Нет, тебе не удастся отождествить эти светила с известными звездами. И такого пейзажа ты не встретишь ни на одной из обитаемых планет Вселенной! Перед тобой бабочка-сказка: полюбуйся на нее очарованно, — и воздержись от объяснений. Они преждевременны: твой опыт еще слишком мал для понимания этой тайны.

И все же ученые не оставляли попыток объяснить гималайскую загадку. Была ли бабочка просто причудой природы? Ведь можно предположить, что под влиянием космических лучей однажды произошла небывалая мутация, — и на высокогорных лугах появилось редкостное существо, сбивающее с толку систематиков-энтомологов. Однако уж очень натянутым кажется это использование мутационной теории. Лишь одно здесь могло быть верным: бабочка как-то связана с космосом, — с его излучениями, с его ритмами. Поэты были склонны считать ее гостьей из другой вселенной. Но кто примет всерьез столь смелую метафору? — ведь не могло же трепетное существо летать в безвоздушном звездном пространстве.

Быть может, эта бабочка являлась своеобразным гибридом? — в генокод вполне земного вида была введена информация из космоса: так возникло существо-междумирок, соединившее в себе эволюционный опыт двух миров. Интересная гипотеза! Однако ее пришлось отвергнуть: ни одна цивилизация во Вселенной не может передавать генетическую информацию на расстояние. В принципе это достижимо, — и наиболее продвинутые ноосферы уже производили первые опыты подобной

гибридизации. Но результаты пока были весьма скромными.

Бабочка Окова выставлена в специально построенном здании. Люди любуются ею как шедевром искусства. Я тоже часто прихожу сюда. Крылья бабочки стали для меня окнами в другую Вселенную. Это — серьезно: бабочка несет бесценную информацию о запредельных мирах. Лишь самым близким друзьям я доверил эти заветные мысли. Спасибо сказочным крыльям! Они убеждают меня: за космологическим горизонтом событий есть жизнь.

Среди гималайских тайн хочу сейчас назвать прозрачное озеро Ур. Почему его открыли так поздно? — до 2126 года оно отсутствовало на географических картах. Создается ощущение, что тогда озеро вообще не существовало, — ведь не раз проходили в его окрестностях путешественники. Как не заметить это чистейшее зеркало? — издали голубеет оно между ледяными отрогами. Озеро обладает удивительными оптическими свойствами. У него двойное лучепреломление! Казалось, что это вступает в противоречие с нашими знаниями о физике воды. Но факт — непреложен: бросив камушек в первозданную прозрачность Ура, вы увидите уже два камушка, — вот они ложатся рядом на галечное дно. Конечно, это всего лишь оптическая иллюзия. Но она производит сильнейшее впечатление. Особенно интересно наблюдать за рыбами, обитающими в Уре: вот форели-близнецы с поразительной синхронностью склонули с зеркала поденку! Трудно поверить, что это одна форель, — но раздвоившаяся в небывалой линзе. Озеро-парадокс! Кто разрешит его загадку?

Хрустальную воду Ура исследовали во многих

лабораториях. Но в пробирках и колбах она полностью утрачивала свои свойства. Анализ выявлял самые обычные характеристики. Значит, эффект двойного лучепреломления — это свойство озера как целостной системы. Трудно ученым было решиться на такой вывод. И все же его пришлось сделать.

Однако в чем природа эффекта? Когда на глади ночного озера отражался Орион, то я невольно думал: Ур находится в каких-то особых космических условиях. Лишь один раз я посетил с экскурсией дивное озеро. Но оно навсегда запало в мою душу: будто нечто заповедное открыли мне ясные глубины, — и я черпал из них вечную истину.

В двойном преломлении мне пробрезжил некий философский смысл. Ведь двойственность проявляется во всех фундаментальных структурах мира. Бытие двухполюсно! — это основа его гармонии и красоты.

Глядя в изумительную прозрачность озера, я думал о великих мировых диадах. Не зря образ Близнецов возник во всех мифологиях Ойкумены! Мысль очень рано сделала свое величайшее открытие: мир состоит из парных противоположностей, — каждому явлению соответствует его антипод.

Я вспоминал первую таблицу противоположностей, в незапамятные времена созданную Пифагором. Правое и левое, четное и нечетное... Ни одно явление в мире не существует само по себе, — оно как бы смотрится в зеркало, меняющее его свойство на противоположное: частицы и античастицы, левозакрученные и правозакрученные спирали, тезы и антитезы кантовской философии.

И неужели лишь перед Вселенной как целым

не стоит такого зеркала? Я вспомнил позабытую гипотезу об антимире: она сейчас тоже внушала надежду, — мы могли уповать на помощь из альтернативной Вселенной. Конечно, надежда эта была очень зыбкой. Но все же! Ведь в нашей ситуации любая ниточка поиска была ценной, — сколь неуловимо тонкой она ни казалась бы поначалу.

В моем сознании возник такой образ. Сингулярность я представил в виде своеобразной призмы: проходя через нее, вещество раздваивается на два рукава — мир и антимир. Двойное лучепреломление! — но только в гигантском космологическом масштабе.

Конечно, это всего лишь аналогия-метафора. Она помогла мне укрепиться в интуитивном предчувствии: мир — не один. Эстетическое чувство симметрии тут играло ведущую роль. Единичное — асимметрично. Для того, чтобы родилась гармония и дополнительность, нужна диада. Это закон бытия. Потребность вином, в другом имеет глубочайшие диалектические корни. Сейчас мы видим, как эта потребность реализуется на уровне вселенского общественного сознания. Нашему миру нужен собеседник! Он хочет восстановить симметрию. Ибо симметрия является условием диалога; ибо симметрия дает основу для сотрудничества.

Словно озеро Ур исподволь вводило в меня существенную информацию! Оно это делало как поэт, — через намек, через метафору. Я хотел в его ключевой прозрачности преломить всю Вселенную! И убедиться: она не одна.

Вспоминается еще одно гималайское диво. 18 января 2444 года над Джомолунгмой просыпался необычный звездный дождь. Зрелище было феерическим! Мириады радужных искр вспыхнули в небе.

За полночь стало так светло, что проступили силуэты гор. Несколько минут продолжалось космическое празднество.

А утром сотрудники высокогорных станций начали сбор метеорной пыли. Снега казались аметистовыми от нее. Впрочем, этот цветовой эпитет весьма приблизителен,— окраска снегов сразу показалась наблюдателям необыкновенной. Такого еще не видели люди Земли! Вершины гор словно преобразились,— мерцающая аура окутывала их. Игра оттенков в ней была непередаваемой. Розовое, сиреневое, лиловатое! Нет, нет. Эти определения не точны. Земляне увидели дивный цвет, отсутствовавший в палитре их планеты. Будто гамма дальних миров заиграла перед ними. Забудешь ли такое?

Исследование метеорных частиц привело к замечательным открытиям. Сразу удивили странные свойства их массы,— плотность материи в пылинках была огромной. Химический анализ озадачил ученых: веществу частиц не соответствовал ни один элемент в таблице Менделеева,— будто оно принадлежало миру с другой физикой. Быть может, это сверхплотная нейтронная материя? Оригинальная гипотеза! Но она не получила подтверждения.

Вскоре было доказано: метеорные частицы построены из кварков, находящихся в свободном состоянии. Этот вывод ошеломил физиков. Сбылось то, что казалось им почти недостижимым (даже невозможным!): свободные, а не связанные кварки стали доступными лабораторному исследованию. Но откуда пришло на Землю столь необычное вещество? Этот вопрос и по сей день остается без ответа.

Испокон веков наблюдались над Гималаями великолепные ночные сияния. Долгое время они не

изучались: считалось, что эти свечения атмосферы вполне аналогичны северному сиянию. Но аналогия оказалась поверхностной. Было установлено: гималайские сияния не имеют связи с магнитной активностью солнца,— атмосфера в данном случае возбуждается по другим причинам. Где их искать? Очевидно, в дальнем космосе.

Оказалось, что атмосфера над Гималаями чувствительна к тончайшим колебаниям межзвездной среды. Словно огромный экран распростерся в небе планеты! — наблюдая за ним, можно было получать информацию о далеких космических событиях.

Иногда в игре перламутровых сполохов угадывались особенно стройные ритмы. Это производило сильнейшее эстетическое впечатление. Будто небеса исполняли чье-то блистательное светомузыкальное произведение. Да, это была настоящая гармония сфер,— только созерцаемая глазами, а не воспринимаемая на слух. Однако известный светомузыкант Марк Ламковский решил озвучить ее! Он создал систему для перекодировки небесных красок и ритмов в звуки. Землян потрясла эта космическая музыка. Она чем-то напоминала органное произведение Баха,— только была еще более торжественной и загадочной. Слушая ее, мы проникались чувством величия космоса: ведь это он был творцом небывалых созвучий.

Покидая концертный зал Ламковского, люди думали об упорядоченности Вселенной. Почему именно в Гималаях так зримо выявляется эта скрытая красота?

Если планета—подобие целостного организма, то Гималаи являются ее самым ответственным сенсорным органом: они воспринимают неуловимые вибрации Вселенной. Конечно, это только

гипотеза. Но в планетоведение все больше проникает холистический взгляд на Землю*. У планеты есть свои приемники информации. Будучи определенным подобием органов зрения и слуха, они обеспечивают связь нашего мира с космосом. Нет, ученые вовсе не одушевляют земной шар! Однако попытка системно осмыслить его бытие не может обойтись без смелых гипотез. Вот почему Гималайские вершины теперь видятся как грандиозные антенны,— будто они и впрямь чутко вслушиваются в разнообразные ритмы ночного пространства.

С Гималаями связано немало легенд, на которых лежит оттенок трагизма. Какова судьба странников, не вернувшихся из горного поиска? Ведь многие из них стремились возвратиться назад,— и не с пустыми руками, а с обретенным светочем истины. Но были и такие, которые уходили безвозвратно: ими двигало желание полностью порвать с безнадежно больным миром. Где эти отчаявшиеся люди пытались найти убежище? Им грезилось: есть в Гималаях страна праведников, там одолена смерть и побеждено зло; там навечно воцарилась общинная гармония; там хранятся самые сокровенные знания о тайнах бытия.

Что стоит за этим преданием? Легенда не может быть абсолютно беспочвенной,— иначе поиски прекратились бы после первых неудач. Но они настойчиво продолжались в течение трех тысячелетий. Только ли сила веры вдохновляла людей? Возможно, что за легендой стоит какой-то реальный феномен. В предании он мог быть передан символически,— как бы зашифрован: дабы

знание о нем не стало достоянием маловеров и скептиков.

Вероятно и другое: информация о неизвестном отлилась в исторически обусловленные формы. Отсюда некоторая наивность легенды, ее окрашенность в социально-утопические тона. Чтобы добраться до глубинной истины, нужно сделать своеобразную перекодировку, И не одну! — ведь на легенде лежат наслоения тысячелетий.

Одно мне казалось бесспорным: в Гималаях действительно скрыт какой-то притягательный источник. Его природа совершенно неизвестна. Однако некоторые черты восстановимы по косвенным признакам. Правда, сами эти детали носят полумифический характер. Но что, если их принять всерьез...

Тогда получается очень странная картина. Парадоксальность усугубляется тем, что некоторые; случаи сочетают в себе противоположные качества: легендарность и документальность. Да, да! Это так, хотя подобная интерференция сказки и факта кажется чем-то невероятным.

Напомню только один из таких случаев. В конце двадцатого века был весьма известен поэт Георгий Геков. Его стихи свидетельствуют о пробуждении у человечества космического сознания. Поэт ощутил включенность Земли в ритмы Вселенной. Вдохновение обострило его интуицию настолько, что он мог принимать эйдограммы от неведомых ноосфер. Образы дальних миров Геков передавал с удивительной доподлинностью,— будто вел непосредственный репортаж из мерцающих глубин Овна или Тельца.

Еще при жизни о Гекове стали создаваться легенды. Одна из них утверждает, что поэт ушел

* Холизм — учение о целостных системах.

в Гималаи, где усилились его контакты с космосом. Многие считают, что именно Геков способствовал включению Земли в содружество цивилизаций. Правда, это произошло спустя триста лет после выхода последней книги поэта,— но в ней Геков предугадал многое: даже передал в ритмизированной форме устав содружества.

Однако с началом широких контактов было выяснено, что ни один из миров не имел связи с Гековым. Откуда же он принимал эйдограммы? Вопрос оказался неразрешимым. Поэтому было высказано мнение, что Геков черпал информацию из своего воображения,— хотя субъективно считал ее источником космос.

О кончине поэта ничего не известно. Он ушел в горы за сбором лекарственных трав,— и уже не вернулся: поиски не обнаружили никаких следов Гекова.

С тех пор миновало почти шестьсот лет. Многое изменилось в мире. Но память о поэте жила в сердцах землян.

Интерес к его творчеству стал особенно сильным после одной необъяснимой находки. Вблизи от вершины Давелагири ученые-гляциологи обнаружили обрывок исписанной бумаги. Чернила казались свежими. Странно! Ведь на Давалагири никто не поднимался в течение последних четырех лет. Поэтому бумажный лоскут подвергли тщательному анализу. Попал он и к графологам. Их вывод ошеломил: в Гималаях найден автограф Гекова! Очевидно, это были наброски какого-то неизвестного стихотворения: стиль поэта мог легко почувствовать и неспециалист.

Что это, удачная мистификация? Так полагало большинство. Находка вызвала сильнейший интеллектуальный стресс — и поэтому многие хотели

скорее забыть о ней. Но повторные экспертизы подтверждали первоначальный вывод. Однако бессознательное желание дискредитировать находку взяло верх: научные журналы отказывались печатать посвященные ей материалы,

Теперь страсти улеглись. Не пора ли спокойно обдумать те из гипотез, которые поначалу казались наиболее шокирующими? Ведь здесь требовался радикальный подход,— иначе нельзя было рассчитывать на успех.

Несколько ученых высказали мысль о возможности временных аномалий в Гималаях. Они ссылались на Эйнштейна: время не является абсолютным! Однако его релятивистские характеристики обнаруживались лишь в космических условиях. Но почему такие условия не могут проявляться на Земле? — наша планета тоже является частью космоса. Значит, парадоксы теории относительности должны наблюдаться не только на фотонной ракете! — здесь, в пределах планеты, внимательный ученый сумеет выявить неоднородность времени. При определенных обстоятельствах на Земле можно воспроизвести даже парадокс близнецов. Для этого требуется только одно: локальное замедление времени в одном из районов планеты.

Быть может, странники находили в Гималаях именно это таинственное иновремя? — и вступали в его поток; и отрывались от своей эпохи; и уносились в неведомое. Трудно представить все следствия, вытекающие из такой возможности. Но одно несомненно: реальность этого феномена преломилась бы в сонме поэтических легенд. Ведь исключение из привычного хода времени способно перевернуть все обыденные представления.

Эта гипотеза давала объяснение и находке

автографа Гекова. Однако мне она казалась лишь самым эскизным приближением к истине. Я чувствовал: для познания тайн Гималаев нужно оторваться от традиционных схем. В неизвестное я должен шагнуть неоглядчиво!

Наша цивилизация изменила лик Земли. Однако Гималаи по-прежнему сияли а своей первозданной красоте. Они не стали для нас более доступными; покорение гор требовало от человека такого же мужества, как освоение космоса. А степень личного риска здесь была значительно большей.

Какое место в обширных Гималаях было наиболее магнитным для странников? Мне удалось приблизительно установить это: помог и тщательный анализ преданий, и просмотр геофизических сводок. Опасность задуманной экспедиции хорошо сознавалась мной. Я не раз вылетал в дальний космос,— но теперь волновался как никогда. Меня потянуло к родным местам. Хотелось проститься с ними,— не навсегда, а надолго. Я верил интуитивному предчувствию: меня и моих друзей ждет небывалое. Вот почему перед опасной дорогой я решил еще раз взглянуть в любимые озерные зеркала.

Над ними вспыхивали августовские метеоры,— это Персеиды пересеклись с орбитой Земли. Я любил их мгновенные росчерки,— иногда световая игла пронизала все небо. Будто кто-то наносил на небосвод сетку координат! Сквозь нее виднелись восходящие Близнецы; правее их горело красное око Тельца; чуть выше трепетала световая горстка Плеяд.

Дивный мир! Я наслаждался свободным разбросом созвездий. Неужели катастрофа сотрет эти изумительные узоры? Нет, нет, нет,— выстукивало сердце.

Светало. Над утренним окоемом поднялись кучевые облака. Они были похожи на горные ледники! — будто мираж Гималаев означился в небе. Горы звали меня издалека. И я ушел на этот зов.

Ушел вместе с тремя друзьями, о которых сейчас расскажу.

ГЛАВА 3

Хотя до космологической катастрофы было очень далеко, но что-то изменилось в нашей жизни: прежде всего стала другой ее тональность,— люди как-то посуровели, стали собранней и ответственней. Многие задумывались над тем, как помочь этому миру,— его красота ощущалась все более остро; но к чувству гармонии отчетливо примешивалось чувство горечи.

По роду своих занятий люди могли не иметь никаких соприкосновений с космологией,— однако тень великой проблемы падала на их дела и интересы. Это я хорошо почувствовал, встретившись со своими друзьями. Мы учились в одной школе, часто вместе проводили отпуска. Но обстоятельства сложились так, что за последние семь лет нам ни разу не удалось повидаться,— тем радостней была эта встреча: такая значительная, такая непохожая на наши предыдущие сборища.

Мы сразу заметили, что говорим на темы своих профессий. Это было ново. Нас сближали многие общие интересы: любовь к поэзии, к астрономии, к путешествиям. Этими увлечениями определялась тематика наших бесед. Но теперь все было иначе. О судьбе мира мы говорили так, как будто она всецело зависит от нас. А мы — бессильны, а мы — беспомощны.

Эта невозможность прийти на помощь всегда мучительна для человеческого сознания. Сколь ни угнетающе действует подобная ситуация, но она мобилизует все духовные силы человека. История знает эры отчаянья. Поразительна идейная продуктивность этих мрачных периодов! словно на краю пропасти в людях раскрывается главное.

Мы всегда считали Колю Ладова человеком идиллического склада. С детства он увлекся миром растений,— и словно перенял в себя всю его безропотность. Ладов органически не мог ни на кого обижаться. Казалось, что вокруг него создается особая атмосфера,— предельно чистая и прозрачная, на редкость доброжелательная. Будто и впрямь на вас веяло дыханием лесного луга!

Беззащитность Ладова была внешней. Он не терял силы духа в самом трудном положении. Сколько раз благодаря ему мы вновь обретали хорошее настроение. Придя к нам на выручку, Коля снова стушевывался. Воистину тише воды, ниже травы.

В отношении к растениям наш друг являлся сущим поэтом. Травы были для него одухотворенными существами,— со своей философией, со своим языком. Ладов всерьез говорил, что у растений есть этика. Они — альтруисты: лишь благодаря их бескорыстию поддерживается гармония биосферы.

Ладова волновала поэзия древних мистерий, посвященных растениям: ведь для наших пращуров каждая травинка была моделью космоса! Да, да. Вселенная мыслилась ими по образу растения: она умирала и воскресала вновь,— в ритмах мира повторялась фенология полей и лугов.

Тайна семян была опозитизирована древними. Как в столь малом объеме может заключаться

будущий колокольчик или василек? Предки не знали теории генетической информации. Но и теперь это знание не лишает семена их исконной таинственности. Зыбкая порошинка! Пройдя через все невзгоды, она прорастает микрокосмом: нивяником, зверобоем, вербеной. Каждый год свершается эта великая мистерия жизни. И всегда вселяет она в человека великую радость!

Ладов снискал себе известность работами по биологии семян. Свои исследования он проводил под теоретико-информационным углом зрения: наш друг изучал тезаурус зерен и семян — то есть их насыщенность информацией. Ему удалось показать, что этот тезаурус значительно выше, нежели считалось ранее. Воистину, в семенах спали целые миры! И Ладов попытался понять природу их потенциального бытия,

Коля любил поэзию аналогий. Он не сомневался: великое и малое взаимоподобны друг другу. Поэтому метафоры древней космологии — например, представление мира в образе лотоса — Ладов считал вполне корректными. Конечно, он понимал условность таких сближений. Но чувствовал сердцем: за ними, несомненно, стоит некоторая истина.

Исследуя тезаурус семян, Ладов получил парадоксальный результат: объем семени и количество содержащейся в нем информации оказались несоизмеримыми. С аналогичным явлением встретила и космология. Я имею в виду начальную сингулярность, предшествовавшую расширению Вселенной. В чем-то она подобна зерну,— и это очень существенная параллель. Здесь мы тоже наблюдаем своеобразное уплотнение информации: в точечном объеме заключен тезаурус будущей Вселенной!

Конечно, тут сопоставляются явления разных уровней. Но системное мышление умеет выявлять единство между великим и малым. Не потому ли широкие системные обобщения иногда напоминают смелые метафоры поэта?

Зерно подобно сингулярности: неисповедимым образом в него вложен целостный микрокосм — такой сложный, такой дифференцированный. Уходя со сцены жизни, растение создает будущее, — в зерно оно вкладывает свою память. Так рождается великий ритм: переход от проявленного растения к сингулярности зерна. Этот цикл повторяется снова и снова, одолевая ужас беспамятства и смерти.

Думая об этом процессе, Ладов-поэт создавал метафору: в растении он видел образ пульсирующей Вселенной. Ладов уподоблялся создателям древних космологии, — для них астрономия и ботаника тоже пересекались. Достаточно вспомнить представление мира в образе древа жизни. Динамическая модель! Она созвучна идее расширяющейся Вселенной. Космос — ширится. У него есть годовые кольца: это постоянно раздвигаемый космологический горизонт. Как вольно разбрасываются вширь звездные ветви! И вот их зреющие плоды: ноосферы, ноосферы, ноосферы...

Прекрасна молодая Вселенная, вступающая в лучший возраст. Но вдруг происходит нечто непредсказуемое: древо жизни останавливается в росте! Почему? Этого никто не знает. А ведь казалось, что силы мира далеко не исчерпаны: столько новизны сулило будущее, столько открытий.

Но жуткая картина предстает взгляду: древо-гигант словно усыхает, превращаясь в карликовую форму. Это свертывание продолжается! —

перед нами уже малая мшинка: тщедушная, почти незаметная.

Далее все возвращается в свое начало. Вокруг — небытие. Проснется ли мир? Невидимым семенем брошен он в глубины хаоса. Не отыскать это крохотное средоточье будущего. Но оно — есть: пусть как возможность, как потенция. Придет срок, — и прорастет зерно Вселенной: снова широко раскинутся звездные ветви, снова замерцают в них маяки ноосфер.

Ладов буквально вжился в свою метафору-аналогию. Вселенная становилась для него живым существом! — и он был заботливым садовником этого мира-растения. Если близится космическая зима, то древо жизни надо подготовить к этому. Оно должно дать хороший плод! В нем будет сконцентрирован весь эволюционный опыт Вселенной: ее знания, ее прозрения. Память веков будет уплотнена до предела! — объем, во много меньший булавочной головки, вместит в себя накопления музеев, библиотек, академий.

Память о нас должна пережить нас! Вот к чему сводились поэтические построения Ладова. Он хотел зарядить информацией будущую сингулярность. Она должна стать не безликим комом сверхсжатого вещества, а настоящим зерном: со своим генокодом, со своей программой будущего развития. Наш опыт воскреснет, — пусть в новом облике. Забвенье будет побеждено.

Конечно, идеи Ладова выглядели как чистая фантазия. Но все же они глубоко западали в душу. Была в них какая-то побудительная сила. Трудно передать это ощущение. Будто затепливался в сознании некий неотчетливый свет. Это огонек надежды пробивался сквозь морок сомнений? Наверно. И так хотелось усилить слабые сполохи! —

сделать их явными для каждого сердца.

Мысли и аналогии Николая Ладова могли быть переформулированы в более строгом виде. Ставилась задача: передать информацию в после-сингулярное будущее мира. Вполне корректная постановка проблемы! Сближение Вселенной и растения играло для Ладова лишь роль эвристики. Конечно, его можно было оспорить. Но стоило ли спешить с этим? Ведь именно живая природа создала самые оптимальные механизмы для записи и хранения информации. Быть может, мы стоим на пороге космической бионики. Чтобы спасти космос, надо вдохнуть в него жизнь! И тогда это будет космос-организм: метафора великого Платона обретет новый смысл.

Жизнь создала великое: системы самовоспроизведения. Разум нашел для этой же цели иные средства: предание, письменность, искусство. Здесь работает своего рода инстинкт сохранения памяти. Это — глубочайшая потребность жизни и разума: запечатлеться, повториться. Ибо нет эволюции без такого запечатления: хаос начисто стирает информацию, — и приходится все начать сначала.

Если мы не в силах остановить сжатие Вселенной, то надо сделать попытку духовно победить силы забвения. Для этого есть только один путь: забросить зерна памяти в космологическое будущее, — дабы они проросли на пространствах другого мира. Увы, но эту информацию нельзя перекинуть через барьер сингулярности! Значит, нужно преобразить саму сингулярность, — внести в нее высшую упорядоченность.

Это была задача-максимум! — причем дерзновенно новая задача. Конечно, она могла оказаться неосуществимой. Но дело не в этом, ибо мысль получала толчок, — вот что сейчас было самым

главным. Да, только безумные идеи могли спасти мир. Традиционное мышление — такое осторожное, такое размеренное — здесь явно пасовало. Поэтому нужно было качественно обогатить эвристики. Это и делал Николай Ладов: отталкиваясь от поэтической интуиции древних, он смело сопрягал биологию и космологию. Мысль получала масштабную цель, — создать для Вселенной механизмы самовоспроизведения. Пусть ноосферы погибнут в крошечной мгле сингулярности: но они упадут в нее, как семена падают в почву. Такая возможность вдохновляла: иначе казалось бессмысленным все — и эволюция Вселенной, и рождение разума.

Память...

Вот основа жизни и культуры. Семена, книги, картины — это все контейнеры памяти. Беспamięтство — ужасает. Страшна не столько сама смерть, сколько беспamięтство: оно иррационально и алогично, ибо лишает мир смысла. Всю эволюцию можно представить как обретение материей памяти — и постоянное ее усиление: запомнить — значит победить смерть.

Люди всегда стремились оставить о себе память. Она — в детях, она — в книгах, она — в музыке. Многие великие свершения были сделаны во имя того, чтобы бросить вызов забвению — и навсегда утвердиться в вечности. Достаточно вспомнить египетские пирамиды: они — гигантские резервуары памяти.

Желание оставить о себе память двигало теперь всеми человечествами мира. Такого еще не знала история Вселенной. Страх забвения впервые осмысливался в космологическом аспекте, — вот почему глубоко поэтические идеи Ладова получили отклик во многих сердцах. Они давали

путь к победе над забвением! Люди по-новому смотрели на деревья, на травы. Эта серебристая ива, этот солнечный девясил. Может, они и вправду помогут нам восстать над смертью? В душах затеплилась надежда. А с нею было легче глядеть в будущее,— оно уже не казалось таким беспросветным.

Но как еще больше высветлить перспективу времени? Лев Гинский тоже думал об этом. В отличие от Ладова он отдавал предпочтение строго аналитическим схемам мышления. Лева был блестящим логиком. Это вовсе не делало его сухарем,— он обладал богатой фантазией и интуицией. Однако свои наитья Гинский всегда поверял точным расчетом. Дисциплина мысли стояла у него на первом месте. Читая работы друга, я наслаждался тем порядком, который царил в них. Тут все было расставлено по своим местам. Умозаключения разворачивались с редкостным изяществом. Мысли блистали новизной.

Лева умел убеждать. Его выводы принимались сразу,— их необычность как-то не ощущалась. А ведь Лева занимался логикой возможных миров! — это научное направление по сути дела граничит с фантастикой. Но отличается от нее безупречной доказательностью: приняв те или иные аксиомы в качестве определяющих космологических условий, логика возможных миров последовательно разворачивает их в целостную модель. Да, это своеобразное моделирование вселенных! — но только им задаются особые свойства: такие, которые противоречат логике нашего мира.

Можно подумать, что это — изощренная игра интеллекта. Зачем выходить за рамки обычных логических отношений? Ведь в нашей логике

отражены сущностные черты реального бытия. Если Вселенная — одна, то и логика тоже одна. Немыслимо вообразить себе другую логику!

Но так рассуждает обыденное сознание. Доступные ему сферы бытия оно отождествляет со всей реальностью. Такое явно поспешное отождествление стало причиной многих ошибок. Оно — оплот научного консерватизма: часто ученый оказывается неспособным принять новое, ибо не находит для него места в привычных логических ячейках. Число этих ячеек ученый мыслит конечным: заполнив пространство логических возможностей, он считает его исчерпанным,— и не хочет расширять для принятия новых фактов.

Логика возможных миров исходит из принципа неисчерпаемости реальности. Она радикальнее всех наук отказывается от абсолютизации известного. Делается смелое допущение: возможна не только множественность Вселенных, но и множественность логик, реализующихся в этих Вселенных. Серьезная задача для человеческого интеллекта! Он должен переключиться на новые логические схемы,— освоить их, сделать для себя органичными. Более того: сами эти схемы должны быть созданы им! — ибо они не выводятся из эмпирического материала, а творятся внове. Мысль совершает невероятное путешествие: она покидает этот привычный мир,— и безоглядно уходит в совсем другую Вселенную. Сможет ли человек приспособиться к ее парадоксам?

Еще недавно это действительно было высокой интеллектуальной игрой. Но теперь в ней четко пробрезжило практическое содержание. Ведь мы надеемся, что на помощь нам придет разум других вселенных. Значит, необходимо подготовиться к тому, чтобы принять эту помощь. Какова

природа другого разума? Он мог возникнуть в лоне иного мира, где действуют неведомые нам законы.

Есть всегда глубокая ответственность между миром и разумом. Меняя внутренние параметры бытия, мы будем получать другие структуры мышления. Пока мы не встретились с ними в реальности,— ноосферы нашего мира имеют одинаковую логику. И это понятно: наша Вселенная едина,— везде в ней действуют одни и те же законы физики. Но как бы выглядел мир при некоторых коррективах? Например, в случае изменения физических констант. Никто всерьез не задавался этим вопросом. Но теперь он представлял особый интерес.

Занятие логикой возможных миров требовало расширенного сознания. И Лев Гинский сумел выработать в себе это редкое качество! Он отличался удивительной терпимостью. Уклоняясь от участия в спорах, Лева мастерски примирял спорящих: в их взглядах он находил точку соприкосновения. Это давало возможность для синтеза позиций: получалось так, что обе стороны оказывались правыми. Для того чтобы показать это, нужно было обладать широтой подхода. Все ли способны проявить столь непростое свойство? — ведь гораздо легче занять одностороннюю позицию. Но Гинский знал: истина многогранна — для ее охвата недостаточно одного метода или подхода.

Лев очень любил живопись,— причем самую разную: от Джотто и Босха до Пикассо и Миро. Не являлся ли столь широкий вкус преломлением профессиональных интересов Гинского? — ведь художники творят неповторимые миры: каждый мастер сам определяет законы создаваемой им Вселенной. Вот почему в мире Чюрлениса дейст-

вует другая логика, нежели в космосе Кандинского; а физика невесомых миров Шагала не подходит для объяснения парадоксальной Вселенной Эшера. Искусство предчувствует многообразие Вселенных! И поэтому Лев с таким интересом изучал его. Он даже стал писать искусствоведческие работы, снискавшие успех благодаря своей оригинальности. Гинский как бы переселялся в мир Ван-Гога или Клее,— и изнутри изучал законы его устройства. В этих работах Гинский действительно подчеркивал универсализм разума: мы способны переходить к самым фантастическим системам отсчета,— и при этом мир не будет терять для нас логической связности. Человек сможет адаптироваться к другой Вселенной! Неизвестно, представится ли ему такая возможность: но разум готов гибко и пластично перестроиться в соответствии с иной логической структурой этой Вселенной.

Гинский посвятил немало исследований логике антимира. Его привлекала эта идея. Ведь бинарная схема «да — нет» очень существенна для всего логического аппарата. А тут она находила интереснейшее модельное воплощение! — свойства одного мира выводились путем отрицания свойств другого мира.

В физике существовало несколько концепций антимира. Самая ранняя из них предполагала лишь зарядовое различие между двумя мирами: один был построен из вещества, а другой — из антивещества. Такая перемена знаков ничего не меняла в логике обоих миров. Но другие концепции приводили к большим логическим затруднениям. Разрешимы ли они обычными средствами? Гинский отвечал отрицательно на этот вопрос. Снять парадоксы могла только новая логика, соот-

ветствующая специфическим законам антимира.

В одной из моделей антимира допускалась возможность обращения времени: при переходе через сингулярность меняются не только зарядовые знаки,— время начинает идти вспять, от будущего к прошлому. Это кажется чем-то совершенно невероятным! Вселенная с обращенным временем похожа на бредовый мир художника-сюрреалиста. Если дать волю воображению, то можно представить многие следствия, вытекающие из обращения времени. На эту тему было снято немало фантастических фильмов. Люди там восставали из могил,— и это было для них моментом рождения. Они жили как бы в обратном направлении: неуклонно молодели (старели в их понимании); . теряли опыт (но считали, что приобретают его).

Гинский с улыбкой смотрел эти фильмы, прекрасно понимая, что обращение времени здесь понято чересчур буквально,— и тем не менее даже в такой своей форме оно оказалось ценнейшим приемом для познания человеческой психологии. Поэтому Гинский охотно консультировал писателей и режиссеров. В конце концов их работа тоже расширяла сознание, подготавливая нас к восприятию парадоксальных миров.

Лёва написал большой труд «Логика обращенного времени». Он показал ошибочность упрощенного подхода к этой проблеме. В мире с обратным ходом времени сохранялась причинно-следственная последовательность событий,— там была возможна жизнь: правда, с другими законами наследственности и эволюции. Очень своеобразно в таком мире должен функционировать разум,— предчувствие и воспоминание для него как бы меняются местами. Поэтому у мыслящих

существ, живущих в антивремени, сложится весьма своеобразная философия. Впрочем, она не будет слишком чуждой для нашей системы понятий,— ведь земляне много размышляли о возможном влиянии будущего на события: достаточно вспомнить о роли пророчеств в древней культуре.

Гораздо более труден для понимания антимир с обращенной причинностью. Представьте себе ситуацию, когда сигнал воспринимается раньше, нежели он испущен! — вы еще не сказали слово, а оно уже услышано адресатом: странно, непонятно, алогично. Следствие опережает причину! Это кажется чистой фантастикой, это не укладывается в нашем сознании. Мы воспитаны каузальной гармонией нашего мира. И нам трудно представить иной тип причинно-следственных отношений: сама попытка сделать это кажется головоломкой и вызывает мучительные ощущения.

Между тем мир с перевернутой причинностью становится неизбежным в том случае, если принять существование тахионов — частиц, движущихся со сверхсветовыми скоростями. Физики построили немало теорий, которые допускали наличие тахионов. Однако обнаружить экспериментально эти загадочные частицы не удавалось. Лучшие физики Вселенной бились над тахионной проблемой! Но безрезультатно. Поэтому представления о причинностной логике нашего мира остались незабываемыми.

Но недавно тахионами заинтересовались психологи. Дело в том, что наконец-то удалось наладить устойчивую телепатическую связь между несколькими ноосферами. Раньше подобные опыты проводились на небольшом пространстве,— обычно в пределах одной планеты и ее спутников. Поэтому было очень трудно рассчитать скорость переда-

чи телепатической информации. И вот ученые из Весов предложили радикальный опыт! — попытаться установить телепатический контакт на звездном расстоянии.

Для эксперимента были выбраны две планеты с однотипными цивилизациями, разделенные пространством в сто четырнадцать световых лет. Для одоления этого расстояния хронодинамической ракете требовалось примерно четыре года. Но благодаря использованию тонких эффектов столь длительные сроки удавалось несколько сокращать, — при этом одолевались известные разрывы во времени между астронавтами и обитателями их родной планеты: «парадокс близнецов» был практически разрешен. Тем не менее длительные путешествия в космосе еще встречались с большими трудностями. Радиус полетов даже у самых развитых цивилизаций не превышал нескольких миллионов световых лет. Лишь благодаря своеобразной информационной цепи мы знали о далеких ноосферах. Сведения по этому незримому проводу двигались с медленной скоростью, — возраст некоторых из них приближался к миллиарду лет. Чего достигли за это время авторы посланий? Увы, об этом мы могли лишь догадываться.

Поэтому до сих пор наш космос все же не стал интегральной системой. Непосредственное сотрудничество осуществлялось лишь внутри галактик. Хотя иногда предпринимались крупные межгалактические акции, но они были очень редкими, — и вызывались к жизни чрезвычайными обстоятельствами. Обычно информационная связь между галактиками поддерживалась с помощью релятивистских зондов.

И вот — радостная новость! Телепатический контакт между мирами осуществлен мгновенно. Зна-

чит, ноосферы могут подняться на новую ступень единства, — их разрозненность будет одолена благодаря мгновенной связи.

Но что является носителем телепатической информации? В поиске ответа на этот принципиальный вопрос психологи обратились к гипотезе тахионов. Быть может, неуловимые частицы надо искать не на физическом, а на психическом уровне организации материи? — идея о том, что генератором тахионов является мозг, вызвала дискуссию во многих ноосферах. Подтвердится ли смелое предположение? Для решения проблемы требовались длительные опыты. К тахионам снова был привлечен широкий интерес, — и Гинский решил заняться логическим анализом гипотезы.

При мгновенной связи причина и следствие оказываются синхронными, — между отправлением сигнала и его получением нет никакого разрыва во времени. Варьируя условия, мы можем получить и другое соотношение: следствие будет опережать причину. Тогда каузальная гармония перевернется в чудовищном зеркале! — сын предшествует отцу: книга читается раньше, чем она написана; альфа и омега совершают небывалую рокировку.

Быть может, целостность и сохранность нашего мира обеспечивается именно тем, что в нем нет сверхсветовых скоростей? — они бы вносили сумятицу и хаос в логику Вселенной, переворачивая ее причинность. Это соображение Лева считал весьма серьезным. Поэтому привлечение гипотезы тахионов к объяснению мгновенной связи он подверг критике. Он доказывал: физические сущности не могут передвигаться в нашем мире со сверхсветовыми скоростями. Но сохраняется ли этот запрет для наших мыслей, идей? Очевидно,

не сохраняется. Однако в объяснении феномена мгновенной связи психологи должны обходиться без физических понятий. Иначе их построения становятся некорректными: происходит логически недопустимое смещение уровней,— и в результате истина ускользает от исследователя.

Но Лева вовсе не отрицал существования тахионов. Он их считал запрещенными только в нашей Вселенной! С позиции логики возможных миров Гинский выявлял условия, при которых обычная причинность заменяется иными структурами. Не начинается ли за сингулярностью область тахионных отношений? Соображения симметрии говорили в пользу этой идеи. Сингулярность здесь рассматривается как своеобразная плоскость симметрии. Она делит мир на две равные части. По одну сторону — мир тардионов, наших обычных частиц; по другую сторону простирается тахионная Вселенная с ее парадоксальной перевернутой причинностью.

Лев Гинский попытался промоделировать логику странного тахионного мира. Нет, он вовсе не был алогичным! — в нем имелась своя красота и гармония. Однако меры этого мира с трудом воспринимались сознанием. Но все же — воспринимались. После определенной интеллектуальной тренировки человек начинал ориентироваться в логических связях тахионной Вселенной. Гинский утверждал: это еще одно свидетельство нашего универсализма! — мысль способна понять любые отношения, любую логику.

Тахионная Вселенная оказалась самой парадоксальной из всех возможных миров. Тем не менее она не была абсолютно чуждой сознанию. Более того: в каком-то смысле человек отчасти принадлежал этой Вселенной! Ведь во сне причинность

переворачивается точно так же, как в тахионном мире: следствие здесь самым фантаσμαгорическим образом опережает причину.

За окном прозвенел колокол,— и в сознании спящего человека развернулась целая картина. Он оказался участником сложного действия, богатого сюжетными поворотами и перипетиями. Венчало этот спектакль шествие на казнь: человек ощущал себя идущим среди осужденных,— над городской площадью гремел колокол.

Если присмотреться к структуре этого сна, то не трудно заметить, что причинно-следственные связи здесь необычны. Звон колокола: был ли он причиной или следствием разыгравшихся событий? Для бодрствующего сознания это причина, включившая удивительный механизм сновидений. Но в системе отсчета спящего колокольный звон является финалом печальной и длительной драмы! Поражает и другое: за толику мгновения во сне разворачивается целая серия событий. Значит, время здесь имеет иную плотность и скорость. Иногда за долю секунды перед спящим проносится вся его жизнь. Пусть это субъективные ощущения. Но за ними наверняка стоит нечто очень глубокое, доселе не познанное. Время и причинность сна словно уводят нас в другое бытие — его законы существенно отличаются от характеристик физического мира. Психологический космос! Мы еще не познали его заповедных глубин.

Время и причинность сна имеют поразительную аналогию с тем, что должно наблюдаться в гипотетической тахионной Вселенной. Будто во сне и впрямь открывается окно в этот странный мир! Пусть тут имеет место случайное сходство. Но все равно загадочная аналогия должна быть при-

стально исследована. Ведь во сне как бы моделируется тахионный мир,— это ценная возможность для постижения неизвестного.

Узнаем ли мы когда-нибудь, что происходит за чертой сингулярности? Для Льва Гинского этот вопрос приобретал все большее значение. Он стал задумываться о возможной реальности тех миров, свойства которых пытался предугадать в своих исследованиях. Еще вчера его интерес к этим мирам был чисто абстрактным. Моделируя их, мысль обретала несравненную гибкость!—трудно придумать более удачный тренаж для развития воображения. Но теперь за игрой логической фантазии хотелось прозреть черты реальной действительности. Ведь Вселенная нуждалась в помощи. А она могла прийти только от миров, лежащих за космологическим горизонтом событий! Если такие миры существуют, то надо искать контакта с ними. А этому должна предшествовать огромная работа по расширению сознания. Мы не вправе считать, что все миры имеют одинаковую логическую структуру,— поэтому следовало готовиться ко встрече с небывалым: эту цель и поставил перед собой Лев Гинский. Он верил в истинность своих интуитивных предчувствий. Хотя для этого не было никаких эмпирических оснований,— наука по-прежнему имела дело только с одной Вселенной. Могло оказаться так, что она единственна. Но доказательство ее единичности все равно не обесценило бы работ Гинского. Лева трудился не зря: его оригинальные идеи расширили человеческое сознание. А это немалая вещь!

Теперь мне остается представить третьего нашего друга: Юрий Долин, ноолог. Свою специальность Юра избрал еще в школе, когда ноология только-только зарождалась. Правда, это относи-

лось лишь к нашей планете: сравнительным изучением ноосфер широко занимались многие цивилизации космоса. Теперь и Земля могла внести свой вклад в эту увлекательную науку.

Ноология еще не освободилась окончательно от кризиса, вызванного открытием не-антропоморфных цивилизаций. Каждая наука знает свои кризисы. Без них нет продвижения вперед,— сколь болезненно они ни проходят. Не укладываясь в рамки старых представлений, новые факты революционизируют научную мысль. Такое потрясение пережила и ноология.

Классические ноологи исходили из того, что эволюционные пути, ведущие к разуму, являются едиными для всей Вселенной. В пользу этой концепции говорили бесчисленные факты. Все известные к тому времени цивилизации были антропоморфными. Торжествовала вдохновенная формула Протагора: «Человек — мера вещей». К этой мысли пришли ученые многих миров. Она наполняла сердца высоким чувством единства. И это — понятно! Гуманизм приобретал воистину космическое звучание.

На огромном пространстве Вселенной разумные существа были построены по одному типу. Отдельные признаки широко варьировали. В частности, амплитуда роста имела довольно большой размах: от трех метров до семидесяти сантиметров. Но эти различия казались совершенно второстепенными,— они отступали на задний план перед главным фактом: эволюция разных планет вела к Человеку.

Сходство касалось не только биологии. Удивительные параллелизмы выявлялись и при сравнении духовной жизни ноосфер! Даже стили в искусстве были аналогичными на многих планетах. Не-

давно вышла первая обобщающая монография на эту тему,— ее название интригует: «Готический стиль в космосе». Иллюстрации этого труда производят потрясающее впечатление. Мы видим, как на разных планетах устремления духа отливаются в одинаковую форму! — вот готика планет Ориона; вот готика зодчих Возничего; вот готика из галактики М 81. Нет, буквального сходства тут не было,— архитекторы отнюдь не повторяли друг друга. Печать неповторимой индивидуальности лежала на каждом шедевре. Однако стилевое родство бросалось в глаза.

Эти устремленные ввысь формы! Одни — кристалловидные, другие — винтообразные, третьи — ракетоподобные. Разные принципы, разный материал. Но одно — общее: это тяга ввысь,— к звездам, к бесконечности. Смысловое содержание определяло единство эстетического решения,— во всех постройках было нечто инвариантное: и характер пропорций, и подчеркнутая духовность.

Сравнительная ноология выявила немало совершенно поразительных соответствий между цивилизациями. Они касались и социальных структур, и этических норм, и ценностных представлений. В разных условиях развивались сходные философские системы. Логика развития науки тоже была почти идентичной для всех планет. Одинаковым образом формулировались цели общественного развития.

Да, это было подлинное единство. Но единство в разнообразии! Культуры-двойники не встречались в космосе. Удивляли не только параллели и аналогии,— впечатляла и безусловная самобытность каждой цивилизации: у нее были свои неповторимые достижения. Даже формулировка единых

для всего мира законов физики никогда не совпадала.

Это блестяще показывало, что роль субъективного момента в познании огромна: каждая культура преломляла мир по-своему, замечая и выделяя в нем то, что ускользало от внимания братьев по разуму. Поэтому каждый новый контакт приводил к взаимному духовному обогащению. Ноосферы познали радость космического диалога! — в сотрудничестве им открывались новые грани неисчерпаемой истины.

Однако теперь очевидно, что ноологи больше уделяли внимания моменту сходства, а не моменту своеобразия ноосфер. В ретроспективе это легко объяснить,— радость первых встреч затеняла различия: важно было найти и подчеркнуть общее, единое. Эта эмоциональная атмосфера наложила свой отпечаток на труды классиков ноологии. Пафос вселенского единения исторически оправдан. Как радостно было изучать созвучья между ноосферами! Быть может, иногда даже преувеличивалась глубина этих соответствий. Особенно натянутыми кажутся сейчас работы по сравнительной космической лингвистике: поиски языков-близнецов в космосе подчас приводили к весьма нарочитым сближениям. Чувствуется в этих работах некоторая заданность,— поэтому их нельзя считать вполне объективными.

Но я еще раз подчеркиваю: акцент на близком и родственном вполне понятен,— молодые содружества ноосфер спешили утвердиться в ощущении своего духовного братства. Поэтому все различия казались поначалу второстепенными деталями. Не индивидуальное, а инвариантное волновало первых ноологов! — поэтому их концепции отмечены явной односторонностью.

Природа разнообразия ноосфер — их индивидуальности, их неповторимости — оказалась практически неисследованной. Это привело к абсолютизации основного положения ноологии: жизнь имеет тенденцию развиваться по направлению к человеку. Говоря иначе, антропоморфное разумное существо должно венчать эволюционный процесс!

Поначалу это положение было сформулировано осторожно, — в виде вероятностного допущения, а не как безоговорочный постулат. Но со временем оно стало именно постулативным. Это была коллективная ошибка большого числа ноосфер. Именно поэтому они оказались методологически неподготовленными к великим открытиям. А эти открытия свидетельствовали: эволюция не придерживается одного канона, — носителями разума могут быть существа иного типа, чем человек.

Были обнаружены не-антропоморфные цивилизации. Приоритет здесь принадлежал нашим братьям по разуму. Поэтому будет точнее сказать, что это они обнаружили нас. Ошеломленные, *мы* не сразу поняли небывалых вестников. А вот гости были гораздо лучше подготовлены к контакту.

И это не случайно: содружество братьев по разуму объединяло очень разные существа. Сама его структура делала невозможной абсолютизацию какого-нибудь одного канона. Философия разнообразия там получила широкое развитие! А единство понималось глубже, чем у нас: первостепенную роль играли духовные, а не физические характеристики.

В далекой области нашей Вселенной эволюция вела к разуму не отдельных индивидуумов, а сложные комплексы колониальных организмов. Да, это были мыслящие сверхорганизмы, — разум

являлся функцией целостного сообщества, а не его отдельного элемента. У такого сообщества ярко проявлялось личностное начало. Оно и было личностью! — настоящей полноценной личностью, богатой чувствами и эмоциями. При разговоре через электронного переводчика совершенно терялось ощущение, что разговариваешь с колонией простейших организмов: казалось, будто беседуешь с бесконечно близким и родным тебе существом.

И разве это ощущение в принципе было ошибочным? Но нам пришлось радикально расширить сознание, чтобы понять глубину столь нетривиального родства. Это была трудная работа над собой, — пришлось одолевая инерцию вековых убеждений. Но человеческий разум доказал свой универсализм! — в том и суть разума, что он может понимать любое существо: даже если это существо кажется невероятным и фантастичным. Неприятие и отталкивание исходят от привычки, от рассудка, — но подлинный разум способен понять и принять всё. Ведь разум потенциально равен Вселенной! — поэтому и самую ошеломляющую новизну он в состоянии воспринять: пусть с трудом, пусть не сразу, пусть постепенно. Но понимание придет неизбежно, ибо в разуме заложена широта всеприятия, без которой нельзя познать неисчерпаемый мир.

Свободная воля; дар сострадания; чувство прекрасного — вот подлинные критерии родства для всех разумных существ Ойкумены. Различие эволюционных путей — не суть главное: в разуме сходятся все линии развития. А им несть числа! Отсюда разнообразие морфологических типов. Но разум — един: независимо от того, в какой эволюционной форме он самоосуществлялся.

Так рассуждал Юрий Долин: все вышеизложен-

ное — реферат его мыслей. С детства мы отмечали в Юре необыкновенную способность к сочувствию, — он умел легко проникаться заботами и мыслями товарища. Чужую боль Юра переживал как свою. Столь же переимчиво он воспринимал и радость друзей! — ни у кого я не видел такой счастливой, такой искренней улыбки.

Не этот ли исключительный дар сочувствия стал для Юры верным подспорьем в его исследованиях? Ведь он должен был проникнуться строем чувств и мыслей очень далеких от нас существ. Для этого была нужна особая пластичность духа. Без такой утонченной интуиции — точнее соинтуиции! — понимание оказалось бы недостижимым.

Недавно на Землю поступили все известные материалы о цивилизациях не-антропоморфного типа. Так что у Юры уже была почва для некоторых обобщений. Понятен тот интерес, с каким мы слушали его.

У не-антропоморфных цивилизаций был лишь один общий признак: это структурный закон их организации — они состояли из колониальных сообществ, обладающих разумом. Что касается составных элементов сообщества — а они были организмами-индивидуумами в нашем понимании, — то их природа поражала своим разнообразием. На одной планете колонии образовывали существа, напоминающие наших гидроидов; другая ноосфера была создана одноклеточными организмами, структурно похожими на простейшие водоросли; третья планета принадлежала полуклеткам-полукристаллам, отдаленно напоминавшим земные формы вирусов. Этот список можно продолжить! — я назвал лишь некоторые из ноосфер, особенно парадоксальные для сознания человека.

Элементы-организмы могли существовать отдельно от сообщества, но в этом случае они почти ничем не отличались от своих земных аналогов: им были присущи лишь самые элементарные инстинкты. Однако они обладали одним уникальным и загадочным для нас свойством. Включаясь в сообщества, существа функционально преобразались! — они становились элементами разумного Целого, Это казалось совершенно поразительным. Как если бы каждая нейроклетка нашего мозга была способной к самостоятельному существованию! Это не столь уж поверхностное сравнение. С кибернетической точки зрения наш мозг имел такую же структуру, как и мозг колониальных сообществ, — в обоих случаях использовались одинаковые схемы и алгоритмы. Этой общностью и объясняется тот невероятный факт, что цивилизации обоих типов создали совершенно аналогичные кибернетические устройства!

Мы моделировали свой мозг, — и поэтому отвлекались от его биологических особенностей: нас интересовал чисто функциональный аспект, который был воспроизводим в технических системах. Цивилизации не-антропоморфного типа шли точно таким же путем, поэтому их ЭВМ как две капли воды были похожи на наши. Уникальный пример конвергенции! — две совершенно независимые линии развития привели к одинаковым результатам. Так в научном творчестве цивилизаций — на путях обретения истины — выявилось их сущностное родство. И что перед этим глубоким созвучьем все биологические различия? — они никак не могли помешать контакту.

Впрочем, и биологическая непохожесть отнюдь не была столь резкой, как это казалось первоначально: при обобщенном системном взгляде

высвечивались инвариантные черты, в равной степени присущие обоим типам существ. Юрий Долин посвятил немало труда выявлению такого изоморфизма*.

Наш друг отталкивался от теории симбиоза, созданной эволюционистами XX века. Симбиозом они называли взаимовыгодное сотрудничество различных существ. Многие симбиотические связи закреплялись эволюционно,— так возникали новые целостности: многоклеточные организмы; стайные содружества птиц; колонии общественных насекомых.

Каждая клетка возникла симбиотическим путем. Соединение клеток в организм тоже было симбиотическим процессом. Так что в определенном смысле каждый из нас является колонией клеток. Только степень интегральности здесь достигла высшего предела! — части не могут существовать вне целого: они неразрывно спаяны в единую систему.

Эволюция на дальних планетах нашла иные пути к интегральности. Но в общем тут повторена единая схема: соединяясь вместе, элементы образуют качественно новый тип организации. Диалектика эволюционного процесса универсальна для всех миров! Но только она принимает разнообразные формы.

Между элементами-организмами, образовавшими разумное сообщество, существовало разделение труда. Правда, оно не было таким очевидным, как в нашей биосфере, где у животных специализированы не только органы, но даже отдельные клетки. Подобной специализации в разум-

ных сообществах не наблюдалось,— составляющие их элементы внешне казались совершенно идентичными, взаимоподобными. Но эволюция наделила их функциональным универсализмом! Они могли играть разную роль в составе целого, становясь то аналогом нашего нейрона, то подобием слухового рецептора. Такая многофункциональность казалась удивительной. Она придавала сообществам особую жизнестойкость,— выходящий из строя элемент легко заменялся другим. Поэтому сообщества являлись практически бессмертными. Каковы же были накопления их памяти! —личный опыт здесь складывался в течение миллионов лет. Вот почему рядом с таинственными существами мы чувствовали себя поденками-эфмеридами. Но это ощущение было ложным,— ведь в процессе обучения мы усваивали опыт всей своей ноосферы. Поэтому наш диалог с разумными сообществами мог происходить на равных. Хотя поначалу это представлялось невозможным,— столь несоизмеримы были сроки нашего бытия. Однако мы забывали, что в социальном смысле наша ноосфера тоже победила время,— очевидно, и бессмертие может достигаться различными средствами.

Вот фотографии разумных сообществ, полученные из дальнего космоса. Конечно, их гениальная архитектура сразу свидетельствует о том, что перед нами — ноосфера. Но сами сообщества выглядят очень обычно. Вот мы видим песчаный берег какого-то гигантского океана,— на мелководье заметно множество существ, похожих на наших моллюсков-битиний. Разве можно догадаться, что интенсивные биополя соединяют их в одно целое? Что структура сообщества достигла высочайшей сложности? Что оно мыслит и запоминает, ищет и творит?

* Изоморфизм — структурное сходство разнокачественных систем и наличие у них инвариантов.

А вот схема информационных и функциональных связей в сообществе. Какой невысказанно сложный лабиринт линий! Точно так же выглядит графическое представление знакомых нам систем: нашего мозга, нашей ноосферы.

Великолепны эстетические достижения сообщества. Естественно, что у них не мог получить развития жанр портрета, столь важный для истории искусства Земли,— однако попытки выразить свой внутренний мир достигли успеха. В гармонии объемов и линий воплощались своеобразные представления о прекрасном! Это была великолепная пластика. Она содержала богатейшую духовную информацию, вполне понятную и нашему эстетическому сознанию. Мы узнавали в этом искусстве свое, родное: любовь, отчаяние, надежду,— весь спектр человеческих чувств разворачивался перед нами.

Я не оговорился: это было человеческое искусство! И создали его люди, личности. С трудом расширялось наше косное сознание, дабы небывало раздвинуть представления о человеческом. Ведь это понятие имеет не только биологический смысл. Оно гораздо шире, гораздо глубже! С точки зрения систематики даже антропоморфных инопланетян нельзя назвать людьми. Но ни мы, ни они не стали придумывать новых понятий. Человек! — это определение стало теперь воистину вселенским.

Что соединяло нас в одно братство? Прежде всего, единство плана строения. Оно было столь очевидным, оно бросалось в глаза. Разумеется, это визуальное сходство играло существенную роль в процессах сближения. Ведь конкретно-чувственная информация являлась для нас особенно важной: с нее начиналось познание,— резкий

переход в область логического и абстрактного был для нас непросто делом,

И вот сейчас мы должны были сделать такой переход! За внешними различиями нам предстояло обнаружить сущностное сходство. Для этого нужно было отвлечься от всего конкретно-чувственного.

Понятие человеческого впервые утрачивало живой и образный смысл: мы углубляли его, переходя от визуальных подобий к гораздо более тонкому и сложному изоморфизму. Чувства поначалу оказывали сопротивление. И это понятно: инерция наглядных представлений о человеке была огромной. Но разум все же сумел преодолеть ее.

Юрий Долин выбрал для исследования труднейшую тему,— его интересовало проявление личностного начала у разумных сообществ. Бесспорно, это самый существенный аспект проблемы. В нем — основа взаимопонимания, в нем — ключ к диалогу. Сложность исследования усугублялась тем, что непосредственный контакт с разумными сообществами был пока невозможен,— они обитали на расстоянии нескольких миллиардов световых лет от нас. Но нам была доступна информация об их искусстве. Так бывало уже не раз: прекрасное оказывалось лучшим посредником в установлении духовного контакта.

Вот и сейчас эстетика дальних миров открывала нам душу таинственных братьев по разуму. Поэтические жанры — только не словесные, не вербальные! — процветали у них. Несмотря на свою необычность, эта поэзия все же была переводимой. Даже ее изысканные ритмические структуры находили адекватное воплощение в переводе! Но многое неизбежно терялось при такой передаче. Можно ли получить полное представление о прелюде Шопена лишь на основе тактильных ощущение-

ний? — но именно так воспринимают музыку глухие: и на их лицах мы видим слезы, вызванные радостью гармонии. Так и здесь: мы не могли непосредственно пережить красоту инопланетной поэзии, — однако самое главное все же несомненно доходило до нас.

Юра Долин очень увлекался переводами инопланетной поэзии. Мы с наслаждением слушали загадочные стихи! Все в них было необычным: и метафорический строй, и богатейшая ритмика. Содержание стихов казалось удивительно близким. В них прекрасно звучала тема преодоленного одиночества. Далекие поэты тоже познали радость диалога. Они были на редкость общительными людьми, — это чувствовалось по тем теплым нотам взаимности, которые так отчетливо звучали в их стихах. Легкая ирония, чувство юмора, элегическая грусть — все было в этих изумительных стихах. Они помогали нам познать самих себя. И это ли не свидетельство того, что мы имели дело с человечнейшим искусством? Духовная созвучность ноосфер вдохновляла нас.

Цивилизации антропоморфного и не-антропоморфного типа располагались в диаметрально противоположных областях Вселенной. Очевидно, пространственное распределение ноосфер подчинялось какой-то закономерности: неизвестные космические условия благоприятствовали развитию цивилизаций именно данного типа. Ведь не могло быть случайным столь четкое разделение Вселенной на две области! Возможно, эта своеобразная асимметрия имела другую причину*. Она могла

* Появились работы, в которых асимметричное распределение ноосфер во Вселенной сравнивалось с функциональной асимметрией мозга — его правое и левое полушария неоднородны с точки зрения выполняемых ими функций.

задаваться не космическими факторами, а неведомым нам видом информационного взаимодействия. Первая биосфера, возникшая в той или иной галактике, создавала вокруг себя своеобразное информационное поле: оно благоприятствовало появлению таких же форм жизни в окрестных мирах. Этими тонкими влияниями отчасти ограничивалось типологическое разнообразие ноосфер.

Не исключено, что обе гипотезы являются в равной степени верными: и космические условия, и информационные воздействия могли направлять эволюцию биосфер по одному руслу. Хотелось верить, что эта интереснейшая проблема в будущем получит полное разрешение, — пока же мы просто констатировали факт: сама структура Вселенной содействует развитию диалога. Гармония есть единство противоположностей! — теперь мы видели новое торжество этого принципа. В гармоническом единстве двух вселенских содружеств нам открывалась увлекательная перспектива будущего. Представления о гармонии космоса неожиданно расширились. А убеждение в единстве космической жизни стало подлинно диалектичным.

Наше познание охватывало практически всю Вселенную. Можно было уверенно предполагать, что иных типов организации разумной жизни в ней нет: разнообразие ноосфер делилось на два крупных таксона — антропоморфные и не-антропоморфные цивилизации*. В этом классификационном разбиении множества ноосфер на два типа была несомненная логическая красота. Еще древние открыли, что двоичность заложена в самом фундаменте мироздания! — и вот мы видим, как раздвоение единого проявляется на сложном ноосферическом уровне.

* Таксон — систематическая единица.

Хотелось говорить о дополнительности цивилизаций двух типов. Быть может, даже о их симбиозе во вселенском масштабе! Единая ноосфера Вселенной имела замечательную структуру: гармония, диалог, сотрудничество — все эти возможности и качества были заложены в ее двухполюсной организации.

Теперь сравнительная ноология работала с богатейшим материалом. Но мы не хотели повторять своих старых ошибок. Являются ли две известные нам формы разумной жизни единственными? Ноология стремилась заглянуть за космологический горизонт событий: там — неизвестность, там — новизна. Отныне это стремление имело не только познавательную цель. Утвердив дух сотрудничества в пределах нашей Вселенной, мы стали мечтать о межвселенских контактах! — и у этой мечты были жизненные корни: помочь нашему коллапсирующему миру могли только извне. Но найдем ли мы друзей и сотрудников за рубежами этого космоса?

Юра Долин больше других размышлял над этим вопросом. Его широкое сердце готово было принять самых небывалых вестников. Ибо он верил: дух добра царит во всех Вселенных. Конечно, если они существуют,

— А существуют ли? — спрашивал голос сомнения. Но интуиция перебивала его: — Должны, должны существовать! Ведь бытие беспредельно.

Люди или планеты, галактики или вселенные, — разве вы не найдете друг друга? Всюду торжествуют красота и творчество, всюду — разнообразие. Но одно начало едино для всех проявлений разума: это — этика. Вот ее постулаты: сочувствие, взаимопомощь, жертвенность. Если за чертой сингулярности кто-то узнает о нашей трагедии, то он

сделает все, чтобы немедленно прийти нам на выручку. Даже необходимость рисковать жизнью не остановит далеких собратьев, ибо на взаимности держится мир, — ибо движет его эволюцией любовь и сострадание.

ГЛАВА 4

Мы зашли глубоко в каменные дебри Гима-лаев. Иногда казалось: из этого скального лабиринта нет выхода! — и нам навсегда суждено остаться здесь. Но это ощущение было ошибочным. Мы скоро привыкли к Гималаям, — и они перестали восприниматься как средоточие хаоса. Нам открылась внутренняя гармония гор. Мы словно поняли скрытую логику их строения. И уже перестали чувствовать себя потерянными среди таинственного камня! Но ночами иногда возвращались первоначальные ощущения. Горы уходили во тьму, и мы как бы теряли контакт с ними. Величавые массы едва означались в сумраке. Мир становился отчужденным и непонятным. Наверно, такими же были и мы для него.

Но утром все менялось! Происходило настоящее преображение. Будто и впрямь Фаворский свет вспыхивал на каждой вершине, — золотыми кристаллами светились высокие пики. И свет этот был особый: духоносный, прозрачный.

Вот солнце поднялось еще выше, — и с горами произошло нечто небывалое. Они начисто лишились материальности! В них не было массы, не было веса. Какая-то голубая стеклянность чувствовалась в их огромных гранях. Словно небеса просвечивали сквозь горы, — преображенное вещество пропускало через себя свет.

Эти голубые многогранники плавали в золотом

марева. Истаивая в сиянии, они становились эйдосами. Да, это были Платоновы эйдосы! — не горы, а их идея, их замысел: едва прочерченный, едва намеченный лучевой ретушью.

Мы вспомнили картину Святослава Рериха «Тайный час». Он мастерски передал это утреннее развоплощение гор, когда за ними начинается сквозить световая первооснова мира. Тогда наступает мгновение, когда отключается гравитация. О, полетная невесомость Вселенной! Горы плывут в Беспредельность. И ты свободно паришь среди них; и сознание твое становится все шире; и дух твой больше не связан путами суеты.

Немало удивительных феноменов отметили мы в Гималаях: это были и физические явления, и субъективные ощущения. Разве последние менее важны для науки? Ведь душа человека — тончайший прибор: только она и может почувствовать самое неуловимое.

Но наша наука развивалась дисгармонично: внимательная к физическому космосу, она почти не заглядывала в глубины духа. Понятие субъективного стало для нее синонимом чего-то иллюзорного, недостоверного. В этом причина многих упущений. Досаднейшая ошибка! Сколько интересных свидетельств было из-за нее оставлено без внимания, — и лишь потому, что самонаблюдения якобы не заслуживают доверия. Конечно, здесь возможны ошибки, абберрации. Но разве их не бывает даже в самом строгом научном эксперименте?

Немало интересных наблюдений сделали исследователи Гималаев. Они изучали не только горы, но и свой внутренний мир, менявшийся под их влиянием. Вот эта часть наблюдений — интроспекция, самоанализ — как-то не затронула

ученых: рассказы путешественников словно проходили мимо их слуха.

А ведь какие удивительные состояния испытывал человек в Гималаях! Прежде всего захватывают описания, связанные с пробуждением у людей космического сознания. Горы потворствовали этому, воспаляя мысли и чувства.

Да что описания? Ведь мы наяву переживали этот могучий всплеск психической энергии! Она словно пробивала какую-то броню, — и выводила дух на невиданный доселе простор. Восприимчивость обострялась невероятно. Мы чувствовали напряжение каждого камня, готового рухнуть в горную пропасть; тревога птенцов, оставленных в гнезде за сорок верст от нас, передавалась нам; росчерк метеора предошущался за одно-два мгновения, — словно из космоса предупреждали нас о его приближении.

Эта всеполнота восприятия становилась все шире. Не чудо ли? — я без телескопа вижу экваториальный пояс Юпитера: как четко означен он на диске планеты. А вот спутники Юпитера. Один, два, три, четыре... Нет, счет не обрывается! — я вижу пятый, шестой, седьмой спутник. Да, да. Не только четыре Галилеевых спутника видны сейчас, но вся их цепочка, растянувшаяся в ночном пространстве.

Словно у меня работает не только физическое зрение. Не знаю, как назвать этот канал восприятия. Сверхинтуицией, сверхсознанием? Но только четко сознаю, — логический контроль не ослабевает! — что вижу реальные вещи. Это не сон, это не греза. Но что же тогда, что же?!

Я поднимаю глаза на звезду Альбиро. Конечно, я знал когда-то, что она двойная. Но сейчас об этом не помнил. И вот звезда явственно раз-

дваивается! — я вижу два блескучих огонька: золотистый и голубой. Альбирео напоминает мне сам о своей двойственности. Зрелище дивное! Однако — неизбежный вопрос: откуда у моего зрения появилась такая разрешающая способность? Ведь это невероятно, невероятно.

Я разглядывал дно лунных цирков.

Я чувствовал жар песчаных бурь на Марсе.

Я воочию видел, как матовое кольцо Сатурна просвечивает на свету.

Было ли это игрой воображения? Или даже болезненными галлюцинациями? Высказывались гипотезы, что в Гималаях могут выделяться наркотические газы, — они-то и являются причиной необыкновенных ощущений.

Но с нами были самые совершенные химические анализаторы. Мы могли следить не только за ними, — мы контролировали и друг друга: сама эта возможность критической проверки свидетельствует о том, что мы не были пленниками иллюзий. Рациональная сфера нашего сознания работала с полной силой. Не было эйфорического самоупоения, характерного при отравлении наркотиками; отсутствовала логическая бессвязность, обыкновенная при патологических видениях; нервной напряженности не возникало — скорее наоборот: в душе царил полная гармония.

Естественность и органичность! Вот что было характерно для этих необыкновенных переживаний. Ясность и простота приходили к нам при расширении сознания. Это не казалось чем-то экстраординарным: думалось, что так и должно быть, — что мы живем за какой-то глухой стеной, но вот она упала, открывая доподлинный мир: широкий, радостный, гармоничный.

Гималаи окрыляли душу. И это был не просто

эмоциональный подъем! Что-то объективно менялось в нашей психике — растормаживалось, расковывалось. Будто включались какие-то неведомые органы восприятия. Мир отражался в них полно и подробно. И самое главное: он переставал быть чем-то внешним, — Вселенная словно переносилась внутрь души. Или душа обнимала Вселенную! Тогда исчезала извечная расколотовость на внешнее и внутреннее, объективное и субъективное. Мир был тобой и ты был миром. Поэты не раз воспевали это высшее состояние духа. Но чтобы понять их вдохновенные чувства, надо самому пережить радость всеединства.

Много великих идей пришло к людям в Гималаях. Историки теперь показали непреложно: из Гималаев расходились по планете первые этические учения человечества; там окрепла философская мысль землян; среди гор проснулась в людях тоска по дальним мирам.

Хотелось найти рациональное объяснение этим фактам. Ощущая на себе духоподъемную силу Гималаев, мы задумались об одной явной дисгармонии нашего знания: после выхода человека в дальний космос его интерес к родной Земле несколько ослаб, — а в последние десятилетия едва ли не иссяк полностью.

Древние поэты иногда называли Гималаи сердцем Земли. Было ли это только метафорой? Конечно, поэты одушевляют все сущее, — но за их смелой образностью часто стоит истина.

Сердце...

Издревле оно считалось самым чутким органом человека. В самой семантике этого слова переплетаются два смысла: сердце — это средоточье, сердце — это чуткость. Его восприимчивость действительно не знает себе равных. Теперь

установлено: именно сердце отзывается на космические ритмы,— лишь благодаря ему наша жизнь сгармонизирована с пульсом Вселенной.

Быть может, Гималаи играют аналогичную роль для Земли как целого? Когда-то для ученых планета была лишь мертвым шаром, случайно породившим тонкую пленочку живого вещества. Но это был упрощенный подход, ныне изжитый в научной методологии, И все же мы до сих пор склонны преуменьшать сложность Земли как космического тела!

Вот мы стремимся сейчас за космологический горизонт событий. Разрабатываются дерзкие проекты зондов, способных приблизиться к этой таинственной черте. Прекрасные замыслы! Но для своего осуществления они потребуют колоссальных усилий. И вдруг — напрасно? Вдруг сингулярность неодолима?

Наш поиск может оказаться ошибочным. Поэтому стоит задуматься: а нельзя ли задать ему другие направления? Ведь вовсе не исключено, что двери в другую Вселенную находятся у нас дома,— на нашей родной планете. Не покидая Земли, мы сможем тогда шагнуть за порог своего мира: в манящее, в неизведанное.

Геометрическая структура пространства-времени очень сложна. Не образуется ли в этой незримой многомерной сетке разрывов? — тогда сквозь них можно заглянуть в иную Вселенную. Не исключена и другая возможность; где-то такие флуктуации пространства-времени становятся устойчивыми,— и тогда создается нечто похожее на постоянный проем или дверь: за ними — неведомые небеса, за ними — неузнанные созвездья.

Геометродинамика Вселенной допускала такую

возможность. Сколь бы маловероятной она ни казалась, но ей нельзя было отказать в эвристичности. Тем более перед лицом ожидающих нас испытаний! — сейчас надо было ловить любую ниточку, дорожить любой мало-мальски ценной гипотезой.

Я вспомнил слова древних восточных мыслителей: Вселенную можно изучать на своем дворе, перебирая песчинки... Великое и малое резко столкнулись в этом парадоксе. И от этого вспыхнула мгновенная искра! — в ней озаренье, в ней истина, в ней суть.

Почему движение в микрокосм не так интересно для нас, как экспансия вширь, в большую Вселенную? Тут явное неравноправие, явная дисгармония.

Вспомним о первоначальном значении понятия «микрокосм»: оно относилось к человеку как подобию макрокосма — Вселенной. Между ними устанавливалась некая симметрия,— отсюда гносеология древних: «Познай себя — познаешь мир». Так гласила надпись на фронтоне языческого храма. Погружаясь в себя, в недра своего духа, человек получал информацию о космосе! Ведь интуиция подсказывала: в человеке есть все, что есть во Вселенной. Человек — ее образ, человек — ее модель, человек — ее подобье.

Мне хотелось развить идею древних,— расширенно понять ее суть. Если разум человека универсален, то в нем отражено все Бытие! — а не только одна астрономическая Вселенная. Древние могли отождествлять понятия Бытия и Вселенной. Но для нас они больше не совпадают. Поэтому скажем так: человек изоморфен Бытию. Возможности его движения по координате глубины безграничны. Встретив при погружении в микро-

косм черту сингулярности, мысль беспрепятственно пересечет ее, выводя нас на загадочные рубежи иной Вселенной. И эту Вселенную она пройдет насквозь, останавливаясь перед новым рубежом! Преодолев его, мысль двинется дальше: в бесконечность, в беспредельность.

«Познай себя — познаешь мир». Эти гениальные слова традиция связывает с Элладой. Но мы знаем: их корни — в Гималаях. Обращая человека к его собственным глубинам, горы открывали ему путь во Вселенную. Точнее, в беспредельность Бытия! Ведь при высшем прозрении духа Вселенная кажется малой песчинкой: одной из тех, что шуршат под ногами во дворе философа..

Я чувствовал, как в моем сознании смыкается проблематика двух наук: космологии и психологии. И через Гималаи проходила их общая граница! Ибо в горах открывается космическое назначение духа. Здесь он берет свой высший подъем. Горы — наши наставники, горы — наши вдохновители.

Будут ли изменения в структуре пространства-времени находить свое отражение в психических состояниях? Решение этого вопроса было пока непосильным для науки. Так что здесь имелось широкое поле для различных догадок и предположений. Пусть по-дилетантски, но и я пытался понять связь между структурами космоса и сознания. Впрочем, дилетантизм в этой области был неизбежен, — профессионально она никем не исследовалась. Энтузиасты-любители прокладывали путь для будущих специалистов. Конечно, издержки и ошибки тут были неизбежны. Творческая мысль кипела, гипотезы появлялись с избыточностью. Люди хотели разомкнуть пространство! — и ключи для этого искали в недрах своего духа.

Я понимал, насколько фантастичными могут показаться мои идеи, Но все же хотел их высказать: пусть как поэтическое построение, а не как строгую гипотезу. Путеводной нитью для меня являлась классическая мысль о единстве мира. Я верил: микрокосм и макрокосм взаимоподобны. Но все ли аспекты этой гармонии поняты нами?

О пространстве мы говорим лишь в сугубо физическом смысле. Но наш внутренний мир тоже имеет свое пространство! Оно — духовно, оно — идеально, оно — субъективно. Его нельзя измерять в обычном смысле этого слова; в нем могут не выполняться известные геометрические соотношения. И тем не менее это пространство! Психология будущего станет изучать геометрию микрокосма, — как сейчас мы изучаем окружающее нас физическое пространство.

Это пространство для землян евклидово. Но в определенных ситуациях оно изменяет свою геометрию. Как это должно отразиться на внутреннем пространстве микрокосма? Вот вопрос, ответом на который и была моя гипотеза. Расширение сознания; интуитивные озарения; возможность ясновиденья, — все эти феномены я объяснял тем, что в некоторых условиях пространство души становится неевклидовым. А побудительной причиной для этого могли быть флуктуации физического пространства-времени! Если где-то оно раздвигается, открывая окно в другие измерения, то это может отразиться в чутких зеркалах микрокосма: они обретут новую глубину, в них зажгутся новые звезды.

Быть может, в наших необычных душевных состояниях как раз и обнаруживается многомерность неевклидового бытия?! Наш душевный

мир чутко реагирует на колебания своей космической среды. Есть люди, у которых эта чуткость особенно высока: поэты, художники. Возможна даже специальная тренировка для усиления такой чувствительности! Этим воспитанием духа занимались многие древние школы: и йога, и дзэн, и суфизм. Люди открывали в себе новые способности,— но не могли понять их природы. Да и сейчас далеко до полного понимания удивительных феноменов. Надо искать, надо думать.

Потому и моя гипотеза будет полезной. Пусть даже она окажется неверной,— но кто-то под ее влиянием глубже задумается над проблемой. И решит ее! Решит обязательно.

Итак, я исходил из того, что структуре обыденного сознания соответствует евклидово пространство. А при расширении сознания происходит выход в иные пространства! — более сложные, более парадоксальные. В этот момент замыкаются необычные ассоциативные связи; объект познания, дотоле раздробленный и мозаичный, видится цельным; разгадка проблемы, над которой бился годами, приходит сама собой.

Каждому ученому и художнику знакомо состояние вдохновения, когда он словно перерастает себя,— в этот бесценный миг сознание выходит за пределы обычного мира. Это единственный способ добыть новое! И человек его открыл давно, на самой заре своего существования.

В интуитивном озарении высвечивается многомерность бытия. Этот мгновенный свет может вспыхнуть неожиданно,— и в силу внутренних побудительных причин. Однако внешние обстоятельства нередко благоприятствуют такому озарению. Не случайно люди издревле стремились к прекрасным ландшафтам. В природе они находили

своеобычные камертоны, настраивающие их на особый творческий ритм.

Не являются ли Гималаи самым сильным таким камертоном? Поэтому в поиске истины люди инстинктивно стремились сюда. Горы раскрепощали их сознание. Рамки — рушились. Шоры — падали. Цепи — рассыпались. Бытие человеку раскрывалось в своей благодатной неисчерпаемости. Он мог черпать из этой сокровищницы все: и образы! для стихов, и формулы для теорий,

Быть может, какие-то места в Гималаях обладают особой духоподъемной силой. Вот это предположение и хотела проверить наша маленькая экспедиция. У нас было две путеводные нити: древняя легенда и предчувствие будущего. Была и своя гипотеза, направляющая поиски,— необычные психические феномены, наблюдавшиеся в Гималаях, мы связывали с особыми состояниями пространства-времени. Нас легко обвинить в романтизме. Но так хотелось верить, что Гималаи придут на выручку! — к ним ведь не раз обращались люди в трудные минуты. И порой возвращались с найденными решениями.

Я хотел найти истоки гималайских легенд. Ведь какие-то реалии должны лежать в их основе! Волновало и другое: почему на этих легендах лежит оттенок эзотеризма? Хотя они были широко распространены по всей планете, но всегда передавались доверительно: как нечто заветное, не подлежащее широкой огласке. Уж такая сложилась традиция,— и она тоже нуждалась в объяснении.

Мне хотелось реконструировать сознание и поведение гималайских первопроходцев. Как должен вести себя человек, открывающий нечто совершенно необычное? Вся его логика воспитана миром, где не происходит чудес. И вот он встречается

с чем-то из ряда вон выходящим. Предположим, древний эллин видит космический корабль, парящий над Акрополем, Или художник, разрисовывающий пещеры неолита, оказывается перед шедевром инопланетного искусства. Как они воспримут небывалое? Конечно, мои предположения имеют чисто модельный смысл: с их помощью я хочу понять душу своего пращура. Впрочем, это будет одновременно и самопознанием,— *мы* и сейчас можем оказаться в аналогичной ситуации. Пережив шок от встречи с неизвестным, человек наверняка подумает о том, что не каждый способен выдержать подобное напряжение. Поэтому он не будет спешить с оглаской пережитого. Но и скрытничать тоже не станет: вначале о случившемся узнают близкие друзья,— причем сознательно или бессознательно рассказ будет адаптирован для их уровня восприятия. Информация как бы преломится в некоей призме! И это преломление впоследствии будет повторяться многократно. Несмотря на все искажения, первоначальное ядро все же будет просвечивать в легенде. Хотя вылущить его бывает непросто.

Предположим, что необычный феномен многократно повторяется,— и это происходит в труднодоступном месте: например, в Гималаях. При этом переживаются очень необычные состояния, требующие предельного напряжения сил. Уже одни соображения гуманности приведут к тому, что заповедное место будет тщательно охраняться от случайных посетителей. Знающие о феномене свяжут себя узами тайны,— и постараются обратить его на пользу человечества.

Что можно представить себе в качестве такого феномена? Например, место произрастания каких-нибудь особенно редких трав: ядовитые в одних

случаях, они оказываются благотворными при других условиях. Охрана таких растений была бы гуманнейшим актом. Или другой пример: в роли феномена выступает некоторый объект, происхождение которого нельзя объяснить традиционными методами. Допустим, что это манускрипты, сохранившиеся со времен Атлантиды. Подчеркиваю: пример сугубо условный! Но все же поверим в его реальность.

Если манускрипт окажется в руках мудрых людей, то они поймут, что сообщение о нем уместно не для всяких исторических условий. Но надо верить, что такие условия созреют! — пусть даже для этого потребуются века. И надо бережно хранить доверенное. И впрямь все же давать знать о нем. И готовить людей к приятию сокровища.

Понимаю, сколь поэтично и вольно выглядят эти мои допущения. Человек временами испытывает глубокую потребность в таинственном. Не это ли сейчас происходит со мной? Но надо понять корни этой потребности. Обычно ощущается она в тех случаях, когда перестают работать привычные схемы. Так бывает на пороге новизны,— в преддверии неизвестного.

Поэтому в своих фантастических моделях я видел поисковый смысл,— и даже шел еще дальше, рискуя показаться безрассудным романтиком. Теперь место необычного феномена в моих моделях заняла Шамбала. Ореолом поэзии окружено название этой легендарной страны. Именно ее искали в Гималаях неустанные странники! Шамбала давала свет знания; Шамбала уводила к дальним мирам; Шамбала наставляла на путь добра.

Легенда об этой стране возникла в эпоху утопических чаяний. Люди моделировали свое буду-

щее,— и часто в мечтах считали его уже сбывшимся. Легенду-пророчество можно определить так: это проникновение будущего в настоящее,— как бы досрочное снятие границ между ними. Так случилось и с Шамбалой,— она стала реальностью для многих. Ее искали, к ней шли.

В Шамбале не было угнетения. Шамбала не знала смерти. С Шамбалой говорили звезды.

Из всех легенд, созданных на Земле, это самая прекрасная. Была ли она просто утопией? Очевидно, нет: многое говорит за то, что реальные прототипы у Шамбалы есть. Но вспомним о законе преломления необычной информации! Она всегда подвергается определенной переработке. Так могло получиться и здесь,— какие-то действительные явления трансформировались в образ поднебесной страны, готовой принять духовно подготовленного странника.

В легенде о Шамбале поражает космизм образов. Вселенная словно нисходит на Землю! — и поэтому действия героев обретают особую масштабность. Они — создатели миров, они — архитекторы созвездий, они — творцы ноосфер. Впервые космическое пространство осознано как арена для трудовой деятельности. Сейчас это понятно и привычно. Но ведь легенда зародилась в ту далекую пору, когда человек был еще прочно привязан к Земле. Поэтому пророческая сила этих вселенских метафор поражает воображение.

Космическая тональность легенды о Шамбале имела для меня особое значение. Привлекла она и других исследователей. Высказывалась даже догадка, что Шамбала была центром инопланетной цивилизации на Земле. Сколько дискуссий вызвала в свое время эта гипотеза! И лишь самым далеко-

видным людям тогда она показалась школьнически наивной.

Пришло время широких контактов,— и стало ясно: ни одна из цивилизаций не устраивала своих баз на Земле. Для развития ноосфер во Вселенной свойственна определенная синхронность. В общем они находятся на одинаковой ступени развития. Наша Земля стала исследоваться внеземными цивилизациями лишь в 19 веке,— причем наблюдения велись с максимальной осторожностью. Только в 22 столетии они получили огласку,— и Земля была выведена из космической изоляции.

До поры творческой зрелости каждая ноосфера развивается самостоятельно. Приходит час,— и она вступает в союз равных. Может ли одна ноосфера направлять развитие другой? Это происходит лишь в редчайших случаях: когда развитие подопечного мира задерживается в силу каких-либо социальных аномалий или когда этот мир встал на заведомо ошибочный путь, ведущий его к гибели. Однако ни одна из ближайших цивилизаций не выполняла на Земле такой наставнической миссии. При всех своих отклонениях, путь Земли был все же направлен к добру, к справедливости. Эволюция планеты не нуждалась в коррективах извне.

Поэтому представление о Шамбале как о тайном космодроме некоей суперцивилизации было навсегда оставлено. Уж очень примитивно и механистично оно! С самого начала не было в нем качественного скачка к неизвестному,— уже понятное и достигнутое здесь возводилось в некоторую высшую степень. Вот и все! А этого для понимания Шамбалы мало — тут нужна смелость мысли и духа.

Как же тогда объяснить космическое звучание

легенд о Шамбале? Наши традиционные представления казались мне недостаточными для этой цели. Я вчитывался в признания древних поэтов, которые вдохновлялись Гималаями,— словно ждал от них помощи. И она пришла: правда, в форме тонкой подсказки, намека.

Что имели в виду поэты, когда говорили о многих мирах? Миром мы называем и отдельную планету, и звездную систему, и галактический остров. Наконец, это понятие часто является синонимом Вселенной. Для разномасштабных явлений мы используем одно и то же слово. Правда, благодаря контексту нам всегда понятно, в каком значении его употребляет автор. Но при изучении древних манускриптов здесь возникают большие трудности. Можно возразить: мол, древние не знали ни о звездных системах, ни о галактиках. Значит, под мирами имеются в виду планеты и звезды.

Однако все выглядит гораздо сложнее. Вчитываясь в прекрасные строчки, я стал обращать внимание на совершенно удивительную точку зрения, с которой поэты иногда глядели на космос. Будто они могли воспринять его целокупно! — скажем, как огромный хрустальный шар. Внутри этой сферы искрились сонмы звездных скоплений; клубились облака серебристых туманностей; радужными сполохами играли неведомые излучения.

Да, наш космос описывался как бы со стороны: в метафорических образах угадывались его реальные черты и структуры. Поэты не могли знать об этих деталях строения Вселенной,— наука открыла их много столетий спустя. Легко сослаться на силу творческого воображения,— фантазия может создавать формы, которых нет в действительности. Но проходит время — и такие формы

обнаруживаются: тогда создается ощущение, что поэт неисповедимым образом заглянул в будущее. Хотя на самом деле перед нами случайное совпадение.

Однако это объяснение я считал чересчур плоским и рассудочным. Кроме того, мне чудилась в нем какая-то трусливость,— словно люди боялись признать за поэтом необычный дар: их смущало все то, что выходило за рамки освоенного и объясненного. Увы, но человек часто пасует в таких случаях,—среди привычных схем он чувствует уют и безопасность.

Неужели именно поэзия поможет нам выйти за космологический горизонт? Обычно подобную роль берет на себя наука. Но вот впервые она ощутила перед собой непроницаемый барьер. Раньше мы не чувствовали тесноты своего мира. Впереди всегда зияло свободное пространство,— и поэтому в наших движениях не было скованности. Однако теперь космология окончательно доказала замкнутость Вселенной. Более того: мы узнали, что объем Вселенной начал неостановимо уменьшаться! — в сознании у многих возник образ тающего весеннего снега: вот от него остается последний белый островок. Еще час — исчезнет и он.

Да, наша Вселенная стала похожей на этот снег. Предваряя будущее, мы ощущали себя на малом пятачке, А ведь наш дух воспитан простором. Мы стали мыслить благодаря простору! И вот ныне рок отнимает его у нас. Словно падает давление внутри вселенской хрустальной сферы,— и она сникает, утрачивая все великолепие своей формы. Так теперь виделся древний пифагорейский образ.

Где же в Гималаях находится то место, которое искали поэты и мыслители?

Очевидно, именно в этом месте наш мир имел сопряжение с иными уровнями Бытия. Я хотел понять это многоуровневое строение реальности. Она не могла обладать иной структурой — более простой, однородной, схематичной. Нет, реальность несравненно богаче наших плоских моделей! — лишь в Гималаях я понял всю недостаточность наших традиционных подходов и методов.

Словно я чувствовал какое-то смущение перед величественными горами. Мне было неловко за все дальнее — оставшееся там, внизу: за суетность, за верность иллюзиям. Горы давали почувствовать всю несоизмеримость между познанным и непознанным. Вот недавно я думал горделиво: вся Вселенная освоена и понята нами. Но вдруг эта Вселенная — вчера такая огромная в моих глазах! — стала совсем крохотной. Часть я отождествлял с Целым. И не часть, а частичку! Бытие чудодейственно расширилось. Мне вдруг пробрезжила гигантская лестница, уходящая высоко-высоко в звездное небо. Я понял: это образ многоуровневой реальности. Посмотрев вниз, я удивился: как мало ступенек подо мной. Но сколько их возносится ввысь! Я досадовал на себя: малый фрагмент этой лестницы мне представлялся всем Бытием.

Небывалые горизонты открывались с горных вершин. Было интересно отмечать, как при подъеме рос их радиус. Казалось, что вот-вот он станет бесконечным! ~ и я увижу уже не земной окоем, а космологический горизонт событий. Но и этот простор будет мал для души. Тогда я шагнул еще выше, чтобы увидеть запредельную даль.

«Там, за морями, земли великие», — вспомнил я название одной из картин Н. К. Рериха. Это дивное полотно повествует о расширяющихся

горизонтах. Сейчас оно обрело для меня особый смысл. Я понял: в мире нет такого горизонта, за которым начинается пустота. Всюду — Бытие. Всюду — Жизнь. Там, за туманной чертой сингулярности, тоже лежат земли великие...

Николай Рерих очень помогал нам в пути. У нас был набор голограмм с его картинами. Редкий привал обходился без того, чтобы мы не включили свой проектор. И тогда в вечернем пространстве вспыхивали дивные образы рериховских Гималаев! Рядом с ними высились их величественные прототипы. Искусство дополняло реальность, помогая глубже постичь ее. У картин мы брали своеобразные уроки: они учили нас ориентироваться в духоносном пространстве прекрасных гор. Художник обладал тончайшей интуицией, — он чувствовал космизм Гималаев, мастерски передавал их душу.

В течение столетий о Рерихе было сложено много легенд. Одна из них говорила: художник побывал в Шамбале. Так он приобщился к откровениям космической эстетики, — осознал великую эволюционную силу Красоты. Впервые искусство поставило перед собой воистину вселенскую цель: преобразив человечество духовно, подготовить его к выходу в космос. Рерих всю жизнь служил этой высокой задаче. И служит сейчас! Зов мастера слышен по-прежнему громко. Картины его говорят нам: — Вы еще не нашли того, о чем звенит над Гималаями ночная высь.

Рерих вел нас по Гималаям. Это — не преувеличение: тут можно говорить об особой соинтуиции, для которой разрыв во времени не имел никакого значения. Мы как бы включались в наитие мастера, и оно становилось для нас самым точным компасом. С помощью картин Рериха нам уда-

лось восстановить путь легендарных экспедиции прошлого.

Все гималайские картины мастера полны луче-носной силой. Но некоторые полотна насыщены особой энергией. Мы научились улавливать эти колебания в духовном потенциале картин. Тут речь идет не о степени художественной удачи, а о совершенно особой характеристике, которую нам удалось обнаружить. Картины отражали разную заряженность гор космическими токами! Где-то она была сравнительно невысокой; где-то наэлектризовывала всю местность.

Так Рерих помог нам выработать особую чувствительность, столь необходимую при нашей цели: ведь мы искали источник тончайших духовных энергий. Когда мы отклонялись в сторону, то внутреннее наитие поправляло нас. Это был своеобразный пеленг! — только вместо радиоимпульсов в ночь уходили лучи интуиции.

Очень существенно то, что в пути нас было четверо. Мы давно поняли ценность дружбы. Но в Гималаях этот великий дар открылся в новом свете. Среди пережитых нами необыкновенных ощущений одно особенно поразило. Это было снятие границ, обособляющих личность от окружения. Временами мы ощущали себя как одно целое! — становились сверхличностью: с одним сознанием, с одним типом реакций.

У нас была общая память. Но это не производило впечатления хаоса. Четыре детства сложились в одно; четыре юности взаимопросвечивали, — переживания друзей я вспоминал как свои, а они легко черпали из моего опыта. Осознание своей индивидуальности вовсе не утрачивалось, — однако столь же естественным казалось и сверхличностное состояние. Тут не было раздвоения. Сама

противоположность личного и чужого растворялась в гармонии целого. Мы становились как бы ипостасями друг друга, — нераздельность и неслиянность были сущностью этого единства.

Недолго продолжалось такое состояние. Но оно воистину преображало нас! Ведь способность сопереживания усиливалась после этих мгновений. Мы делали еще более внимательными друг к другу. Для понимания нам достаточно было намека, — молчаливое упреждение часто заменяло слова.

Со-чувствие, со-гласие, со-трудничество. Смысл этих прекрасных слов мы по-новому осознали в уникальном духовном опыте. Иногда думалось: вот если бы все человечество однажды ощутило себя грандиозной сверхличностью! — тогда из душ исчезнет последняя рознь, последняя нетерпимость. Контакты с космосом качественно расширили сознание людей. Однако еще не до конца был изжит эгоизм. В нас он тоже чувствовался. Но теперь мы можем сказать, что освободились от него, — Гималаи исподволь воспитали в нас чувство общинной гармонии. О, прозрачная атмосфера взаимности! Среди гор в ней чувствовалась ключевая чистота.

Хотя мы пытались рассчитать оптимальный путь, но в Гималаях невозможно напрямик двигаться к цели. Подступ к своим сокровищам они сделали предельно трудным. Ночью лики недремлющих стражей прорезались в скалах. Это было похоже на суровую сказку! Будто не горы перед нами, а заколдованные великаны. Лишь при лунном свете просыпалось у них сознание, — и тогда мы чувствовали на себе пристальный пронизывающий взгляд.

Картина Н. К. Рериха «Стража» научила нас

чувствовать эту скрытую жизнь Гималаев. Художник увидел небывалое,— из камня выступили таинственные фигуры: задрапированные с головы до ног, молчаливые. Но словно некая сила внушения исходила от них! Они берегли доверенное сокровище,— и тайным приказом отводили от него тех, кто слишком рано захотел пройти к заповедному. Мы чувствовали на себе этот гипноз камня. Все в Гималаях было одушевленным. С горами мы беседовали как с живыми существами. Только это был молчаливый контакт,— потому и суть его непередаваема словами.

Ночью над горами сверкали звезды. Они казались необыкновенно близкими. Словно Орион стоял в десяти шагах от нашего костра! — вот-вот подойдет к нам, поблескивая своим мечом. А выше него алмазной шкатулкой мерцали Плеяды. Не в ней ли таилось сокровище мира?

В одну ночь Плеяды были особенно сверкучими. Любуясь на них, мы снова ощутили необыкновенный подъем чувств. Расстояния — исчезли. Наше сознание мгновенно перенеслось в самую гущу Плеяд. Какое там звездное небо! Мы замерли среди ярчайших полыханий. И вдруг поняли: наша цель где-то рядом. Быть может, уже на рассвете мы будем возле нее.

ГЛАВА 5

Никогда мы не слышали такой тишины, как в этой сказочно прекрасной долине. Нас привело к ней наитье. Кто мог подумать, что за неприступной грядой сразу начнется этот сущий рай? Наверно, ни одна буря не пронеслась над ним за всю историю мира. Под бережной охраной гор здесь отстаивалась высшая прозрачность. Вступая

в нее, мы преображались. Несказанная ясность воцарялась в душе.

Долина дарила нам необыкновенную силу сосредоточения. Мы как бы впервые обретали себя, постигая главное и сущностное. Уходило все наносное и внешнее,— в судьбе высвечивалось ее ядро. Созерцая прекрасный пейзаж, мы в то же время глядели вглубь души,— это двойное зрение впервые пришло к нам. Словно природа была волшебным зеркалом!—милосердная и прозорливая, она отражала лишь доброе в нас.

Это ощущение усиливалось по мере того, как мы спускались в тишайшую долину. Она благоухала запахом трав, доселе не встречавшихся нам. Какая-то особая доброжелательность была в этих цветах, будто обладавших зрением,— венчики заглядывали нам в душу. И мы не знали более приветливых взглядов!

Все ободряло нас. Ласковую поддержку чувствовали мы, когда прикасались к ветвям деревьев. Замшелые валуны приглашали присесть; от ручьев исходил дух гостеприимства. Четыре белых облака плыли над нами,— будто у каждого из нас был свой небесный провожатый.

Где мы?

Что-то иномирное было в пейзаже. Формы — земные, а свет — неземной. Такой поэтам видится наша Земля в минуты вдохновения,— они внове переживают тогда всю первозданность бытия. Вот и сейчас: небо, камни, трава,— весь мир переживался так, как будто мы его видим впервые. И подлинное самосознание тоже впервые приходило к нам! Раньше — поверхностное восприятие, теперь — проникновение в глубину.

Этот контраст мы ощущали очень остро. Словно до этого дня и не жили вовсе! Прошное каза-

лось нам чем-то ненастоящим,— подлинное бытие начиналось только сегодня. Никогда так отчетливо мы не создавали смысла своей жизни. Он был весь в будущем, он лучился гармонией.

На дне долины виднелась маленькая беломаморная постройка. Уже издали она поражала отточенностью форм, напоминающих классический стиль Эллады. Подойдя ближе, мы убедились в точности этой ассоциации: перед нами была изящная ротонда,— ее легкие колонны с ионийскими капителями казались прозрачными. А купольное покрытие пленяло совершенством пропорций!

Когда была построена эта ротонда? В ней чувствовалось впечатление греческого гения. Быть может, ее воздвигли спутники Пифагора? — легенда говорит, что философ бывал в Гималаях.

Несмотря на свои небольшие размеры, ротонда воплощала глубокий замысел. Она была моделью античного космоса,— мы это поняли сразу: в симметрии постройки мастер хотел отразить гармонию мира.

Лишь в Элладе так глубоко чувствовали целостность бытия. И мастерски передавали это начало! Ротонда покоряла своей органичностью. Она исподволь переключала наши мысли на мир как целое. Мастер ставил именно эту цель: он хотел в малом воссоздать великое. И сделать это так, чтобы мы не думали о малости масштаба! — ротонда была изоморфна космосу: его мере, его пропорциям.

Наши переживания носили глубоко интимный характер. Все вокруг внушало: вы внутри тайны. Доверие долины было столь полным, что мы поняли: пережитое и увиденное останется внутри нас. Не этим ли заповедное место оберегало себя? Ведь здесь не раз бывали люди. Они приходили сюда в течение тысячелетий. Но координаты места

не получили широкой огласки,— их знали только посвященные. Теперь эта круговая порука веков связывала и нас.

Мы подошли к ротонде. И поняли, для чего она была здесь поставлена: под навесом линзовидного купола находился колодец. Верно, его питали высокогорные ключи.

Внутреннее пространство ротонды было устроено так, что непосредственно к колодцу мог пройти только один человек. Заглядывая через проемы внутрь постройки, мы ловили себя на мысли о том, что в ней есть сходство с обсерваторией,— только не было телескопа: вместо него мы видели круглый колодец, накрытый сверху огромной хрустальной линзой. Удивительное сооружение! И колодец тоже какой-то необычный.

Первым внутрь ротонды вошел я. Забуду ли радость от соприкосновения с доброй тайной? Я почувствовал уют и удобство в интерьере ротонды. Словно все тут было мне впору,— как в космической капсуле, сделанной специально для меня. Ничто не мешало и не стесняло,— обстановка была идеальной для работы духа.

Прежде чем заглянуть в колодец, я осмотрелся по сторонам. Чуть ниже купола тянулся расписанный фриз,— на нем было изображено двенадцать знаков Зодиака. Под каждым из них имелась надпись, сделанная на санскрите, но с помощью букв древнегреческого алфавита. Не указывал ли зодчий ротонды на синтез двух культур? Ведь странно увидеть сооружение в эллинском стиле, возведенное среди величественного окружения гималайских гор. Необычные надписи подчеркивали эту странность.

В ротонде была удивительная акустика. Несмотря на малость пространства, эхо моих шагов

отдавалось под куполом. Я понял акустический замысел архитектора,— здесь все должно было подчеркивать тишину. Предстояло вслушаться в нечто необычайно важное. Поэтому отключение от всего постороннего являлось условием для постижения. Тишина становилась средством познания. Ротонда могла воспринять и усилить музыку сфер,— она была настроена на ритмы мирового пространства.

Я подошел прямо к колодцу. Мне показалось, что я заглядываю в трубу телескопа! — ощущение звездной глубины сразу поразило меня. Стенки колодца были выложены плитками белого металла. В их расположении угадывался идеальный геометрический порядок, напоминающий укладку зеркальных чешуек на теле рыбы. Плитки многократно отражали свет,— поэтому в жерле колодца не было обычной сумрачности.

Вода в нем была настолько прозрачной, что я вначале попросту не заметил ее. Глубоко-глубоко виднелось песчаное дно. Несмотря на эту глубину, я видел его очень подробно. Даже замечал, как вздрагивают песчинки! — это струи родника обнаруживали себя.

Ключ...

Ключевая прозрачность...

Все здесь было обычным и необычным одновременно. С детства я любил глядеть в колодцы,— чаял днем увидеть звезду на их дне. Но так и не увидел. Однако на всю жизнь полюбил прозрачность. Мне нравилось глядеть в чистую воду. Это помогало сосредоточиться на сущностном. Когда заедала суета, я стремился к озерам. Или к рекам, к родникам. Но надо было обязательно взглянуть в оптику прозрачности! — и тогда душа опять обретала четкую фокусировку.

Однако никогда я еще не видел столь абсолютной прозрачности. Вспомнились сказки о живой воде. Быть может, вот такие родники лежат в основе народных поверий! Посмотреть в прозрачный ключ — как набраться душевных сил. Я чувствовал врачующую силу необычной воды. Эта энергия поднималась из колодца незримыми волнами. Я впитал ее в себя, высветляясь до самых основ. Если во мне сидела сейчас какая-нибудь болезнь, то целительная прозрачность навсегда изгоняла ее из тела. Это была своеобразная психотерапия.

Обсерватория духа! Кажется, я начинал понимать подлинное назначение ротонды. Интуитивные предчувствия наполнили мое сердце. Что-то должно пробрезжить в этой прозрачности. Была в ней некая смысловая наполненность, еще не разгаданная, но уже предугаданная мной.

Я присмотрелся к линзе, накрывавшей колодец. Не могу сказать, давала ли она какое-нибудь увеличение, приближая дно. Выпуклость ее была очень отчетливой. Весьма похожие линзы играют роль объективов в телескопах-рефракторах. Но в этом стекле тоже была необычность. Кто и когда так идеально отшлифовал его? На поверхности стекла я не заметил ни одной царапинки. Линза вначале показалась нам хрустальной. Но теперь мне чудилось, что она выточена из огромного алмаза.

Я попробовал поднять крышку-линзу. Но у меня ничего не вышло,— она была прочно закреплена. Но я понял, что линзу можно вращать: даже был замечен едва прорисованный лимб! А на самой линзе — у ободка — виднелась метка. Я уже не сомневался, что передо мной прибор. Но в чем его назначение?

Я осторожно повернул линзу. Прозрачность

словно забликовала. Ее пронизывали световые искры. Дна родника сквозь них уже не было видно. Создавалось ощущение, что колодец превратился в своеобразный калейдоскоп: при каждом повороте линзы ритм бликования изменялся. Я догадывался, что должен искать оптимальное положение линзы на лимбе,— тогда мне предстоит увидеть нечто необычное. Я продолжал медленно — буквально градус за градусом — поворачивать диск. Вдруг меня осенило, Я понял, что зодиакальный пояс под куполом ротонды тоже является лимбом! И в самом деле: разметка, сделанная для линзы, имела ровно двенадцать делений,— они соответствовали числу созвездий Зодиака. Быть может, я должен поставить линзу в такое положение, чтобы метка на ней оказалась напротив моего созвездья?

Я родился в январе,— моим знаком был Стрелец. Астрологи когда-то верно угадали связь между генотипом человека и космическими вибрациями. Конечно, в силу исторических условий эта догадка была выражена в мифической форме: считалось, что каждый человек находится под влиянием того или иного зодиакального созвездья. Но суть заключалась в ином: у единого биополя Земли имелся сложный годовой ритм, и его закономерно менявшиеся частоты отражались и в генотипе. Этот биоритм был связан со всем разнообразием космических условий: тут сказывались и положение планет, и лунные фазы, и активность солнца. Распутать этот многомерный узор влияний нелегко. Тем более что воздействие космических условий на генотип никогда не бывает однозначным. Но все же вероятностные закономерности тут имелись налицо,— поэтому определенная корреляция между человеком и Зодиаком не отрицалась.

С волнением я установил линзу в нужном положении. Да, я не ошибся! Пляска световых искр исчезла,— и на дне забрезжило смутное изображение. Меня охватило волнение. Что я увижу через миг, когда найду четкий фокус?

За мгновение в моем сознании пронесся целый сонм догадок. Вдруг мне откроется сейчас даль иной Вселенной? Почему-то прежде всего я подумал именно об этом. Ведь в Гималаях мы хотели найти выходы в другое пространство-время. Пусть этот стимул нашего поиска кажется романтическим или даже безрассудным, по-детски наивным. Но мы были движимы именно этим желанием. Вела нас легенда,— никто бы в наше время не доверился столь зыбкому источнику. А мы — доверились.

Я чувствовал: мы пришли к той цели, которая была магнитной для странников всех веков. Ничего больше мы в Гималаях не найдем. Даже если у них есть другие тайники, то горы не выдадут нам заповедных путей. Мы пришли туда, куда вели нас наитья. И ночные свечения над вершинами. И Николай Рерих.

Изображение становилось все более четким. Я уже понял, что увижу чье-то лицо,— оно вырисовывалось крупным планом: сквозь туман на меня глядели огромные внимательные глаза.

Кто это был?

Быть может, строитель ротонды оставил на память столетиям свой лик? Или посланец из другого пространства-времени рассматривает меня сквозь этот небывалый перископ?

Да, перископ! Сознание живо ухватило за этот наглядный образ. Я представил тысячи вселенных, плывущих в многомерном пространстве. Они не взаимодействуют между собой,— а их оби-

татели часто даже не подозревают о других мирах. Но в определенных условиях между вселенными возможен контакт. Этому способствуют особые состояния пространства-времени, выполняющие роль своеобразных информационных перемычек между мирами. Они подобны перископам! — через них одна Вселенная изучает другую.

Возможность припасть к таинственному окуляру заманчива для лучших. Осуществить ее нелегко. Ведь варвары могут разбить бесценную линзу! — поэтому посвященные тщательно охраняют ее. Над окном в другой мир сооружается защитный купол; подступы к заповедному месту сделаны предельно затрудненными; мифам и преданиям о связи с другим миром сознательно придан уклончивый характер.

Разумеется, все эти меры носят временный характер. Придет час — и доступ к небывалому люку будет открыт для многих. Но когда ноосфера освободится от последней скверны? Лишь с чистым сердцем можно подходить к сокровищнице духа.

Мое воображение за толику мгновенья поставило целый исторический спектакль, Я увидел древнего человека, случайно набредающего на колодец, — он еще не облицован изнутри, над ним нет купола. Пращур заглядывает в светоносное зиянье, — и отходит ошеломленный: он не понял увиденного.

Быть может, ему открылась страна, в которую уходят души умерших? Такая интерпретация очень естественна для сознания нашего далекого предка. Впрочем, каждая эпоха будет оценивать необычное явление в соответствии со своим уровнем. Но мудрость едина для всех времен. Если тайна окажется в руках мудрых, то они не будут спешить с объяснением. Им ясно: это явление лежит за

порогом известного. Вместе с тем в нем нет ничего мистического. Приближаться к постижению тайны надо постепенно, — от века к веку, от поколения к поколению. Перед нами явление природы. Только относится оно к тому уровню Бытия, до которого пока еще не поднялись естественные науки.

Может ли через подобный люк поступать целенаправленная информация из другой Вселенной?

Сколь ни фантастична такая мысль, но против нее я не находил убедительных логических доводов. Ведь используем же мы для связи между планетами естественные гравитационные волны! Даже в черные дыры теперь стали забрасывать информацию, — в надежде, что она найдет адресата по ту сторону сингулярности.

Почему бы тогда и перемычки между вселенными не превратить в канал связи? Если природа дает такую возможность, то разум непременно воспользуется ею. При условии, что будет готов для этого.

Сколько мыслей пронеслось во мне за короткое мгновенье! Я подумал и о том, что люки, связующие миры, могут иметь искусственное происхождение. А вдруг за чертой сингулярности какая-то Вселенная тоже терпит бедствие? — и отчаянно ищет выход из трагического положения. Но — напрасно, но — безрезультатно. И вдруг — удача! Будто в обледенном стекле удалось протаять крохотную дырочку, — сквозь нее смутно забрезжил свет надежды: это просачиваются кванты другой Вселенной.

К этому глазку примкнула вся Ойкумена. После тысячелетних усилий его удалось немного расширить. Вскоре появились первые изображения: голубое небо, горы. Прекрасный пейзаж!

Но другого ждут братья из иного мира. Ждут долго: опять проходят тысячелетия. Однако надежда не гаснет. Приходит час, когда она вспыхивает новым светом. Наконец-то! Чье-то ошеломленное лицо появляется на экране,— это человек другой Вселенной подошел к средостению между мирами.

Психологи пытливно вглядываются в глаза иномирянина. Они светятся мыслью и добротой. Да, это брат по разуму! Так радостно видеть его. Но ждать пониманья и помощи от далекого брата еще рано. Быть может, эта помощь вообще не поспеет. Ведь вывод психологов малоутешителен,— иномирянин находится в самом начале своей эволюции. Сколько времени она продлится? И достигнет ли необходимой высоты?

Снова начинается ожидание. К окну в иномирье подходят все новые земляне. Облагораживаются их волевые лица, в глазах усиливается свет духовности. Вот на экране появляется красивый человек,— его длинные волосы перехвачены медным ободком. В другой Вселенной сразу понимают: это большой философ. Он уже задумался о том, что мир не одинок в пространстве. Это великая догадка! Человек сам пришел к смелой мысли. Но как его укрепить в интуитивном прозрении? Ведь подтверждения от молодой науки придут еще не скоро.

Так в другой Вселенной впервые формулируется новая цель. Она порождает оригинальное направление мысли. Его можно определить так: космическая педагогика. Да, ставится задача тонких воздействий на другой мир! Речь может идти только о духовной поддержке юных братьев по разуму. Прямая передача знаний здесь невозможна,— да и не нужна: ведь космическая этика

подчеркивает право каждой ноосферы на самобытность. Это мудрое положение. Нарушая его, можно свести на нет стремление к знанию, к творчеству. И этим остановить рост молодой ноосферы.

Однако ободряющее слово здесь вполне допустимо. Но произноситься оно должно тихо-тихо,— так, чтобы не услышала его толпа. Это слово-намека, это слово-луч. Пусть оно коснется только подсознательной сферы,— этого будет вполне достаточно: во сне человек почувствует, что его идея верна. И уже не отступится от этой идеи!

Так снова встает проблема космического учительства. Я и сам считал ее устаревшей,— ведь ноосферы в пределах Вселенной близки по возрасту; значит, в положение ученика здесь становится почти некому. Если и бывает необходимость в периоде ученичества, то он протекает очень быстро, почти мгновенно: так было с нашей Землей,— после начала контактов она быстро освоила достижения самых передовых цивилизаций. Отставание от них было. Но в общем незначительное. Отношения между ноосферами развивались на равных началах. Общие интересы и чаянья вели к полноте взаимопониманья.

Но все может измениться, если принять гипотезу о множественности вселенных! — их возрастные различия будут гораздо большими: рядом с мирами-детьми одновременно сосуществуют миры-старцы. Уровни таких вселенных несовместимы: накопления зрелых миров значительно превосходят опыт младших вселенных. Возможно ли тогда космическое наставничество?

Эта гипотеза увлекала. Ведь она сулила надежду! — старшие миры могут прийти на помощь юному собрату. Для них сингулярность не должна быть преградой,— за время своего длительного

существования они наверняка научились пересекать космологический горизонт. Только как им дать знать о нашей беде?

Мне казалось, что просьбу о помощи братья смогут прочесть в моих глазах,— я глядел в линзу колодца так, как из окна горящего дома смотрят на улицу: там уже спешили пожарные.

Мгновение пронеслось. Оно было наполнено как время сна,— за короткий миг через сознание прошли тысячи мыслей и образов. Изображение в глубине колодца становилось все более резким. Еще небольшой поворот линзы — и...

Увиденное потрясло меня. Хотя в нем я не нашел ничего необычного. Даже наоборот,— изображение было банальным для меня. Ведь я видел самого себя! — мое лицо, странно освещенное и укрупненное, глядело из неисповедимых глубин колодца.

Да, это было всего лишь отражение. Почему же оно так ошеломительно подействовало на меня? Даже самый фантастический образ не был бы столь неожиданным. Но почему, почему? Кажется, я начинал понимать это.

Встреча с самим собой... Нет, это не парадокс,— раздвоение личности тут ни при чем. Жизнь не всегда дает нам возможность сосредоточиться. Мы растворяемся в заботах о других, теряемся в многообразии суетных дел. Но вот однажды к нам приходит странное ощущение,— мы как бы глядим на себя со стороны: и судьба наша целокупно предстает перед нами.

Благодатно это мгновение! Ибо у зеркал саморефлексии есть одна важнейшая черта: неподкупность. Они говорят правду о нашем духовном мире. Тогда выявляются все изъяны, все потери. И возникает желание исправить недочеты в работе

души. Так осуществляется своеобразная коррекция духа.

Человек может прожить долгую жизнь,— а час высшего самосознания так и не придет к нему. Обидно! Ведь человек мог бы достичь большего. Но он словно боялся смотреть в себя. И жизнь стала для него бессознательным поиском самозабвения. Часто мы уходим в сторону от себя. Счастье, если наш путь бережно поправят,— для этого надо поставить зеркало перед нами: то зеркало, в которое порой так боится заглядывать наша совесть. Кто это может сделать? Любовь и дружба прежде всего. Но часто в такое зеркало превращается душевная боль,— или оно рождается из наших тревог в канун великих испытаний.

Встреча с самим собой, взгляд на себя со стороны... Мыслима ли без этого духовная эволюция? Вот почему во Вселенной создана сложнейшая система рефлексивных зеркал. Над одним из них я наклонялся сейчас: передо мной был прибор для точного самопознания,— наверно, единственный в своем роде. Да пребудет чистой его бесценная оптика!

Все знают, что можно чувствовать взгляд другого человека. Но сейчас я ощущал на себе свой собственный взгляд! — испытующий, спокойный, сильный. Временами мне даже хотелось уйти от этого взгляда,— чудилась в нем какая-то холодная и беспощадная аналитичность. Однако потом взгляд снова теплел. В нем появилась покоряющая мягкость,— и поэтому в душе сразу спадало напряжение. Однако при любом выражении этих глаз (моих глаз!) в них всегда сохранялась пристальная внимательность. Они не скрывали глубокого интереса к тому, что затаилось в недрах моего сознания. Это был именно изучающий взгляд,—

огромные глаза (мои глаза!) пронизывали меня насквозь.

Мы узнавали и не узнавали друг друга,— наши чувства были смешанные, двойственные. Я это ощущал не только в себе, но и в глазах своего отражения. Правда, тут не было синхронности: когда я внутренне колебался, мой собеседник (я сам!) проявлял спокойную уверенность. И наоборот: замечая озабоченность в глазах отражения, я чувствовал в себе полную гармонию.

Мы как бы приглядывались друг к другу, еще сомневаясь в том, что являемся одной сущностью. Да, между нами был незримый барьер! И я подумал: он не менее прочен, чем таинственная сингулярность, чем-то похожая на Зазеркалье. Хочешь пройти в соседнее пространство — и вдруг наталкиваешься на себя: не совместиться, совпасть с собой не можешь. Так неужели Вселенная похожа на сферу, зеркальную изнутри? — приближаясь к ее пределам, мы будем видеть, как с той стороны космологического Зазеркалья к нам навстречу стремительно движется наш образ.

Зеркальная ловушка! Ее топология такова, что мы постоянно будем выходить на себя. Движение по замкнутому кольцу изнурит наш дух,— и он признает свое поражение: выхода в иные области Бытия нет. Дабы утешиться, мы будем лгать себе: такова структура реальности! Как будто мы уверены в том, что сумели до конца постичь ее.

Я понимал, что смотрю в необычное зеркало. Не было ли оно своего рода символом? Открыв у горного родника замечательные особенности, наши пращуры могли использовать их в весьма своеобразных целях. Родник был превращен в назидательное поучение: итог всех странствий — обретение самого себя. Лишь силами своего разума

ты можешь добыть истину! Ее никто не прячет от тебя в горных тайниках. Она — в тебе.

Получается своего рода парадокс: человек ведет воистину героический поиск,— но с той целью, чтобы получить некое послабление. Он надеется, что ему вручат готовое знание! И создает мифы о неведомых пришельцах, знающих высшие формулы мира. Не будет ли лучше, если свои усилия мы направим на активный поиск самой истины? — и откажемся от поиска ее мифических всезнающих хранителей.

Я чувствовал, что меня одолевают сомнения. Неужели я разуверился в прекрасной легенде? Ведь она воспитала меня; и привела сюда, в Гималаи; и всегда одаряла надеждой. Мне стало ясно: внутренний кризис неминуем. И что я вынесу из него — полное разуверение или новый порыв?

Наверно, не один искатель истины, дошедший до прекрасной долины, испытывал схожие чувства. Станный итог путешествия: пройти сложный путь для того, чтобы увидеть свое отражение. Но нет, здесь не могло быть злой шутки! Надо глубже проникнуть в тайны родника. Гималаи дают путнику непростой философский урок,— вдумайся, прежде чем отвергнуть: парадоксы ключевого зеркала наверняка несут глубокую истину.

Я продолжал вглядываться в свое отражение. Или это оно не спускало с меня глаз? Мне показалось, будто это я был подобьем,— а моя подлинная сущность находилась под линзой. Да, отражение явно брало верх надо мной! Словно мы схлестнулись в молчаливом поединке,— и я проиграл его, сдав все позиции. Но какой-то смутный самоконтроль еще оставался. Я успел осмыслить происходящее, поняв со всей отчетливостью, что бессознательное теперь доминирует над сознанием.

Да, во мне высвобождалось скрытое, глубинное! И вскоре эта доселе затаенная информация захлестнула меня. Я потерял способность к логическому анализу своих ощущений: будто провалился в сон, в забытие. То, о чем я сейчас расскажу,— это припоминание пережитого, с попыткой осмыслить свой опыт. Быть может, не все я верно истолковал. Но это ведь неизбежно: впервые я вышел во внутреннее пространство души.

Глаза моего отображения вплотную приблизились к линзе, разделявшей нас: зрачки зияли двумя туннелями, уводящими в бесконечность. Они обладали какой-то втягивающей силой. Такой гипнотической власти над собой я еще никогда не знал! Промелькнула мысль: это самовнушение, самогипноз. Но я уже не мог управлять той психической энергией, которую, несомненно, сам генерировал: бессознательное смыло плотины рассудка,— и я оказался среди иррациональных стихий.

Нет, в этих стихиях не чувствовалось никакой агрессивности. Вообще понятия доброго и злого неприменимы к ним, ибо тут не было никаких полюсов, никаких различий. Я видел перед собой нечто неопределенное,— то, из чего рождаются все формы и структуры. Передо мной вращался многоцветный вихрь, в котором нельзя было уловить никакого порядка,— здесь отсутствовала симметрия, здесь царила аритмия. Однако чувствовалось неизбывное богатство этого мира! Ведь в нем было заложено все разнообразие будущего. Точнее говоря, этот мир был еще богаче, ибо он содержал в себе и те возможности, которым не суждено реализоваться. Я находился в средоточье потенциальной Вселенной. Она содержала в себе и мое «я», и внешний мир,— никаких разделений в ней еще не было.

436

Геометрия этого мира удивляла отсутствием в ней привычных закономерностей. Это непередаваемое ощущение. Но я смутно чувствовал, что здесь происходит невероятное: объемы свободно проходят друг сквозь друга; шар можно без единого разрыва вывернуть наизнанку; у куба имеется не шесть, а больше граней.

Только тут не было ни объемов, ни шаров, ни кубов. Была — Неопределенность. Но если бы в ней и впрямь появились геометрические тела, то с ними можно было бы производить сущие чудеса. Ибо я находился в многомерном пространстве! — и через какие-то неведомые рецепторы воспринимал его.

Так впервые сомкнулись для меня два понятия: Неопределенность и Многомерность. Раньше они существовали в моем сознании порознь. Но вот выявилась их исконная связь! — и я понял, из какого лона рождается наш проявленный космос: это — неопределенная многомерность или многомерная неопределенность. Не эти ли начала древние называли Хаосом? — причем никакого отрицательного смысла в это понятие они не вкладывали. Хаос для них был условием космоса: из него рождались и в него возвращались все вещи.

Я воочию увидел это рождение! В многоцветном вихре вдруг появилась явная упорядоченность. Это возник ритм. Он становился все более отчетливым. И вот сквозь сетку симметричных вибраций забрезжили первые формы! — линии замыкались в изящные фигуры, а плоскости складывались так, что получались прекрасные многогранники.

Я понял, что это потенциальное переходит в действительность! — отбрасываются возможности, отсекаются измерения. Происходит своеобраз-

437

ная огранка Хаоса, — из него рождается оформленный и определенный Космос.

Но здесь нужна важная поправка: рождается не один космос, — их много. Если из глыбы камня можно высечь лишь одну статую, то многомерный хаос неисчерпаем: в нем возникает несчетное число трехмерных структур, становящихся крепежной основой для будущих миров.

Я видел, как эти миры выходят из хаоса, — и разлетаются в стороны, и начинают свою эволюцию. Наглядность в эти процессы привносилась моей психикой, — она как бы перекодировала в зримые образы неуловимую для восприятия информацию. Но откуда поступала сама информация?

Из меня, — из глубин моего духа. Я понял, что мы несем в себе память всей мировой эволюции, включая и стадии непроявленного бытия, или хаоса. Тщетно искать многомерность в нашей физической Вселенной, — она сохранилась только в запovedных глубинах мыслящего духа, и сохранилась не только как реликт! — нет, это действенный потенциал нашего «я». Ведь в рождении каждой мысли повторяется космогенез. Мысль — это определенность, мысль — это упорядоченность. Ограниваясь в Хаосе бессознательного, она утверждает начала космоса. Логическому предшествует алогическое; рациональное поднимается из глубин иррационального.

Резко и четко мне открылся смысл всего увиденного. Это мое глубинное «эхо» — моя космическая прапамять! — высвободило нужную информацию. В незапамятные времена мое «я» и мировое «всё» совпадали, — ведь в лоне изначального нет никаких разделений и разграничений. Это значит, что мой тезаурус воистину огромен! —

он богаче тезауруса этой проявленной Вселенной, ибо содержит еще и опыт потенциального бытия. Для нашей Вселенной таким бытием была начальная сингулярность. Память о ней сохранилась в глубинах духа! Надо только научиться припоминать затаенное. Я — Человек. Я — память Материи.

Во мне она записывает свой опыт, во мне откладывает свои накопления. Я помню все.

Мне ведома та пора, когда вселенные кружились в одном многоцветном вихре.

Потом из него выделился тот мир, в котором я сейчас существую. Вместе с ним ушло в беспредельность множество других миров! Они существуют независимо, у меня нет связи с ними. Но корни у этих миров общие. Так нельзя ли опуститься в лоно этих корней? А потом направить силу своей мысли в другой побег? И оказаться таким образом в иной Вселенной? Ведь мысль всесильна, — мысль может всё.

Я понял: мне открыт тот путь, о котором я мечтал. Выход в другие вселенные есть! Но осваивать их будет не космонавтика, а психонавтика, — энергия мысли соединит разобщенные миры.

«Познай себя — познаешь мир». И не просто мир, а миры! То есть, все Бытие в его изумительном разнообразии.

Нет, не зря судьба привела меня в Гималаи. Среди гор мой путь замкнулся в топологическом кольце, — я вышел из себя, нашел себя, понял себя. Но в этом самообретении — в этом удивительном припоминании! — я прозрел всю Беспредельность,

Какую же роль здесь сыграл высокогорный

колодец? Я вспомнил предания об особо прозрачных кристаллах, которые использовались для того, чтобы достичь максимального сосредоточения мысли. Человек пристально глядел в чистейшую грань,— и словно проходил сквозь нее внутрь кристалла. О, красота этого многогранного пространства с его бесчисленными преломлениями! В нем легко замыкались ассоциативные связи, и это помогало человеку осознать единство Бытия. Кристалл собирал все чувства и мысли созерцающего в один фокус. Образовывался своего рода психический луч! — его проникающая способность достигала такой силы, что человек высвечивал все тайники своей души.

Для этой цели подбирались редкостные кристаллы. Вероятно, в их структурах были заложены какие-то свойства, активирующие работу бессознательного: с помощью кристалла из недр своего «я» человек извлекал нужную ему информацию.

Не обладал ли подобными свойствами и гималайский родник? Тогда среди различных чудес природы это надо считать самым удивительным. Природа подарила человеку зеркало для его духа! Нет ничего ценнее такого подарка. Ведь возможность заглянуть вглубь себя ни с чем несравнима. Она дает человеку все, что он ищет: и счастье, и знания, и перспективу. Гималайское сокровище приносило людям удовлетворение. Потрясенные своими открытиями, многие навсегда оставались в горах. Так возникали легендарные гималайские братства. Мы мало знаем о них. Но одно несомненно: сила сосредоточения духа там достигала огромной силы. И тогда размыкалось кольцо сингулярности! — в сердце землянина вливался опыт других вселенных.

ГЛАВА 6

Я ничего не мог рассказать своим друзьям, когда вышел из ротонды,— но по моей ошеломленности они поняли, что я пережил нечто необычное. Сколько времени я провел над хрустальной линзой? Мне казалось, что это был какой-то грандиозный космический срок, несовместимый с прожитыми мной годами. Но потом друзья заверили меня, что в ротонде я провел около пяти минут. Что же произошло со временем, когда я глядел в глубину самого себя? Оно стало похожим на время сна,— миг вмещал в себя неимоверное количество информации.

Следующим в ротонду вошел Коля Ладов. То, что увидел он, было пережито и мной: ведь потом мы не раз испытывали моменты сверхличностного единства, когда включались в память друг друга. Поэтому впечатления передаю от его лица. Замечу только, что успел сказать Коле, как надо установить линзу,— его зодиакальным знаком были Весы.

...Я быстро нашел свой знак на лимбе. Узкая шахта колодца, накрытая сверху линзой, напоминала большой микроскоп. С детства любил я этот прибор, открывший мне столько нового. Вот и сейчас я ощутил привычное волнение: передо мной — микроскоп! Почему-то очень быстро я укрепился в своей ассоциации. Быть может, это сходство колодца с оптической системой заранее предопределило мои впечатления? — ведь я мог запрограммировать психику на восприятие определенного типа образов.

Что ж, это вполне возможно. Но я не хочу разбираться в своих впечатлениях,— они для меня самоценны, ибо принесли высочайшую радость. Пусть психологи ищут причину пережитого мной.

Я же всю жизнь буду черпать из того неизбывного источника, который открылся мне среди гималайских гор.

О, волшебное увеличительное стекло! Я глядел в тебя так же очарованно, как в ранние годы, когда простенькая лупа открывала мне мир цветка. Забуду ли, как впервые рассматривал венчик любки? — он был похож на маленького белого ангела, парящего в невесомости. Это сходство ему придавали лепестки, откиннутые в стороны, как легкие просвечивающие крылья. А длинный шпорец напоминал узкий серебряный светильник! — из него исходило самое волшебное в мире сиянье.

Такое же сиянье я увидел в глубинах колодца. Что-то успокаивающее было в этом рассеянном свете, Я почувствовал, как из моей души исчезли все напряжения, — ее пространство наполнилось матовым всепроникающим светом. Ко мне пришло вдохновенное чувство свободы, — я впервые испытал его по-настоящему, со всей глубиной. Это была какая-то нечеловеческая свобода! Слово с меня сняли все обязанности, кроме одной, — работой души поддерживать это жемчужное сиянье.

Я еще пристальней вгляделся в свой чудесный микроскоп. И увидел: из света стали рождаться формы. Они означались легкими абрисами. О, эта легчайшая световая прорисовка! Контуры то пропадали, то появлялись вновь. Будто шел некий поиск, — рождалось чудо гармонии.

Что-то знакомое появилось в трепете линий. Я узнавал побеги, листья — точнее их эскизы, наброски. Всем собой я вдруг ощутил радость органического роста. Какое это счастье — осуществлять, сбываться!

Вот я семя растения — маленькое, точечное. Нет, я не представлял себе это — я действительно

был семенем. Изнутри я видел все его сны. Они меня поразили своей прозорливостью! Будущему растению грезилось во сне оно само, — но только уже цветущее, плодоносящее. Семя стремилось навстречу этому образу, вложенному в его память, — оно хотело совпасть с ним, раствориться в нем. Ради этого оно проростало!

Я — проростал.

Я был растением. Да, растением! Все для него другое: и свет, и воздух, и тепло. Это — иное мироощущение, это — иная философия. Почему мы ни разу не попытались поставить себя на место какой-нибудь травки? Верно, чурались: мол, человек и одуванчик — несовместимы. Потому и топтали луга без всякой жалости. А ведь растения чувствуют боль — теперь я понимал это.

Только боль у растений другая, чем наша. И радость у них другая. Я знаю: мне не передать словами всю необычность мироощущения, свойственного травам. Для этого нужны какие-то иные средства, которых пока нет у нас, — ведь мы никогда не выходили за пределы своего чувственного восприятия. Но выйти можем! Я сейчас явственно ощутил в своем духе некую пластическую силу, которая способна влиться вот в этот лист и пережить изнутри его трепет. Откуда у нас эта способность проникновения в мир цветка? Каждый человек обладает ею, хотя не всегда знает о даре сопереживания, так щедро отпущенном ему. Сейчас я впервые осознал всю меру этого дара. Так вот почему древние столь настойчиво говорили о возможности превращения людей в растение! Они умели так полно понять его бытие, что слияние с травой или деревом в этом постижении переживалось как реальный метаморфоз.

Не хочу сентиментальничать. Но все же я понял,

почему в народных обращениях к растению часто звучит нота сердечной ласковости: «травушка-муравушка». Это — от глубины человеческого участия во всем сущем. Но не потерялась ли в поколениях эта глубина? Мы все дальше отходили от природы, заменяя ее искусственной машинной средой — и вот результат: понимание всего живого становилось поверхностным, а то и вовсе исчезало.

Как это обедняло нас! Мы заковали себя в узкие рамки. Тогда как по замыслу природы были универсалами. Не возвращалась ли ко мне сейчас эта широта всевмещения?

Я зачарованно глядел в хрустальную линзу. Из глубины колодца поднималось ко мне навстречу прекрасное растение. Оно становилось все ближе, — и я узнал его: любка! Моя чудесная орхидея казалась стократно увеличенной. В сквозящем пространстве ее соцветия венчики парили как невесомые. Цветоножки их были незаметны, потому и чудилось: белокрылые мотыльки застыли в воздухе без всякой опоры.

Душа переняла эту несказанную легкость. Я чувствовал себя летящим цветком. Огромность пространств, открывавшихся в этом полете, поражала меня! — будто мое «я» охватило небывалый доселе простор.

Как же так? Ведь цветок пожизненно привязан к одному месту. Его обзор невелик: соседние травы да кустарники, — вот и всё.

Но я остро ощутил всю неполноту своих представлений о растениях, И я готов был расширить сознание, дабы понять этих извечных соседей по биосфере! Для этого надо было шагнуть за тот спектр чувств, который недавно казался мне исчерпывающим и законченным. Теперь я понимал:

в природе существуют и другие каналы для связи с окружающим миром. Они были и у моей пленительной лесной орхидеи, — любка подключила меня к этим каналам, открывая сознанию новое сечение Бытия.

Это подключение произошло так. Приглядевшись к отдельному цветку, я заметил вокруг него жемчужный ореол. Я стал напрягать зрение, чтобы найти границы этого сиянья. Но напрасно! Каким-то внутренним взглядом я видел, что оно уходит далеко за пределы ротонды. Даже за вершины окрестных гор!

Что за светосила у маленького белого венчика? Наверно, им излучается не только оптический свет. Что же тогда?

Как сейчас помню: ответ на этот вопрос пришел мгновенно. Словно он уже давным-давно таился во мне, — я сразу же подумал о биологическом поле.

Биополе...

Сколько поколений ученых посвятили себя этой гипотезе! Многие опытные факты говорили в ее пользу, — но до полной и непротиворечивой теории было еще далеко.

Все связано со всем, — так гласит великий принцип диалектики. Для его утверждения большую роль сыграли открытия различных физических полей. Разве не гравитация связывает миры в одну целостную систему? — до Ньютона гармония Вселенной казалась совершенно необъяснимой. Столь же существенно значение электромагнитных полей, — благодаря им осуществляются наиболее тонкие информационные взаимодействия.

Но это все — физические поля. Породила ли жизнь нечто аналогичное? Если биополе действительно существует, то оно объясняет очень мно-

гое: и целостность экосистем, и биосвязь у животных, и телепатию в ноосфере.

Увы, регистрация биополей с помощью физических приборов оказалась камнем преткновения для лучших экспериментаторов. Весьма неопределенными были результаты опытов! Создавалось ощущение, что ученые вообще находятся на неверном пути. Как же найти новые методы?

Лидерство в решении этой проблемы взяли на себя не физики, а психологи. Они говорили: тонкое надо постигать через сверхтонкое! — в целях регистрации биополей следует использовать психические структуры. Психологи указывали на особо чувствительных людей, якобы способных видеть слабые свечения вокруг живых тел. Для этой люминесценции древнеиндийские йоги даже ввели отдельное понятие: аура. По их мнению, такой аурой окружено все живое: и трава, и насекомые, и животные. Есть аура и у людей, — ее цветовые особенности дают возможность судить о физическом и духовном состоянии человека.

Однако так называемые сенситивы, воспринимающие свечение ауры, не вызвали доверия у многих ученых. Дело в том, что это были люди очень эмоциональные, склонные к поэтизации реальности. Не являлась ли аура продуктом их воображения? Причем эти люди вовсе никого не хотели обманывать, — просто весь мир окутан для них волшебной поэтической дымкой. Они искренне полагают, что этот радужный флер существует вполне объективно, — и удивляются, когда его не видят другие: что за слепота нашла на людей.

Глядя на светящуюся любку, я чувствовал себя поэтом. Волна какой-то совершенно особой умиленной радости прошла по моему сердцу. В знакомом пробрезжило чудесное! — и это преобра-

жение волновало. Ведь я видел самое неуловимое: свет несказанный.

Не этот ли свет озаряет в предчувствии тьму будущего?

Не в этом ли свете рождается молчаливое сопониманье?

Не этим ли светом полна в тихую ночь природа?

Я ощущал наполненность бытия чем-то тонким и прекрасным, — но неуловимым, невыразимым для слова. Как любка пронизывает вечеряющий лес наитончайшим в мире запахом, так сейчас она наполнила Вселенную несказанным светом.

Нет, это на преувеличение! Я чувствовал, что мягкое опалесцирующее сиянье уходит далеко-далеко, — за кучевые облака; за синюю ионосферу; за орбиту Луны. И дальше, дальше! — к Марсу, к Альдебарану, к туманности Андромеды.

Включенность в необычный канал восприятия сопровождалась ощущениями привычного зрительного плана. Так, я целостно видел огромные области мироздания, — вплоть до крупных скоплений галактик. Я видел их подробно и стереоскопично: в телескопы такие объекты наблюдаются совершенно иначе. Значит, я использовал какой-то другой канал восприятия, а не обычное зрение. Но мозг создавал и зрительную параллель к этому небывалому аспекту Вселенной!

Да, мои чувства распространялись вдаль бесконечно, — как могут распространяться только поля или волны. Словно кто-то вынес мое сознание далеко за привычные горизонты, — и оно вдруг разлилось на огромном пространстве.

Пронеслась мысль: может, я впрямь включился в единое биополе Вселенной, о котором когда-то писали фантасты? Если это так, то посредницей здесь была загадочная орхидея любка. Точнее,

ее образ, вызванный из моего подсознания! В хрустальной линзе я увидел своего рода голограмму растения, спроецированную из наиболее глубоких и заповедных недр моей памяти. Это стало толчком для пробуждения скрытых резервов психики. Мне трудно объяснить происшедшее. Быть может, я осознал свою включенность в биополя, обычно скрытую от рациональных сфер нашего сознания? Хочется думать, что это было именно так.

Но почему тогда роль побудительного фактора сыграла именно любка? Кажется, это мне легче всего объяснить. Я отчетливо вспомнил свои поэтические переживания, связанные с изысканным ароматом этой орхидеи. Все дело в особой силе ее запаха. Он удивительно тонок, — и вместе с тем обладает всепроникающей силой. Подходя к опушке березняка, я издали узнавал: зацвела любка. Она благоухала на всю июньскую Вселенную. Подходя к одиночно растущей орхидее, я восхищенно думал: ореол запаха простирается над нею высоко-высоко. То, что я вижу перед собою, это еще не все растение. Ведь его органической частью является и пространное облако аромата! Оно играет информационную роль, привлекая к любке ее опылителей. Это — незримая часть растения, это — его невидимый орган.

Но только ли запах может создавать такую ауру над растением? Вероятно, этот вопрос возник во мне бессознательно, — и ответом на него была ассоциативная аналогия: от всепроникающего аромата мысль перешла к всепроникающему полю, И перешла не абстрактно, не в отвлеченном представлении, а словно непосредственно влилась в это поле! — слилась с ним, стала нераздельной от него.

Почему же эти необычные переживания связались в сознании с образами растений? Ведь я мог бы включиться в биополя других существ. Однако вжился, понял изнутри только мир растения. Хотелось как-то объяснить это. Но полагаться я здесь мог только на интуицию, — и не думаю, чтобы она ошибалась в предощущении своей правоты.

Я понял — точнее, пережил непосредственно! — что именно биополя растений способны распространяться на большие расстояния. Не компенсируется ли этим недостаточность информации, вызванная прикрепленным образом жизни? Да, растение пожизненно связано с одним определенным местом произрастания. Но с помощью биополя его информационный кругозор чудодейственно расширяется!

Не потому ли растение так чутко реагирует на приближение непогоды? Ведь благодаря биополю его рецепторы вынесены далеко вперед. Даже магнитные бури в высоких слоях атмосферы предугадывают растения! И только ли их? — растение может быть датчиком сложнейших явлений, происходящих в далеком космосе.

Я пытался интуитивно угадать, насколько далеко уходят биополя земных растений во Вселенную, — сосредоточившись на этой мысли, я пережил новые необычные ощущения. Они захватили меня как вихрь! — подобно легкому перекасти-полю, я несясь от мира к миру, не успевая пустить корни ни в одном из них. На меня наплывали образы одной фитосферы — и тут же на них накладывался растительный мир другой планеты. Это была необычная ботаническая экскурсия по Вселенной! Я осуществлял ее, не сходя с места. Каким же образом?

Думаю, что объяснить это возможно: биополя планет пересекаются друг с другом, образуя непрерывное целое. Переживая очень сильный подъем чувств, я задавал мысли такой импульс, что она не могла удержаться в пределах биополя одной планеты и проскакивала дальше. Так продолжалось очень долго! Но после столь стремительного разгона мысль вдруг останавливалась, — и я мгновенно возвращался в себя, наполненный небывалым опытом.

Я понял космическую сущность растения. Не побоюсь и такого поэтического образа: мне открылось вселенское братство растений. Единое биополе связало их в гармоническую непрерывность! Двигаясь вдоль этой информационной цепи, я поражался красоте открывшихся мне растительных сообществ. Планеты не повторяли друг друга, — идею растения они воплощали по-своему, в соответствии с присущим им стилем.

На одной из планет особенно ярко в росте растений проявилось начало спиральности. Это был мир зеленых спиралей! — разных размеров и форм, они образовывали причудливые ансамбли. Вглядываясь в них, я узнавал нечто знакомое: зеленые витки оборачивались антеннами, катушками, конденсаторами. Биосфера превратилась в огромный приемник: она вылавливала информацию из космоса, превращая ее в свою упорядоченность. Хотя растения занимались обычным фотосинтезом, но все-таки сбор информации стал для них главной функцией. Быть может, это уже заявка на ноосферу нового типа? Разумная пытливость чудилась мне в необычных растениях. Пусть я преувеличил свои ощущения, но в главном они были верными: возникновение сознания на основе высших растительных форм возможно.

В другой биосфере я встретил интересный намек на проявление у растений личностного начала. Конечно, это было лишь подобие личного творчества, — но все же обнаруженное мной разнообразие явно выходило за пределы законов индивидуальной изменчивости.

Это была планета цветов-художников! Хотя план строения у их венчиков был общим, но в раскраске лепестков царила жизнерадостная неповторимость. Словно каждое растение хотело по-своему выразить восторг перед бытием! Тут были венчики, выполненные в яркой декоративной манере, — сочностью и смелостью тонов они превосходили Матисса. Встречались цветы, явно тяготеющие к импрессионистическому письму, — однако изысканность их палитры оставляли позади школы цветов-художников, работавших в абстрактном ключе, — казалось, что они передают жизнь чрезвычайно сложного внутреннего мира.

Неужели на планете и впрямь зарождалось истинно художественное творчество? Если это так, то я готов немедленно сесть за монографию, посвященную растениям-художникам. Писал бы я ее не ради забавы. Ведь нам нужны подлинные сотрудники, — но как бы с другим типом подхода к миру. Мы желаем расширить сознание — и одновременно раздвинуть свое чувственное восприятие. Жажда такого духовного роста естественна для человека. Но сейчас она стократ усилена сложившейся ситуацией: нам нужны советчики в том, как заглянуть за космологический горизонт событий. Так неужели этих бесценных помощников мы найдем рядом с собою? — среди одуванчиков, клеверов, таволги. Мне самому казалось, что впадаю в чистую поэзию, — уж не от чувства ли безнадёжности? Ведь правда: перед лицом катастрофы

я хватался за самую что ни на есть настоящую соломинку. Это был растительный стебелек! Такой качливый и тонкий, он таил в себе необыкновенную чуткость. Поможет ли нам это бесценное свойство?

Не раз потом приходил я к колодцу с хрустальной линзой. Гималаи через его посредничество дарили мне высшую сосредоточенность духа. Конечно, мое общение с растительным миром нельзя назвать подлинным контактом. Тут не было необходимого для этого обмена мыслями. Однако иная форма организации материи давала необычную стимуляцию моей психике! Я становился как бы мозгом растений, сознающим их внутреннюю жизнь. Не может ли такое включение поднять низшее к высшему? Давая волю фантазии, я мечтал о симбиозе растения и человека: растение дает нам свое всепроникающее поле, а мы даем растению нашу мысль. Пусть это мечта, пусть это поэзия. Но необычный гималайский опыт все больше убеждал меня в правомерности столь нетривиальных предположений! Окрестные растения словно помогали мне. В своих медитациях я теперь обращался не только к образу северной любки, но и к горным травам,— вскоре по свойствам биополей я научился угадывать их виды.

Лучше всего мне помогал один из видов высокогорной полыни: артемизия саксорум. С ним я провел удивительные опыты, приведшие к формулировке моей гипотезы. Решаюсь теперь высказать ее,— ведь любым лучиком надежды сейчас пренебрегать нельзя.

Двигаясь по непрерывному мировому биополю растений, я уходил очень далеко от Земли: мысленное путешествие на пространстве в 6—7 миллиардов световых лет вскоре стало для меня обычным

делом. Далекие биосферы как бы подводили меня вплотную к сингулярности! Однако об этом я знал чисто теоретически,— скорее по расчетам, нежели на основе непосредственного ощущения. Это меня удивляло. Я почему-то считал, что биополя, разносившие мою мысль по Вселенной, должны возле сингулярности испытывать различные деформации. Ведь что в этот момент происходит с гравитационным или электромагнитным полем! Я зримо представлял образующиеся в полях воронки и разрывы,— топология этой картины поражала динамизмом и сложностью.

Однажды я включился а биополе планеты с весьма архаичной фитосферой. На ней процветали простенькие мхи типа наших печеночников. Ничего особенного на планете не было, кроме ее положения: она находилась сравнительно недалеко от сингулярности. Тщедушные мхи оказали воистину бесценную услугу разуму! — ведь их биополя уходили в самые таинственные для нас области мира.

С волнением я готовился к своему опыту,— мне предстояло направить усилия мысли непосредственно к черте сингулярности. Психологически я ощутил: близится самый решающий момент. В восприятиях появилась неопределенность,— словно на ясном зеркале заиграла зыбь. Сквозь нее космос едва просматривался, но все же отчетливо были видны галактические острова. Я ждал, что вскоре они совсем исчезнут! — и вместо зыби по пространству пройдет настоящая буря. Но, к моему удивлению, все произошло наоборот,— рисунок ряби несколько изменился, и сквозь это кружево мне опять забрезжила знакомая картина: угольная чернота ночи — и среди нее блестящие россыпи звездной материи.

Я снова ощутил, что биополе какой-то планеты притягивает меня! — по его симметричным силовым линиям растекалась моя мысль. Но вот вопрос: где находилась неизвестная мне биосфера? По многим признакам я чувствовал ее необычность. Однако вначале я хотел сориентироваться в пространстве. Предощущение чего-то небывалого наполняло мою душу. Но довериться этому наитию мешало другое: если я пересек сингулярность, то почему это произошло так просто? Я ожидал каких-то необыкновенных потрясений, парадоксальных переживаний, — но ничего этого не было: кроме разве что легкого волнения на зеркалах пространства. Не слишком ли просто моей мысли дался этот небывалый переход? — ведь безусловно, что разуму еще не приходилось перешагивать через такую крутизну как сингулярность. Она казалась абсолютно неприступной. И что же? — биополя какого-то скудного мха преодолевали ее столь же легко, как мы проходим сквозь невесомый рассветный туман.

Так неужели разум найдет свою опору в скромнейшем растении Вселенной?! Это казалось несопоставимым по своим масштабам: средством для одоления сингулярности станет примитивный печеночник. И через его доброе посредничество мы найдем связь с иной Вселенной! Вместо грандиозных сооружений — крохотный наскальный мох.

Значит, сингулярность прозрачна для биополей! Это вело к далеко идущим выводам. Вот первый среди них: жизнь едина на трансвселенском уровне. Вселенные разобщены лишь как физические системы. Но у них есть общее биополе, создаваемое растениями всех миров. Это истинные связанные вселенные! — в антенку скромного злака

поступает информация, которая не снилась лучшим академикам Ойкумены.

Меня поразило не столько сам переход за сингулярность, сколько его обыкновенность, — словно я переступил межу в широком поле. Но что ему эти межи? — оно все равно едино в потоках вешнего света.

Немало сказано о жизни как о высоком уровне организации материи. Но теперь я в доподлинном смысле ощутил эту высоту! — жизнь берет высоту, с которой Бытие выглядит как нечто нераздельное: сингулярности отсюда — словно прозрачные средостения между мирами. А вся эволюция видится как постоянный выход из состояния разобщенности: поднимаясь на новый уровень, материя одолевает разрывы, зиявшие в ней на предыдущей ступени. С каждым подъемом возрастает цельность и организованность Бытия! — и Хаос отступает перед красотой Космоса: ведь у него отнимают его главные орудия — разделения и разрывы.

Еще один вывод я мог бы сделать на основе пережитого. Это — возможность сотрудничества всех форм живого. А мы это сотрудничество ограничивали лишь ноосферами. Конечно, и раньше мы утилитарно использовали растения, животных. Однако здесь не было глубокого взаимопроникновения. И вот — новый путь: слияние сознания человека и сенсорики растений в единый удивительный аппарат для познания космоса! Этот путь отнюдь не умаляет человека, — наоборот, умение найти через малое выход в великое свидетельствует о зрелости интеллекта, о его диалектичности.

Думая о маленьких мхах на дальней планете, помогших мне мысленно выйти за черту сингулярности, я вспоминал о культуре древней Японии,

о ее философии постижения макрокосма через малое, о знаменитых садах мхов.

Да, были такие сады в Японии, Самые незаметные растения биосферы там были осмыслены с подлинно философской глубиной. За каждой куртинкой мха сквозило величие космоса. В нем была не только гармония, но и борьба! — однако даже на камне восходила жизнь, И мхи погружали камень в свой зеленый континуум. Так небольшой валун становился моделью целостной биосферы, — разглядывая его, невольно задумываешься о единой и непрерывной фитосфере Земли.

И вот выясняется: эта же непрерывность торжествует во всей цепи вселенных! — только здесь она осуществляется через незримые биополя. Каждая травинка вносит свой вклад в его информационную насыщенность. Видишь одуванчик? — серебряный шарик является лишь ядром невидимой сферической ауры, чей радиус совпадает с радиусом Вселенной. Более того: несказанный свет этого одуванчика просачивается в другие миры.

Этим свойством обладает и самое малое зерно. Оно равновелико космосу! Когда-то это сравнение считалось лишь дерзкой поэтической метафорой. Но теперь яркий образ обретает самый реальный смысл. Только этот смысл стал еще более широким, — ведь в зерне имеется особая сингулярность, содержащая выход в сонмы миров. Зерна — узлы мирового биополя; зерна — зачатки будущих времен; зерна — сгустки космической праны.

Я научился входить в пространство зерна — и оттуда глядеть на завтрашний день! Мне открылась не только зеленая будущность трав. Мыслью я проник в тайное тайных — увидел зарождение

новых миров. Широкий вселенский посев. И осуществляется он на всех уровнях: вот в бездну Хаоса падают зерна будущих вселенных; вот в метagalacticках восходят семена жизни; вот в ноосферах сеют прекрасное и разумное.

Приходя на весеннюю пахоту, мы видим здесь подобие мирового процесса. Да, апрельские нивы являют нам модель Бытия! Вот почему на пахоте у людей часто пробуждалось космическое сознание. Это прекрасно выразил Ван-Гог в своем «Сеятеле», — космизм полотна утверждает связь вселенского и земного.

Я сам ощутил себя сеятелем миров! Интуиция убеждала меня: есть ноосферы, управляющие космологическими процессами. Разум достиг там такого высокого уровня, что стал возможным искусственный космогенез. Вот где эстетическое творчество поднимается на небывалую ступень! Индивидуальность художника раскрывается в создаваемом им космосе. Он задает миру систему пропорций, он варьирует фундаментальные константы, он определяет стилевое своеобразие Вселенной.

Наверно, это где-то уже достигнуто. Или будет достигнуто! Я с удивительной ясностью увидел структуру Бытия. Оно предстало передо мной как целостный круговорот, — раньше я знал лишь об отдельных звеньях гигантского цикла. Вот прорастает зерно Вселенной. Широко раскидывается в ней Древо Жизни! На его ветвях — тысячи ноосфер. Зреет их разум, наполняясь космическим опытом. И вот — результат: сеятели миров выходят на ниву бесконечности!

Здесь нет ни начала, ни конца. Все возвращается в себя, — но вместе с тем поднимается на новый уровень: в мировой круг встроена

восходящая спираль. Точнее, множество спиралей! — к единой цели вселенные идут разными путями.

В этом меня убедил опыт первой планеты, которую я встретил за чертой сингулярности. Многое здесь вначале показалось мне знакомым, — структура биополя была такой же, как и на других планетах. Значит, и сущность иномирных растений не таит в себе ничего особенного! Можно было предполагать общность многих деталей: и клеточного строения, и процесса фотосинтеза, и сосудистой системы.

Но вскоре я стал замечать некоторые странности; Создавалось ощущение, что растения двигаются по поверхности планеты. Я постарался достичь высшей степени сосредоточения, чтобы добиться максимальной отчетливости ощущений. Как выглядят иномирные растения? — вот что мне хотелось узнать в первую очередь. Для этого нужно было с предельной четкостью сфокусировать свою интуицию. И вот вскоре на ее экране забрезжили первые пейзажи далекой планеты!

Они поразили меня. Я увидел нечто очень похожее на донный морской ландшафт, — но только перенесенный в атмосферу: воздух облекал огромные образования, похожие на коралловые рифы. Это были явно живые системы! Подобно своим аналогам из земных морей, они вели прикрепленный образ жизни. О степени их эволюционного развития я могу только догадываться. Очевидно, он был достаточно высоким.

Между кораллами-гигантами сновали антропоморфные существа. Несомненно, они были носителями разума! — я с радостью глядел на первых братьев, встреченных за космологическим горизонтом событий.

Но вот вопрос: почему я чувствовал глубокую внутреннюю связь с ними? Ведь я мог включаться лишь в биополя растений. Но здесь все было иначе! Я понял, что улавливаю чьи-то мысли, — такого раньше я никогда не замечал. Более того: я чувствовал созвучность этих мыслей всему строю своего сознания.

И все же в мышлении братьев по разуму ощущалась какая-то необычность! Совпадали — общие структуры, различались — оттенки, тональности. Эти различия имеют весьма существенное значение. Ведь именно с ними связана специфика каждой ноосферы. Здесь же степень своеобразия была очень высокой. Хотя я не являюсь ноологом, но все же смею утверждать: у этой ноосферы нет в нашей Вселенной близких ей по стилю мышления. Но чем задается своеобразие этого стиля?

Кажется, я уже близок к ответу на этот вопрос. Если я прав, то мне предстоит сделать вывод настолько смелый, что даже боязно: а не увлекла ли меня фантазия, уводя в сторону от истины? Но я все глубже входил во внутренний мир существ из другой Вселенной. И мне становилось понятным, почему я мог включаться в их биополя, — ведь эти существа были растениями.

Казалось, что это противоречит здравому смыслу. Растение в антропоморфном образе! Растение с высокоразвитым интеллектом! Растение, создающее ноосферу! Мое сознание сопротивлялось, отвергая дерзкие выводы, — хотя само неминуемо подвело мою мысль к ним. Приходилось сделать выбор: остаться в пределах привычных канонов — или решительно раздвинуть их. Я выбрал последнее. И сразу почувствовал, как раскрепостил свое сознание, — в нём не стало тех шор и услов-

ностей, которые помешали мне сразу понять мир далекой планеты.

Мое представление о разнообразии эволюционных путей значительно углубилось. Оказывается, одинаковые формы могут приобретать такие биологические сущности, которые нам кажутся совершенно противоположными! Кроме того, мы ошибаемся, когда полагаем, что тот или иной эволюционный путь закрыт для рождения разума. Так, все биологи нашей Вселенной единодушно считали, что у растений не может возникнуть сознания. Вероятность появления у них свободного движения также считалась равной нулю. Для этого были очень серьезные основания,— скорее чисто логические, чем биологические. Очень возможно, что в этой логике отражены некие структуры нашей Вселенной, направляющие эволюцию по определенному пути: именно поэтому фитоморфные цивилизации в нашем мире становятся невозможными.

Но почему свою логику мы считаем универсальной? Ведь главное в растении — это его биоэнергетика, качественно отличающаяся от биоэнергетики животных. А что касается морфологических различий, то они существенны лишь для нашего мира. В других вселенных растительная биоэнергетическая сущность может отливаться в иные формы. И даже приобретать антропоморфную структуру!

Очевидно, такая возможность определяется тонкостями космической экологии,— они-то и определяют характер вселенского номогенеза*. Тут все как бы оборачивается в зеркале: животные

* Номогенез — развитие, осуществляющееся на основе закономерностей.

ведут прикрепленный образ жизни, тогда как у растений вырабатывается подвижность.

Люди-растения...

Это кажется странным, парадоксальным. И вместе с тем сколько тут поэзии! И какой небывалый опыт жизни, эволюции.

Люди, питающиеся светом... Как они должны любить свою звезду-солнце! Все у них светлое: и мысли, и дела, и надежды.

Растительная сущность неминуемо накладывает свой отпечаток на стиль мышления. Гармоничность, отпущенная природой растениям, наверняка проявится и здесь: мышлению такого типа не будут казаться неразрешимыми антиномии бытия,— оно станет стремиться к их мудрому синтезу. Это ведь заложено в его природе! Хотя я еще мало проник в склад мыслей удивительных инопланетян, но сразу понял одно: это мышление на редкость пластично. Инопланетяне не стремились уложить мир в систему тез и антитез. Не потому ли они избегали всяких споров и конфликтов? Судя по всему, дух согласия был для них естественной нормой. Отсюда не следует, что инопланетяне не знали противоречий,— они научились не обострять их, а мастерски гармонизировать.

Я все основательней постигал духовную жизнь людей-растений. Меня восхищала присущая им внутренняя деликатность. Вероятно, не борьба за существование, а взаимная помощь стала на этой планете основным фактором эволюции. Поэтому дух взаимности определял нравственный климат планеты, Я заметил, как легко у людей-растений снималась боль,— ее как бы вбирали в себя друзья и близкие. Иногда мне удавалось вчувствоваться в сам процесс лечения,— я ощущал, как волны душевной теплоты исходят от одного существа

к другому. В это время они становились как бы одним организмом с общей циркуляцией биотоков. Благодаря такому духовному единению удавалось восстановить гармонию в теле больного. От целителя это лечение требовало огромных сил,— но зато удача приносила подлинную радость: возможность помочь другому считалась на планете высшим счастьем.

Весьма своеобразное впечатление произвело на меня искусство людей-растений. Оно было преимущественно фантастическим,— художники-инопланетяне настойчиво пытались представить неизвестные формы жизни. Вероятно, у этой планеты еще не было контактов,— поэтому интенсивная работа воображения восполняла отсутствие космической информации. Очевидно, у братьев по разуму рано пробудилось вселенское чувство,— а вместе с ним возникла потребность в космическом диалоге. Искусство мастерски создавало иллюзию такого общения. Художники стимулировали мышление ученых и философов: модели иных миров, созданные силой мечты, изучались с логической точки зрения. Так выковывалась методология инопланетной науки,— она поразила меня широтой подходов и готовностью к новизне. В отличие от нас, братья по разуму никогда не считали, что свойственная их планете форма жизни является единственной. И вот что удивительно: фантазия художников породила образы растений, очень близких представителям нашей земной флоры. Широкошумные леса зеленели на гениальных полотнах! Они не могли быть написаны с натуры, ведь в биосфере планеты не было настоящих деревьев. Однако интуиция оказалась не менее ярким источником для творчества, чем непосредственные впечатления: она словно высвечивала наши березняки

и ельники! На полотнах виднелись и белоствольные рощи, и строгое краснолесье.

Были на планете художники, которых можно назвать флористами. Они специализировались на изображении цветов, которые распускались в мире их фантазии. Тут было много форм, ассоциирующихся с нашими земными растениями: вот подобье ромашки; вот двойник незабудки; вот аналог тимьяна.

Одно полотно особенно поразило меня. Оно изображало л юбку! Наверно, в каких-то деталях были неточности,— однако я не замечал их. Меня восхитила великолепная точность воображения. Художник будто бы пристально всматривался в натуру!— и поэтому поднес к ней огромную линзу. Орхидея казалась странно увеличенной,— таким я видел ее образ при первом посещении ротонды.

Случайны ли все эти удивительные сходства? Думаю, что нет. Ведь через единое трансвселенское биополе все растения как-то сообщаются друг с другом.

Первая планета за гранью сингулярности... И сразу — такая исключительность, и сразу — такая новизна! Сколько открытий сулит нам другая Вселенная? И не только открытий: от нее можно ждать совета, даже помощи. Однако мои попытки уйти в глубь иного пространства-времени не увенчались успехом. Я не мог покинуть биополе планеты,— вероятно, напряжение моей мысли было для этого недостаточным. Но и первая планета, на которую я вышел в новой Вселенной, давала мне богатейший материал для раздумий. Я часто мысленно уходил к ней — и всегда возвращался назад ошеломленным.

Сколь замечательна экология далекой планеты!

Взяв лидерство в эволюции, растения освободили биосферу от многих жертв и трагедий: ведь им никого не нужно убивать ради пропитания. Поэтому на планете установились на редкость гармоничные экологические отношения. Здесь возникла редчайшая форма симбиоза,— растения содействовали эволюции животного мира, создавая для этого идеальные условия. Рост гигантских коралловидных колоний осуществлялся под контролем людей-растений! — это была своеобразная биоархитектура: форма и пропорции задавались разумным зодчим. Движимые альтруистическим чувством, люди-растения хотели поднять своих соседей по биосфере на ступень разума. Меня поразила эта задача,— ни одна из цивилизаций в нашей Вселенной не ставила ее перед собой. Даже писатели-фантасты прошли мимо этой увлекательной идеи!

Вероятно, мы привыкли к тому, что на планетах сознание возникает лишь у одного вида. Братьев по разуму мы искали в далеком космосе. Нас почему-то не осенила другая мысль: помочь природе подарить нам братьев на своей планете. Когда ученые XX века заподозрили существование разума у дельфинов, то не только обыватели, но и даже философы встретили эту идею с непонятной ревностью. Монополия человека на Землю считалась абсолютной! — не поэтому ли дельфинология, сулившая величайшее из открытий в нашей истории, встретила такую критику? Мотивы этого неприятия могли быть бессознательными. Но глубинная их основа ясна: эгоизм. Вот почему дельфинологические исследования были так рано прекращены.

Мы вправе называть себя альтруистами. Но не проявляется ли это наше качество лишь в масшта-

бах космоса? — тогда как на родной планете мы вряд ли захотим сосуществовать с братьями по разуму. Эта весьма простая мысль многое раскрыла передо мной в новом свете. Я понял, что этическая эволюция нашей Вселенной еще продолжается,— мы преждевременно усмотрели в себе абсолютное нравственное совершенство. Что будет, если какое-нибудь растительное сообщество на нашей планете придет к разуму? Боюсь, что мы уничтожим его,— пусть даже как бы нечаянно, исподволь. Сколь ни фантастично мое допущение, но оно дает возможность представить те экстремальные условия, в которых испытывается нравственность.

Люди-растения выдержали бы это испытание с честью! Они стремились привести к сознанию сразу несколько животных видов и не боялись, что новосозданная ноосфера поглотит свою предшественницу. Ощущая потребность в диалоге с иной формой разума, инопланетяне делали то, что пока не мог дать им космос: сами создавали своих будущих собеседников. Этическое бескорыстие этих усилий вызывало у меня восхищение.

Скоро ли наступит момент, когда я смогу послать привет замечательной планете? Пока я присутствовал на ней только мысленно и не знал, как сообщить братьям по разуму радостную весть: у вас скоро появится широкий круг собеседников! Но верю, что вы не оставите своих добрых усилий. Ведь вы создаете самую необычную ноосферу: она будет образована сразу несколькими разумными видами, а не одним.

Человек-растение... Само это сочетание слов звучит парадоксально. Поэтому в сознании может образоваться неверный зрительный образ,— вроде тех полулюдей-полудеревьев, которые населяют

фантастическую ноосферу сказок. Но я видел настоящих людей!

Инопланетяне были очень похожи на нас. Но каждая клеточка в их теле имела совершенно другую структуру. Внутреннее строение людей-растений тоже отличалось интересной спецификой. Однако все эти различия казались мне совершенно несущественными! Я еще раз убеждался в единящей силе духовности. Мне открывалось великое эволюционное значение этого фактора: дух лепит форму, дух создает красоту. Не суть важно, какой материал используется в этом созидании: единая форма задается общей эволюционной задачей — сотворением разума. Если сознание рождается у индивидуального существа, а не у колониального комплекса, то появление человекоподобных форм очень вероятно. Быть может, даже неизбежно для всех вселенных! Но пока я не хочу делать столь категоричного вывода. Ведь мы можем проникнуть во вселенные с иной космической экологией, где в соответствии с условиями разум будет приобретать неизвестные нам формы. Предчувствую эту ошеломляющую новизну. И все же знаю: принцип единства разума торжествует всюду! — несмотря на разнообразие его проявлений, мы всегда будем находить созвучья, подобия, инварианты. Удивительная планета явила мне это единство в зримой форме. Но надо быть готовым к более тонким и сложным случаям такого единства. Мне кажется, я почувствовал в себе эту готовность, — планета мыслящих растений расширила мое сознание.

С тех пор я стал иначе относиться к своим любимым травам. Мне вдруг открылось, что любая форма живого таит в себе потенциальную возможность разума, — нужны только особые космиче-

ские условия для ее реализации. В одной Вселенной они есть, а в другой — нет. Но вселенных — множество! И где-нибудь таящаяся возможность непременно перейдет в действительность.

Я дал простор своей фантазии. Вот мое воображение нарисовало далекую Вселенную, чья экология благоприятна для развития чешуекрылых. Планета разумных бабочек! Я представил их радужные краски, их мажорное искусство. Пусть моя фантазия несостоятельна. Но она поможет мне создать сказку. А ведь сказка так помогает в освоении нового! На воображаемых мирах, созданных нашей фантазией, мысль готовится к полету. Так было всегда. Если оскудевали сказки, то замирала и мысль. Она удовлетворялась известным, — ее не влекла новизна.

О, этот застойный покой! Иногда в нем проходили целые столетия. И вдруг появлялся сказочник со своим волшебным рожком. Он играл побудку. Медленно просыпалось человеческое воображение. Но с каждым часом оно становилось все ярче. Начиналось — творчество. Жар-птицы вили гнезда в северных рощах; многомудрые сфинксы грелись на песках пустыни; из лунных бликов рождались русалки.

Сказки нужны всегда, — даже сейчас, в эпоху космической зрелости человечества. Ибо они эвристичны: будят мысль, зовут к новому. Но мне ныне открывается и другое назначение сказки: часто она предугадывает новое, небывалое. Наверно, это один из самых, волнующих моментов для разумного существа — увидеть воочию то, что считал игрой своего воображения, сказочным вымыслом.

Бытие неисчерпаемо. Наше воображение тоже неистощимо! Кто знает, быть может, эти два мно-

жества — образы реальности и образы фантазии — совпадают друг с другом. Это значит, что наши сказочные вымыслы где-то являются реальностью! А мы в этой другой реальности воспринимаемся как фантастический сон.

Но Бытие едино. В нем реально все! Так что понятия сказочности и реальности при широком взгляде совпадают. Мир как сказка: вот моя формула бытия, родившаяся в Гималаях. Здесь я нашел свою хрустальную линзу. Ее увеличительная сила оказалась такой, что я смог заглянуть за черту сингулярности. Заглянуть дальше — за предел этой новой Вселенной — пока не могу. Но это — в будущем! И я готовлюсь к нему.

Готовлюсь, перечитывая сказки, — я составляю каталог всех сказочных образов Ойкумены, Зачем нужен этот реестр? Для постижения неисчерпаемых возможностей материи. Еще вчера Лавр, Дафна, Кипарис были для меня мифическими персонажами. Но вот я увидел планету, где они вполне реальны! Пусть миф немного ошибся в деталях, — однако истина угадана им с поразительной точностью: между растением и человеком нет пропасти, — возможен глубокий симбиоз этих существ.

Вот на цветущий дягиль садится огромный махаон! Его крылья несут на себе таинственную роспись. Быть может, подобные фрески мы встретим в храме одной из планет, находящихся за чертой сингулярности. Воображение подхватывает эту идею: я вижу, как при восходе двойного солнца вылетают из леса небывало крупные бабочки. Они подлетают к подрамникам, где натянуты белые холсты. Это художники. Художники другого мира! Антенны прекрасных существ настроены на частоты дальнего космоса.

ГЛАВА 7

Вот выходные данные моей последней книги: «Юрий Долин. Основы космической педагогики. Земля, 2811 г.». Я не буду пересказывать ее содержание. Но расскажу о предыстории этой книги и о тех первых догадках, которые легли в основу моего замысла.

Эти догадки осенили меня в Гималаях. Когда-то там существовала неизвестная община, разрабатывавшая оригинальные методы сосредоточения. Нам ничего не известно о древней культуре. Поэтому здесь допустимы любые гипотезы, — вплоть до утверждения, что неведомые общинники черпали из духовного опыта других миров. Быть может, это были пришельцы, чья родина находится за космическим горизонтом событий? Приход на Землю являлся с их стороны жертвенным актом, — они взяли на себя задачу направить планету по истинному пути. И при этом не нарушить свободы ее воли! Пришельцы ничего не подсказывали людям; никогда прямо не вмешивались в ход исторических событий; избегали широкой огласки своего присутствия.

Это были мастера космической педагогики. Свою задачу они видели в том, чтобы помочь раскрыться человеческому самосознанию, — и сделать это исподволь, с предельным тактом. Они знали: в человеке заложено все. Мыслящий мозг способен отразить в себе космическую Беспредельность! И отразить под собственным углом зрения.

Вот эта неповторимость каждой ноосферы больше всего ценилась космическими педагогами. Они знали об опасности духовной энтропии, нивелирующей и науку, и культуру. И знали, что против этой

энтропии есть только одно средство! — самобытность, разнообразие, непохожесть: это относится и к целым ноосферам, и к отдельным личностям.

Педагоги помнили по опыту своей Вселенной: познание сначала направляется вовне и лишь потом обращается вовнутрь, в глубины духа. Иногда разум всецело посвящает себя познанию внешнего мира — и тогда возникает диспропорция: великий источник истины, заключающийся в самом человеке, остается для него закрытым. Это может привести цивилизацию к трагическим последствиям.

Как в данном случае произвести коррекцию? Наверно, это основная проблема космической педагогики. Когда-нибудь и на нашу долю выпадет аналогичная миссия. Поэтому уже сейчас надо размышлять над методикой тактичного воздействия на другой разум.

Вероятно, здесь в определенных случаях допустим такой приём: раскрытие перед человеком возможностей его сознания, — как бы снятие повязки с наших духовных очей. Для этой цели могут использоваться различные средства. Воздействие одного из них мы испытали на себе в Гималаях. Об этом — дальнейший рассказ.

Но вначале мне надо ответить на вопрос: верю ли я в реальность космических педагогов? Пусть мой ответ покажется уклончивым, — но я скажу то, что думаю. Для этого поставлю вопрос в перспективе: сможем ли мы сами стать космическими учителями? В такой формулировке вопрос обретает для меня волнующий смысл. А что касается ретроспективы — были или нет учителя на нашей планете, — то здесь мы не скоро найдем ответ. Быть может, вообще никогда не найдем! Если учителя считают нужным скрыть свое присутствие, то они, конечно же, научились инкогнито

посещать миры. Наши старания тут ничего не дадут. Возможно, и мы поступали бы точно так же в аналогичных условиях. Умение оставаться как бы в стороне чрезвычайно важно для педагога. В идеале мыслима даже полностью анонимная педагогика! Конечно, в определенных случаях важна именно личность учителя, — но иногда ему лучше стушеваться, отойти на задний план: тогда самораскрытие учеников осуществится с абсолютной свободой.

В дальнейшем я буду исходить из того, что идея посещения Земли космическими учителями принимается мной как эвристика или гипотеза. Исходя из этого предположения, я хочу построить модельную ситуацию, в которой люди окажутся учителями по отношению к младшим разумным существам. Но для чего нужна такая модель?

Мотивы для ее создания были у меня чисто внутренними, — и скорее безотчетными, чем осознанными. Наверно, вот так ощущает поэт желание написать стихи. Он не может объяснить, какая сила тянет его к белой бумаге, — это глубинный зов творчества, лежащий вне рационального объяснения.

Я не сочинял стихи, а выстраивал концепцию. Мне кажется, она самоценна и как своеобразное художественное произведение, независимо от своей весьма вероятной практической бесполезности. Но в глубине души я верил, что мой поиск пригодится людям. Будущее рождается из многих возможностей, — одну из них я пытался предугадать.

Предположим, что мы хотим получить помощь из другой Вселенной, Огромные усилия наша цивилизация тратит на то, чтобы послать своих вестников за космологический горизонт событий.

Проникнув за эту черту, они встречают несколько молодых цивилизаций. Увы, эти юные ноосферы еще не окрепли для того, чтобы стать нашими сотрудниками. Они проходят через ту историческую фазу, когда первые раздоры берут верх над гармонией. Нелепые конфликты, бессмысленные столкновения! Многим планетам знаком этот печальный опыт. Вряд ли он был полезен,— эволюция планет задержалась на целые тысячелетия.

Встает задача: помочь ноосферам, потерявшим светлую историческую перспективу. Для этого им не нужно навязывать свои схемы,— достаточно напомнить разуму о его истинном назначении. Если это разум здоровый, то он поймет свои ошибки. И выправит их сам, без насилия извне. Так что никакого вмешательства не будет. Функция учителя — тактичное напоминание: он высвечивает в инопланетном разуме то, что заложено в нем самом, присуще его природе. Только так можно подготовить добрых сотрудников,— не умаляя их достоинства, не подавляя их самостоятельности. Окрепнут юные ноосферы — и смело шагнут в космос! Тогда можно будет сказать им: вот за той чертой — за космологическим горизонтом событий — соседняя Вселенная терпит бедствие. Лишь совместные усилия вашей Ойкумены могут выручить нас. Мы знаем: дух сочувствия и взаимности утвердился на ваших планетах, И мы верим,— вы не оставите нас в беде.

Да, мы из другого пространства-времени. Нас мало: всего девять. Вы можете спросить: — Если вам необходимо действовать из нашей Вселенной, то почему бы не заслать сюда большие спасательные отряды? — Ответим: — Переход за черту сингулярности требует огромных энергетических затрат. И мы исчерпали свои ресурсы! — чтобы послать

к вам девять вестников, наша Ойкумена напряглась в величайших усилиях. Там даже не знают, достигли ли мы успеха или погибли при небывалом переходе. Если мы возвратимся назад, то только вместе с лучшими из вас, братья! Наша судьба — в ваших руках.

Пусть это обращение покажется несколько надуманным. Но сейчас дорога любая возможность, если она сулит одоление катастрофы. Не исключено, что нам придется самим воспитать своих будущих сотрудников, находящихся за космологическим горизонтом,— развить заложенные в них начала сочувствия, жертвенности, доброты.

Мои мечты и гипотезы складывались в своеобразный сценарий. Воображение с блеском ставило по нему многосерийный фильм! — передо мной разворачивались драматические события, сталкивались характеры и судьбы. В этих жизненных перипетиях я воспитывал свое педагогическое мастерство. Часто меня постигали неудачи,— призыв к добру оставался неслышанным. Но я совершенствовал методику, отыскивая все более тонкие способы влияния на ученика.

Да, главное здесь заключалось в тонкости! Даже самый малый диктат со стороны чужой воли может убить личность. Иногда кажется, что лишь давление на ученика может выправить его путь. Но вот тут-то и обнаруживается твоя несостоятельность!

Думая получить один результат, здесь часто достигаешь противоположной цели: активно направляешь ученика к добру, а он самовольно сворачивает на стезю зла. Причина заключается в грубой однозначности твоего воздействия. Ты лишаешь ученика возможности творческого выбора, излишне резко корректируя его жизненную линию. Тут

обязательно сработают механизмы внутреннего сопротивления! Если ты на входе задавал плюс, то на выходе получишь минус: произойдет своеобразное обращение,— благое намерение приведет к отрицательному эффекту. Почему? Я много думал над этим корневым для педагогики вопросом.

Заглядывая в глубину гималайского колодца, я видел недра собственного духа. О, как сложно переплетаются в нем тень и свет! Многомерная чересполосица, сетевой лабиринт, тупики и просторы. Компасом здесь могло быть лишь наитье,— такое зыбкое и вместе с тем странно точное. Оно выводило меня на проблеск первых догадок — словно давало мне в руки путеводную нить.

Я подумал о том, что человек искони привык действовать в предметном мире. Это — его сфера, это — его стихия. Строгать, лепить, ковать, строить! — большинство наших глаголов выражают предметные действия. Какая великая радость — воздействовать на материю, внося в нее новый смысл и структуру.

Однако деятельность человека не ограничивается предметным миром,— она охватывает и сферу невидимой духовной реальности. Не переносим ли мы сюда законы вечно мира? Вот где корень многих ошибок. Часто люди считают, что могут воздействовать друг на друга так же просто, как они воздействуют на вещи. Но у души своя физика! — тут иные законы, иное измерение. Мы же по инерции считаем, что при переходе из мира вещей в мир сознания все остается по-прежнему,— вот эта наша нечувствительность к качественному переходу и является причиной многих трагедий. Сколько личностей не раскрылось из-за этого? Сколько гениальных картин и стихов не родилось?

Сколько прекрасной музыки не прозвучало?

Стремление к свободе часто становится осознанным после грубого и однозначного воздействия на сознание. Тогда возникает конфликт между учителем и учеником: понимание становится невозможным, даже если искусственно имитируется обеими сторонами.

Ученик не может жить без направляющей его информации. Сознательно или бессознательно, он будет искать более тонких влияний. Где он может найти их?

В природе. Она многозначна. Линия тосканских холмов действует на нас исподволь — мягко, ненавязчиво. О чем поют эти плавные изгибы? Каждому — о заветном, каждому — о несказанном. Сила внушения присуща прекрасным пейзажам. Но никогда нельзя сказать, что именно они внушают. Об этом можно только догадываться,— но догадку лучше не высказывать вслух. Она — интимна, она — индивидуальна. Другой может не понять тебя. Да ему и не нужно навязывать свое восприятие: он сам извлечет из пейзажа то, что ему необходимо. Неся в себе мириады смыслов, пейзаж позволяет тебе извлечь тот, в котором ты сейчас нуждаешься. Осознание этого смысла приходит незаметно. Среди элегичного листопада или под звездным небом, но тебя вдруг осеняет,— это приходит искомое, это обретается чаемое. Ты не знаешь, откуда приходит оно. Ты просто радуешься нисходящей благодати! Так хорошо становится на душе, так прозрачно. Мир повлиял на тебя, помог тебе,— а сам отошел в тень: радуйся, что в душу твою вернулся свет.

Музыка в тонкости своих воздействий подобна природе. Хоралы Баха написаны так, что ты считаешь себя их адресатом. Будто тебя и только тебя

имел в виду композитор, когда сочинял эту дивную музыку! Другой не поймет ее,— ведь ему не открыто сокровенное. Но посмотри на своего соседа по концертному залу,— его лицо тоже в слезах. Как, эта музыка обращается и к нему? И ко всем сидящим в зале? И ко всему великому человечеству? Музыка — одна: но смыслов а ней столько же, сколько людей на Земле.

Схожим воздействием обладает и философия,— только если она не претендует на обладание абсолютной истиной. Творения великих философов можно назвать музыкой духа. Читая диалоги Платона, ты вовлекаешь себя в полифоническое движение мысли. Платон гениально передает внутреннее разнообразие ноосферы. Что она без этой разнообразности? — бездумное серое стадо, не больше. Пусть в многозвучье идей каждый найдет свою,— единственную, неповторимую. Тексты гениальных философов помогут ему сделать это. Многомерно их смысловое пространство,— и потому мысль в нем движется свободно: никто ее не подталкивает, не направляет по заданному руслу. Хотя философ убеждает тебя и делает своим сторонником, но в том и суть, что при этом он оставляет тебя абсолютно свободным.

Вечерело...

Над Гималаями засверкали первые звезды. Книга вечных писем раскинулась надо мной, В ней тоже не было однозначных смыслов,— рисунок одних и тех же созвездий таил разные сюжеты. Наметки, эскизы, канва! Сегодня один узор, а завтра совсем другой,— все зависит от того, как ты соединишь звезды. Сколько картин легло на эту звездную прорись? Я чувствовал тайные напластования неба,— хотя они абсолютно прозрачны для взгляда. Небо тоже великий учитель! Затвердишь

ли сразу его урок? Нет, будешь внимать высотам всю жизнь. И никогда не доберешься до последнего смысла, до окончательного значения. Всегда — новые пересверки, всегда — новые переливы.

В проемах ротонды сверкала заходящая Лира. Ее серебряные струны уже коснулись горных вершин. Никак это созвездье не могло отразиться в колодце!—другое дело, если бы оно стояло в зените. Но я заглянул в хрустальную линзу — и замер: глубоко-глубоко подо мной, на самом дне мироздания, лежала чудесная звездная Лира, Я захотел прикоснуться к ней, хотя и понимал, что это немыслимо. Однако произошло невероятное: созвездье поплыло ко мне навстречу. Колодец стал тубусом гигантской подзорной трубы. В ней кто-то постепенно менял окуляры,— вот десятикратный, тысячекратный, миллионкратный.

Я уже стоял рядом с космической Лирой! За ее струнами ярко светилась какая-то неведомая планета,— вместе с Лирой я неуклонно двигался по направлению к ней. Мне стало ясно: звездный инструмент передан в мои руки. Но кто будет слушать музыку моей души? Вероятно, обитатели планеты из параллельной Вселенной, чей небосвод удивительно схож с нашим.

Подняв лицо к небу, я увидел почти не изменившийся рисунок созвездий. Только в нем недоставало Лир,— ведь она была у меня в руках. Значит, я несу гармонию на эту планету! У меня появился соблазн немедленно объявить вслух о себе. Пусть аборигены восторженно приветствуют меня,— ведь к ним снизошло великое небо. Пусть они поймут мое превосходство,— ведь я умею играть на звездной Лире. Пусть планета пойдет за мной,— ведь я вестник далеко опередившей ее ноосферы.

Но мне тут же стало стыдно за свои намерения.

Откуда эта гордыня, это тщеславие? Все же я не изжил окончательно своего эгоизма. Желание выделиться, стремление к лидерству — все это допустимо, если действуюешь среди равных, уважая их достоинство. Но как часто в истории мы искали власти над слабыми! Тут можно вспомнить много постыдных страниц. Насаждая свой авторитет, мы лишали людей самобытности. Они должны были повторять нас, во всем следовать за нами. Что же получалось в результате такой нивелировки? Однородная масса, но не союз творцов.

Темный инстинкт властолюбия на мгновение проснулся и во мне. Все же полезно было осознать его. И ужаснуться! — какая это мрачная и твердая сила. Ты чувствуешь себя неким абсолютом. В тебе — система отсчета, в тебе — средоточье истины. Если что-то не согласуется с тобой, то необходимо навязать ему свою меру. Весь мир ты хочешь подогнать под себя. Тебя раздражает любое разнообразие, для твоего слуха мучительна разноголосица. Поэтому ты утверждаешь единые эталоны; поэтому тебе так приятна монотонность. Ведь в любом отклонении от своей схемы ты усматриваешь угрозу своему авторитету! Поэтому вольный голос звучит для тебя невыносимым диссонансом, — и ты стараешься заглушить его, действуя то силой, то подкупом. Чему ты научишь людей? — слепому следованию схеме. Ты помешаешь раскрыться их творческому началу.

И значит ты не учитель! Желание не учить, а властвовать вело тебя по жизни. Хотя ты убеждал себя в противоположном, — считал, что остаешься непонятым, что от толпы нечего ждать благодарности.

Толпа...

Так ты называл своих учеников. А когда раздра-

жался, то выбирал слово похлеще: стадо. И бросал его в лицо ученикам!

Впрочем, ты не замечал лиц. Повсюду насаждая безликость, ты не терпел индивидуальности. Если ученик что-то хотел сделать по-своему, ты больно ударял его линейкой по пальцам, — шрам оставался на всю жизнь. Все были неправы — кроме тебя; все были слепы — кроме тебя; все были бездарны — кроме тебя.

Сознание смоделировало этот жуткий образ, — и я в ужасе отпрянул от него. Нет, нет! Если на этой планете у меня будут ученики, я должен прежде всего понять их изнутри. Но будут ли? Сознание продолжало разворачивать свой сценарий, — и вот с отрогов инопланетных гор я спустился в долину.

Во всем ощущалась молодость планеты. На горизонте дымились вулканы; гремели порожистые реки; буйно росли травы. Можно говорить о темпераменте природы, — здесь он был стремительным, порывистым. Леса дышали неумемной энергией. Крики зверей то и дело раздавались в них. Среди камней струились стоцветные змеи.

Языческой первозданностью поражала природа! Во всем угадывались черты незаконченности, — сотворение мира тут еще продолжалось: ваялись новые горы; закипали новые родники; возникали новые виды. Потому в характере планеты чувствовалась неуравновешенность, — она искала себя, она еще не обрела гармонии. Появился на ней разум? Пока я не встречал никаких признаков ноосферы. Шел я долго — два, три, четыре дня.

И вот передо мной потянулись каменистые гряды. Между ними я встречал ровные черные круги: это были кострища! — значит, прометеев огонь уже вспыхнул на этой планете. Я понял, что

иду по следам кочевий,— рано или поздно, но меня ждет встреча с разумными обитателями планеты.

К вечеру четвертого дня я вышел на скальный берег прекрасного озера. По бирюзовому зеркалу тянулась цепь зеленых островов,— в этой перспективе я ощутил что-то особенно значительное. Будто пробрезжили мне надежды юного мира! — такие светлые, хотя и невнятные, смутные. Ожиданием полнилась тишина вечеряющего пространства. В ней витали неуловимые образы грядущего. Лишь для наитья они проявлялись на мгновение,— и тогда я видел будущие храмы планеты. Они пленяли своей гармонией!

Заночевать я решил на скалистом мысу, далеко выдающемся в озерную гладь. Поставив рядом с собой бесценную Лиру, я уже расстилал плащ для ночлега, когда мое внимание привлекли странные неровности на камне. Присмотревшись к ним, я увидел рисунки. Вероятно, они иллюстрировали космогонию неведомого племени. Да, это была попытка целостно представить мировой процесс! Космос трактовался как нечто живое: развиваясь в борении с темными силами, он приходил к созданию человека — и обретал в нем подлинного союзника.

Этот мотив особенно поразил меня. Человек как сотрудник космоса! Вот он идет среди лучистых солнц, нацеливая копье на детищей мрака. В его руках — судьбы миров, в его сердце — свет будущего.

Среди различных сцен, выбитых на камне, были и карты созвездий. Они показались мне неточными. Что это, результат поверхностного внимания? Но вскоре я понял удивительный замысел художника! Он решил, что некоторым созвездьям

недостает симметрии,— и смело исправил их пропорции, внося в звездное небо новую меру.

Человек как архитектор созвездий! Это была мощная заявка разума. Вдохновлял эстетический пафос в отношении человека к космосу. Он хотел подарить Вселенной новую красоту, в стократ усилив ее гармоничный лад,— он набрасывал на камне чертеж будущего. Когда задуманное воплотится в жизнь? Пускай через миллионы лет. Но главное заключается в осознании своих вселенских целей.

За полночь низко проплыл надо мною звездный Лебедь. Я знаю: на него глядели в эту ночь и глаза неведомых собратьев. Небо давало им свой вечный урок. Люди внимали тишине,— и она учила их великому. Ведь многозначность удивительна! Вслушиваясь в нее, люди узнавали о самом заветном: о силе сочувствия, о тяге к свету, о мудрой гармонии.

От века веков тишина учительствует во всех человечествах мира. Звезды ассистируют ей. Они зовут, манят. Человеку хочется дотронуться до них, собрать в банку, как светляков,— и тут его ждет одно из первых разочарований: небосвод — недосыгаем. Это ввергает человека в отчаянье, но все же сила духа берет верх. Начинается трудный путь восхождения. Постепенно, накапливая открытия, человек получает представление о межпланетных расстояниях и об удаленности звезд. Жуткая бездна! Да разве мыслимо ее перешагнуть? А лот опускается все глубже,— вот он коснулся первых галактик; вот уже дошел до квазаров...

Расширяющаяся Вселенная словно уходит от человека! — как фонари на последних вагонах пропадают из виду, так исчезают в ночи разлетающиеся галактики. И будет человек ощущать себя покину-

тым, одиноким. Но одолеет и этот наплыв тоски!

Он сам начнет сокращать расстояния между собой и ночными светилами. И наступит момент, когда скорость его продвижения в космос превысит скорость разбегания галактик! Разобщенность будет одолена, ноосферы образуют союз. А пока...

А пока у ночного костра сидят первые люди планеты. Над ними высоко плывет звездный Лебедь. Широко распластались незримые крылья! — будто накрыли этот мир как уютное гнездо. Пахнет смолой, травами. Тишина стоит среди деревьев, не шелохнется. Духовность начинается от попыток понять ее тайные значения, — утончается слух, облагораживается сердце. В молчании люди чувствуют какую-то особенно глубокую связь между собой, — рождается великое чудо со-пониманья, сочувствия. Прозрачный воздух зыблется над костром, среди тишины и звезд рождаются первые сказки.

Но утром я увидел нечто очень далекое от этой идиллии. Меня разбудил резкий гортанный крик, — в нем сразу угадывалась экзальтированная воинственность. Да, это был боевой клич! Вскоре на другом берегу озера разыгралась кровавая схватка двух племен.

Чего не хватало этим людям? Пространства у них было вдоволь. И какого пространства! Оно звенело свободой, раскованностью. Целебные травы, горячие источники, рудоносные жилы — все это поражало своей избыточностью, щедростью.

И однако люди не могли мирно ужиться друг с другом. Расхождения между братьями часто начинаются из-за незначительных причин, — например, один и тот же миф по-разному толкуется двумя племенами. Так было и на этой планете.

Тут срабатывают сложные механизмы противо-

борства, — естественное расщепление племен сопровождается появлением между ними антагонизмов. Почему? Это мучительный вопрос для науки всей Ойкумены. Трудно в человеке созревают великие качества: терпимость, понимание, гармония. А там, где они не берут верх, ноосферу ждет трагедия: эволюция человечества завершается самоистреблением.

Меня всегда поражала слепота жестокости. В человеке вдруг прорывается грозная сила Хаоса! Разум — гаснет: людей увлекает стихия уничтожения. Дай им сейчас соответствующие возможности, — и они разрушат весь космос: низвергнут во тьму солнце, сорвут с орбит планеты. Им становится ненавистным любой лад — и прежде всего тот, который они несут в себе. Поэтому с особым остервенением сокрушаются храмы, музеи. О, эта агрессия иррациональных начал! Она ломает все, она уносит жизни, она калечит сердца.

Нечто подобное я видел сейчас на той стороне озера. Куда, в какую темную щель души забивается разум во время таких схваток? Ведь это — безумие! Человек теряет все, что обрел в эволюции. Смерть врага доставляет ему дикую радость. Еще, еще! Люди льют кровь, пока не опомнятся. Да, наступает такой жуткий миг — он неизбежен в любом побоище. Словно внезапно отключается излучение, вызывающее в воинах безумную злость. Воцаряется полная тишина. Вокруг — трупы. Разум постепенно возвращается к оставшимся в живых. Почему? Зачем? Эти вопросы ставит совесть. Даже самый неглубокий человек ощутит в этот момент стыд за совершенную бессмыслицу. Пусть быстро забудется миг прозренья, — но все же он оставит свой след в душе человека.

Аритмия лечится ритмом, хаос побеждается

ладом. Если я и могу помочь заблудшим людям, то только самым тонким воздействием: через гармонию, через упорядоченность звуков. Я тронул свою Лиру...

И в этот момент меня охватили сомнения. Не являюсь ли я наивным утопистом? Чтобы остановить воюющих, необходимо проявить силу. Я же уповаю только на вибрацию струн. Можно ли внести ритм в эту сумятицу? Да и смягчит ли он ожесточенные сердца?

Леса вокруг были полны гармонией. И кучевые облака воплощали гармонию. И в пении птицы звучала гармония. Но среди этого строя и лада лилась кровь. Звуки битвы заглушали все — и перезвон ручья, и цокот кузнечиков. Разве среди рыка и скрежета будет услышана моя Лира?

Я не мог появиться перед воюющими со своим инструментом. Это было бы вторжением в естественную причинность планеты! Желая оказать людям благо, я принесу им только зло. Ведь их сознание еще не настолько расширено, чтобы спокойно отнестись к моему появлению. Ноосфера может подвергнуться стрессу! — история освоения космоса знает несколько таких случаев. Каковы здесь последствия? Они предсказуемы однозначно: рушится нормальный мифогенез; сместится шкала ценностей; исказятся цели общества.

Останавливая силы Хаоса, я сам внесу несравненно больший хаос в жизнь планеты! Давно уже сложилось в науке представление о космической зрелости ноосфер. До этого звездного возраста контакты с космосом могут принести лишь вред. Поэтому действовать прямо, открыто я не имел права, — это было бы антигуманным актом по отношению к планете. Конечно, я мог бы оказывать тайное влияние на людей, пользуясь механиз-

мами внушения. Я отлично владел техникой телепатического гипноза. Но ведь вторжение в область подсознания еще более опасно! Тут все непредсказуемо: внесенная мной информация может быть так преломлена, что приведет к неадекватным действиям. А если она будет осознана? — в таких случаях человек нередко испытывает настолько сильный шок, что это приводит к пожизненному неврозу. Кроме того, в его картине мира возникают столь большие неувязки, что разлагается весь образ жизни: человек перестает понимать и себя, и действительность. Направленное действие через подсознание неэтично, — здесь в скрытой форме нарушается свобода воли. Вот почему с сознательным существом в космосе работают только на уровне сознания! Остальные методы применяются лишь в исключительных случаях, — например, при необходимости срочного психотерапевтического вмешательства.

У меня оставался еще один способ воздействия: это — эффект чуда. Я мог вызвать над побоищем неожиданную грозу, придав электрическим разрядам форму тех символов, которые у племен считались священными. Это остановило бы сражающихся! Но без появления психических аномалий тут не обойтись. Эффект чуда действительно обезоруживает людей, но результат оказывается отрицательным: люди теряют веру в свои силы, становятся безвольными. Здесь тоже возникает моральное препятствие: эффект чуда очень похож на самое элементарное запугивание! А это недостойный и низменный прием воздействия.

Я понял, что должен использовать лишь самые естественные средства. Обратиться к природе планеты! — вот самый корректный путь. Буду действовать не я — будет действовать природа. Я лишь

помогу ей высвободить свои скрытые ресурсы — скорее информационные, чем энергетические. В качестве союзников я могу использовать зверей и птиц — по отношению к ним я вправе применять даже внушение: при условии, что это не будет представлять угрозы для их жизни.

Человек на этой планете уже успел обострить свои отношения с животным миром. Однако страх многих существ перед разумными соседями еще не стал слишком глубоким, хотя во многих случаях уже был закреплен генетически. Снятие этого страха на короткое время не представляло сложной задачи, — нужно было только найти соответствующие сочетания вибраций. Сделав это, я коснулся струн своей Лиры.

Вмешивался ли я в естественные процессы планеты? Нет, нисколько. Скорее даже наоборот: я снимал противоестественные состояния! Ведь страх животных перед людьми противоречит естеству, природе. Это аномальное явление — я же восстанавливал норму.

Сила сострадания присуща всему живому. Она есть в каждом звере, в каждой птице. В пору первоначальной гармонии — когда люди еще не выделились из природы — звери часто выручали их. Они помогали раненым, выводили к дому заблудившихся. Таков был естественный инстинкт взаимопомощи, — животные действовали бессознательно, но тем не менее гуманно. Память об этом сохранилась в поэтических преданиях.

Битва продолжалась. Раненых относили к опушке леса, И вот воины стали замечать нечто необычное: к телам их страдающих товарищей сбегались различные лесные звери. Они зализывали раны, несли в зубах целебные корни. Некоторые животные смело вторгались прямо в битву и тревожным

криком словно хотели остановить сражение.

Воины опешили. Никто не посмел обратить оружие против младших братьев. В глазах зверей чувствовалась растерянность и любовь. Теплые звериные морды тыкались в груди воинов. Тут были животные, конфликтовавшие в природных условиях, — но перед лицом трагедии отступили все противоречия. Люди растрогались. Их удивление быстро прошло, ведь память о добрых отношениях с животным миром еще жила в молодой ноосфере. Воины ощущали какую-то мучительную неловкость. Они словно опомнились, — и скорбь о погибших прорвала все шлюзы: ужас смерти — врагов ли, друзей ли — хлынул в сердца.

Зачем? Почему? Совесть снова ставила эти вопросы, несчетное число раз возникавшие во всех ноосферах мира.

Битва остановилась. Надолго ли? Пусть даже на месяц, на год. Как ни коротка людская память, но она все же сохранит это событие. Возникнет легенда, предание. Кто-то вспомнит о случившемся через века — и остановит резкий удар своей сабли. Добро не пропадает бесследно. Есть закон сохранения добра — оно остается навеки.

Так я пришел к решению, которое искал еще на Земле: учительствовать через природу. Исподволь я открывал людям ее ритмы, ее гармонии. Они очеловечивали природу, не зная, что за шорохом тростника действительно стоит человек: это я заставлял колебаться растение в унисон моей Лире! Да, тростник отзывался на музыку высших сфер. И это было вполне естественно: ведь земное и небесное связано едиными созвучьями.

Люди любили слушать тростник. Сколько мыслей извлечено из его многозначного шелеста? Я вкладывал в тростник только ритмы, — тут не было

прямой передачи информации. Это были вибрации космоса,— так что и здесь я не нарушал естественной причинности: моя Лира была лишь посредницей между дальним космосом и природой планеты.

Я был ветром, был волной, был прибоем. Моя незаметность шла от самой природы, ибо я влился в нее, стал ею. К вечеряющим тростникам приходили разные люди. Они глядели, как восходит над озером звездная Лира,— я спроецировал ее образ на небеса планеты. Угадывали ли люди связь между дрожаньем звезд и трепетом тростника? Самые чуткие ощущали: тут есть созвучность. Это моя Лира становилась камертоном для ночного берега! — и на его частоты настраивалось все: тростник, деревья, сердца.

Люди вслушивались в шум крон,— и вдруг их осеняло: один решал теорему, другой находил рифму, третий задумывал сонату. Я ничего им не подсказывал,— просто в кронах звучала моя Лира: тысячеструнная, миллионструнная...

Я стал Орфеем этой планеты. Моя музыка исподволь преображала все,— хотя я ни разу не появлялся на виду у людей. Собственно, я и не мог этого сделать, ибо присутствовал на планете мысленно. Я хорошо думал о ней, о ее людях,— и они ощущали это седьмым чувством. Да, обитатели планеты все же догадались о моем присутствии! Но эта догадка — в порядке вещей: она ведь не нарушала естественной логики событий. Наитья тоже вплетаются в картину мира, становясь ее составной частью,— нельзя без предчувствий, без тайных предвосхищений.

Наитья часто отливаются в мифы. Так и я стал сказкой для этой планеты. Кто первым ее сочинил? Быть может, глубокий старик. Быть может, наивный младенец. Этого не установишь: сказка пришла

сразу ко многим. И это естественно! Ибо накануне люди смотрели на одни звезды, слушали один ветер.

Конечно, многое в сказке преобразилось. Но могло ли быть иначе? Ведь сказка — это догадка, ведь сказка — это наитье.

Как я мог подсказать людям ее сюжет? Такое просто невозможно. Но сказка говорила о лирике, спустившемся на планету со звезд. Он пришел в годину разоров и войн,— в руках его была только лира. Никто не видел пришельца, ибо он слился с травами. Да, он умел развоплощаться! Душа его растворялась в озерах, а лира превращалась в плакучую береговую иву. Внешне все казалось обычным: озеро, дерево. Но люди, приходившие сюда, ощущали какую-то тайну. Своих чувств они не могли выразить словами. Да и нужно ли говорить о несказанном свете? Люди долго-долго глядели в озерную прозрачность. И обретали истину...

Да, это я был озером. В нем не было ничего необычного,— кроме изумительной прозрачности. Но и тут я лишь усилил естественные свойства воды, а не сотворил чуда. Так я поступал всегда: раскрывал в природе то, что было заложено в ней. Влияя на человека через красоту, я шлифовал его душу.

Гармония — великий учитель. Музыка трав, музыка волн, музыка птиц! Человека окружает великолепная полифония природы. Среди этого разнообразия мировых ритмов я отыскивал такие, которые в данный момент могли оказать наилучшие воздействия. Моя Лира усиливала эти вибрации. Поэтому над планетой всегда звучала тайная музыка. Неся в себе высшую упорядоченность, она пресекала поползновения хаоса,— и это содействовало нормальному развитию планеты.

Вскоре на планете возникло мифопоэтическое представление о гармонии сфер. Наитье и здесь угадало истину! Люди поняли великое значение музыки, ритма. Они осознали глубокое родство музыкальных и космологических структур. Представление о гармонии сфер закрепило эту интуитивно найденную связь, и одновременно углубило этическую ответственность человека перед миром! — своим творчеством он должен повышать организованность космоса.

Мои сочинения звучали всюду: в гуле песков, в звоне дождя, в шуме трав. Ничего я не добавлял от себя природе, — и вместе с тем дарил ей всю свою душу. Учил не я — учила природа. Я лишь использовал этот канал для того, чтобы в лучшую сторону влиять на учеников. Они были на редкость понятливыми. И я осознал преимущество тонкого намека перед непосредственным воздействием! Язык намеков — наилучший путь.

Я выстраивал на горизонте больших городов цепи кучевых облаков. О, с каким вдохновением я ваял их причудливые формы! Облака намекали на что-то дальнее и прекрасное. Люди зачарованно глядели на них, пытаясь понять: откуда приплыли воздушные вестники?

Между тем это были самые обычные облака. Я не внес в них никакой информации. И все же облака обрели некие скрытые значения! Каждый их понимал по-своему. Но всегда — возвышенно, но всегда — романтично. Человек начинал ощущать, что реальность не исчерпывается повседневным, — к нему впервые приходила мысль о зодчестве других миров.

Я был архитектором облаков. Основу моей эстетики составлял принцип многозначности. Я хотел, чтобы формы играли разными смыслами,

включая ассоциативное мышление человека. Можно сказать, что многозначность стала главной категорией моей педагогики, — с помощью природы я создавал подобие текстов, которые читались людьми по-разному. Я не передавал своих знаний, но включал работу фантазии! И это приводило к гораздо более ценному результату.

Я давал для жителей планеты светомузыкальные концерты, — моя Лира звучала в сопровождении северных сияний. Это было естественное явление природы. И вместе с тем настоящее чудо! Однако оно не подавляло человеческого сознания, ибо действовало прежде всего на эстетические чувства. А созерцание красоты — пусть самой необычной, космической — лишь возвышает дух.

В сполохах северного сияния я передавал свое понимание космоса. Мне хотелось раскрыть всю динамику его гармоний, — поэтому на небе развертывалась целая мистерия света. В ионосфере зримо проявлялось то, что действительно соприуще Вселенной: борьба темных и светлых начал. Зрители без подсказки понимали мой замысел. Хотя я придавал некоторую эмоциональную окраску игре лучей, но первичной здесь оставалась природа, создавшая удивительный образный ряд для передачи сущего. На мою долю выпадала задача инструментровки. Конечно, творческий момент здесь присутствовал, — и все же я лишь помогал высказываться самой природе, выявляя всю мощь ее изобразительных средств.

В природе заложено всё, надо только раскрыть эти задатки. Тогда мы получаем совершенно уникальное средство для воспитательного воздействия. Не зря в сознании мыслящих существ природа обладает совершенно особым авторитетом! С ней

одновременно связываются представления и о великой мудрости, и о вечной детскости. Можно благоговейно внимать ей — и в то же время снисходить как к ребенку. Поэтому уроки природы воспринимаются очень легко, естественно. Здесь почти не возникает конфликтов, неизбежных в отношениях между учителем и учеником. Ведь природа учит незаметно, — вроде бы и вовсе не учит. У нее нет сухой дидактичности, она не может впадать в менторский тон.

Человек на определенных стадиях склонен отрываться от природы, — и это приводит ко многим потерям: снижается нравственная требовательность, падает эстетический вкус, окостеневает наука. В моей подопечной ноосфере человек пошел против природы. Говоря шире, он нарушал нормы естественного! — то есть, становился способным совершать противоестественные поступки. Вот почему так важно было напомнить ему о некоторых природных абсолютах. Это я и делал: именем природы и во имя человека.

Так сложились некоторые из принципов моей космической педагогики. Тонкое воздействие через природу позволяло достигать успеха в разных направлениях: стимулировалась работа фантазии, столь важная для научного творчества; зрело понимание прекрасного как выражения самых сущностных свойств мироздания; приходило осознание того, что нравственная шкала должна строиться на основе абсолютных начал. Истина, Красота, Добро! — это гармоническое триединство я высвечивал через природу: она превратилась в громадный учебник, раскрытый перед каждым жителем планеты.

Однако я понимал, что стадия естественного воспитания рано или поздно окажется пройден-

ной: наступит час, — и я должен буду выйти из тени, дабы открыто сказать о своей миссии.

Используя механизм теории относительности, я мог появляться на планете в разные периоды ее истории. Поэтому за сравнительно краткое время своей жизни мне пришлось оказаться свидетелем грандиозного исторического процесса. И не только свидетелем! — ведь я выполнял посредническую миссию между двумя вселенными. Мне было поручено подготовить сотрудников. Однако при этом я не мог нарушать ни свободной воли своих учеников, ни логики исторического процесса.

Важнейшей компонентой моей задачи было раскрытие у человека космического сознания. Я старался самыми разными способами привлекать внимание людей к мирозданию. Конечно, их интерес к звездам возникал естественно, — и все же я искусно старался поддерживать и направлять его.

Над моей планетой-избранницей метеоритные дожди просыпались еще чаще, чем над Землей. Находка упавшего небесного камня издревле считалась большой удачей. Я решил воспользоваться этой космической почтой, дабы несколько расширить мышление ученых. С этой целью в метеорный поток Платон иды я ввел несколько тел земного происхождения, — это были обломки горнорудных пород моей родной планеты. Звездный дождь упал над сравнительно плотно населенной сельской местностью. Утром большие толпы людей начали прочесывать осенние поля. Я с волнением ждал результата: ведь шанс найти именно мои камни был очень мал. Ставка делалась на удачу! И она — пришла: один обломок был найден, — так впервые в лаборатории ученых попало вещество из другой Вселенной.

Почему я выбрал столь сложный путь для ввода

этой информации? В конце концов я мог сам подбросить камень на видное место. Или даже анонимно послать его почтой на адрес Академии наук.

Однако в начатой мной игре я хотел соблюсти максимум естественности. В данном случае это достигалось с помощью маловероятных событий. Все должно было выглядеть случайным,— нарочитость обескураживала бы ученых. Они уже блестяще владели вероятностными методами,— и поэтому после перебора всех гипотез неминуемо пришли бы к выводу, что на планете находятся посланцы из космоса. А для такого вывода сознание людей еще не было готово! Вот почему в моей игре большая роль отводилась сцеплению случайных событий.

Да, я решил прибегнуть к стратегии игры. Здесь не было ничего уничижительного для инопланетян, ведь в понятие игры я вкладывал самый глубокий философский смысл. Опорой для меня была традиция земных ученых и писателей: Шиллер, Гессе, Гуинцинга выявили исключительную роль игры в становлении ноосферы. Гуинцинга даже назвал человека так: Гомо люденс — человек играющий. Ибо в свободной игре раскрывается весь спектр творческих возможностей человека!

Я осуществил своеобразный синтез: философскую концепцию игры соединил с математической теорией игр. Так в моей космической педагогике означился новый подход. В своих действиях я сочетал интуицию и расчет,— часто к цели приходилось двигаться почти инстинктивно, однако вероятностная математика была для меня верным подспорьем. Я познал всё: и безотчетное предчувствие удачи, и сожаление о неверном ходе, и томительное ожидание результата. Это была игра на равных, хотя одна из сторон даже не подозре-

вала, что она вовлечена в игру. Без такого равноправия партнеров игра потеряла бы свою естественность. А этого я допустить никак не мог. Выбрав новый план действий, я хотел сохранить главное качество прежней методики; установку на естественный характер воспитательного процесса. Любая демонстрация силы или превосходства здесь исключается. Прежде всего это диктуется этическим постулатом: уважение к ученику — основа действий учителя. Поднимая уровень ученика, он должен действовать как бы с позиций этого уровня, а не возноситься над воспитуемым. Обнаружить свои подлинные возможности нельзя,— это вызовет в ученике если не страх, то смущение. Лишь при большой продвинутой ученик может узнать о дистанции, существующей между ним и учителем,— но до этого на моей планете было еще очень далеко.

Необычный метеорит, найденный на убранном поле, стал сенсацией. Он не укладывался в сложившуюся классификацию явлений. Некоторые свойства странного тела озадачивали,— во всей планетной системе ученые не находили ничего подобного. Оставалось предположить, что камень пришел из глубин космоса! А такое заключение неминуемо повышало интерес к дальним мирам.

Итак, с помощью метеорита я все же ввел в ноосферу принципиально новую информацию. Этот акт выглядел как случайность,— я учел психологическую неподготовленность ученых к столь удивительному явлению. Передо мной неизбежно встал вопрос: не была ли маскировка феномена под случайность своеобразным обманом? Ведь рано или поздно раскроется все,— я должен буду рассказать братьям о том, сколь давно посещаю их планету. Упрекнут ли они меня в том, что я раскры-

ваюсь только сейчас? На какое-то мгновение этот вопрос вызвал во мне чувство отчаянья. Но я быстро создал модель этой будущей ситуации и попытался взглянуть на себя глазами инопланетян. Способность к таким сложным рефлексиям издревле воспитывалась у нас на Земле,— сейчас она помогла мне решиться на очень сложное и ответственное действие.

Я понял сердцем: в будущем мне не придется услышать ни одного слова упрека. Ведь уровень сознания моих братьев будет подниматься на новую высоту! Способность к сопониманию станет настолько утонченной, что ученики поймут изнутри всю логику действий своего учителя. Они оценят проявленный мною такт,— нигде я не умалил их творческую самостоятельность. Мной не нарушалась логика исторического процесса; однако я вынужден был несколько ускорить этот процесс, не упрощая при этом путей к обретению истины.

Физика планеты развивалась особенно быстрыми темпами,— переход от классической механики к теории относительности потребовал всего нескольких десятилетий. Для того чтобы добиться этого, я создавал особые физические условия в окрестном космосе, которые с удивлением отмечались наблюдателями. Это были различные релятивистские эффекты, связанные с деформацией пространства-времени. Поэтому теория относительности возникла здесь на наблюдательной основе,— попытка объяснить странные феномены привела к естественнонаучной революции. На Земле всё было иначе: мысль Эйнштейна ушла далеко вперед по сравнению с возможностями наблюдения и эксперимента. Но ведь еще Гаусс искал в земных условиях отклонения от евклидовой геометрии! Можно сказать, что я создавал на планете и во-

круг нее такие отклонения,— и этим ускорил появление неевклидовой геометрии и релятивистской физики: оба новых направления мысли возникли одновременно и почти сразу образовали синтетическую науку — геометродинамику.

Искусственно создавая релятивистские эффекты, я как бы переносил планету в дальний космос! — ведь только там можно непосредственно наблюдать искривление пространства. Это дало новый контекст всему развитию науки,— ее космизация проходила быстрыми темпами. Благодаря мне планета очень рано соприкоснулась с пространственно-временными структурами большой Вселенной,— я превращал ее в огромный космический корабль, плывущий по релятивистскому космосу. Так удалось придать наиболее оптимальное направление развитию космической техники,— мысль ученых сразу устремилась к дальним мирам, минуя ближайшее космическое окружение. На малоперспективные поиски в области ракетостроения ушло немного времени, тогда как на Земле они продолжались почти три столетия. Космические дерзания моих учеников с самого начала обрели большую масштабность. С точки зрения землян они еще были подростками, когда успешно совершили первые межзвездные полеты.

Лишь на этом этапе я впервые решил оказать направленное воздействие на подсознание своих учеников. Информацию я вводил через сны! — это была космическая гипнопедия. Однако и здесь я стремился к предельной органичности,— содержание снов определялось работой подсознания: я лишь давал направляющие идеи. Они по-разному преломлялись учениками: иногда получали блистательное развитие, иногда оставались непонятыми. Методику моей работы можно понять из следую-

щей аналогии. Предположим, что разным драматургам мы предлагаем один и тот же предельно обобщенный сюжет,— на этой основе будут написаны очень /непохожие друг на друга пьесы: среди них мы встретим и настоящие шедевры, и жалкие подражания.

Роль драматурга выполняло подсознание моих учеников. У лучших из них оно работало с шекспировской силой! Посеянные мной зерна прорастали в самых неожиданных образах. Количество информации, получаемое на выходе, значительно превосходило то количество, которое вводилось мной на входе. Анализируя свои сновидения, ученики иногда получали результаты, новые для нашей цивилизации. Это было подлинное творчество! Точнее, сотворчество: на уровне подсознания уже началось гармоническое сотрудничество двух вселенных.

Мне пришлось глубоко задуматься над поэтикой снов,— само это понятие впервые введено мной. Я открыл интересную закономерность: существенную информацию нельзя ввести через подсознание в прямой форме,— она обязательно будет перекодирована в те или иные символические образы. Законы этой перекодировки представляют огромный интерес именно для поэтики! Ведь во сне осуществляется самое настоящее творчество,— рождаются метафоры, параллелизмы, гиперболы.

Я продолжал работать над методикой гипнопедических уроков. Вначале сеансы проводились лишь для нескольких наиболее продвинутых учеников,— это были люди творческого труда: ученые, поэты, художники. Их деятельность содействовала дальнейшей космизации мышления. Однако посредничество этих людей все же было недостаточным

для моих целей, потому я задумал охватить гипнопедическим обучением всю планету.

Мне пришлось создать новый поэтический жанр,— если угодно, его можно назвать сценарием. Как известно, поэтическое произведение всегда отличается многозначностью. Сценарий сновидения в еще большей степени наделен этим свойством. Ведь каждое подсознание по-своему прочтет и поставит сценарий гипнофильма. Эта вариативность была для меня бесценным качеством, ибо массовое воздействие неминуемо приобретало индивидуальный характер. На основе одного сценария ставились миллиарды гипнофильмов! Иногда получались очень близкие сны, но печать неповторимости все равно лежала на них. Так сама природа человеческой индивидуальности позволила мне избежать главной опасности в воспитательном процессе: нивелировки. Я достигал прямо противоположного результата,— помогал раскрываться личности, раскрепощая ее подсознание. Мои сеансы играли не только информативную роль,— они имели еще и общий психотерапевтический эффект. Я делал людей внутренне свободными, снимал стрессовые напряжения. Это открывало простор для индивидуального творчества.

Не нужно думать, что я регулярно прибегал к планетарным сеансам гипнопедии,— часто бывало достаточно одного-двух снов, чтобы духовно преобразить человека. Это были сны-намек! Они допускали различные толкования, ибо неуловимое и недосказанное в них всегда преобладало над явным, конкретным. Я понял, почему во сне так уплотняется время: миг способен вместить в себя целую жизнь. Мне удалось еще больше увеличить эту емкость мгновенья! — человек переживал во сне историю целых цивилизаций: их подъемы и паде-

ния, их поиски и обретения. Я передавал планете концентрированный опыт своей Вселенной. Точнее, я стремился к тому, чтобы подсознание самостоятельно воссоздало этот опыт,— такое своеобразное моделирование и происходило во время гипнопедических сеансов.

На этом новом уровне я опять прибег к поэтике сказки,— космическим снам своих учеников я придавал сказочную тональность. Точнее, это их подсознание использовало готовые фольклорные клише! — форма сказки оказалась очень удобной для воплощения небывалого содержания. На планете стало бурно развиваться фантастическое искусство. Сказки зрелой ноосферы! Они прекрасны своей обращенностью к космосу. Это сказки-прогнозы, сказки-предвидения.

Я тщательно следил за критикой, анализирующей научную фантастику планеты. Мне хотелось побыстрее увидеть правильное понимание самой природы воображения, ставшего настолько богатым у писателей-фантастов, что из их книг серьезную информацию извлекали и физики, и философы. И вот — блистательная статья одного молодого критика: он высказывает гипотезу, что через воображение писатель иногда подключается к каналам космической информации! Это значит, что фантазия может иметь документальную основу,— однако в силу того, что ее первоисточник находится в другом мире, она воспринимается именно как вымысел. Так и будет до тех пор, пока цивилизация не разовьется настолько, что откроет этот мир. Критик высказал смелое предположение: придет время — и будут найдены реальные прототипы воображаемых миров. В конце статьи делается предположение о том, что интуиция является основным средством связи в космосе. Даже гово-

рится о возможности интуитивного проникновения в другую Вселенную! Эту мысль я встретил просто с восторгом. Впервые я ощутил, что мои стремления не являются односторонними,— туннель между вселенными стал прокладываться с двух сторон: братьям смутно забрезжил свет другого мира, других измерений.

Пришла пора для того, чтобы действовать на уровне сознания,— здесь нужно было соблюдать особую осторожность: лишь путем постепенной работы я мог подготовить братьев к прямому контакту. Заранее предвидя этот этап, я еще при первом посещении планеты закопал в нескольких местах капсулы, содержащие обращение к будущему ноосферы. Текст был написан мной,— и написан искренне, от всего сердца. Я говорил братьям о бедствии, постигшем нашу Вселенную; о космическом законе сочувствия, который движет эволюцию; о том, что помощь из соседней Вселенной будет жизненно важна для нас,— но мы не уверены, сможем ли дожидаться этой помощи. Место для захоронения капсул я выбирал, исходя из чисто интуитивных соображений. На каждой планете есть несколько особенно значительных ландшафтов,— здесь сама природа создает идеальные условия для сосредоточения духа. Обычно именно в таких точках воздвигаются наиболее выдающиеся произведения сакральной архитектуры. Я точно угадал место будущих ритуальных комплексов,— там на сравнительно небольшой глубине и были закопаны капсулы.

Шли века... Монументальные постройки приходили в ветхое состояние. Часто они исчезали под новыми культурными слоями,— становились мифом, преданием. Но пришла пора, когда на планете вспыхнул особый интерес к ее историческому

прошлому,— словно на пороге выхода в дальний космос ноосфера захотела глубже понять свои истоки.

В соответствии с духовными запросами эпохи стала интенсивно развиваться археология. Ноосфера высвечивала толщи времени! — впервые она так углубленно занялась интроспекцией: взгляд в себя становился все более пристальным, а его проникающая способность достигла предельной силы. Ведь археологи дошли до самых древних пластов: ноосфера наконец-то нащупала свое дно.

Но раздались голоса, предлагавшие проводить раскопки дальше,— хотелось с помощью палеонтологических методов исследовать строение биосферы в самый ответственный для нее момент: когда предсознание переходило в сознание. Обычно палеонтологи работали независимо от археологических экспедиций, но было решено, что им тоже целесообразно выехать на места раскопок. Решалась комплексная задача: восстановить вид ландшафтов в период, непосредственно предшествовавший появлению человека,— исследовался промежуточный слой между биосферой и ноосферой.

Вскоре сразу в двух местах раскопки дали совершенно непредвиденный результат: были обнаружены мои капсулы. Ноосфера встретила эти находки восторженно! Я радовался этой реакции,— еще столетие назад она была бы совершенно другой: люди могли отнестись с ревностью к тому, что их планету посещали звездные гости. Возможно, они не высказали бы вслух этого чувства, однако подавленное состояние представляется мне неминуемым.

Всеми свой срок. Душа моя торжествовала: ноосфера созрела для гласных коммуникаций с нами. Вскоре я смогу прямо по-

дойти к человеку другой планеты и сказать ему простое слово:— Брат...

Хотя обращения были написаны на моем родном языке, текст послания лингвисты расшифровали очень быстро. Со слезами на глазах я читал статьи, посвященные находкам. Мой призыв, звучавший из архаичного прошлого, глубоко тронул сердца людей! Я не мог предвидеть столь полного понимания и такой жертвенной готовности отдать все ради спасения другой Вселенной. С чувством гордости я следил за дискуссиями в ноосфере. Это бескорыстие, это добросердечье! Был здесь и мой вклад: в меру своих возможностей я сеял на планете семена альтруизма.

Слова обращения запали в сердце каждого человека. Люди увидели новый смысл и в своей сегодняшней деятельности, и в своем историческом прошлом. Увы, но в собственной Вселенной они были пока одиноки,— на других планетах жизнь только-только подходила к рождению сознания. И вот у них появляется совершенно удивительная перспектива: вступить в общение не просто с другой планетой или даже галактическим союзом, а с целой Вселенной. Редкостная удача! — и вместе с тем величайшая ответственность. Но возникает вопрос: а вдруг соседнюю Вселенную уже постигла катастрофа? Поэтому к радостным эмоциям примешивалось ощущение мучительной неизвестности. Эта двойственность чувств оказалась сильнейшим побудительным ферментом: наука получила новые направления для своего развития — встала задача найти окно в другую Вселенную! И сделать его настолько широким, чтобы перебросить за черту сингулярности спасательные средства!

Я понял, что выбрал наиболее правильную форму обращения к ноосфере,— мой голос звучал из глубины тысячелетий: толща времени стала естественным экраном, смягчившим всю внезапность этой новости: — Вы — не одни!

Да, это был самый бережный и чуткий способ обратиться к братьям. Если бы я воззвал к ним в прямой форме, то мог бы вызвать в людях чувство растерянности. Они бы с болью осознали, что пока не в состоянии оказать нам помощь! Сейчас же братья оказались перед неизвестностью: она могла сулить и радость встречи, и напрасное ожидание. Эта неопределенность имела сильную сторону: она давала максимум степеней свободы для поисков. Ноосфера работала с величайшим напряжением. Ученые получали все более интересные результаты,— великие открытия шли лавинообразным потоком. Планета быстро приближалась к уровню нашей науки,— я считал, что возле этого предела генерация идей уменьшится. Но вскоре стало ясно: я впервые ошибался в своих ожиданиях! Начиналось нечто непредвиденное,— ноосфера в своем духовном взлете явно опережала науку нашей Вселенной.

Ученик, обогнавший учителя... Так было всегда, так будет вовеки. Началась самая радостная полоса моей жизни. Оглядываясь в прошлое, я испытывал чувство удовлетворения,— усилия многих лет обернулись дивной отдачей.

Впрочем, имел ли я право называть себя учителем? Ведь я не передал планете ни одной формулы, не поделился с ней ни одной философской теорией, созданной в нашей Вселенной. Но теперь я еще больше убеждался в правильности своих исходных позиций: задача учителя отнюдь не сводится к передаче знаний,— она несравненно

глубже и труднее, ибо заключается прежде всего в раскрытии творческой самобытности ученика.

Я учил через сердце. Единственным моим инструментом была Лира,— она доносила до людских душ звучания космоса. Это была полифоническая музыка: улавливая ее ноты, человек прислушивался к самому себе. И находил красоту в гармонии звучаний!

Я учил разнообразию.

Я учил творческой свободе.

Я учил бескорыстием и радости созидания.

Понимаю, сколь необычной была моя учительская миссия. Отсюда и необычность методики! — я учил не сам, а через посредников: ими были Природа, Сказка, Случай. Лишь это благодатное посредничество позволило мне избежать хотя бы малейшего вмешательства в живой ход истории. Вот почему под сенью моей звездной Леры выросли настоящие творцы.

Я люблю вас, братья.

Сколько чистоты в ваших сердцах, сколько отзывчивости.

Ваш молодой ум раскован: ему ведомы пути, оставшиеся для нас нераскрытыми.

Вы кипите энергией, вы жаждете космической деятельности.

Каждый из вас готов пожертвовать собой ради другого,— эгоизм и нетерпимость неведомы вам.

Дерзайте, братья. Уже сейчас я могу сказать вам: —Спасибо! Спасибо за ваш искренний и добрый порыв.

За моей педагогической работой пристально следили ноологи нашей Вселенной. Многие из них со скепсисом отнеслись к предложенному мной методу тонкого воздействия на ноосферу. Но теперь

их неверие было развеяно. Ноологи признали, что я вызвал ускорение эволюционного развития планеты,— и при этом лишь укрепил ее творческую самобытность. Ничем не ограничивая учеников, я направлял их к свободной реализации своих возможностей.

Результаты превзошли мои ожидания. Молодая ноосфера проявила истинную гениальность,— да позволительно мне будет сказать о ней, как об одном человеке. Эта метафора оправдана: ноосфера действовала как гармонически развитая сверхличность, движимая благородной целью. С самого начала я стремился задать науке планеты антидогматический дух. Мне всегда казалось, что в нашей Вселенной мы подчас излишне дисциплинировали мышление, направляя его по строго проведенным, но узким руслам. Я хотел видеть науку юного мира более раскрепощенной. Нас всегда стесняли шоры и рамки. Не потому ли наука моей Вселенной оказалась бессильной перед лицом космологического кризиса? Я не хотел повторять старых ошибок. И вот теперь видно: моя установка оказалась верной.

Изучая новые направления научной мысли в ноосфере, я все чаще удивлялся: как могла наша наука пройти мимо столь фундаментальных идей? Они мне казались теперь такими очевидными, даже неизбежными для научного осознания. Но вот факт: ни на одной из планет в огромной Вселенной эти идеи не были сформулированы! Почему так получилось? Это трудный вопрос. Несомненно, что одной из причин была стилевая общность нашего мышления,— у нас была одна логика, одни алгоритмы, одни приемы исследования. Это не значит, что мы повторяли друг друга. Вовсе нет! Мы были разнообразны и непо-

хожи,— так разнятся между собой инструменты симфонического оркестра, настроенные, однако, по одному камертону.

Коммуникации принесли нам огромную пользу. И все же в нашем единении был теневой момент,— мы как бы подвели под общепринятый стандарт свое мышление. Эта нивелировка произошла совершенно незаметно для нас. А что было бы в том случае, если хотя бы одна ноосфера в нашей Вселенной оказалась невключенной в цепь коммуникаций? Очень возможно, что ученые этой ноосферы создали бы оригинальную школу мышления. Этим я не хочу умалить великое значение единства. Но все же надо помнить, что взаимное усвоение опыта не должно закрывать путей для самостоятельного творчества,— выравнивание стилей мышления чревато энтропией не меньше, чем стирание различий в физическом мире.

Представление о многоуровневости бытия стало играть на моей планете-воспитаннице особую роль. Мы тоже декларировали этот принцип,— однако фактически развивали свою науку в рамках одного уровня. Мы считали, что в мире есть только одна логика, одна физика, одна биология. Это было ошибкой. Освоение новых уровней реальности вывело моих учеников к решению проблем, которые в системе нашего мышления казались вечными загадками.

Движимая великим чувством альтруизма, мысль планеты подошла к черте сингулярности. Нам хотели помочь! Безусловная перспективность этой попытки несказанно радовала душу. Ведь братья несомненно выйдут за космологический горизонт событий,— они уже успешно решали задачу информационной связи с нашей Вселенной. С этой целью были разработаны оригинальные передатчи-

ки, работавшие на биологических узлах: братья глубже нас поняли неисчерпаемые возможности космической бионики. Всю биосферу они сумели превратить в одну гигантскую направленную антенну! Вскоре через нее была передана первая информация.

За попытками наладить связь с нами я следил на Земле. Вместе с друзьями я снова находился в Гималаях. Возле нашей ротонды была установлена сложная система приборов, усиливавших таинственные оптические свойства колодца. Благодаря этой системе каждый землянин мог в любой момент навести хрустальную линзу на глубины своей души,— одновременно в канал интроспекции включалось неограниченное число людей, живших в разных районах планеты.

Опускались сумерки...

Над гималайскими пиками означились динамичные контуры Водолея. В прозрачной синеве созвездие казалось стереоскопическим, объемным. Несказанная красота! Я пристально разглядывал звездный чертеж,— такой древний, незыблемо вечный.

Но вдруг его структура явственно изменилась,— внутри Водолея вспыхнула лиловая звезда. Она становилась все ярче,— словно приближалась к Земле. Вскоре звезда разрослась в огромный сиреневый шар, сиявший изнутри мягким опалесцирующим светом. Захватывающее зрелище! Я чувствовал, что шар не является вещественным телом,— скорее это был некий голографический образ.

Теперь шар походил на уплощенный диск,— сквозь него просвечивали звезды. Вначале диск выглядел однородным, но вот в нем проступила какая-то структура. Мы прильнули к биноклям.

Знакомая картина! Словно разглядываешь в микроскопе препарат растительной клетки.

Да, среди созвездий сейчас мерцала гигантская иллюстрация к учебнику цитологии. Будто на небо проецировался прозрачный слайд! Но где находился проектор? Ответ на этот вопрос уже знало несколько землян.

Далекие братья вступали в связь с нами! Они давали знак о себе, разработав для этого оригинальный код: ведь структура живой клетки универсальна,— ее схема должна воспроизводиться во многих вселенных. Однако братья хотели вложить в свою демонстрацию какой-то дополнительный смысл. Предугадывая его, я следил за феерической картиной, развертывающейся в вечернем небе.

Клетка делилась! — на фоне звезд свершался митоз: этот основной процесс жизни мы наблюдали сейчас в невероятном увеличении. Вскоре перемычка разделила две новообразовавшихся клетки.

Потом на космическом экране снова возник образ лилового диска. Братья хотели повторить демонстрацию? Нет, внутренняя структура диска стала иной: перед нами светилась условная, но очень точная модель нашей Вселенной. Однако далее повторился тот же процесс,— модель разделилась на две части: вместо одного мира мы видели парную систему, внешне напоминавшую гигантскую гантель.

Что хотели сказать далекие братья? Они явно проводили аналогию между Вселенной и клеткой. Удивительный изоморфизм! Вникая в его сущность, мы должны были узнать что-то важное для себя. Догадка пришла скоро,— ведь братья вплотную подводили нас к неизбежному выводу. На

гималайском небе нам показали проект спасения Вселенной!

Мои ученики предлагали разделить наш мир на две части,— и этим предотвратить его гравитационное сжатие. В качестве перемишки должна быть использована сингулярность,— братья нашли очень простой способ для стягивания космологического горизонта. Если это представить на двумерной плоскости, то мы увидим, как окружность преобразуется в лемнискату, имеющую вид восьмерки.

Инженерия на трансвселенском уровне! Мои ученики хотели стать ваятелями миров. И я знал: они достигнут своей благородной цели. Помощь придет извне,— но она подготовлена нами. Несомненно, это самый удивительный пример космического сотрудничества! — и он многое углубит в нашем мировоззрении, в нашей этике.

Вселенная будет жить.

ГЛАВА 8

В детстве друзья нашей семьи подарили мне необычный калейдоскоп. На нем была сделана шуточная надпись: «Леве Гинскому — истинная модель мира». Вместо цветных стекляшек в калейдоскопе находились пластинки с записью различных физических формул и констант. Встряхивая картонную трубочку, я получал изумительные математические кружева! Они поражали меня не только своей изумительной симметрией, но и странными смыслами, заложенными в них. Удивительные узоры формул и символов казались мне случайными,— за ними брезжила гармоническая структура Вселенной. Я мог изменить внутреннюю композицию мира,— для этого было достаточно слегка

повернуть калейдоскоп. Однако при всех модификациях законы мировой симметрии оставались неизменными. Я бы теперь назвал их инвариантами! — преобразуя узор бытия, я видел нечто устойчивое, сохраняющееся: это был сущностный план космоса, его структурный остов. В пределах этого плана я мог получить неисчислимое количество миров. Они могли быть весьма непохожими друг на друга,— но тем не менее я прозревал в них сквозное единство.

Замечательная игрушка исподволь определила мои научные интересы. Занимаясь логикой возможных миров, я как бы поворачивал калейдоскоп своего воображения,— и в моем сознании возникали все новые миры с небывалыми свойствами. Однако при всех усилиях интеллекта я не мог создать такой мир, который был бы абсолютно непохожим на другие. Сколь бы фантазмагоричной ни была порожденная мной Вселенная, но у нее всегда имелся ряд признаков, инвариантных для всего множества возможных миров.

Если угодно, я был фантастом в области логики. Однако на мою фантазию, которая многим казалась абсолютно свободной и безудержной, накладывались некие ограничения. Я понял, что именно в этих запретах заключались наиболее фундаментальные характеристики бытия, которые при своем фантазировании я не мог отменить или заменить другими. Восхищаясь разнообразием возможных миров, я в то же время эстетически переживал их единство!

Когда я впервые заглянул в гималайский колодец, то на меня сразу хлынули впечатления детства. Будто я снова смотрел в свой чудесный калейдоскоп! Только он странно увеличился в размерах, а значения формул стали еще более слож-

ными. Я догадался, что это формулы моих возможных миров,— ведь когда-то я сам вместе с физиками выводил их. Однако встречались и незнакомые символы. Быть может, они проецировались из моего подсознания? Тогда я глядел в собственное будущее, провидя еще не выведенные мной формулы. Вероятно, в глубинах подсознания они уже созрели,— и вот раньше своего часа вышли на уровень сознания.

Мысленно я как бы поворачивал калейдоскоп, получая новые симметричные группы формул. Среди них все чаще встречались незнакомые константы и символы. Вероятно, я все глубже уходил в недра возможного! — и оно открывалось мне своими неизвестными гранями.

Меня особенно заинтересовала арабеска уравнений, описывавших какие-то неведомые поля. Не было сомнения, что в уравнениях фиксируются именно полевые структуры! — уже один их вид однозначно говорил об этом. Но какова физическая природа полей? Об этом я мог только догадываться.

Мне хотелось во что бы то ни стало понять значение уравнений. Я пристально вглядывался в их многомерный узор,— и вот он постепенно стал превращаться в подобие буддийских мандалов. Я люблю эти произведения древнего искусства,— графически они передавали структуру космоса. Созерцая симметричную схему мандала, человек проникался чувством гармонии мира. Мандалы помогали ему сосредоточиться, углубиться в мысли о вечном и абсолютном.

Сейчас я испытывал схожие чувства. Система уравнений действовала на меня прежде всего эстетически,— я инстинктивно чувствовал, что в ней заложена неисповедимая гармония и красота.

Словно я видел перед собой зримую музыку! Это было сложное по замыслу произведение, в организации которого большую роль играла симметрия.

Часто в моем сознании вид физических уравнений вызывал музыкальные образы. Я даже пытался делать нотную запись своих ассоциаций,— и друзья всегда с интересом слушали мои органичные фантазии: музыкальные темы я черпал из физики возможных миров.

Вот и сейчас в моей душе зазвучала необыкновенная музыка! В ее стиле было нечто совершенно новое,— раньше я не слышал ничего подобного. Что-то беспредельное было в этой музыке,— каждая нота звучала долго-долго: и не утихала, а как бы переходила в ультразвук, который каким-то неисповедимым образом тоже воспринимался. Из этих бесконечно длящихся нот складывалась торжественная симфония! Про себя я подумал: так должна звучать музыка невозможного мира,— было в ней что-то невысказанно прекрасное, почти божественное.

И все же некоторые созвучья казались странно знакомыми. Значит, я смогу ориентироваться в фантастическом мире!—надо только высветить в нем сетку неизблемых инвариантов. Я еще внимательней прислушался к звучащей внутри меня музыке. И понял: исполнялась какая-то соната. Да, это была сонатная форма, но как бы перенесенная в неевклидов мир. Дабы узнать знакомую структуру, нужно было совершить сложнейшие преобразования. Но я научился делать это почти автоматически,— ведь переход из одного возможного мира в другой уже давно стал для меня таким же естественным, как перемена языка при переезде границы: менялись лишь формы, но не

суть. Вот и сейчас я постепенно осваивал мир необычных структур.

Красота этого мира вызвала чувство доверия к нему. Этот мир мог породить жизнь!—вероятно, очень непохожую на нашу, но жизнь. Чем я мотивировал такую уверенность? Прежде всего высочайшей упорядоченностью странного мира. Мне казалось, что я нахожусь в прозрачном кристалле — и слышу прозрачные созвучья. Вскоре исчезли последние признаки предметного мира. Я оказался среди прозрачной бесконечности! Трудно передать всю новизну этих ощущений. Я шел через какую-то невидимую среду,— и эта среда отнюдь не являлась пустотой. Ей была присуща высочайшая организованность.

Несмотря на всю необычность и несказанность, это восприятие было окрашено в эстетические тона. Я чувствовал, что меня окружает подлинная красота,— ее пропорции и меры казались мне воплощением совершенства. Я не оговорился: тут были пропорции и меры! — хотя речь идет о невидимом мире. Его архитектуру я воспринимал скорее умозрением,— для всех органов чувств этот мир оставался неосязаемым. И вместе с тем его материальность не вызвала у меня ни малейших сомнений.

Парадоксально двойственные ощущения! Я еще больше усилил внутреннее внимание, чтобы понять тайну этих прозрачных гармоний. И вдруг явственно ощутил их внутреннюю динамику. Умозрением я увидел мириады пульсирующих линий,— они образовывали редкостные по красоте многослойные кружева. Представьте себе разводы на шлифе японского агата. Казалось, что я находился внутри них,— но только эти разводы дышали, множились в своих неисчислимых подобиях.

Во мне начала брезжить догадка. Не является ли этот дивный трепещущий узор проявлением силовых линий какого-то поля? Изумительные по своей красоте структуры внятно прорисовывались в моей душе! Будто я очутился внутри многоцветной сетки, постоянно менявшей геометрию своей ячеи.

И все-таки любопытно, в каких физических полях я оказался? И почему среди них не было ни одного островка вещества? Я искал такой островок, чтобы немного передохнуть среди привычной физики,— но пульсирующая сетка казалась бесконечной.

Не знаю, сколько времени я очарованно шел по этой Вселенной: быть может, одну минуту или многие годы. Красота бесплотных структур не утомляла меня, ибо их разнообразие было неисчислимым. И все же хотелось увидеть знакомый берег! — с его твердой почвой, с устойчивыми и вещными формами. Это желание становилось во мне все сильнее. Постепенно оно переросло в предчувствие: скоро я увижу чаемое! И действительно,— в сетеве переливающихся линий смутно пробрезжило шарообразное тело: плотное, вещественное, конкретное. О, как я соскучился по этим качествам! — так астронавт в невесомости тоскует по земной тяге, где так приятно чувствовать материальный вес даже малой росинки.

Я приближался к загадочному шару,— будто медленно подплывал к какой-то планете. Вскоре я уже мог различать некоторые детали на поверхности сферы. Это было явно искусственное тело. Быть может, исследовательский зонд? В таком случае он принадлежит высокоразвитой цивилизации, ибо его радиус был не меньше пятнадцати-семнадцати километров. Это действительно ма-

ленькая планета! — но только сотворенная не природой, а разумом.

Поверхность шара напоминала соты. Каждая ячейка была настолько крупной, что могла вместить два-три человека. Однако соты-гиганты показались мне пустыми. Я недвижно парил над медленно вращающимся шаром, подробно рассматривая его симметричную ячеистую поверхность. Вскоре я заметил нечто необычное, — на дне одного из сотов словно откинулся люк, и наружу выползло огромное крылатое существо. Морфологически оно было очень похоже на земных перепончатокрылых насекомых, — скорее всего на пчелу или шмеля: я даже заметил черные колечки тергитов на брюшке.

Существо поднялось на край перегородки, разделявшей два соседних сота, и расправило свои изумительно прозрачные крылья, просвечивавшие ажурной сеткой жилок. Крылья быстро-быстро затрепетали. Я думал, что насекомое сейчас полетит, однако оно оставалось на месте. Вибрации крыльев становились все более учащенными! Вместе с этим учащением существо претерпевало странные изменения. Оно как бы таяло, становилось прозрачным, — и одновременно увеличивалось в размерах. Казалось, что огромная пчела-призрак сейчас заполнит все пространство! — ее невероятно большие фасеточные глаза уже вплотную приблизились ко мне: я глядел в них, как в два стометровых зыбких витража, — и за игрой цветных стекол мне смутно просвечивал внутренний мир насекомого.

Оно продолжало увеличиваться в размерах, становясь все бесплотней и прозрачней. Вскоре я оказался внутри него! Еще какое-то время различались стеклянные контуры органов, — я мог

видеть гигантское сердце, трахеи. Но вскоре и эта почти незримая прорисовка исчезла. Пчела как бы растворилась в прозрачности, сливаясь с бесконечным пространством.

Это развоплощение потрясло меня! Я не находил объяснения увиденному. Но только чувствовал: произошла самая удивительная метаморфоза из всех, какие я только встречал в мире.

Вибрации крыльев играли здесь особую роль, — при высокой частоте материя начинала переходить в неизвестное мне состояние. Это воспринималось визуально как процесс ее растворенья, неуследимого таянья.

Вскоре я увидел, что исчезновение обратимо: слюдяная пчела-великанша зыбко проступила в пространстве — и стала потом уменьшаться на глазах, пока не обрела предметную телесность. Она юркнула в глубину другого сота — и сразу исчезла внутри синей сферы.

Внезапно я почувствовал, что наблюдаю за происходящим не один, — где-то рядом находится живая душа: мыслящая, сопонимающая. Она явно хотела прийти мне на помощь! — но словно не могла найти прохода в сетевом лабиринте. Близость этой души я ощутил почти физически. Ведь она рядом: вот тут, в двух шагах, — нет, еще ближе.

Невозможность увидеть брата по разуму была мучительной. Словно он находился за прозрачной, но странно непроницаемой перегородкой! — преломление у нее было таким, что тайный собеседник оставался невидимым.

Да, это был именно собеседник! — я чувствовал, что уже вступил в молчаливый диалог с ним. Помогала соинтуиция: она выявляла в молчании тончайшие смысловые обертоны. Постепенно по-

нимание между нами становилось все более полным. Оказывается, молчанье способно превращаться в богато дифференцированный язык! — надо только научиться слушать тишину сердцем. И тогда непременно услышишь призывающие голоса других миров.

Кто же ты, брат по разуму? Я ощущаю твое соседство интуицией, даже инстинктом. Это безотчетное чувство,— так в ночном лесу, заблудившись и отчаявшись, вдруг безошибочно угадываешь: где-то рядом живая душа, И идешь к ней навстречу без всякого компаса, и обязательно находишь среди бескрайних пространств.

Но сейчас этот поиск был взаимным,— собеседник тоже не упускал слабой ниточки контакта; по ней словно перетекали неуловимо слабые биотоки, переносящие информацию. Мы хотели понять друг друга и объяснить все: этот мир, эту встречу, это молчаливое понимание.

— Тебя удивляет мой мир? — услышал я внутренний голос Собеседника.

— Еще бы! — ответил я.— Ведь мне не приходилось видеть ничего подобного.

— Ты ошибаешься! — уверенно сказал Собеседник. И я почувствовал, что он сейчас улыбнулся,

— Ошибаюсь?

— Конечно же. Можно считать, что ты находишь ся в антимире,— и он не менее материален, чем привычный тебе мир. Более того: между двумя мирами существует глубокая аналогия. Впрочем, ты об этом знаешь не хуже меня.

— Подожди. Я привык считать, что антимир тоже вещественно предметен, но состоит из античастиц. Однако вокруг себя я не вижу ни одной вещественной формы, кроме этого шара! Очевидно, мои представления были неверными.

— Ты исходил из противоположности вещества и антивещества. А ведь есть еще одна фундаментальная дихотомия: вещество—поле.

— Значит ли это, что антимир состоит из материи, представленной в ее полевых состояниях?

— Вот именно. И ты ведь сам догадывался об этом.

— Откуда ты знаешь, что догадывался?

— Объясню. Дело в том, что твое сознание локализовано не только в мозгу: оно простирается в бесконечности, ибо генерирует особое поле.

— Значит, наши сознания как бы накладываются друг на друга? Ведь в одной области пространства может находиться сколько угодно полей разной природы.

— Да, в каком-то смысле мы пронизаем друг друга. Но ты представляешь вещественную форму жизни. Поэтому генерируемое тобой поле является очень слабым. Я не читаю твоих мыслей, а скорее угадываю их. Но все же основой для этого является твое поле,— я ассимилирую его в себя, стараясь понять тебя изнутри.

— Значит, существует полевая форма жизни?

— А почему нет? Ведь ты и сам знаешь, что Бытию свойственна симметрия. Поэтому между веществом и полем существуют не только различия, но и глубокие параллелизмы,— познание этих аналогий еще раз убедит тебя в единстве Бытия.

— Все же это как-то странно. Почему в нашем мире большое значение имеют поля, а в твоей Вселенной я не замечаю вещественных структур? Здесь есть какая-то асимметрия, неравноправие.

— Так тебе кажется. В моем мире есть большие запасы вещества, но оно находится в виртуальном состоянии. При определенных условиях его удастся как бы проявить,— и тогда возможное

делается действительным. Так, материал для постройки этой сферы извлечен из виртуального вещества.

— Ты расширяешь мое сознание. Я чувствую, что до встречи с тобой удовлетворялся весьма неполной картиной мира.

— Более того: ты ее абсолютизировал. А ведь на словах утверждал принцип неисчерпаемости материи!

— Мне кажется, что в твоей модели Бытия есть подлинная гармония. А вот в своих представлениях я сейчас увидел явную односторонность.

— Я рад, что тебе не изменила эстетическая интуиция. Мы с тобой принадлежим к двум разным уровням Бытия, которые надо мыслить в их гармоническом соположении. Они — дополнительные. Это высшая гармония! Впервые открывая ее для себя, мы переживаем эстетическую радость. Древние философы твоей Вселенной догадывались о гармонической структуре Бытия.

— Да, я знаю об этом. Неужели они были в контакте с такими существами, как ты?

— Это наивный вопрос. Наверно, ты полагаешь, что подобные контакты являются редкостью, тогда как они осуществляются ежемгновенно. Пойми: наши миры — дополнительные. Один не может существовать без другого. Поэтому информационный обмен между ними не прекращается ни на секунду.

— Но почему мы об этом ничего не знаем?

— Вероятно, потому, что не хотите знать. Если говорить откровенно, то материю вы до сих пор отождествляете с веществом, — хотя вам отлично известны разнообразные физические поля. По инерции вы продолжаете считать поле какой-то

фикцией. А ведь это такая же реальность, как и вещество!

— Но все же как осуществляется взаимосвязь между нашими мирами?

— Об этом догадывались наиболее прозорливые люди вашего мира. Назову только несколько каналов: сны, озарения, фантазии. Некоторые ученые верно догадались, что информация в зародыши втекает откуда-то извне, — сам генокод не в состоянии обеспечить столь сложного процесса, как рост организма. В этой догадке нет никакой мистики, она вполне материалистична. Ваша биосфера окутана мириадами полей, — некоторые из них эволюция давно использует в качестве резервуара генетической информации,

— Значит, без этих полей эмбриогенез был бы невозможен?

— Да, конечно, — он остановился бы на ранних примитивных стадиях. Жизнь всегда ищет оптимальные решения, — вот и здесь она отказалась от усложнения генокода, а нашла способ использовать поля для хранения и передачи информации.

— Ты сказал о снах...

— Что ж, и здесь все очень просто. Люди часто ловят себя на том, что обладают знаниями, которых не могли почерпнуть из обычных источников, — будь то беседы с друзьями, кинофильмы, книги. Чтобы объяснить этот феномен, философы ввели представление о врожденных идеях. Но не нужно вводить лишние сущности! Все гораздо естественней: человек часть необходимых ему знаний получает из полевой Вселенной, — сны здесь играют посредствующую роль. Как и жизнь, разум использует поля для своеобразной разгрузки: ведь запись информации с помощью вещественных структур часто оказывается довольно гро-

моздкой. А возможности полей в этом отношении совершенно уникальны.

— Все же мне очень трудно принять существование поля, из которого я могу извлекать осмысленную информацию.

— Ты преувеличиваешь эти трудности! Быть может, тебе поможет аналогия? Подумай: с помощью компаса ты тоже подключаешься к полю, — и магнетизм Земли позволяет тебе ориентироваться в пространстве. Это самое настоящее извлечение информации из поля! Теперь по аналогии представь более сложные поля, способные сохранять память о тончайших взаимодействиях. Эти поля насыщены информацией, созданной жизнью и разумом. Они — часть твоей среды: ты живешь внутри своеобразной магнитной памяти, не только черпая из нее, но и пополняя ее накопления. Такое представление о структуре реальности кажется мне вполне естественным и логичным.

— Поясни одну мысль: ты сказал, что эти поля — порождение жизни и разума. Следует ли отсюда, что ты тоже являешься таким порождением? В этом случае тебя можно считать чем-то вторичным по отношению к жизни в ее вещественной форме. Быть может, я разговариваю со своим информационным эхом? Иногда мне кажется, что ты мое второе «я».

— Отчасти ты прав: при внутреннем диалоге может возникать своего рода невидимый двойник, воссозданный из поля. Это — модель твоего «я», на какое-то время обретающая статус реальности: ты разговариваешь с нею, как с живым собеседником. Благодаря такому модельному расщеплению личности самопознание обретает новые возможности.

Но подобные модели эфемерны! — они момен-

тально распадаются в то мгновение, когда личность сосредоточивает мысль и волю на чем-то другом.

Я же представляю древнейшую форму жизни, существующую многие миллиарды лет. Она возникла вполне независимо от биосфер вашего типа. Точно так же самостоятельно рождаются и вещественные формы жизни. Однако это относительная автономность! Ведь в космосе все взаимосвязано. Поэтому две формы жизни испокон веков взаимодействуют между собой. Бессмыслен вопрос о том, какая форма возникла раньше: они от века сосуществуют рядом друг с другом.

Но в нашем конкретном случае соотношение несколько иное: твоя биосфера значительно моложе, чем моя. Конечно, отсюда не следует, что я должен разговаривать с тобой высокомерно. Однако я могу многому научить тебя. Если хочешь, я преподам тебе несколько уроков, посвященных моей биосфере.

— Еще бы я не хотел. От такого учителя, как ты, не откажется ни один мыслящий землянин.

— Не преувеличивай моих достоинств. Разум — един. И не суть важно, какую форму он принял! Поэтому мы будем говорить на равных. Вообще ноты превосходства не должны звучать в разговоре мыслящих существ. Если я говорю с тобой как с младшим, то на это мне дает право только опыт и возраст.

— Сколько же тебе лет?

— Если мерить земными годами, то 137. Этот возраст в нашей биосфере считается средним.

— Вы рождаетесь и умираете как люди?

— Вот уж совсем детский вопрос! Ты что же, считаешь меня бессмертным духом? И потом это

выражение: «как люди». Кто же мы тогда, если не люди? Только форма нашего существования непривычна для тебя.

— Она мне действительно кажется парадоксальной. Я никак не могу представить себе возможность жизни на уровне полей,

— Надо расширять сознание! Вы не только эволюцию жизни, но и развитие материи в целом связали лишь с аспектом вещества. Между тем великий принцип эволюции распространяется и на все разнообразие полей. Они тоже восходят от простого к сложному, порождая на определенном этапе жизнь.

— Мне почему-то всегда казалось, что поля просты и однородны.

— Но ведь точно так же вы долгое время думали и о веществе! Для вас оно было чем-то предельно элементарным в своей основе. Поиски простой первичной субстанции определяли научное мышление многих эпох. Но вы так и не нашли первоэлементов! Постепенно у ваших ученых развилось системное мышление,— и вы перестали сводить сложное к простому, ибо поняли непреложную истину: организация вещества на разных уровнях подчиняется специфическим законам.

— Значит, и у полей существует своеобразная иерархия?

— Безусловно. Здесь тоже есть примитивные и высшие уровни. Держись аналогий! Соответствия между нашими мирами очень велики.

— Поля простые и сложные... Ты понимаешь, что здесь мне очень трудно улавливать градации.

— Такие же трудности испытываем и мы, когда в школе нам говорят о вещественной Вселенной,— сознание не сразу способно воспринять информацию, которая кажется поначалу парадоксальной.

Тем не менее я сейчас очень хорошо ориентируюсь в вещественном космосе! Уверен, что и ты сможешь привыкнуть к полевой Вселенной.

— Мне очень хочется открыть для себя эту грань реальности. Но я уже чувствую, какую большую работу должен проделать над собой! Надо освободиться от привычных схем и канонов. А ведь с ними связана инерция тысячелетних традиций.

— Я уверен, что тебя ждет успех. Философы твоей Вселенной давно поняли, что сознание потенциально равно всему Бытию. Отсюда следует, что любой уровень реальности может быть понят тобой. Пусть не сразу, но ты поймешь нас.

— Я уже сейчас проникаюсь к тебе чувством глубокой симпатии. Вероятно, мы способны не только рационально осмыслить друг друга, но и взаимно испытывать то человеческое тепло в отношениях, которое так существенно для общения людей.

— Конечно! Прежде всего мы должны понять друг друга эмоционально, а не рационально. Понять и принять! Соучастье, сочувствие: вот к чему нам следует стремиться.

— Меня не покидает ощущение, что рядом за перегородкой находится такой же человек, как я! Только вот никак не высветить насквозь эту стену...

— Драгоценное свидетельство чувств! Духовное родство гораздо важнее физических различий. Вот и мне кажется, что я разговариваю со своим соплеменником, давно не бывавшим на родине. Многое приходится разъяснять заново, но в целом взаимопонимание у нас полное.

— Все же через какой канал мы общаемся?

— Я бы назвал его осознанием: слова и предло-

жения как бы всплывают у нас в душах, уже будучи переведенными на наши родные языки. Перед этим информация поступает в подсознание.

— Каким образом?

— Через интуицию! Точнее, через соинтуицию: ведь мы сейчас образуем как бы одно целое. Лишь благодаря этой своеобразной интерференции наших сознаний нам удалось вступить в столь глубокий контакт.

— Вероятно, я раньше слишком узко понимал природу интуиции.

— Но ты ведь и не мог знать о ее роли в космических коммуникациях. Между тем, интуиция всех разумных существ имеет общую природу. Если мышление у нас возникает на разной материальной основе, то интуиция функционирует совершенно одинаковым образом. Пока это тебе трудно понять. Но все же осознай главное: интуиция больше всего сближает нас.

— Не потому ли сближение между нами окрашено в такие человеческие тона? Думаю, что чисто логический контакт не привел бы к столь доверительному диалогу. Ведь в общем мы прекрасно понимаем друг друга!

— Я рад, что ты так точно почувствовал преимущество интуитивного общения. На логическом уровне мы не сможем беседовать в столь естественной форме. Нам придется дискурсивно определять каждое понятие,— уже одно это потребует много времени: поэтому наше общение будет очень медленным и дробным. Сейчас же мы общаемся целостно и интегрально! — словно охватываем на лету все смыслы, не нуждаясь в их дополнительном уточнении. Точность, быстрота, экономность — вот бесценные качества интуитивного канала.

— Мне нужно больше доверять интуитивному

прозрению. Я же все время стремлюсь к рациональному контролю своих ощущений.

— Такой контроль тоже очень важен. Но он не должен занимать ведущее положение. Ваши ученые не всегда понимают это — и поэтому заведомо ограничивают возможности познания.

— Попытаюсь преодолеть эту ограниченность. Самое трудное для меня — это понять природу поля. Особенно странной кажется мысль о том, что эволюционное усложнение полей может привести к жизни.

— Конечно, тебе не удастся конкретно-чувственно представить поле. Так и я не могу непосредственно переживать твой вещный мир. Но это не помеха! Надо отказаться от попыток восприятия нового уровня реальности в привычной для тебя чувственной плоскости. Не зря же в твоей ноосфере говорят о шестом, седьмом чувстве... Вот и пробуждай в себе эти чувства! Они заложены в глубинах твоей природы,— и теперь пришло время для их эволюционного раскрытия.

— Ты прав. Попытки представить поле чувственно для меня тщетны. Но и рационально я до конца не смогу охватить его сущности.

— А разве ты полностью понял природу вещества? Ты спрашиваешь меня: что такое поле? Я же вправе спросить у тебя: а что такое вещество? Ты чувствуешь, что я не иронизирую, хотя мой вопрос вызвал у тебя смущение.

— Что такое вещество? Ведь это так очевидно...

— Нет, отнюдь не очевидно! Если ты глубже осмыслишь мой вопрос, то поймешь одну особенность своей науки: она принимала как данность основные явления физики — вещество, энергию, силу. А глубокий анализ этих понятий не проводился. Очевидность еще не сущность!

— Пожалуй, ты прав. Почему вещество есть именно вещество? Я пасую перед этим вопросом.

— Вот точно так же и природа поля не может быть понята на рациональном или чувственном уровне. Здесь необходимо интуитивное проникновение.

— Чувствую, что вопросы о веществе и поле предельно глубоки,— для их осмысления я должен расширить сознание.

— Ты уже начал делать это. Пользуйся методом интуитивной аналогии,— он тебе поможет раздвинуть картину мира. Ты хорошо представляешь развитие вещества. Эволюция поля шла параллельными путями! В обоих случаях работали совершенно схожие механизмы,— повышение системной организованности, интеграция и дифференциация.

— Я чувствую красоту этих удивительных параллелизмов! Они дают мне возможность более масштабно осознать единство мира. Если вершину эволюции вещества мы правомерно видим в человеческом мозге, то на основе интуитивной аналогии я вправе заключать, что и эволюция полей достигла подобной вершины. Значит, у тебя есть какой-то аналог мозга?

— В системном отношении такая постановка вопроса вполне правильна. Но ты ведь понимаешь, сколь отличны друг от друга наши органы мышления! Мой мозг—это сложная система полей, простирающихся далеко в пространство. В каждой точке поля имеют разные потенциалы,— это дает возможность для кодирования и хранения информации. Твоя память работает на другой основе. Словом, различий здесь очень много.

И тем не менее для системного взгляда наши органы мышления совершенно взаимоподобны! Их можно представить в одной обобщенной схеме,

промоделировать в одном кибернетическом устройстве.

— Прости, но я должен тебя перебить. Неужели у вас тоже есть техника? — ведь ты так говоришь о кибернетике, как будто хорошо разбираешься в этой науке.

— Этот вопрос неизбежен. И задан он очень кстати,— в попытке понять нашу духовную эволюцию ты еще больше раздвинешь свои рамки.

Да, у нас есть техника. Мы так же воздействуем на поля, как ты воздействуешь на вещество. И цели этого воздействия у нас общие! — мы преобразуем природу, превращая ее в ноосферу. В нашей деятельности огромную роль играют эстетические критерии. Мы стремимся сгармонизировать мировые поля, сообщить им наибольшую упорядоченность и стройность.

Наши цивилизации формируют материю по законам красоты! Да, не удивляйтесь: в мире полей есть своя эстетика. И в общем она весьма близка вашим представлениям о прекрасном,— хотя формирующая деятельность в полевой Вселенной имеет свою специфику.

Мы знаем радость труда. Нам ведома радость научного поиска. К нам нисходит радость любви, взаимности, дружеских привязанностей.

Мы — люди. Мы приходим в мир и уходим из него, вливая свои разрядившиеся поля в лоно бесконечности. Нам знакомо чувство печали. У нас есть лирические поэты. Иногда нас потрясает горькое отчаянье.

Мы умеем наслаждаться красотой Бытия. В наших мирах тоже есть великолепные пейзажи,— общение с природой приносит нам истинное счастье.

У нас есть художники. Какие чудеса они творят из материи! Волей их таланта рождаются дивные полевые формы, воплощающие наши представления о прекрасном. Я верю: ты когда-нибудь сможешь понять красоту этих шедевров. Мне кажется, что некоторые из них даже удастся сделать видимыми для тебя,— ведь есть немало полей, способных излучать в оптическом диапазоне.

Тогда ты увидишь великолепную пластику! Эти просвечивающие плоскости, эти взаимопересекающиеся объемы. Сколь ни нов для тебя наш изобразительный язык, но ты научишься в совершенстве владеть им. И тогда глубже поймешь нас: ведь через искусство человек раскрывается полнее всего.

— Ты сказал, что у вас есть поэты?

— Поэзия возникает везде, где есть ритмы. А они универсальны для Бытия! У нас имеются и поэты, и композиторы. Хотя чувственные аналогии между искусством наших миров не всегда возможны, но в своей сущностной основе поэзия и музыка моей ноосферы будут понятны тебе.

— Ты хочешь сказать, что тут возможна переводимость с языка на язык?

Поясняя свой вопрос, скажу так: музыку твоего мира смогут исполнять наши симфонические оркестры, а стихи поэтов Земли будут заново воплощаться в гармоничной системе полей.

— Ты правильно понял меня.

— Тогда искусство еще больше сблизит нас! Заметь, что весь наш диалог — это поиск линий сближения. Мы все время говорим о сходстве наших миров,— тогда как не менее существенно их коренное различие. Очевидно, и в нашем мировосприятии есть не только одни инварианты: поэтому важно выявить неповторимость и своеоб-

разие обеих ноосфер. А то мы все время стремимся к неявному взаимоотождествлению! Думаю, что это неверно. Ибо фундаментальное различие двух видов материи неминуемо отражаем и мы, представители вещественной и полевой форм жизни. — Согласен с тобой. Но к диалектическому балансу прийти не трудно. Мы хорошо дополняем друг друга: доступное мне недоступно тебе, и наоборот. Поэтому свои мысли о наших различиях я могу легко построить в виде цепочки тез и антитез,— эти альтернативные признаки мы можем набрать путем самоанализа. Начну с различий в нашем восприятии пространства. Если ты локализован в каком-то одном месте, как бы привязан к нему, то я по праву могу сказать, что моей экологической нишей является бесконечность! Ведь поля простираются очень далеко, практически по всему простору Бытия. Поэтому в определенном отношении мое мировосприятие шире, чем твое. Нашим цивилизациям не пришлось решать задачу освоения пространства,— можно сказать, что представитель полевой формы жизни одновременно находится везде, во всех точках пространства. Тебе это кажется парадоксальным, но для нас это весьма привычно и обыденно. Для развития вашей ноосферы громадное значение имеет жажда пространства! Вы стремитесь к простору. Незнанная даль стимулирует ваш научный поиск.

А что для нас является таким стимулом? Стремление к локализованности! Как видишь, нами движут дополнительные интересы. Я бы очень хотел увидеть мир через тебя, с помощью твоих органов чувств. Благодаря локализованности в малом пространстве ты наверняка воспринимаешь мир более ярко, более концентрированно, чем я.

О, как бы я хотел увидеть твой блистающий мир! Поверь, ты обладаешь подлинным сокровищем: локализованностью.

Но я знаю, что иногда это качество томит тебя. Ты хочешь как бы перерастить себя! — и слиться со всей бесконечностью. Это пантеистическое стремление ты никогда не можешь удовлетворить полностью. Однако в минуты высшего озарения тебе все же удастся пережить совершенно необычное чувство: будто ты и мир — одно! Твое сознание в это мгновение преодолевает рубежи вещественной Вселенной,

И тогда на кратчайший миг ты включаешься в наше мировосприятие! Это непосредственное переживание бесконечности долго питает тебя. К вселенскому чувству стремятся лучшие люди твоей ноосферы. Достигаемая ими полнота слияния с Бытием свидетельствует о том, что при экстремальных состояниях духа различия между нами сглаживаются, сходят на нет.

Замечу, что и нам удастся пробиться к вашему мировосприятию! Я сам пережил в своей жизни несколько таких незабываемых моментов. Что мы чувствуем в этот миг? Прежде всего необыкновенную собранность и сосредоточенность своего «я». Бесконечность вдруг сжимается в точку, — и Бытие вспыхивает всеми красками. Да, в мгновеньи мы ощущаем цвета. Вот откуда у нас имеется представление о них.

В момент высшей концентрации сознания мы обретаем истину. Вот почему такими мгновеньями дорожат и наши поэты, и наши ученые.

Нам тоже не хочется упускать миг озаренья. Но это неизбежно! И тогда мы возвращаемся к своей будничной бесконечности. А вы теряете перспективу космоса, — и снова ощущаете себя привязан-

ными к Земле. Наши мечты и чаянья прямо противоположны. Вот почему диалог жизненно необходим обеим биосферам.

— Наша беседа идет по спирали: мы перешли к вопросу о наших различиях, но снова вернулись в исходную точку — заговорили о единстве, о сближении.

— Такова диалектика! Различия для того и выявляются, чтобы найти путь к синтезу. Мы увидели, сколь контрастны два противоположных мира, — и однако убедились в том, что пропасти между ними нет.

Более того: в определенном смысле мы можем как бы меняться местами! — счастливое озарение духа позволяет нам переноситься из Вселенной во Вселенную. При взаимном сотрудничестве такие контакты перестанут быть случайными.

— Создается ощущение, что наш разговор является первым устойчивым контактом между двумя Вселенными.

— Так оно и есть. Раньше имели место единичные прорывы землян в наш мир, — обычно они оставались неосознанными, хотя все равно расширяли ваши представления о Бытии. Мы достигли больших успехов в постижении вашего мира, — и все же наши результаты пока очень скромны. Необходимо сотрудничество! Увы, до сих пор мы могли поддерживать лишь мгновенные контакты с землянами. Правда, и во время короткой вспышки можно высветить многое, — но все же особенно важен стабильный и неторопливый диалог. Теперь он стал реальностью. Очевидно, ваша ноосфера эволюционно созрела для общения с нами.

— Ты сказал о мгновенных контактах. Поясни это выражение.

— Я имел в виду инсайт, озаренье. Ваши

поэты и философы иногда переживали столь сильное вдохновение, что оно пробивало окно в нашу Вселенную: ее вид запечатлен в некоторых земных текстах. Только люди не обращали внимания на эти удивительные документы. Сколь ни кратким было пребывание землян в нашем мире, но они многое успевали заметить за тысячную долю наносекунды. Самое главное заключается в том, что они возвращались в свою Вселенную с новым чувством, реальность становилась для них более сложной и многомерной, чем раньше. Это двигало вперед мысль землян.

Я уже говорил, что наши миры взаимодействуют на многих уровнях. Сейчас подчеркну, что ваш мир имеет для нас огромное значение,— ведь мощные поля генерируются различными вещественными системами. Это чрезвычайно важный момент! Благодаря полям, рождающимся в вашей Вселенной, мы успешно боремся с энтропией. Вы как бы пополняете то, что у нас отнимает хаос. По закону взаимности из фонда виртуальных частиц в вашу Вселенную поступают новые запасы вещества. Это чисто физические процессы, и осуществляются они спонтанно, без контроля со стороны разума. То же самое можно сказать о различных информационных взаимодействиях. И наследственность, и память, и интуиция широко используют возможности нашего мира, но человек не создает этого, ибо и здесь связь двух миров устанавливается самой природой.

Вот прекрасные предпосылки для сознательного сотрудничества! Мне кажется, что время для этого наступило,— твое проникновение в наш мир свидетельствует о новых возможностях.

— Я сам не понимаю, как мне это удалось сделать.

— В человеке раскрывается то, что было заложено природой. Вслед за тобой придут другие,— я в этом не сомневаюсь.

— Но ведь и вы, наверно, со своей стороны пытаетесь установить надежную связь с нами.

— Конечно! Только наша задача ставится еще более масштабно. Быть может, ты уже понял ее, когда изучал этот синий ячеистый шар.

— Должен признаться, что он остается для меня загадкой. Быть может, это своеобразный улей?

— Ты близок к истине. Но еще не охватываешь ее полностью. Этот шар — посредник между двумя мирами. В его создание мы вложили все: свой ум, свое терпение, свою мечту. В нашем творении мы впервые превзошли и себя, и свой мир! Если угодно, мы породили собственную противоположность: маленький вещественный микрокосм.

— Значит, шар является вашим созданием? Понимаю, сколь дерзновенный замысел осуществили вы. Понимаю и восхищаюсь.

— Мы преодолели колоссальные трудности при выделении виртуальных частиц. Вещество для шара собрано буквально по крупичкам. Зато с каким наслаждением мы приступили к формированию шара! Это наше первое вещественное детище,— мы познали радость пластического творчества. И по добродушию позавидовали вашим ваятелям: так интересно работать с весомым веществом, внося в него определенность, форму и смысл,

— Все же я не могу представить, как вы можете воздействовать на плотную материю.

— Ты хочешь сказать, что у нас нет рук. Но поля могут быть не менее гибкими и точными, чем ладони скульптора, вызывающие из глины человеческий образ. Так что здесь все просто.

Но мне кажется, что ты до сих пор не понял нашей главной идеи,

— Видишь ли, для меня все тут так необычно: и это мерцающее пространство, и этот синий шар, и эти гигантские пчелы. Кстати, они удивляют меня больше всего.

— Мы не зря выбрали именно пчел для наших первых опытов. Ведь это насекомое с высокоразвитым инстинктом!

Я уже не раз подчеркивал, что с нашим миром вас связывает интуиция. То же самое можно сказать об инстинкте: это самый совершенный аппарат для извлечения информации из полевой Вселенной. Я бы даже сказал, что пчела живет на грани двух миров: ее наследственная память почти целиком закодирована полями. Вот почему инстинктивные действия пчел отличаются такой точностью,— их направляет эволюционная мудрость вида, которая веками сосредоточивалась в полевой памяти. Впрочем, это относится к любому существу, обладающему инстинктами,— в том числе и к человеку. Резюмирую: через инстинкт ваша биосфера имеет самую непосредственную и устойчивую связь с нашей Вселенной. Вот почему наши ученые такое значение придают исследованию инстинктов,— это своего рода смотровая щель, через которую мы можем заглядывать в ваш мир и изучать его. Пчелы очень помогут нам,— ведь их жизнь связана с человеком. Так что благодаря им мы получали существенную информацию и о вас. Впрочем, с этой целью мы включались и в другие каналы.

— Меня поразили пчелы, которых я видел на шаре,— они не могут принадлежать земным видам.

— Тебя смутили их размеры? Но ты попал в мир особых пропорций и масштабов, где восприятие

любых размеров весьма субъективно. Твое внимание все же привлекают детали, а не суть. — Нет, кажется, я начинаю входить в логику ваших опытов. Даже как-то боязно высказывать свое предположение,— я просто ошеломлен этой пришедшей мне в голову мыслью.

— Но я ее уже угадал! Ты прав: мы хотим создать живое существо во плоти. И для этого используем готовые генетические матрицы! Ведь существует не только вещественный, но и полевой генокод: при его участии проходит индивидуальное развитие любого организма. Для опытов мы выбрали пчелу. Ты видел синтезированных нами насекомых,— они воссозданы на основе их полевого генокода. Это так увлекательно: творить новую жизнь,— да еще в формах другого мира.

— И все же почему вы так настойчиво хотите выйти за пределы своего мира?

— Это сложный вопрос. Как и землян, нас искушает жажда познания. Ты ведь сам знаешь, какая это мощная сила. Бесконечность стала тесной для нас,— мы хотим чего-то нового, небывалого. Нас манит ваша Вселенная,— ее сочные краски, ее определенные формы. Мы видим во сне этот сверкающий мир! Ведь нам тоже снятся сны. И сейчас они всецело заполнены образами вашей Вселенной. Вы нужны как собеседники,— в совместных усилиях мы полнее охватим Бытие. О, как мы мечтаем о таком диалоге! Романтическое начало присуще не только вашей Вселенной,— нам тоже знакома неумная тяга к неизвестному, невозможному. Вот почему мы взяли за смелые опыты. Но тут есть и другие побудительные причины.

— Какие же? Я чувствую, что ты смутился.

— Видишь ли, сейчас я должен коснуться очень

тонкой области. Но душа твоя обладает поэтической чуткостью,— и потому я решусь доверить тебе весьма интимные вещи. Ты поймешь нас — и не осудишь строго. Ведь в твоей ноосфере тоже большую роль играют предания, мифы.

Да, все дело в мифологии. Она у нас богатейшая! Многие мифы до сих пор не разгаданы учеными. Трудно понять: являются ли они блистательными вымыслами или смутными воспоминаниями? Один из таинственных мифов повествует о том, что когда-то мы жили в другой Вселенной,— очень похожая на твой мир, она была первозданно прекрасной. В этой Вселенной мы складывали из камней прекрасные храмы; наше тело наслаждалось там лучами солнца; к нам подбегали изящные животные с витыми рогами.

Храмы, солнце, антилопы — все эти понятия сохранились в мифе. Они были загадкой для нас до тех пор, пока мы не получили более обширных представлений о вашей Вселенной. Как мы поразились, открыв параллели между нашим мифом и иной реальностью! Сразу появилось множество гипотез, объясняющих это удивительное сходство. Их выдвигали все: и безудержные романтики, и трезвые рационалисты. Одни говорили: наш мир когда-то свободно посещался пришельцами из вещественной Вселенной! — это их рассказы стали основой мифа. Но эта убежденность наталкивалась на сомнения скептиков. Они считали, что содержание мифа — всего лишь игра воображения. Почему первым поэтам нашего мира мы должны отказывать в творческой самостоятельности? Древние ничего не заимствовали,— прекрасный вещный мир родился в лоне их неукротимой фантазии.

Эта точка зрения долго была преобладающей. Но недавно дискуссия вспыхнула с новой силой.

Были найдены реликтовые поля, сохранившиеся со времен древности. В них запечатлелся еще один вариант мифа, интриговавший своими странными подробностями.

Миф говорил о том, что когда-то грандиозный катаклизм потряс Вселенную,— и она словно вывернулась наизнанку: все ее черты и признаки заменились на противоположные. Оформленное стало бесформенным, определенное превратилось в неопределенное! Причиной катаклизма была неосторожность людей: устремленные к бесконечному, они пренебрегали гармонией своего конечного мира,— и навсегда потеряли его. Теперь люди стали вечными странниками, не имеющими своего пристанища во Вселенной. Они обрели бесконечность, но заплатили за это горькую цену.

В мифе звучала тоска по ушедшему. Но к нотам отчаянья примешивалась и невнятная надежда! — впрямь давалось понять, что мы можем вернуть утраченное, сохраняя при этом такую желанную для нас бесконечность.

Интересная параллель: нам от века веков иногда снились сны, по содержанию чем-то похожие на этот миф. Мы считали свои сновиденья причудой бессознательного. Но не просвечивали ли в них архетипы? Оторопь берет от этой догадки! Ведь она многое меняет в наших представлениях о Бытии.

Допустим, что миф передает в образной форме какие-то реальные события. Как можно интерпретировать описываемый в нем катаклизм? Пожалуй, тут возможно лишь одно толкование: когда-то произошел грандиозный переход вещества в поле! — в этот процесс были вовлечены вселенные, ноосферы, люди.

Одна форма материи превратилась в другую!

Физически этот процесс вполне обычен,— только поражает его воистину грандиозный масштаб. При подобных метаморфозах всегда выполняются законы сохранения. Неужели они распространяются и на духовную жизнь?

Тут я вступаю в область неуловимого, несказанного. Наверно, это уже поэзия, а не наука. И все же так хочется понять загадочный миф! Ведь интуитивно чувствуешь, что за ним стоит какая-то правда. Только нет ключа к древнему символическому коду: найди его,— и тогда за фантастикой мифа пробрезжит точное знание.

Предположим, что я верно интерпретирую миф. В таком случае встает вопрос о возможности сохранения информации при мировых катаклизмах. Вещество Вселенной развоплощалось, превращаясь в релятивистское поле! — но память мира пребывала сохранной и в этом гигантском метаморфозе. Все превращалось в свет: планеты, деревья, люди. Однако информация о них переносилась на какую-то тончайшую кальку. Вероятно, это были специфические информационные поля, обладающие свойством неуничтожимости.

Законы сохранения — это законы памяти. Возможно, древний мифотворец черпал образы из глубин подсознания, соприкасающихся с информационным полем Бытия. Благодаря сосредоточению он смог заглянуть в неисповедимую бездну! — и увидел свою полевую Вселенную в другой ее ипостаси: как вещественный мир кристаллов и трав, над которыми стоят радуги и проблескивают метеориты.

Мифотворец влюбился в этот мир. Он все пристальней вглядывался в него, фокусируя ясную линзу своего духа. Вот крутой скальный обрыв,— на нем стоит человек с подзорной трубой: сейчас

он наведет свою оптику на прекрасные созвездья. Вот сумрачная лесная тропа,— по ее краям высятся таинственные папоротники: сквозь них видны глубокие барсучьи подкопы; вот ясное озерное зеркало,— в него глядятся кучевые облака: среди них летит великолепная лебединая стая.

Как завораживал мифотворца этот исчезнувший мир! — и как манил своей недоступностью. Человек всегда хочет того, что находится за гранью возможного. Верно, это стремление укоренено в нем. Так и здесь: чем немыслимее была вещественная Вселенная, тем больше манила к себе.

Не думай, что это был твой мир. Прошли триллионы лет с тех пор, как он вспыхнул ярким прощальным светом. Но этот мир походил на твою Вселенную! — в нем были деревья, облака, лебеди. Чем объяснить это сходство? Вероятно, единством мировой памяти! Новые миры заимствуют из нее схемы и образы для своих формообразующих процессов. Это не просто повторения — это своеобразные вариации: при сотворении новизны звучат ноты из прежних симфоний.

Вот так я объясняю сущность древнего мифа. Быть может, мое понимание будет оспорено другими учеными. Но знаешь, я принял миф как правду! Я поверил в него,— поверил всей душой. И это повернуло всю мою жизнь. Я мечтал о древней погибшей Вселенной, где мои пращуры жили в другом облике. Они были такими, как ты. Иногда мне чудилось, что я оказываюсь в их теле,— и бегу на речку через высокие травы. Это такая радость: бег. Это такое счастье: вода. Это такая нега: солнце.

Да, миф стал моей путеводной звездой! Я превратил его в эвристику — и начал научные исследования. Вглядись еще раз в синий шар-улей,— он

моделирует те процессы, о которых говорит миф. Я хочу доказать, что вещественная форма жизни может переходить в полевую, и наоборот. Теперь ты понял мой замысел?

— Неужели исчезновение странно увеличивающихся пчел было их переходом в полевую форму? Это самый фантастический метаморфоз из всех, какие я встречал в мире насекомых!

— Я хочу научиться управлять этим метаморфозом. Поверь, в нем нет ничего фантастического. Основой жизни является информация,— а она инвариантна для вещества и поля. Поэтому при переходе организма из одной формы материи в другую его сущность остается неизменной. Законы сохранения: вот основа метаморфоза, над которым я экспериментирую. Убежденность в единстве материи является для меня философским кредо. Превращения материи диалектичны,— этот великий принцип я хочу проследить на уровне живого.

Можно создать определенную систему вибраций, при которой частицы вещества будут переходить в виртуальное состояние,— этот процесс ты недавно наблюдал воочию: пчелы как бы развоплощались на твоих глазах. Однако при этом их генетическая структура облекалась в полевую форму,— насекомые заново рождались, но уже в другой Вселенной.

Ты наблюдал и обратный процесс,— когда вещественная организация вновь извлекалась из виртуального состояния, восстанавливая свою прежнюю форму: тогда ты видел пчелу в ее знакомой для тебя ипостаси. С физической точки зрения я совершаю довольно обычный опыт, который в его более простом виде знаком и науке Земли,— управляю вещественно-полевыми трансформация-

ми материи. Но принципиальная новизна эксперимента заключается в том, что таким преобразованиям подвергаются живые организмы. Поэтому сложность задачи возрастает в неизмеримое число раз. Я должен был добиться максимальной точности, чтобы при метаморфозе не терялся ни один бит информации. Но тут мне помогла сама природа: оказывается, такое сохранение совершается автоматически. Информация неуничтожима! Она может превращаться, но не исчезать. Это открытие обогатило мое понимание мировой гармонии. Я всегда эстетически воспринимал закон сохранения энергии,— он был для меня глубинной основой мировой красоты.

Аналогичный закон действует и в сфере информационных явлений! Это расширяет наши представления о гармоничности космоса, ибо теперь мы видим, что законы сохранения действуют на всех уровнях Бытия.

Наверно, ты уже догадался о конечной цели моих экспериментов...

— Неужели ты хочешь подвергнуть себя той же метаморфозе, через которую сейчас проходят твои пчелы?

— Да, это моя мечта. Среди своих соплеменников я кажусь чужаком,— хотя многие втайне сочувствуют мне. Однако боятся признаться в этом: уж очень странными выглядят мои идеи. Но я верен им! Бытие — едино. Вот формула моего мировоззрения. Единство Бытия диалектично,— оно состоит из противоположностей. Но эти противоположности не могут быть непроницаемыми друг для друга!

Я хочу доказать это в прямом опыте. Я хочу, чтобы две наши Вселенные познали радость общения!

Быть может, мои мечты утопичны. Но мне видятся тысячи переходов, связующих наши миры. Мы будем приходить друг к другу в гости,— ради дружбы, ради познания, ради новизны чувств. И эти взаимные посещения должны стать чем-то простым, вполне доступным! Мы многое можем дать друг другу,— ведь свои идеалы мы видим в тех мирах, которые сейчас скрыты от нас: вас зовет бесконечность — мы ее дадим вам; для нас притягательна локальность — мы ее обречем в вашем мире.

Две наши Вселенные никогда не были полностью разобщенными. Но все же их связь может стать более полной! Ради этого я живу и тружусь. Верю: откроется ваш мир — и тогда я почувствую касание трав, шершавость камня, влагу дождя. Мне кажется, что лишь в вашем мире можно пережить всю полноту бытия. Я очень люблю свою Вселенную,— но хочу познать новые яркие ощущения.

— Если я правильно понял тебя, то связь между мирами должна быть двусторонней,— тогда я смогу через некий преобразователь выходить в твою Вселенную. И чувствовать себя в ней совершенно свободно! — ведь через рубеж миров я перейду в своей полевой ипостаси.

— В нашей Вселенной тебя примут со всем радушием. Ты познаешь великую радость слияния с бесконечностью. Для тебя это так ново: чувствовать, что связан со всем сущим. Каждый вздрог во Вселенной будет ощущаться тобой, каждый трепет. Ты будешь пронизать мириады сознаний, заряжаясь от них светом взаимности; ты познаешь радость воистину вселенского творчества.

— Да, это мечта многих наших художников. О космическом творчестве грезили и Уитмен, и

Чюрленис, и Скрябин. Они хотели слиться со Вселенной и преобразить ее изнутри.

— В нашем мире это возможно. Каждый художник творит в масштабе всей Вселенной,— такова природа полей, распространяющихся в бесконечность. Искусство у нас имеет огромное значение: поддерживая гармонию мира, оно стало космическим фактором. Созидание Вселенной по законам прекрасного продолжается каждый день! Космизм творчества, о котором мечтали ваши мастера, у нас стал реальностью.

— Я вижу, что твоя тяга к нашему миру тоже направляется эстетическим чувством. Ты хочешь постичь иную красоту, иную гармонию.

— В вашем космосе меня прежде всего привлекает предметность. Я понимаю, какое это творческое счастье: лепить форму, вносить в нее меру и гармонию. Я хочу испытать это наслаждение, оказавшись в мастерской земного художника. Но в преображаемый материал я внесу опыт своего мира! Это будет новая красота. Разве нельзя объединить эстетику двух миров? В единстве Бытия я всегда видел единство красоты.

Мне кажется, что высшая красота заключается в гармонии бесконечного и конечного,— вот почему я так стремлюсь к связи с вашим миром: он для меня воплощает красоту конечного, оформленного, определенного.

— Но знаешь ли ты, что этот вещный космос находится на краю гибели?

— Прости, я не понимаю тебя.

— Здесь все очень просто: в нашей Вселенной началось гравитационное сжатие.

— Тут нет никакой ошибки?

— Увы, нет.

— Что же делать?

— Не знаю. Но только чувствую, что своими силами нам не справиться с этой бедой — нужна помощь извне; быть может, вы придете нам на выручку.

— Ты потряс меня. Такое ощущение, что рухнули все мои надежды, а душу заполнила бесконечная печаль. Ведь я уже сроднился с вашим миром, полюбил вас как родных братьев. Такую перспективу сулило нам будущее! И вдруг...

— Оказывается, ты очень раним. Что ж, эта черта по-человечески понятна мне. Но подожди отчаиваться. Мы должны соединиться, чтобы избежать катастрофы.

— Ты знаешь, у меня сейчас мелькнула одна мысль. Не помогут ли вам мои опыты? Ведь в принципе возможно вас всех эвакуировать в полевую Вселенную,— тогда мои преобразователи будут работать как космическая спасательная служба. Вещество вашей Вселенной сожмется в жутком коллапсе, но вы уже будете в безопасности,— хотя и в другой форме, без телесной оболочки.

— Конечно, это тоже выход из положения. Спасибо за желание помочь нам! Если не удастся придумать ничего другого, то твой проект будет единственным решением проблемы,— и мы ухватимся за эту соломинку. Но пойми нас правильно: мы хотим спасти не только себя, но и свой мир. Он дорог нам,— и если мы даже переживем его гибель, то будем жить с пустотой в душе.

— Понимаю тебя...

Но постой, кажется, и здесь есть удивительная возможность! Пусть ваш мир погибнет,— но вы воссоздадите его заново. И придадите ему еще больший блеск и совершенство.

— Но каким образом?

— Вы унесете с собой в полевую Вселенную

свои знания о погибшем мире. Запасы виртуального вещества у нас огромны,— так постройте из него новый космос.

Человек как творец Вселенной!

Быть может, это и есть ваша родовая задача: лепить миры, вкладывая в них свои представления о красоте и гармонии. Вот где в полной мере раскроется ваш пластический гений!

— Это космическая утопия...

— Почему? Сила разума не знает предела. Ваши ноосферы научатся управлять космологическими процессами. И тогда вы сможете восстановить свой мир по старым чертежам! —если не захотите создать еще более великолепную Вселенную.

Посмотри на лазурный шар-улей. Ведь это зародыш новой вещной Вселенной! Теперь я вижу в нем образ твоего будущего,— да и вся моя деятельность обретает иной смысл. Раньше я трудился ради познания и красоты,— но отныне мной будет двигать еще и желание помочь вам. Что может быть сильнее этого стимула? — ведь сострадание сделало нас людьми, привело к разуму, к свету.

— Ты посеял во мне семена надежды.

— Я счастлив, если это так. Давайте начнем совместный поиск!

— Сейчас мне вспомнился наш писатель Ф. М. Достоевский,— ему принадлежат пророческие слова: «Красота спасет мир». Теперь вера писателя обретает для нас новый реальный смысл.

— Да, я с тобой согласен. Скоро все цивилизации нашей Вселенной повторят эти высокие слова: «Красота спасет мир».

Из гималайской экспедиции мы вернулись преображенными. Каждый нес в себе новый духовный свет,— и мир в этом свете обретал особую значительность. Наше сознание расширилось. В этом — главное.

Обработывая материалы экспедиции, мы встретились с трудно объяснимым явлением: на проявленных пленках не было нашей ротонды. Мы уже привыкли к небывалому,— поэтому не слишком удивились и на этот раз.

Вот он, пейзаж чудесной долины,— силуэт гор, высокие деодары. Но ротонды — нет. На ее месте виден обыкновенный родник, забранный в бревенчатый сруб,— квадратное зеркало воды, на нем отраженные облака. Неужели ротонда была лишь миражем? В это трудно поверить: столь реальными и полными были наши переживания.

Собираясь вместе, мы говорили о таинственной ротонде: у каждого из нас возникали все новые и новые гипотезы о ней. Я сейчас изложу некоторые из них,— постараюсь быть точным в передаче тех идей, которые развивали мои друзья,

— Ротонда реальна! —темпераментно восклицал Коля Ладов.— Только у этой реальности особая природа. Как ее определить? Это я пока затрудняюсь сделать. Выскажу лишь самые предварительные соображения.

Мы исходим из того, что существует два вида реальности,— реальность объективная (мир вне нас) и реальность субъективная (мир в нас). Не является ли ротонда чем-то средним, промежуточным? Она не принадлежит миру вещей, но ее нельзя считать и субъективным образом. Это продукт того сверхсознания, которое у нас иногда появлялось

в горах! Тогда мы становились как бы одной личностью. Устремленные к единой цели, мы оказались на пороге разочарования. И вот в этих экстремальных условиях сработало наше коллективное сознание: оно спроецировало вовне образ ротонды,— создало нечто вроде голограммы, гармонично вписавшейся в окружающий пейзаж. Внутри этой ротонды каждый нашел то, что искал: среди торжественного великолепия Гималаев раскрылись внутренние ресурсы каждого из нас,— когда сосредоточивался один, то трое остальных передавали ему свою психическую силу. Благодаря этому взаимоусилению мы проникли в такие глубины духа, что смогли почерпнуть уникальную информацию о мире. Да, это было познание мира, однако осуществленное с помощью коллективной интроспекции! Вот краткие тезисы моей концепции. Сейчас некоторые из них я разовью.

Почему ротонда не запечатлелась на пленке? Потому что она существовала только для нас. Представим, что около родника оказался еще один свидетель. Увидит ли он ротонду? Нет, не увидит: лишь включение в наше коллективное сознание даст ему возможность ощутить то, что ощущали мы.

Я вовсе не считаю ротонду своего рода коллективной галлюцинацией. Здесь все гораздо сложнее! Ротонда создана нами как некое произведение искусства. Да, это особый вид творчества, еще неизвестный человечеству. Мы сотворили удивительный символ, дали ему специфическую жизнь. Вероятно, подобное творчество возможно лишь при том своеобразном симбиозе личностей, который так полно и глубоко мы пережили в Гималаях.

Эволюция идет по пути соединения элементов

во все более сложные системы. Так везде: и на уровне звезд, и на уровне клеток. Связи людей тоже становятся все более глубокими. Феномен сочувствия, соинтуиции издревле знаком человечеству. Разве не может этот дар сострадания и сопонимания подняться на новую эволюционную ступень? Пережитое нами состояние мы очень условно называем сверхсознанием или коллективным сознанием,— не может ли оно оказаться именно соинтуицией в ее высшей форме? Как обогатит человечество это эволюционное обретение? Пережитое нами единение навсегда запомнится как самое радостное из всех впечатлений жизни. И столько мы открыли для себя благодаря этому единению. Никто из нас отдельно, сам по себе не смог бы найти столь новые пути для мысли.

Я думаю, что в моменты своего сверхличностного состояния мы выходили на новый эволюционный рубеж,— быть может, он будет закреплён ещё очень не скоро, через много поколений. Но согласитесь со мной: мы пережили нечто небывалое. Так неужели наш опыт является уникальным и неповторимым? Я думаю, что в будущем он будет доступен всем людям: с помощью высших форм соинтуиции человечество разрешит мучающие его проблемы. Тогда станут ясны и те ещё неизвестные нам методы, которые необходимы для предотвращения коллапса.

Мы были архитекторами ротонды. Мы и построили ее! Сейчас я хочу высказать самое спорное положение. Вот моя мысль: образ ротонды действительно был вынесен вовне,— однако он мог существовать лишь как элемент той психической цепи, которую мы образовали в Гималаях. Я хочу подчеркнуть, что образ ротонды отличается от

обычных субъективных представлений, характерных для индивидуума. Это явление нового уровня духовной эволюции! — лишь коллективное сознание может порождать подобные образы-голограммы. Вероятно, это одна из его качественно новых для нас особенностей.

Вы можете спросить: из какого же субстрата состояла ротонда? Ведь она не была призраком, иллюзией. Но в то же время в ней отсутствовала та вещьность, которая свойственна обычным постройкам,— иначе мы увидели бы ротонду на фотоснимках.

Это трудный вопрос. И не наше поколение найдет ответ на него! Я могу сейчас высказать лишь сугубо эвристические предположения.

Мы говорили о новом уровне сознания. Не соответствует ли ему и новый уровень реальности? Тогда ротонда является проявлением этой реальности. Быть может, мы здесь встретимся с какими-то промежуточными формами материи. Или откроем необычные виды информации! Например, можно предположить, что структурно ротонда состояла из квантов информационного поля. Но только боюсь, что это слишком грубая аналогия,— так что лучше не упреждать выводов будущей науки.

Что же видел каждый из нас, когда наклонялся над хрустальной линзой? Ответ для меня однозначен: самих себя!—но только глубины наших духовных миров мы прозревали под сильным увеличением. Я бы сказал, что мы видели свои скрытые возможности, которые вдруг раскрывались перед нами со всем блеском! Дремавшее в нас смутным зачатком становилось явным. Соинтуиция работала с небывалой интенсивностью: достаточно было бросить малое зерно, как оно немедля прора-

стало цельной концепцией, развернутым действием, новой Вселенной.

Обретенного в этом удивительном сотворчестве хватит нам на всю жизнь. Столько свежих идей! Да для их разработки нужен не один институт. Увиденные нами миры мы будем изучать и разрабатывать, скрупулезно вникая в каждую деталь и в каждый аспект. Не суть важно, каков статус этих миров: существуют ли они действительно или порождены нашей соинтуицией. Бесспорно, что удивительные Вселенные могут существовать! — внутренний опыт убедил каждого в их непротиворечивости, логичности. Хотя в то же время нам ясна парадоксальность этих миров.

Я хочу снова вспомнить мудрое изречение: «Познай себя — познаешь мир». Наша гималайская экспедиция прошла под знаком этих гениальных слов. Увидим ли мы снова чудесную ротонду? Думаю, что наши души породят уже другое созвучье. Быть может, не менее прекрасное. А ротонда растаяла навсегда! Она не была фантомом, — в ней как бы овеществился символ.

Мы входили внутрь символа.

Мы глядели в глубину символа.

Мы извлекали информацию из неисчерпаемых недр символа.

Ротонда растворилась, — но символ будет жить. Он войдет в сознание многих людей. И потому в нашу хрустальную линзу посмотрит еще не один человек! Открыть самого себя — это не меньше, чем открыть новый мир. Так поможем людям быть первооткрывателями их собственных глубин. Вот прекрасная миссия!

— Ты прав! — соглашался Юра Долин. Но тут же начинал развивать собственную концепцию.

— Как бы я мог резюмировать свой гималай-

ский опыт? Расширилось не только мое сознание, — расширился объективный мир. Я убежден, что нам открылись новые грани реальности: пусть через интроспекцию, но мы постигли доподлинное Бытие.

У Коли превалирует начало творчества: мы сами создали свои миры, — до нас их не существовало. Я не хочу занижать роль творческого момента. Конечно, фантазия помогала нам. Но все же полученную нами информацию я считаю более документальной, чем Коля, — для него она скорее блистательный вымысел, игра фантазии. А для меня нечто безусловно достоверное: мы прикоснулись к истинной реальности, — к ее новым уровням.

Вероятно, структура мира такова, что эти уровни дискретно отделены друг от друга: как орбиты в квантовом атоме. Вся наша Вселенная находится в пределах одного уровня, Мы даже склонны считать, что он последний в иерархии. Но почему? Ведь эволюция не знает пределов. А мы стремимся ограничить ее, взять в какие-то рамки. Это наша ошибка!

Мне кажется, что людей влекло к Гималаям предчувствие новых эволюционных высот. Горы как бы поднимали мысль на иной квантовый уровень! Здесь меняется система отсчета: чувствуешь, что твоя шкала отнюдь не является абсолютной, — за последним делением простирается беспределность. Всегда потрясает этот выход за мнимо последний рубеж. Поэтому многие предпочитают жить в низинах.

Я убежден, что развитие души — как своеобразный метаморфоз. Для того чтобы из гусеницы превратиться в бабочку, ей нужны особые условия, — и они имеются только среди высоких гор. Их экология благоприятна для духа. Вот почему

горные вершины были магнитами для искателей истины. Здесь с их душ спадала тесная личинчатая оболочка,— и расправлялись огромные невидимые крылья, приспособленные для космических перелетов!

Обратите внимание на мифологию. Олимп, Меру, Синай: все великие духовные события в своей жизни человечество приурочивает именно к горам.

Горы вплотную подходят к космосу. Не потому ли там чаще всего происходят мутации? — биологи давно показали: интенсивность видообразования в горных условиях связана с космическими лучами. Вот почему Гималаи всегда казались мне своеобразным пультом биологической эволюции! Немало важнейших эволюционных преобразований свершилось в горной среде.

В горах рождались расы, народы. В горах к людям приходили высокие мысли.

Можно говорить о своеобразных мутациях духа,— их чистота тоже повышается в окружении гор. Что же это за мутации? — они разнообразны: одоление догмы; необыкновенные прозрения; гениальные метафоры. Многие духовные сдвиги в истории человечества связаны с горами,— тут создавались и великие этические учения, и новые каноны искусства, и основы космической философии.

Серьезного внимания заслуживают и многочисленные свидетельства о том, что в горах ярче проявляются парапсихологические феномены,— и прежде всего телепатическая связь.

Коля хорошо говорил о соинтуиции, о сверхсознании,— здесь ведь тоже есть своего рода телепатия: мы могли общаться без слов, чувствовали глубинную связь друг с другом. Почему именно

в горах к нам приходили эти удивительные ощущения? Мне кажется, что мы тоже стали мутантами духа! Быть может, это звучит слишком громко,— но мне важна суть, которую вы безусловно поймете.

Не происходит ли в Гималаях своеобразное опережение эволюции? У человека вдруг начинают работать органы восприятия, находящиеся пока в зачаточном состоянии,— они должны раскрыться лишь в далеком будущем. Но раскрываются сейчас, в современных условиях! Конечно, это только гипотеза. Но она проливает свет на многое. Иначе как понять свой опыт? — ведь он заключается в том, что я доподлинно ощутил, будто воспринимаю мир новыми органами чувств. И мне открывается то, что ранее было недоступным!

Что же именно? Неведомые уровни реальности. На горной высоте они начинают просвечивать,— вот на этот брезжащий свет и шли бесчисленные странники.

Я убежден в неисчерпаемости материи. Эта убежденность связана для меня с представлением о многомерности Бытия. Наша Вселенная не одна,— их бесчисленное множество. Где они находятся? — рядом с нами, вот здесь: в многомерном пространстве Бытия. Вселенные — самобытны. Для обеспечения этой творческой автономности они обособлены друг от друга. Но в определенных условиях Вселенным жизненно необходим обмен информацией. Тогда они выходят из своей относительной изоляции,— и в них открываются смотровые окна: подходи к ним и заговаривай с братьями. Вот что произошло с нами в Гималаях! — мы обрели для себя выходы в иные Вселенные. Каждому стал доступен тот необычный мир, который ощущается в его наитьях. Вероятно, здесь сработал извест-

ный принцип: подобное притягивается подобным. Вселенные словно услышали наш зов. Мы нашли их, а они — нас.

Я хочу сказать, что существуют все воображаемые миры!—мое понимание неисчерпаемости мира является максималистским. Это же относится и к многомерности: я считаю, что число измерений пространства бесконечно. Не сходя с места, мы можем изучить энное количество Вселенных,— нужно лишь научиться проникать в скрытые измерения. Для этого пригодны только психологические, а не физические средства. Внутреннее сосредоточение: вот путь к другим мирам. Благодаря концентрации психической энергии человек способен выходить за рамки привычной ему пространственно-временной структуры.

Вселенные как бы вложены друг в друга. Поэтому вопрос о том, какая из них ближе или дальше, утрачивает смысл. Они все рядом! Хотя и бесконечно далеки от нас. Проникнуть в них мы можем лишь через себя: наше сознание содержит в себе выходы к другим измерениям.

При обычных условиях Вселенные изолированы друг от друга. Но разделяющие их средостения абсолютно прозрачны! Поэтому человек с расширенным сознанием получает возможность свободно переходить из мира в мир. Для его интуиции открыты все измерения. Такая способность мысленно проникать в другие миры должна у человека развиваться эволюционно. В Гималаях мы как бы упредили ее появление.

При неисчислимом разнообразии Вселенных многие из них давно превзошли уровень, достигнутый нашей Метагалактикой,— это предположение вполне естественно и законно. Могут ли такие продвинутые Вселенные попечительствовать над нашим

миром? Я не вижу оснований для исключения такой возможности.

Потребность иметь учеников глубоко заложена в разумных существах. Учитель и ученик: вот звено мировой цепи. Эта цепь бесконечна! — поэтому превращение ученика в учителя совершается постоянно. Без этого нет жизни, нет развития.

Учителями могут быть не только отдельные люди. Есть народы-учителя; есть планеты-учителя. Почему такую учительскую функцию не может взять на себя целая Вселенная? Имея выход в менее развитые миры, она будет находить счастье в том, чтобы сеять семена своих высоких знаний.

Быть может, именно в Гималаях такая учительствующая Вселенная вступает в контакт с нами? Примем это как рабочую гипотезу,— и пусть нас не смущает ее фантастичность: принцип неисчерпаемости делает вероятным все то, что не расходится с логикой. Я же свою гипотезу поверил строгим логическим анализом,— и не нашел в ней никаких противоречий с законами Бытия.

Приняв эту гипотезу, мы прежде всего должны удивиться тому такту, с которым действует учительствующая Вселенная! Она относится к нам с уважением и вниманием, нигде и никогда не нарушая нашей свободной воли. Ее методики великолепны,— мы должны подумать о том, чтобы научиться их применять в своих школах.

Что такое наша гималайская ротонда? Я бы назвал ее кабинетом космопедии: это система космического обучения, помогающая человеку через самопознание выходить на контакт с иными уровнями Бытия.

Реальна ли ротонда? Безусловно. Но только она находится в другой Вселенной, в другом пространстве-времени.

Да, да! Мы с вами побывали в другой Вселенной, Но мы не были первыми: до нас неведомый мир посещали многие странники. Назад они возвращались просветленными, — с ощущением, что прикоснулись к великой доброй тайне.

Наши космологи ищут способ выйти за черту сингулярности. Увы, их поиски пока безуспешны! А между тем люди уже давно посещают параллельную Вселенную. Быть может, даже не одну Вселенную: им помогают связаться с теми мирами, где они могут почерпнуть наибольший опыт. Духовная культура здесь опередила точную науку. Лично меня это обстоятельство нисколько не удивляет: я верю, что в мире нет более яркого света, чем сила творческого озарения.

Вот это озарение и приходит к людям в Гималаях. Интуиция здесь необыкновенно углубляется, — а это главное условие для проникновения в другие миры. Учителяствующая Вселенная помогает нам достичь необходимого сосредоточения. Для этого она использует очень тонкие средства, — поэтому все выглядит предельно естественным. Впрочем, так оно и есть: нигде и ни в чем учителя не поступают с соображениями простоты и естественности, — без этих качеств они не найдут пути к сердцу ученика.

Да, все происходит очень просто. Мы спускаемся в долину, — и незаметно переходим за черту своей Вселенной. Нет никакой прерывности в пейзаже, в наших ощущениях: два мира словно пригнаны друг к другу, связаны мягким и плавным переходом. Я думаю, что эта пригнанность — забота наших учителей: они оберегают нас от стресса, который может быть вызван резким входением в параллельное пространство.

Долина-посредница! Она одновременно при-

надлежит двум Вселенным, — поэтому в ней царит такая удивительная атмосфера. Мне кажется, что и флора в этой долине смешанная, — братья из другого мира изучают совместимость наших биосфер.

В долине есть и простой источник, обнесенный срубом, — и ажурная ротонда, поставленная над тем же родником. В многомерном пространстве оба аспекта совмещаются. Но для нашего восприятия они пока расщеплены: физическим зрением мы видим сруб над ключом, а органу нашей интуиции предстает античное сооружение.

Вероятно, такая двойственность тоже используется для предельно бережного отношения к нашей психике. Если человек оказался не готовым к контакту с другой Вселенной, то он может легко внушить себе, что видел нечто иллюзорное, миражное: мало ли что может померещиться в горах! Это тонкая форма заботы о нас: учителя стараются ввести учеников в свой мир с деликатностью, — а если при этом возникают трудности, то они снимаются очень легко. Человек внушает себе, что он видел прекрасный сон. Ведь и у нас нет ни одного физического доказательства того, что мы побывали в другой Вселенной, — внутренний опыт остается для нас единственным свидетельством контакта. Все эти моменты продуманы учителями, — и с педагогической точки зрения они безупречны.

Но мне кажется, что в Гималаях есть и физические свидетельства контакта с другой Вселенной: озеро с двойным лучепреломлением, свободные кварки в метеоритах, необычный вид бабочки, — это все способы ввести в наше сознание информацию о других уровнях Бытия.

Не прибегают ли в данном случае учителя

к эффекту чуда? Это очень сложный вопрос. В конце концов, нельзя исключить и того, что странные явления не имеют отношения к иномирному разуму: это могут быть чисто природные аномалии, возникающие при взаимодействии параллельных пространств. Тогда мы наблюдаем случайные прорывы другой Вселенной в наш мир! Они никогда не бывают длительными,— вы уже слышали о том, что эффект двойного лучепреломления в озере Ур перестал наблюдаться.

Однако моя точка зрения иная: я считаю, что в определенных случаях старшие братья по разуму могут содействовать контакту параллельных миров. Неподготовленным сознанием это может восприниматься как чудо. Однако на самом деле здесь все свершается в рамках естественного. Да и вообще противоестественное невозможно! — на него налагается запрет законами природы. Представление о чуде — эхо былых веков, когда догматическая традиция испытывала боязнь перед новым и неизвестным. В те времена сама возможность якобы чудесных явлений отвергалась с порога. Но мы ведь свободны от этих нелепых шор!

Поэтому я считаю, что старшие братья не прибегают к эффекту чуда,— однако все же пользуются чрезвычайными средствами для того, чтобы привлечь наше внимание. К таким средствам они прибегают лишь в исключительных случаях. Но сейчас для этого есть серьезный повод: судьба нашей Вселенной. Нам хотят помочь мудрым советом. Судите сами: каждый из нас теперь имеет серьезные соображения о возможности спасти мир. Из Гималаев мы вернулись с богатейшими знаниями. Лично я считаю, что усвоил там гораздо больше информации, чем за всю свою жизнь! Это не преувеличение: я даже попытался сделать соответ-

ствующие подсчеты. Не сомневаюсь, что мы прошли первые сеансы космопедии. О себе могу сказать одно: я испытываю чувство глубокой признательности к педагогам из другой Вселенной. Меня поразили их тонкий такт. А как мастерски они умеют передавать свои знания! Ученику в этом процессе отводится активнейшая роль,— по сути дела он до всего добирается сам, без подсказки. Пока я не знаком со своими мудрыми наставниками. Но я уже полюбил их,— как своих школьных учителей: мне повезло, они были искусными мастерами своего дела.

— Все же Юре нельзя отказать в артистизме! — восхищенно сказал Лева Гинский. — Он так входит в роль, что сливается с нею. Вот и сейчас Юра блистательно вжился в образ ученика, проходящего обучение в другой Вселенной. Поэтому так достоверно все то, о чем он с увлечением говорил нам. Но я не обижу друга, если скажу, что это чисто художественная достоверность! Юра умеет сопереживать — и поэтому легко входит в любую систему отсчета. Вот и сейчас Юра принял точку зрения космических учителей,— и талантливо промоделировал стратегию их действий. Это доставило мне глубочайшее эстетическое удовольствие! — будто я посмотрел мудрый спектакль, который многому научил меня. Поэтому позиция Юры самодостаточна,— хотя в своем существе она может быть неприемлемой для меня.

У меня сложилось свое понимание гималайских событий. Я глубоко убежден, что мы побывали именно в легендарной Шамбале! Только этому мифическому понятию я придаю не пространственный, а временной смысл: в некоторых преданиях Шамбалой называется не ныне существующее место, а страна будущего. Побывавшие в Шамбале

соприкасались с завтрашним днем,— поэтому она так ошеломляюще действовала на странников.

В моей гипотезе допускается нарушение причинности: будущее здесь влияет на настоящее,— тогда как обычно такое воздействие совершается через прошлое.

Но почему мы отводим будущему столь пассивную роль? Здесь явное неравноправие, асимметрия. Я не знаю ни одной естественнонаучной или гуманитарной теории, в которой бы учитывались возможные влияния со стороны будущего. Оно как бы отсутствует для науки,— считается чем-то нереальным, иллюзорным.

Однако я глубоко убежден, что это не так! Я разработал новую логическую теорию времени, где между настоящим и будущим имеется обратная связь. Да, я уверен, что будущее можно исследовать физически,— вплоть до засылки в него исследовательских зондов.

Мы считаем, что время течет равномерно. Однако это пережиток ньютоновской концепции. Вполне возможны локальные убыстрения и замедления хода времени. Какие последствия могут вызвать эти эффекты? Это я и пытаюсь исследовать в своей модели времени. Предположим, что на Земле имеется область, где ход времени ускорен. Оказавшись в этой области, люди будут быстрее двигаться к будущему, чем мы. Это опережение может быть настолько значительным, что кто-то раньше нас переживет события, которые нам кажутся очень удаленными. Он даже может стать свидетелем будущих трансвселенских контактов!

Неоднородность в ходе времени очень вероятна. Вот почему Шамбала мне кажется своего рода исследовательской станцией, засланной в будущее! — оттуда в настоящее передается та инфор-

мация, которая может оптимизировать естественное развитие событий.

Вы скажете, что это чистой воды поэзия. Пусть так! Но я все же верю в такую возможность: лучшие люди уходят в будущее для того, чтобы с предельным тактом направлять эволюцию планеты. С этой целью используется природное явление: локально ускоренный ход времени. Этот феномен и был когда-то открыт землянами в гималайской долине. Я убежден, что прямо и непосредственно действовать из будущего нельзя. Такое воздействие нарушило бы свободу воли,— а это самый незыблемый закон Вселенной. Как же влияют на нас переселенцы в будущее? Строго говоря, они вообще никак не влияют. Их метод прост: помочь человеку заглянуть в завтрашний день. Это мы можем делать и сами, без всякой помощи,— для этого нам отпущен прекрасный дар предвиденья. Так что наши братья из будущего не используют для своих целей каких-либо принципиально новых средств. Они лишь усиливают те каналы, которыми мы постоянно пользуемся: вот почему предвидение будущего в Шамбале переходит в живое виденье будущего! Ведь Шамбала и есть будущее. Но для того чтобы попасть туда, еще недостаточно оказаться в области с ускоренным временем: необходима внутренняя настроенность, готовность к восприятию будущего. У нас это было — и потому мы достигли цели.

Кем же построена чудесная ротонда? Такими же людьми как мы,— но только находящимися в будущем. Они — форпост человечества, они — избранники ноосферы. Знание будущего, пусть даже приближенное и неполное, накладывает на человека особую ответственность,— поэтому этические требования к нему являются максимально высо-

кими. Ведение будущего должно быть направлено во благо человечества. Ведь само человечество и готовит это будущее! — вот почему Шамбала зависит от нас, определяется нами.

Да, здесь возникает сложное информационное кольцо; сигналы по нему циркулируют как от настоящего к будущему, так и от будущего к настоящему. Структура этого кольца нам покажется парадоксальной. Но мы наверняка сумеем понять активную природу будущего! И тогда будем охранять его от всего темного: ложь, зависть, ограниченность — все это должно быть изжито сегодня, в нашем настоящем.

Как мы строим свое поведение? На основе имеющегося у нас образа будущего. Это идеальный образ: он существует лишь в сознании. И тем не менее это настоящий маяк для нас! У каждого есть своя маленькая Шамбала: в ней сосредоточены наши идеалы, наши модели будущего.

Почему не предположить, что подобная Шамбала имеется и у ноосферы? Только благодаря локальному ускорению времени она уже стала реальностью: то есть существует объективно, а не как идеальный образ. Конечно, строительство этой Шамбалы никогда не будет закончено! Она есть процесс: вечный, незамирающий. Ведь время не останавливается. Поэтому в образ будущего мы постоянно вносим поправки. Наша связь с ним является воистину творческой. Тут можно говорить о своеобразном сотрудничестве или соавторстве времен.

В Шамбале ждут посланцев настоящего, Специально для их приема предназначена изумительная долина. Ротонда тоже построена для пришельцев. В ней установлен эгоскоп: прибор будущего, предназначенный для самопознания. Это сложней-

шая система! — с ее помощью могут осуществляться самые разнообразные связи.

Жители Шамбалы так далеко продвинулись в будущее, что у них уже практикуются контакты с другими Вселенными. С помощью эгоскопа и мы были подключены к этим необычным информационным каналам. Да, мы воочию видели другие Вселенные! — но посредниками в контакте были земляне: наши соплемяне, живущие в будущем.

Я не исключаю и такой парадоксальной возможности, что это были мы сами, но вышедшие на иной уровень Бытия.

Там одолена разрозненность времен,— и все они предстают в цельной полноте.

Там сонмы вселенных образуют единый гармонический сверхорганизм.

Там интуиция в одном акте познания может объять всю Беспредельность.

Вот мое объяснение нашего гималайского опыта. Помощь к нам придет из будущего. Но это будущее мы творим сами.

Лева кончил. Теперь осталось высказаться мне. Но я честно признался, что не имею развернутой теории. У меня было множество догадок, но они еще не укладывались в связную концепцию. Поэтому на вопрос друзей, что же я думаю о гималайских событиях, мне пришлось ответить просто и точно: — Не знаю.

А далее я развернул небольшой комментарий к этому краткому ответу. Мне хотелось понять, какую роль играет незнание в духовной культуре. Мы широко пользуемся диадой «незнание — знание»: первое у нас идет со знаком минус, а второе со знаком плюс. Отсюда — контрастность: одно резко противопоставляется другому.

Но всегда ли незнание отрицательно? Подумай-

те: если бы варвары знали об атомной энергии, то это могло бы привести к трагедии. Незнание часто выполняет защитную функцию. Представьте себе, что человек неолита увидит космосом! Это будет для него сильнейшим стрессом. Поэтому незнание будущего в данном случае воистину благотворительно.

Человек часто не подозревает о своем незнании. Это является основой для самоуверенности,— а в конечном итоге приводит к догме, к абсолютизации достигнутого. Но мудрее тот, кому ведомо его незнание! Правда, это нелегкая участь: жить, сознавая свое незнание. Зато такой человек будет стремиться к знанию,— и его жизнь обретет творческий смысл. Так незнание превращается в стимул для духовного развития!

Есть еще один положительный аспект у незнания: оно учит скромности. Слишком часто человек объявлял картину мира законченной. И всегда вынужден был расширять ее!

Сейчас область непознанного связывается в нашем сознании с понятием сингулярности. Что там, за этой чертой? — мы не знаем этого. Но хотим знать. Хорошо, что есть сингулярность. Она внушает нам чувство неизвестного.

Очень ценное чувство! Ведь в незнании есть своя эстетическая ценность. Это — бесспорно.

Ощущая дефицит информации, мы восполняем его работой воображения,— так незнание включает мощные творческие механизмы. Поэтому я говорю: есть не только красота знания — есть еще и красота незнания. Благоговейно замирай над тайнами Бытия, мы ощущаем перед собой бесконечный путь.

Незнание — эвристично. Поэтому слава ему!
Я не знаю, что с нами произошло в Гималаях.

После экспедиции многое изменилось во мне. Я отчетливо ощутил, что мои гуманитарные склонности взяли верх над интересом к физике и геометрии. Никогда я так глубоко не задумывался над тайнами нашего внутреннего мира. Что такое мечта? Что такое воображение? Что такое творчество? Сейчас эти вопросы вышли для меня на первый план. Недавно я резко осознал: как мало мы знаем человека! А ведь в нем находятся ключи ко всем тайнам мира.

В последнее время я начал писать стихи. Мне кажется, что именно поэзия приближает нас к самому сокровенному. Для поэтической интуиции открыта вся Беспредельность. Вот почему наитью я стал доверять больше, чем формуле: в свете поэтического озарения познаются самые заповедные грани Бытия.

Стихи я пишу в любимом с детства лесу — это обыкновенный осинник: его шумы и шелесты многое подсказывают мне. Есть в моем лесу родник с кристально чистой водой,— он похож на гималайский источник, но только поменьше его. Однако тоже обнесен бревенчатым срубом! Предание говорит, что над родником когда-то стояла часовня,— ее витающий образ я иногда вижу в закатном свете.

Представьте себе такую картину: среди папоротника-орляка лежит сиреневое зеркало,— в него смотрят первые звезды, серебряный месяц. Так мой родник выглядит при вечерних сумерках. В этот час он особенно прекрасен и поэтичен. Хотя глубина родника не больше метра, но он явственно кажется мне бездонным. Я наклоняюсь над ним... ..и снова гляжу в хрустальную линзу. Я вижу черное ночное пространство,— в нем плавают матовые улитки галактик. Где я? Это явно

другая Вселенная. Она — безлюдна. Я это чувствую каким-то инстинктом,— будто попал в некий биологический вакуум. Чего-то не хватает: наверно, того фона, который создается жизнью. Обычно мы его не замечаем,— так привыкли к нему. Но в этой Вселенной жизни нет,— и я сразу ощутил холодную мертвую пустоту.

Но что такое? — вдруг случайный квант участия и тепла коснулся моего сердца. Я напряг интуицию: одна из галактик едва заметно излучала в биологическом спектре. Значит, среди миллионов звездных островов один стал колыбелью жизни! Только один. И все же этот мир показался мне не таким холодным, как вначале.

Я направил свой эйдолет к этой галактике. Ее спираль была великолепна! — какая экспрессия в молодых разворотах, какая сила. Галактика раскручивалась словно праща,— будто хотела метнуть мне навстречу «летающую тарелку». Но это ощущение оказалось ошибочным: я уже довольно глубоко вошел внутрь галактики,— однако нигде не находил признаков разумной деятельности.

Тем не менее биологическое излучение становилось все более сильным. Моя цель приближалась: это была желтая звездочка с девятью планетами, вращавшимися вокруг нее по эллиптическим орбитам. Неизъяснимое внутреннее чувство вело меня к третьей планете,— я уже понял, что это она излучает в ночь биоволны. Маленький маячок жизни! — один-единственный на тридцать шесть миллиардов световых лет.

Приближаясь к планете, я ощутил нечто необычное; планета словно находилась в незримой скорлупе, сделанной из магнитных полей. Это было явно искусственное образование! И авторство здесь могло принадлежать только сильно продви-

нутой ноосфере. Но почему я не замечаю вокруг себя иных ее проявлений?

Я пристально изучил структуру магнитной оболочки. Воистину, это произведение великого мастера! Подобно жемчужине, планета была погружена внутрь невидимой раковины,— ее геометрия поражала своей красотой и целесообразностью.

Была ли эта магнитная раковина произведением обитателей планеты? У меня возникли серьезные сомнения на этот счет. Я решил просканировать окружающее пространство,— словно хотел поймать чей-то голос, уловить какую-то информацию. Интуиция не обманула меня и здесь: на 13,7 частоте вита-спектра звучала автоматически передаваемая запись. Передатчики были установлены на естественном спутнике планеты,— в кратерах древних вулканов: запеленговать источники сигналов не стоило никакого труда.

Декодировав запись, я был потрясен ее содержанием. Передаю его лишь тезисно: «Мы — дельфы.

Нашу Вселенную ждет небытие,— надвигается гравитационный коллапс. В этот трудный час мы решили посеять семена жизни в другом пространстве-времени. Если наши транс-клетки взойдут на этой планете, то просим быть бережными к молодой биосфере. Старайтесь избегать вмешательства в ее развитие. Пусть планета породит независимую мысль, свободную от каких-либо внешних влияний и коррекций.

Когда на планете появятся люди, то посмотрите в их ясные и добрые глаза: тогда вы увидите нас, дельфов. Мы ушли,— но оставили память о себе на всех просторах Бытия».

Мое сердце сильно-сильно застучало. Почему

мы никогда не подумали о том, что разум может быть сеятелем жизни? Это лучший подвиг для мыслящего существа. Сколько мужества и достоинства в простом обращении дельфов! Бесспорно, это были великие люди, И гениальные.

Их не испугала черная бездна сингулярности. Они смело бросили в нее зерна жизни,— и не ошиблись: добрый посев уже взошел на маленькой синей планете. У меня сразу возникло к ней подобие отцовского чувства: будто я сам был дельфом, который чудом пережил катастрофу,— и вот теперь со слезами на глазах любуется своим детищем.

Обитателями планеты были очень близкие нам существа. Знали ли они о своих космических корнях? По всей вероятности, нет. Большинство из них полагало, что человечество планеты — единственное во Вселенной. Безошибочная интуиция! Однако никто из людей не решился мысленно проникнуть за черту сингулярности. Верно, они и свою Вселенную считали единственной,— поэтому чувство космического одиночества стало для них привычным. Даже мой эйдолет они приняли за шаровую молнию! Никаких других гипотез не было.

Неужели космическое сознание еще не забрезжило на этой планете? Я тщательно изучал ее библиотеки,— мне все же хотелось найти труды, где человечество задумывалось о своей космической родословной. Попадалось немало книг, посвященных космосу,— они содержали в себе гениальные предвосхищения. Однако я не находил главного...

Планета полюбила меня. Особенно часто я посещал ее северные широты. Мне нравились цепи синих озер, уводивших взгляд в бесконечность. А эта вселенская музыка огромных сосен!

Всю жизнь слушал бы их. И бродил бы до смертного часа по этим скалам, чья причудливость наводит на самые неожиданные ассоциации.

Иногда я вливался в потоки людей на улицах северных городов. Однажды мое внимание привлек странный разговор,— невысокий мужчина с проседью в черных раскидистых волосах убеждал рослого бородача:

— Разум может управлять эволюцией! Я считаю, что в этом и заключается его миссия: сеять жизнь на планетах и дарить им ноосферы.

Эти слова глубоко поразили меня. Я предчувствовал: именно на фоне северной природы должно пробуждаться космическое сознание,— и эта моя интуиция оказалась верной. Я продолжал вслушиваться в разговор,— теперь говорил бородач, похожий на маститого философа:

— Твой антропокосмизм прекрасен! Но у меня к нему есть два принципиальных добавления: во-первых, разум может приобретать не только антропоморфные формы; во-вторых, деятельность разума не должна ограничиваться одной Вселенной. Вселенным несть числа! И виды жизни в них весьма разнообразны. Моя позиция все-таки тяготеет к плюрализму...

По всей вероятности, два мыслителя продолжали свой давний спор. Но я не видел между ними противоречия! И был уверен: они придут к синтезу,— ибо раскрывают разные аспекты одной истины.

Я был в таком восторге от этого разговора, что решил устроить маленький праздник. Ночью над городом вспыхнули небывалые сполохи,— это я исполнил в ионосфере свой светомузыкальный этюд «Вечный человек». Наверно, не стоило этого делать, ибо я вверг в большое смущение ученых

планеты. Но зато многие люди по-новому задумались о величии космоса.

Мне очень хотелось узнать имя седеющего юноши, который говорил о вселенской миссии разума. Ведь он был так близок к открытию своих космических корней! Однажды нашелся удобный повод для знакомства. Нас представили: — Ник Орос. — Так назвал себя этот очень скромный и доброжелательный человек.

Глядя в его голубые глаза, я вдруг вспомнил о просьбе дельфов, — и повторил ее вслух: «Когда на планете появятся люди, то посмотрите в их ясные и добрые глаза: тогда вы увидите нас, дельфов».

Ник Орос вздрогнул: — Откуда вы знаете о дельфах?

Я ответил полушутливо: — Можно подумать, что и вы о них знаете.

Ник Орос сказал утвердительно: — Если не знаю, то догадываюсь.

Он пригласил меня в свою скромную квартиру, — ее стены были увешаны снимками тех явлений в атмосфере, которые вызвал мой эйдолет. На отдельной книжной полке стояло около сотни общих тетрадей. Я спросил Ника: — Это что, ваши студенческие конспекты?

— Нет, — ответил Ник. — Здесь я излагаю свою гипотезу о дельфах, наших космических предшественниках.

— Можно полистать?

— Пожалуйста.

Вчитываясь в записи Ника Ороса, я все больше поражался: сколько интересных прозрений! Многое тут будет интересно и для нашей Вселенной. Я решил еще раз вернуться на планету, чтобы подробнее ознакомиться с теорией Ника. Но поче-

му-то мне никак не удастся снова найти вход в его Вселенную. Много раз я сосредоточивался над своим родником, — однако всегда попадал в другие параллельные пространства. Ведь их бесконечно много! Но сердцем верю: я еще увижу полюбившуюся мне синюю планету.

Это очень важная задача, — иметь устойчивый контакт с другими мирами. Для этого мы должны еще много поработать над собой. Но кое-какой опыт повторной связи у меня уже есть. В течение последнего месяца я регулярно выходил в одну из параллельных метagalactic. Она уникальна во всех отношениях.

Разумные существа в этой Вселенной проходят 27 стадий метаморфоза. Причем стадии протекают на разных планетах. И даже в разных галактиках! Так что вся Вселенная стала одной гигантской биосферой, пронизанной сложнейшими экологическими отношениями. Только на седьмой стадии у существ возникает сознание. На десятой стадии они уже достигают такого уровня, что могут контролировать метаморфоз, — существа высшей стадии следят за экологическим равновесием планет, к которым приурочено прохождение низших стадий. Из этой цепи нельзя изъять ни одного звена!

Таким образом, жизнь в этой метagalactic представлена одним видом, но он распадается на 27 ступеней: каждая из них отличается морфологическим своеобразием. Даже представители двух соседних ступеней внешне не похожи друг на друга! Однако у них общая наследственность, — это суть фазы развития одного вида.

Завершив прохождение той или иной стадии, существо не умирает, а как бы окукливается. Вскоре эта куколка оказывается пустой: создавая вокруг себя флуктуации пространства, существо

переносится на другую планету, где в иных экологических условиях продолжает свое развитие.

Структурно это очень похоже на метаморфоз наших бабочек! Представьте себе, что гусеницы махаонов развиваются на Венере, а к маю вылупляются на Земле. Нечто аналогичное происходит в удивительной Вселенной, но там последовательность форм является несравненно более сложной.

Во Вселенной развита многогранная система педагогики,— ведь обучение здесь неизбежно становится иерархическим: представители высшей стадии обучают своих младших братьев,— и одновременно сами являются учениками. Таким образом, каждое существо многократно оказывается в положении и ученика, и учителя! Благодаря этому его мировосприятие обретает особую широту и пластичность.

На конечных стадиях метаморфоза существа достигают столь высокого уровня, что я просто не в силах его оценить: в нашей Вселенной нет для этого мер и критериев. В конце двадцать седьмой фазы существа не умирают! — неисповедимым образом они покидают свою Вселенную.

Я ничего не знаю о их дальнейшей судьбе. Но только чувствую, что она беспредельна.

Быть может, теперь их метаморфоз протекает на уровне целых вселенных: от метagalактики к метagalактике.

Быть может, они переходят на такие надвселенские ступени реальности, о которых мы не имеем никакого представления.

Быть может, где-то в других пространствах они начинают свой цикл сначала, совершенствуя его структуру.

Бесспорно одно: жизнь способна выплеснуться за черту сингулярности! А эта возможность имеет

особую ценность для нашей Вселенной. Я теперь все чаще думаю о том, что она часть большого целого. А это целое является в свою очередь элементом для еще более сложных систем! И нет конца у этой великой иерархии.

Вот я опять наклоняюсь над своим ключевым родником. В его черное зеркало сейчас глядит созвездье Цефея. Я поворачиваю невидимую хрустальную линзу,— и оказываюсь в окрестностях Альдерамина. Я все пристальней вглядываюсь в родник,— на его дне явственно проступает образ галактики. Сколько парсеков до нее? Кажется, два миллиарда. Но этого мне мало, мало!

Я еще больше напрягаю внутреннее зрение,— теперь в фокусе эгоскопа сверкают квазары. А что за ними, что? Я даю предельное увеличение — и вижу нечто непроницаемое: одновременно ослепительно яркое и абсолютно черное.

Да, здесь становятся относительными все понятия: ведь передо мной сама сингулярность!

Неужели я буду отброшен назад?

Неужели потерплю величайшее поражение?

Нет, нет!

Я напрягаю все свои духовные силы,— и вдруг чувствую: у меня за спиной вырастают крылья!

Они — невидимы. Но у них такой размах, что здесь им не развернуться: Вселенная мала для прекрасных крыльев.

Я хочу сложить их. Но нет, не выходит: они расправляются сами, сами! Удар — и скорлупа разбита. Синий свет поет вокруг меня. Я — лечу.

Лечу через мириады вселенных!

Лечу через все времена — прошлые и будущие.

Лечу к неисчислимым братьям.

Мысль в полете: это прекрасно.

1979